

Павел Дмитриев
АНИЗОТРОПНОЕ ШОССЕ

Книга третья
СКРЕПЫ НОВОГО МИРА

МОСКВА

2020

«... – Что это? – без особого интереса спросила Анка.
– Автомобильный знак, – сказал Пашка. – Въезд
запрещён.

– «Кирпич», – пояснил Антон.

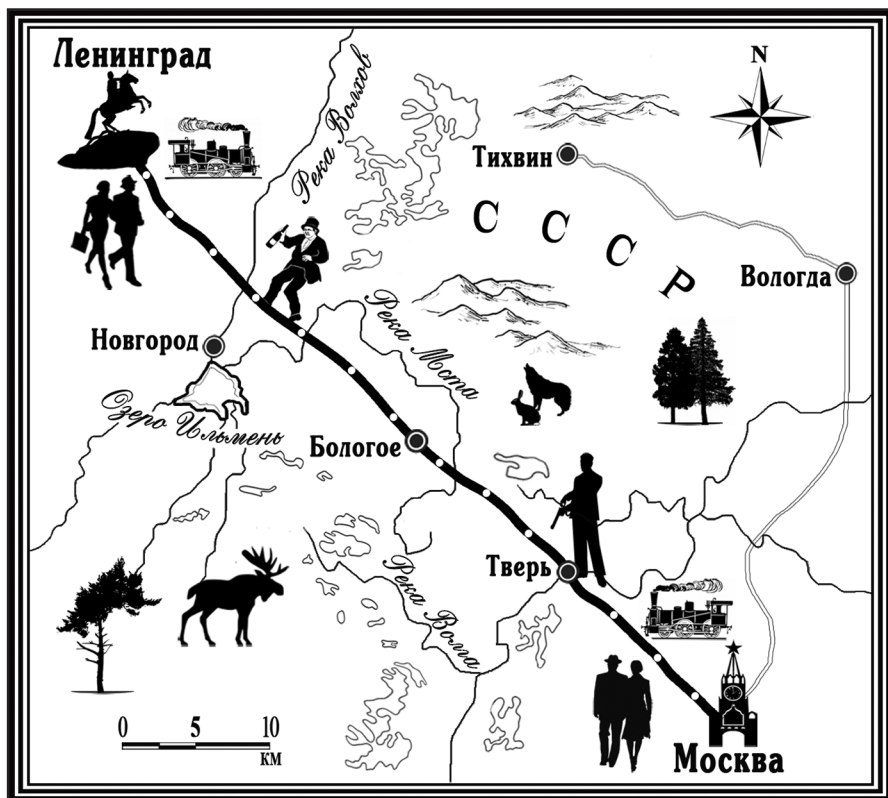
– А зачем он? – спросила Анка.

– Значит, вон туда ехать нельзя, – сказал Пашка.

– А зачем тогда дорога?..».

(с) «Трудно быть богом».

Братья Стругацкие. 1963 год.

1. ЧЁРНЫЕ КОРАБЛИ

**Москва – Ленинград. Февраль 1931 года
Восьмой месяц с рождения Нового мира**

Мы поднимаемся по чёрной лестнице – парадное не про нас.

Перила марают рукавицу застарелой ржой, в потёмках я этого не вижу, но знаю точно: буржуйки освобождённого пролетариата сожрали деревянные поручни ещё в девятнадцатом.

Пятый...

Осталось два.

– Осторожнее! – заранее предупреждаю я Сашу.

– Помню, – задорно смеётся в ответ она.

Окна на шестом этаже нет, неделю назад пьяный в хлам идиот с разбега вынес раму вон.

Теперь в щербатом проёме среди серебряного тумана звёзд плавает Луна. Её ленивый свет неторопливо гаснет во тьме колодца мрачных стен.

Воздух мёртв – голуби и вороны покинули голодную Москву.

Ругнувшись, я сплюнул вниз, в далёкую смердящую кучу вываренных лошадиных рёбер, селёдочных хвостов и картофельной шелухи. Негодяи, проживающие поблизости от звёзд, теперь выворачивают мусор прямо сюда.

– Пойдём скорее, – торопит меня девушка. – Дверь, верно, опять примёрзла, мне одной не отворить.

– А в Берхтесгадене сейчас скийорингом балуются, – не впопад отзываюсь я. – Самый сезон.

Дверь в квартиру и правда не поддаётся, влажный тёплый воздух человеческого жилья нарастил на ней тяжёлую шубу из белых ледяных иголок. Но я – сильнее.

– Посвети... – мог бы не торопить – Саша уже зажгла трепетный огонёк стеаринового огарка.

В его неровном свет мы продираемся к своей двери через заваленный соседским хламом коридорчик. Обидно: электричество в доме есть, но вкручивать исправную лампочку бесполезно – всенепременно сопрут и пропыют.

И ладно бы только это!

Недоглядишь – инспектор с электростанции, увидев пустой, не оклеенный бумажкой с печатью патрон, впаяет немалый штраф.

Логика советская: обязанность платить по счётчику – сама по себе; категорический запрет подключать мощные устройства типа утюгов и плиток – сам по себе.

Меня, как электрика, потуги контролёров смешат, но куда население боится «тёмных сил электричества» – они с грехом пополам действуют.

Комната за двумя замками. *Noblesse oblige*[1] – по местным меркам мы богачи.

Ключи: три поворота на одном, два – на другом. Ещё один поворот, но уже бакелитовой крутилки выключателя – и в глаза бьёт «ослепительный свет» двадцатипятиваттной лампочки.

Мы наконец-то дома!

Осталось только скинуть и засунуть в специальную коробку смердящие конским навозом калоши.

Дом...

Странное название для десятиметровой клетушки без всяких удобств, пусть даже она расположена в самом центре столицы СССР.

Странное время – февраль 1931 года...

Неформального лидера ВКП(б) называют странной фамилией – Сырцов.

Странные зарплаты – за первую неделю текущего месяца я получил на «Электрозаводе» чуть более десяти тысяч рублей ассигнациями.

Странные цены – залитые сургучом поллитровки

[1] Французский фразеологизм, буквально означающий «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл – «честь обязывает» или «положение обязывает».

«рыковки» изредка «выкидывают» в госмагазинах по тысяче.

Газеты трубят про странную опасность энтризма[2], поливают площадной бранью странный французский «Народный фронт»[3], как будто более опасных врагов у социализма не нашлось...

Хотя, о чём я?

Для двух миллиардов жителей планеты Земля история течёт своими неспешным чередом.

Странным всё перечисленное кажется одному лишь мне – Алексею Коршунову, обычному студенту, родившемуся двадцать пять лет назад в Екатеринбурге.

Один важный нюанс: не в том городе, что остался в счастливом имперском прошлом, а наоборот – в том, что когда-нибудь случится в будущем.

Кто виноват?

Выбор широк: дурацкая шутка провидения; игра непостижимых сил природы; демоническая магия; вмешательство высшей технологии...

Обычный вечер энергичного 21-го века, обычная прогулка, обычный подъезд обычного дома...

Секундная потеря сознания и...

И вот вместо сияющего огнями Петербурга 2014-го года вокруг меня неласковый Ленинград 1926-го.

Четыре года я кутёнком барахтался в Старом мире.

Не сучал, напротив – приключения вышли на зависть режиссёрам Болливуда[4]. Отсидка в камере «Шпалерки», побег с Соловков в Финляндию через карельские болота, добы-

[2] Энтризм – тактический приём, при котором политическая организация призывает своих членов вступить в другую, обычно большую организацию с целью распространения своего влияния, идей и программы.

[3] «Народный фронт» – коалиция левых политических партий (ФКП, СФИО и Партии республиканцев, радикалов и радикал-социалистов). В реальной истории образован в 1933 году, находился у власти во Франции с 1936 по 1937 год.

[4] Синоним киноиндустрии индийского города Мумбаи (бывший Бомбей), названной так по аналогии с Голливудом (Hollywood) в Калифорнии (США).

ча сокровищ Коминтерна из недр банковской ячейки франкфуртского банка, шальные дни и ночи с Мартой, авантюрная турпоездка из Берлина в Ленинград за оставленным в тайнике смартфоном, безнадёжные уговоры изгнанного из СССР Троцкого на правый поворот, медвежья игра на бирже.

Говоря проще, есть про что диктовать мемуар...

Четыре долгих года под чудовищным грузом ответственности за десятки миллионов до срока оборванных жизней. Голодомор, Великий террор, Отечественная война – не простые слова. Именно за ними история Старого мира прячет непостижимые, абсолютно запредельные гекатомбы.

У них нет права на существование – у меня нет права выбора.

Нельзя спрятаться, нельзя отойти в сторону, нельзя наблюдать – только действовать.

Четыре бесконечных года ушло на понимание старой как пятый элемент истины: хочешь сделать хорошо – сделай сам.

Своим умом.

Своими руками.

Своей жизнью...

Два фунта лучшего в мире британского тротила, добрая пригоршня пилёных гвоздей, детонатор – и результат неоспорим. Товарищ Сталин лежит в Мавзолее, Киров закопан под газоном у кремлёвской стены, Молотов – безуспешно пытается вернуть здоровье на баден-баденских водах[5].

А люди...

Они по-прежнему работают, пьют «горькую», радуются, любят и ненавидят друг друга. Никто из них не подозревает, что Старый мир стёрт из реальности.

А я верю – новый будет лучше...

Пока я думал о великом, Саша успела скинуть цигейку. Поёжилась.

– Бр-р-р! Опять холодрыга!

– Так я ж с утра тебя предупреждал! – короткодохнул в сторону. – Видишь? Пары ещё нет! Так что – не жмись!

– А мне всё равно холодно! – топнула ножкой девушка.

[5] Об этих событиях написано в книге автора «Зло побеждает зло».

Скользнула ко мне под расстёгнутое пальто, зарылась лицом в колючую шерсть свитера, но тут же передумала, потянулась на цыпочках своими губами к моим.

Напрасная игра, я знаю приём получше: подхватить любимую на руки, плотно прижать к груди так, чтобы каждой клеточкой тела слышать стук её сердца, закружить, захватив жаркое дыхание, и только потом слиться в беспомощности поцелуя.

Чудесное мгновение тянулось, тянулось, тянулось...

Пока разум не взял верх над страстью.

Встреченная мной в окрестностях города Глухова дочь профессора-археолога Бенешевича и внучка профессора-филолога Зелинского питает нездоровую слабость ко всему чистому. Чистым чувствам, конечно, в первую очередь. Но ещё – простыням, белью, рубашкам, волосам и шеям. Ей бы жить в благословенном двадцать первом веке, где после трёх проведённых на катке часов так легко закинуть шмотки в «стиралку» и залезть под душ.

Увы, здесь вам – не там...

Простым поворотом крана горячую воду не добыть. Хорошо, хоть холодная есть, и то лишь потому, что за стенкой – бывшая кухня, теперь разделённая на три условно жилых комнатусечки. Проживающие там граждане и слышать ничего не хотят про собственные рукомойники, мне пришлось тайно выпилить кусок паркета, чтобы без их ведома врезаться в стояки воды и канализации. Жаль, но с туалетом такая афера не прошла, он, к сожалению, тут один и с противоположной стороны общего коридора.

Весело у нас и с отоплением...

В теории – дом имеет собственную котельную[6]. На практике – она едва удерживает батареи от замерзания. Спасибо за это надо сказать родному жилкому[7].

Осенью, в разгар первого кризиса снабжения, они вместо дров – или всем знакомого подмосковного бурого угля – купили ворованный кокс.

[6] Основная масса жилых домов города имела печное отопление, но большие дома уже имели свои котельные. Центральное отопление от ТЭЦ только начали внедрять – как раз с 1931 года.

[7] Жилком – жилищный комитет. В данном случае – орган самоуправления многоквартирного дома.

Идея в высшей степени здравая: уж лучше иметь нестандартное топливо, чем никакого, но...

Однако проинструктировать истопников никто из ответственных домоуправителей не удосужился. Результат не заставил себя долго ждать: от чрезмерной температуры котёл – или что там было вместо него – буквально стёк вниз, заузив топку до смешного размера. Теперь окна топорщатся трубами персональных буржжук.

Радости данный факт не вызывает – цена дров, истраченных по первому морозу, повергла меня в ступор. В воздух – и надо заметить, что совершенно буквально – враз вылетела недельная получка квалифицированного специалиста. Хотя надо признать – с деньгами тут вообще всё сложно...

Безрассудно энергичную, но абсолютно беспомощную по части экономической науки Яковлеву, невесть каким ветром занесённую прошлой зимой в Наркомфины РСФСР, сырцовско-рыковское Политбюро оперативно задвинуло обратно, в вечные замы-по-административной-работе. В своё собственное, насиженное аж с двадцать четвёртого года кресло вернулся товарищ Милютин – профессиональный дореволюционный большевик, участник штурма Зимнего, верный соратник предсовмина Рыкова. По официальной биографии – сын крестьянина-рыбака и кулацкой дочери, а по факту – новый-старый нарком финансов прекрасно говорит и по-французски, и по-немецки, не сильно скрывая своего родства с древним графским родом.

При всемерной поддержке союзного коллеги Брюханова сей двуличный господин не замедлил «провернуть фарш назад», благо, что официально НЭП в СССР отменить не успели[8].

Логике финансистов понять не трудно. Совсем недавно, ещё буквально вчера, пролетариат не голодал, нивы колосились, гиганты индустрии послушно вздымали к небу стены и

[8] В реальной истории основная часть финансовой и налоговой реформы пришлась на сентябрь 1930 года, в альтернативной версии мира этого, разумеется, не произошло. Сам по себе НЭП был юридически прекращён в реальной истории только 11 октября 1931 года (постановление о полном запрете частной торговли в СССР).

трубы. Всего-то претензий да желаний было – назло буржуям ускорить процесс. Не вышло – что ж, не повод унывать...

Под старым лозунгом «эмиссия – опиум для народного хозяйства» большевики вернули коммерческий кредит и вексельное обращение.

В рамках борьбы с «головокружением от успехов» обнулили дополнительный «антикулацкий» налог, срезали план обязательных госпоставок и разрешили торговлю продуктами на рынках[9]. В попытке удержать курс закупили за границей серебро и нашлёпали новеньких монет[10]. Довели до разумных величин процент подоходного грабежа частных. И уж совсем невесть зачем разукрупнили главки обратно в хозрасчётные тресты[11].

«Ложечки нашлись, но осадочек остался»[12]: доведённые до полного разорения НЭПачи и крестьяне возвращаться на рынки, в лавки и мастерские не спешили. Тем более что о компенсации понесённых убытков и возврате разворованного гэпэушниками имущества никто из партийных сановников не побеспокоился.

В результате даже самое простое и жизненно необходимое – то есть продовольственное – снабжение городов[13] налаживаться «само по себе» не пожелало.

Впрочем, до продотрядов – как в девятнадцатом – дело

[9] В реальной истории свободная торговля основными продуктами на рынках была вновь разрешена только в мае 1932 года (старт краткого периода, иногда называемого «неоНЭП»).

[10] В реальной истории Наркомфин СССР Брюханов 18 июля 1930 года выходил на СНК с требованием 4 миллионов золотых рублей на покупку импортного серебра. Тогда, под давлением Сталина, Политбюро сделало выбор в пользу репрессивных мер – усиления борьбы со спекуляцией серебряными монетами.

[11] Интересно, что это произошло и в реальной истории, но только в 1931-1932 годах.

[12] Фраза из анекдота про пропажу у одного из евреев серебряных ложек после визита к нему другого еврея.

[13] Роль частного торговца в снабжении населения в те годы была огромна: из 551,6 тыс. предприятий розничной торговли, работавших в 1927 г., на долю частного приходилось 410,7 тыс. – около 75 %.

не дошло. Рекордный урожай зерна[14] позволил увеличить рабочие пайки, до нового года поговаривали даже об отмене карточек, и отменили бы, верно, да побоялись, что дешёвый хлеб сразу пойдёт на прокорм скота. Так что НЭПачам-спекулянтам приходится отрываться на «роскоши»: дровах, мясе, яйцах, самогоне...

Цены беспощадны, но горожане не ропщут.

Благодаря газетам и радио, каждый знает наверняка: просочившиеся на ключевые руководящие посты троцкисты решили бросить молодую Советскую республику в «глад и хлад» новой войны. Не просто так – для захвата власти через дискредитацию настоящих большевиков. Сложная задача, однако злодеи измыслили хитроумную комбинацию: под прикрытием левацких лозунгов растратить все ресурсы народного хозяйства на вредительский план сверхфорсированной коллективизации и индустриализации. Осталось совсем чуть-чуть...

Но тут товарищ Сталин – самый великий вождь пролетариата! – распознал суть нависшей над страной угрозы. За что и был убит, прямо перед обличительным выступлением с трибуны съезда.

Страшная утрата должна была сломить волю партии, но коварные враги просчитались.

Чекисты недрогнувшей рукой вскрыли заговор предателей коммунизма, напряглись и с помощью трудящихся масс таки вырвали наполненное ядом жало из гидры мирового троцкизма. То есть – вычистили из рядов ВКП(б) двести тысяч пособников и соглашателей[15].

Теперь же – и в этом нет ни малейших сомнений! – коммунисты под мудрым руководством ЦК уверенно ведут народ к победе. Надо только чуть-чуть потерпеть.

Хотя бы до весны. Хорошо, что никто не догадывается спросить: «А до какой именно?».

[14] Урожай 1930 года и правда был рекордным – по годам, в млн. тонн: 1928 – 72,3; 1929 – 71,7; 1930 – 83,5; 1931 – 69,5; 1932 – 50,1.

[15] В реальной истории имел место обратный процесс: в 1929-1931 годах из рядов ВКП(б) исключили около 250 тыс. человек, значительную часть – за принадлежность к «правому уклону».

Чуда не случилось, инфляцию в новой версии мира большевикам удержать не удалось.

Годом бы раньше...

Тогда, осенью двадцать девятого, имелись все шансы восстановить доверие к ассигнациям: залить рынок серебром по твёрдому курсу, пустить по миру спекулянтов цветметом. Вовремя не успели, а запоздавшие полумеры больше походили на тушение пожара керосином.

К рождеству осознавший всю глубину падения Наркомфин призвал зайти с козырей, то есть провести интервенцию золотом, но был резко осажен с высот Политбюро. Подорванная безудержным импортом станков «кубышка госрезервов» показала дно.

Сегодня за один серебряный целковый дают порядка пяти сотен бумажных, а к лету – судя по взятому темпу – цена дойдёт тысяч до десяти. Граждане принимают происходящее со стоическим спокойствием: пережили «романовки», «керенки», «пятаконки», «совзнаки» трёх мастей[16] – переживём и червонцы. Главное, что снова – совсем как пять лет назад – работают биржи, публикуется официальный курс к золоту и серебру.

«Всё как было, только хуже...», – написал в двадцать пятом году Василий Шульгин. Сегодня, из тридцать первого, впору рекурсировать его слова на зарождающийся НЭП версии 2.0.

За размышлением о природе денег я не забывал про растопку нашей чудо-печки[17]...

В двадцать первом веке такие агрегаты называют «буржуйками» длительного горения и втихую, сторожась рейдов пожарнадзора, продают на «оптовках». В Москве же 30-х годов ничего похожего мне найти не удалось, хотя сама по себе конструкция такой печки необычайно примитивна. Последнее

[16] Хождение «совзнаков» (бумажных денежных знаков) продолжалось пять лет, с 1919 по 1924 годы. Если не учитывать две деноминации, то совзначный рубль обесценился за это время в 50 миллиардов раз.

[17] За основу конструкции взят котёл «Бубафоня». Как ни странно, но устройства подобного типа появились только в конце 20-го века.

легко понять по цене: заводской слесарь справился с халтурой за три бутылки казёнки, материалы с доставкой обошлись в червонец серебром.

Основа – толстобрюхий ацетиленовый баллон со срезанной верхушкой, чуть меньше метра в высоту, в диаметре сантиметров сорок. Внутри – главный и единственный секрет, подвижный поршень. Он делит топку на две части; внизу под ним горят дрова, над ним – догорают пиролизные газы. Воздух поступает сверху через трубу, которая заодно служит штоком для поршня. По мере выгорания топлива очаг горения неторопливо ползёт вниз. Одной загрузки с запасом хватает на целый день. КПД – заметно выше «среднебуржуечного». Золы практически нет, вытряхивать остатки приходится не чаще, чем раз в две недели. Но самое важное достоинство в условиях поражённого кризисом индустриального города – вместо дров можно использовать любой горючий мусор. Как правило – условно бесплатный, то есть честно скоμμунизженный с «родного» завода.

Минус только один – процесс запуска выходит уж больно мешкотный.

Нельзя просто так взять и свалить в топку старые, пропитанные маслом трансформаторные обмотки, отходы тарного цеха и кипу непроданных газет – приходится чередовать слои, по возможности перемешивая их друг с другом. Ведь печь в спальне – вообще штука опасная, а кустарная, да ещё длительного горения – опасна втрое. Попадётся в небрежной укладке насквозь пропитанная водой чурка, остановит поршень, и – как результат – обратная тяга с полной комнатой дыма. Это – в лучшем случае, а в худшем – можно серьёзно, а то и до смерти угореть.

Огонь ровно загудел в трубе минут через двадцать.

– Ну вот, теперь можно и... – бодро начал я, но обернувшись, враз осёкся.

Александра спала, свернувшись клубочком под пуховым одеялом.

Тазик с ледяной водой оставлен на видном месте, рядом лежало расплывшееся в брусок шоколадного цвета мыло. Бессловесный намёк на нелёгкий выбор – «моржевать» прямо сейчас, или подождать часик, пока прогреется комната.

Выбрал первое...

Надо успеть получше выспаться и непременно – на зависть соседям? – «доделать» с утра то, что мы не успели сегодня. Следующую пару дней будет не до любви – завтра вечером, сразу после работы, мы едем в Ленинград за спрятанным пять лет назад паспортом 21-го века.

Не потому, что он нам позарез понадобился – просто я боюсь, что фантастический документ случайно найдёт кто-то другой.

* * *

Привокзальная рюмочная уравнивает граждан не хуже бани. В едком махорочном дыме мерно колеблются крепкие кепки рабочих.

Испуганные интеллигентские шляпы жмутся к задорным каракулевым пирожкам мелкоранговых совбуров[18].

В бурую массу сливаются сочащиеся ключьями ваты телогрейки, вытертый дореволюционный рубчик, новый английский драп...

Все как один запивают собственный пайковый хлеб торопливо сделанным белёсым самогоном.

Отдельно тут подают только жидкий чай и отвратительные, изготовленные из соевых бобов с сахарином сладости – каждый недовешенный фунт этого добра стоит дневного заработка.

Живительная волна второй версии НЭПа не успела докатиться до массового общепита, кое-как возродились лишь первоклассные космополитические рестораны.

То есть «Метрополь» вполне доступен и как всегда великолепен, говорят, что нежная молодая стерлядь вновь заполнила стоящий прямо в центре зала бассейн.

По вечерам там играет джаз Уитерса, в составе которого знаменитый на весь мир нью-орлеанский саксофонист Сидней Беше и какая-то негритянская певичка.

«Националь» пытается взять своё трубочом Скоморовским и любимым уголовной шпаной Утёсовым.

[18] *Совбуры (советские буржуа)* – разговорное название предпринимателей в Советской России и СССР в период НЭПа.

«Прага», что на Арбате, традиционно нажимает на роскошные перфомансы с цыганами и блины с расстегаями[19].

Есть одна лишь досадная мелочь – везде за ужин придётся платить золотом.

Столько серебра в кармане не унести.

Всё как было, только дороже...

За длинный, липкий от грязи стол забегаловки садятся ценители иного: тут по крайней мере дёшево, тепло и даже слегка культурно.

Вот сосед слева, уткнув пропитый багровый нос в подстеленную на манер скатёрки «Вечёрку», вслух и по складам вычитывает трэш[20] из криминальных сводок:

– В Пугачёве арестованы две женщины-людоедки из села Каменки, которые съели два детских трупа и умершую хозяйку избы. Кроме того, людоедки зарезали двух старух, зашедших к ним переночевать...

Расхожая страшилка, выжатая журналистом из базарного слуха – реальные случаи людоежества чекисты прячут за семью замками. Однако истина в рюмочной никого не интересует. Тут всегда кто-то неправ...

– Брешут окаянные! – анорексичный очкарик, сидящий напротив, перекрыл фальцетом гудение толпы. Спешно вбитый в глотку самогон потёк по козлячьей интеллигентской бороде.

– Неужели?! – быстро вставил я в надежде приглушить чужую склоку.

– Ты чё?! – непритворно удивился багровоносый. – Газете, что ль, не веришь?!

– Отчего не верю? – деланно нахмурился я. – Верю, ещё как верю! Однако есть, товарищ, такая штука... Как релятивизм. Проявляется он исключительно на внешних электронных слоях трансурановых элементов...[21]

[19] Как ни странно, но примерно так и было в реальной истории, но... Только в 1934 году.

[20] Термин «Трэш» заимствован из английского языка – слово «trash» – которое можно перевести, как «отстой», «полная херня», «мусор», «ерунда».

[21] В данном случае ГГ произносит бессмысленный набор слов и терминов.

– Врут! Все врут кляты жида! – некстати впряглась в топик буклированная жизнью старушенция.

– Обкурантка! – подорвался любимым словом Бухарина мокробородый очкарик.

– Пропала слободка, – тяжело вздохнула Александра[22].

– Это что ж такое выходит, по-вашему? И в газетах жида врут?! – перескочил на понятную тему любитель прессы. – Так тут вот ещё есть... – и он процитировал. – Центротекстиль предложил отпустить нитки в хлебные районы при условии: пуд хлеба за катушку ниток...

Зря он, кого волнуют такие мелкоты? Дело дошло до сокровенного!

– Жида да большевики – всё одна сатана!

– Старая, ты на себя-то хоть глянь в зеркало!

– Заткнитесь, товарищ!

– Кто тут расхрундубачился?!

– А вот те кукишь! Мы – русский народ!

– Хриstopродавцам не место...

– На всё воля божья, – Александра на всякий случай примирительно положила свою руку поверх моей.

– Ох, доиграется чёртов капитан с огнём, – проворчал я тихо, в сторону от стремительно раскручивающейся на пустом месте перепалки.

– Поглупели «ларионовки», – охотно согласилась моя девушка. – Какую ни возьмёшь – всё гнущь да грязь.

– Не говори! Как с ума спрыгнули... Фронтвички-галлиполийцы!

Ведь реально обидно!

Эти самые «ларионовки» – суть сбрасываемые с воздушных шаров листовки – валяются из-за западной границы на поля и леса СССР аж до Смоленска, Брянска и Новгорода именно по моей подсказке.

Знал бы результат – в жизни за один стол с Ларионовым не сел.

Увы, судьба распорядилась иначе...

[22] В данном случае Александра намекает на сгоревшую «Воронью слободку» из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой телёнок».

Мы познакомились совершенно случайно, в Хельсинки, вскоре после моего побега из Соловецкого концлагеря. В ту наивную пору я ещё надеялся найти силу, способную использовать знание будущего для избавления Родины от ужасов голода, войны и репрессий. Бравый капитан РОВС[23], офицер могущественной белогвардейской организации, объединяющей по штабным реляциям сотни тысяч бойцов, тогда казался чуть ли не идеальным кандидатом в друзья и союзники. Мы поговорили, славно выпили, а вот близких отношений, к счастью, не сложилось. Побоялся я ему доверить тайну послёзнания, и как видно – не зря. Однако несколько популярных в будущем[24] способов пропаганды подсказать успел[25].

Кто бы мог подумать, что на этой скудной почве из никчёмного террориста, «славного» разве что идиотским взрывом дурацкой гранаты в здании агитпропа Ленинградской коммуны, вырастет герой Карельского освободительного похода, главный идеолог РОВС, правая рука самого Кутепова, кумир горячих сыновей и дочерей русской эмиграции!

И ладно бы дело ограничилось только этим...

Новый лидер таки сумел забить в гроб и зарыть на погосте замшелую врангелевскую заповедь – «армия вне политики». И хотя повести за собой весь общевоинской союз ему не удалось, но зато учредить военизированное молодёжное движение «Белая идея»[26] – вполне. Причём императив данного «кружка по интересам» звучит злоеще: «армия вне политики – организм без души»[27].

В январе, как раз после Рождества, детские шалости

[23] *Русский Общевоинский Союз (РОВС). Основная организация русской белой военной эмиграции, объединявшая всех чинов белых армий за рубежом.*

[24] *Скорее просто рассказал о важности пропаганды. Воздушные шары для заброса листовок в тыл противника очень широко использовались во время Первой мировой войны.*

[25] *Об этих событиях написано в книге автора «Квадратное время».*

[26] *В реальной истории с таким лозунгом в 1936 году из РОВС выделился РНСУВ во главе с генералом А. В. Туркулом.*

[27] *В реальной истории В. А. Ларионов создал организацию с таким названием в середине 30-х.*

внезапно закончились. Рассыпанные по миру осколки великой романовской Империи выстрелили парижским меморандумом об объединении всех русских эмигрантов в Российский национальный фронт[28] под занятным девизом «Бог, Нация, Труд!».

Ещё более нескучным оказался состав этого триединого православно-национально-социалистического Франкенштейна. Среди главных закопёрщиков – кроме давно знакомого Ларионова – некие Родзаевский, Вонсяцкий и князь Ливен.

Первый – генеральный секретарь только что созданной Русской фашистской партии из Харбина.

Второй – скандальный двоеженец, спонсор Кутепова и заодно лидер Российского фашистского союза со штаб-квартирой в Томпсоне, США.

Третий – в недавнем прошлом кирпичный фабрикант – руководитель Латвийского отделения откровенно черносотенного Братства русской правды[29].

Так что в маскотах[30] «сборного шапито» ходят и свастика, и православный крест, и двуглавый имперский орёл, и святой Владимир.

Причём – всё одновременно.

Общее у них, судя по радиопередачам из латышской Режицы и валящимся с неба листкам, только одно – животный антисемитизм.

Похоже, я оказался единственным человеком в мире, кого испугал факт внеплановой антисоветской консолидации. Советская партийно-хозяйственная элита, судя по газетам, просто не восприняла происходящее всерьёз.

[28] В реальной истории Российский национальный фронт, в состав которого, кроме прочих, вошли «Белая идея», Русская фашистская партия (РФП) и Всероссийская фашистская организация (ВФО), был создан значительно позже, в 1937 году.

[29] Русская фашистская партия (РФП) была создана К. В. Родзаевским в Харбине чуть позже – в апреле 1931 года. Российского фашистского союза в реальной истории не существовало, вместо него А. А. Вонсяцкий учредил в 1932 году Всероссийскую фашистскую организацию (ВФО).

[30] Здесь: маскот – некий символ.

Фронтом больше, бандой меньше – кто их вообще считает, этих доморощенных борцов за Россию без коммунистов?

Что они могут сделать против огромной страны?

Мне же послёзнение не шептало, а натурально орало в душу: нет и не может быть ничего глупее недооценки идей фашизма. Всего десяток лет – и клеветы дуче и фюрера зальют землю Европы кровью. Да не в переносном, а в самом буквальном смысле этих слов.

Первое время я успокаивал себя: в Старом мире большевики продержались у власти целых семьдесят лет – эдакую традицию не сбить с курса пустяком. И мне уж было совсем удалось победить собственные страхи, но тут в тему влез Айзек Бабель, великий писатель и наш с Александрой соратник по «тайному обществу посвящённых в историю будущего». Он просто, то есть без всякой особой цели, поделился результатами социологических опросов, просочившихся к нему через Горького – как я ни дулся, но дружбу со старым лжецом автор Конармии не оставил.

Картина настроений советской молодёжи в свете грядущего расцвета коммунизма выглядела далеко не радужно[31]...

В десятипроцентном топе будущих профессий, к моему немалому удивлению, лидировали учителя. Скучная карьера конторщика привлекала чуть меньше – на неё метили процентов восемь подростков. Длинным трёх-пяти процентным шлейфом тянулись инженеры, машинистки, водители, дворяне, попы и прочие экзотические специальности.

Комиссарский же пыльный френч поставил оглушительный и обидный антирекорд – всего три десятых процента сторонников!

Меньшей популярностью пользовались только военные и милиционеры.

То есть советские тинейджеры планировали стать кем угодно, но только не партийными функционерами или их защитниками.

Государство с такой идеологической дырой способен утопить даже поросший мхом зороастризм[32].

[31] Реальные данные социологического опроса 1929 года.

[32] Религия, получившая незначительное распространение в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

Что уж говорить про агрессивный, молодой и, без всякого преувеличения, модный фашизм?

А фашизм – угроза реальная и смертельная!

Пока Ларионов занят междоусобной борьбой, пока его группенфюреры нащупывают подходы к сознанию совграждан, пока его листовки глупы, примитивны и скучны, пока...

А завтра?

Как там, бишь, нынче поют на мотив «Преображенского марша»?

Крепче бей, наш русский молот,
И рази, как Божий гром.
Пусть падёт, во прах расколот,
Сатанинский совнарком...

Ведь на самом деле красиво!

С запада – стройными колоннами валится парашютный десант на Ленинград, с востока, из самого Харбина – рысит экспедиционный корпус, по центру – райкомы сметает повсеместное восстание фашистских конспиративных ячеек. Жёлтый паук свастики – на шпиле Кремля, примирение труда и капитала по итальянскому образцу, «Россия для России», «Союз юных фашисток», «Союз фашистских крошек»[33]...

Чуть погода – священная война за православную веру и воссоединение русских всего мира, секретные лагеря уничтожения недочеловеков, чёрные клубы над печами крематориев...

Клеймо национального позора на многие поколения вперёд...

Короче говоря: в идеологической борьбе мне теперь приходится подыгрывать красным, как наименьшему злу.

Не своими руками – мнение простого рабочего с «Электроставрограда» никого не интересует – но посредством Михаила Кольцова.

С осени прошлого года этот журналист – четвёртый и пока последний хранитель тайны послезнания – наш с Александрой союзник и соратник.

Он всё ещё не может похвастаться решающей должностью в ЦК, но как глава акционерного общества «Огонёк» и член

[33] Реальный лозунг ВФО, реальные дочерние организации ВФО середины 30-х годов.

редколлегии «Правды» вхож в самые высокие сферы, например: чуть ли не пинком открывает двери в кабинет Бухарина.

Чертовски полезная опция...

Всего одна записка, за ней – короткая беседа, и...

И Кольцов назначен заместителем товарища Рютина, наркома по кинематографии СССР[34]. Да не просто так, а для скорейшего выполнения архисрочного задания ЦК ВКП(б)...

Нет, не массового производства патриотических широкоэкранных блокбастеров – партия с моей подачи мечтает о малом, зато реальном: замене киножурналов с беспросветно тупой ура-коммунистической хроникой на полноценные кинофельетоны типа позднесоветских «Фитилей».

Следующим нашим шагом станет...

– Лёшка! – вдруг взвизгнула Саша.

Багровоносый любитель прессы таки добился своего – нарвался на чью-то плюху, а затем не придумал ничего лучшего, как завалиться на мою жену.

Зажатая в руке болвана газета смела со стола жестяную кружку с остатками чая.

– Что, опять?! – устало пробормотал я, аккуратно выдёргивая Александру из-под неуклюже ворочающейся тушки к себе на колени.

– Не опять, а снова, – со смехом подтвердила успокоившаяся девушка.

– В прошлый раз тебя отбивать пришлось, – я не удержался и потёр скулу, с которой только недавно сполз синяк.

– Лёш, давай пойдём отсюда! – заметила моё движение Саша.

– Тебе же тогда понравилось? – притворно удивился я в ответ.

– Ты такой сильный!

Совсем девчонка!

Ей бы в гимназию, к куклам и поцелуям в щёчку. А сейчас...

[34] Кинематографические АО контролировались Наркомпросом. М. Н. Рютин заведовал его киноотделом с весны 1930 года, в реальной истории был арестован уже осенью 1930 года из-за конфликта со Сталиным (за подпольную пропаганду правооппортунистических взглядов).

Она делает вид, что дурачится, а глаза внимательно следят за полупьяной толкотнёй поборников расовой чистоты. Тогда, в прошлый раз, только метко брошенная её рукой бутылка спасла меня от жестокого избиения. Против троих вёртких шкетов моя сила спасовала.

- Половина восьмого, – взглянул я на часы.
- Вот! Продажу билетов, верно, открыли!
- Кстати, да! – спохватился я. – Пойдём скорее! Сбежит наш Ванька, и пропадёт выходной.

* * *

Роскошный СВПС до Питера не ходит, а в обычные вагоны[35] продажу билетов тут принято начинать за час перед отправлением поезда. Бронь в теории есть, но на практике – она возможна только для мягкого вагона СВ, который доступен исключительно по специальным справкам с места работы. Строго по канонам социализма: все звери равны, но некоторые – равнее. То есть для простых граждан выбор сужается всего до двух зол: мягкий купейный вагон и жёсткий общий.

Мы успели как раз вовремя: бойницы касс только-только открылись.

Прямо на наших глазах толпа вздрогнула и уплотнилась, в ней отчётливо выделились первые десятки покупателей – всё сплошь великовозрастные беспризорники, честно отработывающие стоянием в очереди кто осьмушку, а кто и четвертину хлеба. Как ни жаль переплачивать, но трястись всю ночь в общем – удовольствие крайне сомнительное.

Ванька не подвёл, и через четверть часа мы с билетами и плацкартой в руках выбрались на перрон дебаркадера, прямо в клубящееся на морозе месиво дыма и пара.

– Чёрт побери! – не сдержал я восклицания. – Стимпанк! Да без всяких романтических соплей, настоящий хардкор!

– Стимпанк? – удивилась Саша. – Что это?

– Писатели-бездельники так называли вымышленный мир

[35] Из вагонов СВПС (Спальный Вагон Прямого Сообщения) был сформирован первый фирменный поезд «Красная стрела», который начал курсировать между Москвой и Ленинградом только летом 1931 года. Время в пути составляло около 10 часов.

вечной викторианской эпохи, застрявшей в паровых дирижаблях и локомотивах. Читать-то про них ещё кое-как можно, а вот нюхать... – я демонстративно пошмыгал носом. – Как-то не очень...

– То есть в будущем вокзал совсем не так выглядит? – уточнила девушка.

– Конечно же! Дыма и пара вообще нет, кругом яркие электрические фонари, переливаются рекламные экраны. Да ты же наверняка читала!

– Ох, будто ты сам не знаешь! Одно дело читать, а другое – видеть!

– Извини, – сконфузился я. – Не подумал.

Оглянулся вокруг...

Поверху, скрывая скаты крыши, стелился жирный угольный дым паровозов.

Сизая, остро пахнувшая кизяком гарь вагонных печурок металась между составами.

Лёгкими струйками-усаами коптили многочисленные керосинки путейцев.

Из-под крана кубовой[36] энергично, жизнеутверждающе вырывался пар, kloкочущая вода с напором лилась в медные чайники и котелки.

Откуда-то из-под вагонов с тихим шипением ползли плотные белые клубы пара, в которых безнадёжно вязли свистки кондукторов и тяжёлый лязг буферов.

Навьюченные котомками пассажиры метались бестолковыми серыми тенями под колеблющимся светом газовых фонарей.

Остро – совсем как три года назад – навалилась тоска по утраченному будущему.

В порыве я вздёрнул над головой кулак и погрозил невидимому небу.

– Сволочи! Верните меня обратно!

Саша обиженно фыркнула, но спорить не стала. Дёрнула за руку, как ребёнка.

– Пойдём уж, янки из Коннектикута!

Наш шестой вагон оказался седьмым, если считать с головы поезда.

Измазанный в саже старичок-кондуктор проводил нас со свечой до купе по тёмному коридору, привычно ворча по дороге:

– Света покуда нет, господа хорошие, так то во всём составе так. Кумуляторные батареи худые, никак не меняют начальники. Но вы не сумлевайтесь, товарищи, вот тронемся, генератор враз закрутится, и загорятся лампочки-то. Зато тепло...

Да-да, прям как в СВ, прицепили-то нас сразу за паровиком!

– Темнота – друг молодёжи, – бодро пошутила Саша.

[36] Здесь: кубовая – небольшое здание на территории пассажирской станции с встроенным специальным оборудованием для подготовки и водоразбора холодной воды и горячего кипятка для питьевого водоснабжения пассажиров.

– Совсем батареи выдохлись?[37] – насторожился я. – Полчаса продержатся, или на каждой станции будем проваливаться в тьму египетскую?

– Какое там полчаса, – задрезжал смехом кондуктор. – На эдаком-то морозе!

– Свечу дадите?

– Не положено! Если каждому свечу – так и до пожара недалече!

– А если... – я тряхнул карман так, чтобы звякнули монетки.

Несколько секунд в мозгах старика осторожность боролась с жадностью, но победил всё же страх.

– Ужо не обессудьте, бригадир у нас дюже злой!

– Ладно, – не стал настаивать я. – Выкрутимся как-нибудь...

Надоедливый свет утра бьёт в закрытые глаза. Тяжёлое чугунное ядро неуклюже ворочается в голове, то и дело цепляя обнажённые нервы спазмами боли...

Вчера повёлся на халяву как пацан.

Сам подначил, думал, что нипочём не поделятся НЭПовские морды самогоном и салом с совершенно случайными попутчиками.

Ан нет...

Правду говорят: жируют московские спекулянты посреди пролетарского голода. Теперь ещё и беседой донимают. Хочешь не хочешь – всё равно слушаешь.

– ... три десятка лет он состояние семьи упрочал, да как-то в раж вошёл, в одну ночь спустил до последнего алтына! Выпьём?

– Наливай.

– Птицу имел родовую, одно загляденье. Перо всё больше светло-соловое или красно-мурое, а ноги либо горелые, либо зелёные. Коготь чёрный, синевой отливает, а глаза – как уголья.

– Давай, за наше дело!

[37] В России была популярна «Система отопления Дершау», в которой источником тепла (перегретого пара) служил паровой котёл, установленный в отдельном, специально приспособленном вагоне. На весь состав его не хватало, поэтому жёсткие «общие» вагоны обогревались обычными дровяными печками.

– Знаешь, он всего более переярка ценил. Это, значит, тот что вторым пером одеться успел.

– ...

– Вот понять который уж раз не могу, иной, как кавалергард на параде выступает, мундир блестит, гребень пурпур, а толку чуть.

– Так петуха, как и нашего брата, в строгости держать надо. Чуть жиру понадвесил – сейчас на катушки из чёрного хлеба и сухой овёс. Без правильной отдержки тулово непременно станет как ситный мякиш...

«Да они всё ещё пьют!», – искренне восхитился я про себя. – «Всю ночь напролёт, это же какое отменное здоровье иметь надо!».

Не разлепляя век, я перегнулся с полки вниз, скорее на инстинкте, а не расчёте ухватил за ручку стоящий на столе чайник. Вытащил к себе наверх, прижался губами к медному носику, втягивая противную тёплую влагу.

В голове забрезжил разум, и я прохрипел вместо извинения:

– Воистину, утро добрым не бывает!

– И тебе не хворать, – степенно пробасил старший из НЭПачей.

– Поспешай, друже, покуда в санитарную зону не въехали, – практично вторил ему младший.

Дельное замечание...

Столько лет в прошлом, а всё никак не могу привыкнуть, что сток из туалета тут летит прямо на песок насыпи, поэтому гигиену неплохо бы завершить до въезда в город.

Кое-как, бочком, стараясь лишний раз не шевелить головой, я сполз с верхней полки на нервно взбрыкивающий пол вагона. Подтянул снятый из-за жары и кинутый в изголовье пиджак, хлопнул по карманам – зашитый в кожаный блокнот смартфон на месте. Деньги – тоже. Подобрал вывалившийся «Браунинг». Заглянул во взятый для солидности портфель...

Неужели я так и спал, разбросав по сторонам «ништяки» и оружие?

Расслабился за полгода «стабильности», забыл про доброты из ГПУ?

Паника холодком пробежала по ногам вверх, приморозила

сердце, но так и не смогла пробиться через спасительный барьер головной боли.

Мысль о чудовищном риске – под который я подставил и себя, и Александру – придётся додумывать позже. Сейчас время простых инстинктов – я не удержался и нежно потрепал ладонью соблазнительные округлости спящей напротив жены.

– Саша, подъём! – попав же под её недовольный прищур, продолжил нарочито грубо. – Скоро туалет запрут!

Мы успели всё: привести себя в порядок, поправить здоровье горячим чаем и даже отблагодарить НЭПачей за добропорядочное гостеприимство жестянкой габаевской «Явы» [38].

* * *

При свете дня окружающий мир казался простым и надёжным, вокзальная суэта – пустяковой, а паровоз – весь в беспокойных вздохах и сопениях после трудного ночного перегона – огромной детской игрушкой.

Ещё лучше вышло с санками – меховая полость скрыла нас от укусов мороза чуть не целиком, в Москве я никогда не встречал у извозчиков подобного богатства.

Пользуясь случаем, мы ненадолго остановились на проспекте Маклина, у того самого злосчастного дома, в котором чуждая эйнштейновским законам сила протащила меня сквозь время.

Крепко обняв Сашу, я попробовал вернуть нас обратно в 21-ый век.

Обошёл все уголки подъезда, нажал на все возможные кнопки смартфона – увы! – без малейшего результата.

Зато моя милая супруга успела выпытать, что именно я чувствовал тогда, почему оставил артефакт на чердаке, как, и главное – с кем вернулся за ним через два года.

Да, вопросы...

За этими вопросами явственно проглядывала ревность к белокурой баварке, лишь каким-то чудом мне удалось не

[38] Здесь: имеются в виду папиросы табачной фабрики «Ява», которая до революции называлась «Габай».

проболтаться про зажигательное порно-шоу, устроенном мной и Мартой пятью этажами выше, прямо на глазах у чекистов[39].

К искомому адресу в Дровяном переулке подкатали хорошо за полуднем...

С чистого морозца воздух в коридорчике дряблый, рыхлый и потный – висит на невидимой верёвке тёмной банной простынёй.

Отворившая двери матрона вместительна и широка, как банный таз. На руках – девочка лет двух. За подол линялого сатинового халата держатся парни-погодки постарше, большие головы насторожено крутятся на длинных тонких шейках.

С кухни, откуда-то из-за поворота, доносится перемежающийся плеском воды свист стаи примусов.

Встречают по одежке: матрона окинула нас подозрительным взглядом и посторонилась, лишь распознав в моей руке символ власти – кожаный портфель.

Недобро нахмурилась и с усталым безразличием только буркнула:

– Чё нужно-то?

– Мне бы хотелось кое-что забрать, – начал я. – Письма отца...

И тут понял – заранее продуманная история не имеет ровно никакого смысла. Призванные скрыть обман слова пусты и никчёмны на фоне неимоверной простоты бытия.

С действием, напротив, следует поспешить.

Секундная заминка, щелчок пряжки – и я протягиваю матроне извлечённую из портфеля сахарную голову – обёрнутый в бумагу кусок жёлтой сладкой субстанции в форме винтовочной пули, крупной, с мужской кулак.

– Возьмите.

Дети равнодушны: они явно не знают, как выглядит первейшее лакомство эпохи.

Зато пыхнувшие надеждой глаза женщины красноречивы – этого вполне хватит.

[39] Об этих событиях написано в книге автора «Зло побеждает зло».

Но Саша торопливо добавляет к первой голове сахара вторую. Барьеры морали и права рассыпаются в труху – за такое сокровище тут можно всё.

Вспороть обшивку двери?

Всего-то?

Ничтожный пустяк, только, пожалуйста, скорее, пока не увидели соседи.

Старая холстина и войлок легко поддаются под специально припасённым коротким – не напугать бы кого – сапожным ножом.

Вот показалась филёнка...

Через мгновение я кричу от радости:

– Нашёл!

Конверт в руках. На ощупь понятно – паспорт 21-го века там, внутри, без обмана!

– Большое вам спасибо, – благодарит хозяйку вежливая Саша.

Я далёк от подобных сантиментов – уже с лестничной площадки тороплю жену.

– Пойдём, пойдём скорее!

– Га-а-а-ли-а! Кто там пришёл?! – несётся с кухни вслед нам запоздалый вопрос.

Гнаться за нами, понятное дело, никто не собирается. Но ноги несут сами – я пришёл в себя, только отмахав чуть ли не бегом пару кварталов.

– Сашка! Сам себе не верю! Мы это сделали!

– Радуетесь?

– Спрашиваешь! Боялся, что поездка обойдётся намного дороже!

– Ты обещал... – вкрадчиво напомнила Александра.

– Будут, будут тебе и туфельки, и чулочки! – беззаботно рассмеялся в ответ я. – Всё успеем, у нас уйма времени!

И правда, обратно на вокзал возвращаться рано. Скорые поезда между столицами по древней канцелярской традиции ходят в ночь – сон сокращает путь с чёртовой дюжины до пары часов, совсем как машина времени.[40]

[40] Именно из-за удобства начисления командировочных «Красная стрела» с 1931 года и до сих пор отправляется в дорогу в 23.55.

Командировочные же, назло здравому смыслу, насчитываются бухгалтериями сразу за двое суток.

Наглядный пример того, что «всё как было, только хуже» – постельное бельё к матрасам при большевиках почему-то не выдают.

Задержка не огорчает...

Провести полдня на улицах великого города – не беда, а удача. Тем более что яркие солнечные прострелы между домами старательно намекают на главный признак весны: конские яблоки уже не замерзают.

Обрадованные расширением кормовой базы стаи воробьёв соревнуются с дворниками: кто быстрее раструсит навоз в грязи мостовой.

Редкие безкалошные граждане проклинают липкую едкую слякоть нежданной оттепели, но наши с Сашей подошвы надёжно защищены «красным треугольником»[41], так что тепло – в радость.

На Невском бурлит водоворот жизни, никакого сравнения с унылой Тверской...

Поток прохожих суетливо тащит нас мимо витрин лавчонок, вывесок пивнушек, чудовищного, от Рубинштейна до самой Фонтанки, хвоста очереди за лупошарой копчёной треской, матерящих друг друга приказчиков, дребезжащих трамваев, верениц ломовых телег...

Кумачовые растяжки бугрятся привычными лозунгами, далёкий репродуктор хрипит обрыдшую демьянбедновскую агитку «нас побить, побить хотели»...

Но я как-то необыкновенно остро, кожей, сердцем, всем организмом чувствую – мир сдвинулся со старого курса, сдвинулся далеко и необратимо.

На лицах петербуржцев нет-нет да мелькает блеск надежды на перемены к лучшему. Их город – всё ещё имперская столица – он сильный, он богатый, он выздоравливает быстрее Москвы.

Я не удержался и вполголоса забормотал популярные среди аборигенов строчки:

[41] «Красный треугольник» – первая в России резиновая фабрика (с 1860 года). Кроме прочей продукции производила калоши.

– Мы наш, мы новый мир построим...

– Совсем как у Мейерберга![42] – дёрнула меня за руку Саша. – Ты только посмотри на них! Вон там, слева, видишь, у столпа?!

Выйдя из сумрака мыслей, я обернулся в указанную сторону.

Вокруг Александровской колонны скоморох-поводырь тащил на цепочке ряженного в бабский сарафан медведя, толпа вокруг весело приплясывала под дудочные подсвисты.

– Э-э-э... Где там Мейерберг? – озадачился я. – И вообще, кто он такой?

– Путешественник один... – почему-то смутилась Саша. – Картинки всякие разные рисовал, обычаи описывал.

– А, понятно... – не стал я углублять тему.

Но Саша вдруг спросила-уточнила, не для меня, а скорее сама для себя:

– Это ли не торжество крестьянской Руси?

– Скоро на Москве так же будет, – с оптимизмом поддержал я жену. – Перед Мавзолеем охрана не позволит, а вот вокруг храма Василия Блаженного можно устроить недурной хоровод человек на полтораста.

Как стало видно, снова чем-то её обидел...

Молча, без смеха или улыбки, Саша потянула меня прочь, вдоль облупившегося фасада Генштаба в сторону Мойки.

Совсем недалеко – на мощёном брусчаткой горбике ближайшего мостика – мы сразу же упёрлись в стихийный рыночек[43].

Крики, толкотня – всё как положено при социализме, на особинку только прокатывающийся от берега до берега рык закутанного в два до безобразия драных тулупа коробейника:

– Лучины! Лучины калёные, берёзовые!

Пройти мимо такой лютой экзотики я не смог.

– Продай кучку, сделай милость.

[42] Имеется в виду альбом рисунков, собранных бароном Мейербергом во время его путешествия по России в 1661-1662 годах. Под названием «Виды и бытовые картины России XVII века» был издан в Санкт-Петербурге в 1903 году.

[43] Певческий мост – ещё и площадь, то есть он достаточно широк для маленького рынка.

– Владей за сто рублей!
– Светец купи, – с насмешкой посоветовала Саша. –
Плошку под воду я тебе, так и быть, в хозяйстве найду.
– Это ещё что?
– Рогулька специальная, в нём эту самую лучину жгут.
– Надо же, какая канитель, – удивился я. – Всего-то хотел
полезный сувенир из Питера привезти, вместо магнитика на
холодильник.

Не думаю, что продавец понял точный смысла сказанного,
но колебания он уловил точно, ответив:

– Не сумлевайся, барин. Добрый товар, сёдне уж третий
мешок зачинаю.

– На каждом углу в Москве найдёшь не хуже, – попробова-
ла отговорить меня Саша.

Но я уже успел протянуть коробейнику мажущую свежей
краской сотенную купюру:

– Карельские берёзы мне – как родные.

– Благодарствую! – коробейник старательно отмерил ох-
ватом ладоней положенное количество тёмно-коричневых
палочек, ловко обернул их в отодранный от газеты лист и пе-
редал мне.

– Правда калёные, – отметила Саша. – Хорошо на углях
прожарили, коптить не будут.

– Лучше лучин не было и нет, хоть в самом Кремле ищи до
старых лет, – похвалился на прощание продавец.[44]

Однако, какой Пушкин пропадает!

Дальнейший наш путь неотличался особым разнообразием...

Рынки и комиссионки, лавки и магазинчики, чтоб им по-
скорее провалиться в социалистический ад.

Обошёл бы десятой дорогой, но, увы, Александра настой-
чива и категорична в своих желаниях.

Только посмей спорить, когда советский Ленинград снаб-
жается заметно лучше Москвы. Допустимый максимум –
плестись на полшага позади, да поминать всеу близость пор-
та, авантюризм спекулянтов или ловкость трансграничных
контрабандистов. Хотя куда более вероятно, что всё перечис-
ленное – лишь следствие отчаянного старания большевиков

[44] Простая перестановка слов в рекламном слогане В. Мая-
ковского с известного плаката «Резинотреста».

сохранить лояльность горожан, растлѐнных постоянно валящимися с неба «ларионовками».

Ближе к вечеру я догадался, почему жена так противилась лучинам – она переживала за свободное место в портфеле...

Мы приобрели Саше изящные испанские туфли молочного цвета, в тон к ним – крепдешинное платье-тунику со сборчатой пелеринкой вокруг ворота, а ещё: золотые серёжки с маленькими красными камешками, мягкий как шёлк шарф из ангоры[45], французские духи, полдюжины пар шёлковых чулок и ещё гору всяких мелочей.

Мне перепала неплохая курточка на модной нынче молнии из чёрной «чёртовой кожи» – сомнительная компенсация убитого дня.

Ладно хоть пообедали удачно – в подвернувшемся по дороге ресторанчике нашлись картошка и солѐные грузди со сметаной, причѐм – за очень, очень доступные деньги.

В купе курьерского московского завалились с языками на плечах, перед самым отправлением.

* * *

Наконец-то!

Мимо окна промелькнули огоньки трёх хвостовых керосинок встречного состава, из-за которого мы проторчали добрых полчаса у мелкого полустанка, носящего, если верить дореволюционной схеме, гордое имя – «Станция IV класса «Осеченка».

Впереди у стрелки, в ярком луче головного прожектора дежурный сигналист крутит лебѐдку, поднимая вверх коромысло семафора.

Одновременно по фонарю ползут очки светофильтра, меняя свет с красного на зелёный.

Дымный воротник локомотива на глазах чернеет и наливается силой.

Скоро двинемся...

[45] Никакого отношения к одноимѐнным кроликам ангора не имеет – в начале 20-го века под ангорской шерстью подразумевалась ткань, получаемая из шерсти ангорской козы.

На коленях у меня купленная на питерском вокзале «Правда», она открыта на передовице с броским заголовком «Наш ответ – НЕТ».

Текст написан по-советски – смело, броско, доступно для каждого пролетария: «СССР никогда не пойдёт на гнилые компромиссы с подлыми буржуями...».

«Поэтому не станет платить по своим долгам...», – додумываю я.

Меня такой подход не удивляет, достаточно вспомнить хотя бы 1998 год. Однако в тридцатых годах мораль не столь гибка, приличные люди после банкротства всё ещё стреляются!^[46]

А вот у большевиков из ЦК ВКП(б) по этому поводу ни тени раскаяния или стыда, не слышно ни слова об отставке или смене членов Политбюро. Властители огромной страны, без революции, войны или масштабного стихийного бедствия допустили позорный суверенный дефолт^[47], а в их газете одно тупое бахвальство – «как мы ловко обставили этих ту-у-пых». Конечно, на одной шестой части мира «пипл схавает», однако кому от этого легче?

Ставлю золотой николаевский червонец против контрамарки в ближайший Дом крестьянина: завтра заголовки западной прессы поволокут в массы одну примитивную, но страшно логичную идею: «Bankruptcy of the USSR means the failure of communism...»^[48].

Неожиданно...

Но не внезапно, к чему-то подобному дело шло давно.

Ещё осенью Бабель рассказывал, что ЦК принял специальное секретное постановление по усилению контроля над экспортом. Поставили под учёт каждый цент, точнее, через согласование на уровне Политбюро проходят все суммы свыше тысячи баксов.

Стараются большевики не от хорошей жизни, а для расчёта по долгам, наделанным во имя форсированной

[46] К примеру: только в первые три дня после краха 1929 года 210 американских бизнесменов решили свести счёты с жизнью.

[47] В реальной истории пик внешнеторгового кризиса СССР пришёлся на март-июль 1933 года (уже в январе 1933 года имели место случаи ареста советских судов в иностранных портах).

[48] Банкротство СССР означает крах коммунизма. (англ.).

индустриализации. Тщательно выбивают из России жалкие остатки былой роскоши: музейные картины, статуи, иконы...

Кроме традиционного хлеба, леса и яиц на чужбину гонят всё ещё знаменитое вологодское масло, смелянский сахар, ташкентские фрукты, кавказские вина, русскую водку, ягоды, грибы, лекарственные травы...

Впору радоваться – make sales not revolution![49]

Да только научи дурака богу молиться...

Перевыполнение планов продаж «любой ценой», без оглядки на экономику и здравый смысл, привело к закономерному результату – партийные купцы пустились в бессмысленный и беспощадный демпинг. И тут же нарвались на ответные санкции[50].

Соединённые штаты по-простецки ввели запретительные пошлины на советские спички, уголь, асбест, марганец и прочее мелочи.

А когда не помогло – добавили в список пиломатериалы, нефть и пушнину.

Французы пошли лукавым путём: использовав убийство товарища Троцкого и его парижских соратников на Принкипо[51] как прецедент, они развернули широкую и шумную кампанию против коммунистического терроризма. «Остановим красную чуму» ... «бойкот рабского труда» ... «ни франка Коминтерну» и прочие сентенции в стиле «Кремль должен быть разрушен» заполнили европейские газеты, эфир и трибуны Лиги Наций.

Турция закрыла свои порты для советских судов.

Римский папа Пий XI объявил «крестовый поход» против СССР.

В той или иной степени ограничили торговлю Испания, Италия, Югославия, Венгрия, Бельгия, Польша и Румыния.

«Правда» ехидно смеялась над потугами – дескать: глупые капиталисты сами продадут верёвку, на которой их повесят. Не без оснований: с оторванным от разумной себестоимости

[49] *Торговать без революции. (англ.).*

[50] *Описанные ниже санкции незначительно усилены по сравнению с реальной историей.*

[51] *В данном мире Л. Д. Троцкий был убит летом 1930 года.*

экспортом нельзя бороться экономическими методами. Тем более контрабанда через Латвию и Германию оказалась делом простым, а для местных спекулянтов – ещё и весьма выгодным.

Поэтому слухи из коридоров Старой площади ещё чуть ли не вчера были преисполнены оптимизма – «валовая валютная выручка упала менее чем на тридцать процентов, прорвёмся, товарищи...».

Однако же...

Колосс оказался на глиняных ногах[52].

Обсудить бы, да не с кем: Александра дрыхнет без задних ног; попутчик – греет в широких костистых ладонях серебряную рукоять[53] наградного нагана...

Орденоносец, ему можно. Выбрит до синевы, подбородок – крестьянский, широкий и крепкий, как футбольная бутса. Глаза голубые, волосы светлые. Широкие мускулистые плечи обтягивает сингапурская роба, куртка – типа джинсовой – местный шик-модерн, драгоценная редкость, которую привозят моряки из дальнего плавания.

«Настоящий ариец», даже сообразительностью и чувством юмора не обижен...

Жаль – вертухай!

Свеженазначенный военком отдельного батальона тылополчения при акционерном обществе «Союззолото»[54] следует с супругой к месту службы в Бодайбо.

Хвала провидению, не опытный палач из концлагеря, а всего лишь начинающий энтузиаст, планирующий половчее принудить к труду советских граждан второго сорта – лишенцев, детей кулаков и попов.

[52] В реальной истории к 1931 году набранные в конце 20-х годов долги и отказ в кредитах и привели к практической полной заморозке программы импорта, в том числе для целей индустриализации (декларирован перенос на собственные заводы).

[53] ГГ ошибается. Накладки на наградных револьверах часто выглядели серебряными с гравировкой, но обычно – это покрытое серебром дерево.

[54] В реальной истории «НЭПовское» акционерное общество «Союззолото» было реорганизовано во Всесоюзное объединение «Цветметзолото» в ноябре 1930 года.

А ещё по факту – мелкий спекулянт. Поручкой тому три тюка белых штанов в багаже. Не мулатских, из воспетого товарищем Бендером Рио-де-Жанейро, а вполне советских, фабрики «Первомайка». Просто краситель для хлопка – импорт, а валюты на его покупку у Советской республики нет[55].

Коммерции красный орденосец ни грамма не стесняется, наоборот, успел похвастаться сотней своих прошлых и будущих подвигов. В том числе: как ловко выхлопотал билет в Сибирь из Москвы через Ленинград за казённый счёт, будто бы для посещения Музея Революции. Как дёшево выклянчил у бывшего однополчанина – а сейчас парторга пошивочного цеха – кучу дефицитных штанов. И наконец – как выгодно жена продаст эти самые штаны в далёком Бодайбо.

Печалило будущего комбата тылополчения в жизни только одно: вчера ночью, по пути из столицы, купе обнесли жулики. Вытащить деньги из корсета супруги они не сумели, а вот кожаный бумажник с партбилетом – зачем-то украли. Совсем не пустяк по местным понятиям. Схватить выговор от ячейки легче простого, а если постараться – аж с занесением в личное дело. Так что теперь мысли попутчика сосредоточены на одном: подкараулить воришку и всадить в него пулю. А лучше – все те семь, что засунуты в барабан.

За моими размышлениями о сути дефолта состав успел не только тронуться, но и набрать ход.

Каждую секунду я ждал пуска генератора – мерцающий огонёк воткнутой между зубов вилки лучины успело изрядно надоесть. Увы, потолочная лампа не думала оживать.

Первым не выдержал орденосец.

– Где же свет?

– Безобразие! – с энтузиазмом поддержал я его. – Только собрался газету дочитать!

– Надо кондуктора поднимать! – краском[56] решительно потянулся к сапогам.

– Проще спать лечь, – зевнул я. – Если железка сдохла, на перегоне нипочём не починить.

[55] В начале 30-ых Ленинградская фабрика «Первомайская заря» выпустила из некрашеной белой ткани 75 тыс. платьев, 85 тыс. юбок, 65 тыс. брюк, 39 тыс. блузок.

[56] Краском – красный командир.

– Ну уж нет! – не поддался на мою провокацию краском.
– Пойду разбужу лентяя, заодно проверю, нет ли где в вагоне шпаны.

– Удачи, – пожелал я вслух, про себя же добавил: «Чтоб тебе там до утра собачиться!».

Договориться о поочерёдном дежурстве с орденосцем мы не смогли, вернее – даже не попытались. Ставить телефон и паспорт 21-го века в зависимость от способностей вертухая-спекулянта я побоялся. Он же, в свою очередь, не питал особых иллюзий в отношении беспартийного рабочего.

Так и коротали ночь...

Теперь самое время чуток подремать. Судя по настрою, орденосец от кондуктора быстро не отстанет и, уж верно, пока ругается – не заснёт.

За опущенными веками мгновенно встали чёрные, клубящиеся в бездонную синеву неба дымные столбы.

«Откуда тут столько паровозов? Разве уже Тверь?», – хотел я спросить сам себя, но не успел.

Взгляду открылась утонувшая в зелёной кайме тропического леса бухта, а в ней, прямо посередине – страшные чёрные корабли. Над каждым, поверх неуклюжих тростинок мачт, развевался огромный звёздно-полосатый флаг.

Крик – «что за х...ня!» – замер в груди.

Ответ нашёлся в памяти – это эскадра Перри![57]. Третьего дня читал про неё в древней, как сразу все египетские боги, «Ниве».

Новейшие колёсные пароходы без спроса ввалились в запретную для всех чужаков Японию и бомбическими пушками Пексана с пугающей лёгкостью растёрли в порошок двухсотлетний самодовольный комадоз сёгунов[58].

Ни тебе лихих атак на пулемёты с катанами наголо, ни камикадзе на джонках с динамитными минами наперевес, ни

[57] *Четыре корабля прибыли в 1853 году в Японию фактически для принуждения последней к торгово-хозяйственным отношениям (Канагавский договор заключён в 1854 году).*

[58] *В японской истории так назывались люди, которые управляли (в отличие от императорского двора в Киото) Японией до 1868 года.*

выписанных кровью танка[59] перед харакири. Тихое самодовольное банкротство, совсем как в СССР, вид сбоку.

Были гордые независимые вожди – стали младшие торговые партнёры. Был собственный золотой червонец – стал Его величество доллар[60].

Получите и распишитесь...

От чёрных кораблей Перри во Фриско не осталось и дров, однако цели командоров не изменились – они намерены торговать исключительно по своим правилам.

В истории старого мира СССР каким-то чудом выкрутился из их «ласковых» объятий, вернее, отступил с сохранением лица.

Виновника же нынешнего фиаско мне искать не долго: «Было лучше, глупец, зачем ты всё испортил?! Благими намерениями услана дорога в ад!», – настёганное виной подсознание заметалось в поисках оправданий. – «Постой, в «Ниве» не зря упоминали революцию Мейдзи!»[61].

Сумела бы элита Страны восходящего солнца отбросить хвост феодальных сословий без чёрных кораблей?

А сменить пирамиду правящей династии?

Реорганизовать армию и флот?

Перевернуть с ног на голову мораль и цель жизни целой нации?

В конце концов, кто вынудил японцев стать большими европейцами, чем сами европейцы?

Результат-то вышел на зависть!

Быстрый подъём экономики, невероятный военный триумф Цусимы, захват Кореи и Манчжурии. В эйфории побед – непомерные тихоокеанские амбиции, безумный вызов, брошенный самим Соединённым штатам. Капитуляция после ряда жестоких битв, и снова взлёт в экономическом угаре шестидесятых к месту второй экономики планеты...

«Тойота» и «Мицубиси» отомстили Детройту за Мидуэй!

[59] Основной вид японской феодальной лирической поэзии.

[60] В Японии действительно была сломана денежная система – в изолированной стране за один золотой давали пять серебряных монет того же веса, тогда как в Америке – целых 16.

[61] Революция Мейдзи – комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868 – 1889 годов.

Выходит, только поражения толкают диктатуры и монархии к модернизации, а победы – никогда!

Да сырцовский дефолт ещё на пользу СССР пойдёт! [62]

Ну в самом деле: должен же быть хоть какой-то просвет в этом большевистском кошмаре?

К примеру...

Селюки из Политбюро неожиданно сообразят, в какую Мумбу-Юмбу продать зерно и яйца...

Сырцов – экономист он, или как? – догадается через подставных лиц скупить советские госдолги за треть цены [63]...

Рыков прикроет подальше от греха гнездо недобитых троцкистов – ненасытный Коминтерн...

Скаредные цэкашники обрежут в ноль финансирование братских компартий...

Новый главарь ГПУ прекратит террор специалистов, чиновников и управленцев старой царской школы, закрывает чёртовой матери концлагеря.

Даст продох крестьянам и кулакам, они как-нибудь и без тракторов накормят горожан.

Последние – не потащат в Торгсины обручалки и золотые коронки [64] в обмен на самую дешёвую муку для своих детей.

Разве всё перечисленное такая уж нереальная фантастика?..

Восторг ли от удачного самооправдания, шорох ли отворяемой двери – что-то выдернуло меня из полудрёмы. Раздутый сквозняком светляк приугасшей, было, лучины пыхнул, как электрический разряд...

Сделавший шаг в купе какой-то малый испуганно отпрянул назад, в темноту коридора.

[62] В 1933 году реальной истории, решая дилемму «сохранение международной репутации за счёт торможения экономики или быстрое восстановление экономики ценой дефолта», руководитель Германии предпочёл дефолт.

[63] После объявления дефолта стоимость госдолгов Германии упала до 40 % от номинала, их за валюту скупали немецкие же компании – получая от своего Минфина расчёт в 100 % – но уже в рейхсмарках.

[64] В реальной истории Торгсины были созданы в январе 1931 года, ликвидированы в январе 1936 года. В данном мире их нет.

Я успел различить лишь болтающиеся наподобие ленточек у бескозырки тесёмки вокруг шапки-финки.

Вопль разорвал стёршийся в неслышность перестук колёс:

– Вот ты где, сволочь!

Хлестнувший следом выстрел не оставил сомнений – орденосец навёлся на цель.

– Стоять!

Спалившийся на горячем воришка метнулся в сторону, но тут же передумал и влетел обратно в купе. Вскочил на столик у окна и, сметая лучину, не щадя руки, в полный размах врезал по стеклу кулаком да так, что посыпались осколки. Раз, второй, третий – двойные зимние рамы упрямо не давали места для спасительного прыжка.

«Кастет...», – догадался я.

– Лешк-а-а! – взвизгнула Саша. – Кто тут?!

Ладонь стиснула лежащий в кармане «Браунинг», но что-то дельное я предпринять не успел – проём двери заслонил силуэт разъярённого орденосца, братъ живъём, похоже, он никого не собирался.

Бах!

Подсвеченный вспышкой выстрела злодей белкой метнулся вверх, к замершей в ступоре супруге краскома.

Бах!

– Не стреляй! – в одном отчаянном вопле воедино слился мужской и женский голос.

Бах!

Жена краскома с жалобным стоном распласталась по полке.

Воришка в отчаянии рванулся в окно, головой прямо в недобитые осколки.

Бах!

Не успел...

Подбитый влёт мешок тела валится в мою сторону!

Пытаюсь увернуться, но отчаянно не успеваю.

Бах!

Хлесткий удар пули в грудь вбивает меня в стенку. Боли нет, только удивление – за что?

Спихиваю жалобно скулящего воришку прочь, на пол, дрожащей рукой тянусь проверить рану и...

На ладони – густо перемазанные в крови осколки экрана смартфона.

– Пи...дец неизлечим...

Не боль, но отчаяние туманит глаза – чёрные корабли заглядывают в гости не только к генсекам и императорам.

Бесценный источник знаний, единственная ниточка к прошлому, архив фотографий – всё, абсолютно всё в один миг уничтожено безмозглым дуболомом. Пользы для и прогресса ради...

Прочь бредовые мысли!

Как я не догадался вовремя остановить дебила с наганом?

Зачем мы вообще куда-то поехали?

И вообще, почему мы не рванули через западную границу прошлой осенью?

Пусть на носу предательский снег, пусть раскисшие от грязи тропинки и промозглый дождь...

Всё равно – это меньший риск, чем жить под носом у чекистов!

Наивно надеялись: вдруг к власти в СССР придут вменяемые лидеры?

Вот, можно сказать, дождались – нам попросту не с чем к ним идти!

Хотя идти-то теперь наверняка придётся...

Но не к вождям, а через границу, к архиву, оставленному год назад в сейфе швейцарского банка. Только бы дотянуть до лета...

Из самобичевательного транса меня вытащили рыдания Саши.

– Лёшенька! Родненький!

– Гражданка, аккуратнее! У его ж рёбра изломаны, не дай боже, чего пропорет у ся внутри!

– Штаны-то у раны держи крепче, пока не перевязали!

– Господи, помилуй нас, грешных...

Оказывается, к нашему купе успела сбежаться куча народа, в достатке принесли и свечей.

Бодро шепчу:

– Сашуль, ты-то хоть сама в порядке?

– Да, да, – через щёки любимой тянутся дорожки слёз. – Скажи, что у тебя болит?

– Душа, – пытаюсь пошутить я.
– Дурак! – робкая улыбка преобразует лицо жены. – Напугал меня! Замер, как неживой!

– Задумался о судьбе Нового мира, – честно ответил я.

– Ты, паря, не иначе в рубашке родился, – прокомментировал наше воркование незнакомый усач в шинели, накинутой прямо на бельё. – Пуля-то прямиком в сердце шла. Ежели б не зеркальце твоё в блокнотике – быть беде.

– Уж лучше сдохнуть... – начал я, и тут же спохватился – поздно.

– Хи-хи... – нервно приснула рядом какая-то дамочка. – И правда – дурачок!

– Нет! – вспыхивает в ответ Саша. – Он у меня – самый лучший!

Теперь ржёт конями чуть не половина вагона...

Глупо злиться на нормальную реакцию нормальных людей. Спустя несколько секунд и я, переборов боль, смеюсь сам, как бы не громче собравшихся в купе попутчиков.

Увы, недолго...

– Моя Тонечка умерла, – оборвал веселье бесцветный голос орденоносца. – Я её убил.

Оказывается, наш стрелок-идиот всё ещё тут!

Я, повернув голову в его сторону, поймал тупой взгляд.

– Извини... – кивнул орденоносец мне. – Так вышло.

И он, быстро подняв всё ещё зажатый в руке револьвер, приставил дуло к виску.

Бах!

– Седьмой, – зачем-то посчитал я.

2. ПЛАН ТАМ ПРАВИТ БАЛ

Москва. Апрель 1931 года

Девятый месяц с рождения Нового мира

До второго гудка остались минуты, серые угрюмые люди из серых домов спешат в каменную клетку «Электростроительного завода» [65]...

Я – один их них, жалкая капля в водовороте человеческой реки.

Я – такой же, как все...

Мы променяли свежий сумрак весеннего утра на возню у тяжёлых машин.

Мы ненавидим бурый кирпич стилизованных под крепость стен и спрятанные за ними закопчённые палки фабричных труб.

Нас тошнит от вида идущих где-то рядом начальников, друг друга и собственного недобритого отражения.

Вдобавок персонально меня бесит растянутый между семиэтажными башнями проходной плакат с профилями Ленина и Сталина.

Перед распахнутыми дверями мужчины резко ускоряют шаг, женщины бегут – скорее, скорее в одну из очередей к табельным часам.

К сожалению, тут нет огромных досок под номерные жестяные жетоны, нет и ленивых табельщиков, считающих недостачу с щедрой пятнадцатиминутной заминкой.

Буржуйская механика пробивает время на бумажке с точным бездушием: стоит опоздать хотя бы на долю секунды – и

[65] В описании условий работы на «Электростроительном заводе» тут и ниже использована книга С. Журавлёва и М. Мухина «Крепость социализма».

бухгалтерия без малейшей жалости вырвет штраф из твоей полочки.

Рабочие пожинаяют плоды советской индустриализации: «Электрозавод», вне всякого сомнения – новейшее предприятие Москвы, копия одного из предприятий немецкого концерна «АЕГ».

Ещё важнее то, что он заказан и построен в тучные годы первого НЭПа[66], когда большевики ещё не экономили на таких мелочах, как автоматизация кадрового учёта.

Своя очередь всегда самая медленная.

Минута, вторая, третья...

Наконец я впихиваю узкий листик личного табеля в прорезь часов и даю на рычаг штампа.

Есть, успел!

Лезу за часами посмотреть на оставшееся время, но тут же останавливаю руку – тоскливый вой молотом бьёт в уши.

– Су...и! – дежурно матерюсь я вполголоса. – Опять ползти до цеха под гудком!

Хотя большой разницы нет – следующие пять минут от паровой сирены спасения не будет нигде.

Никто не знает, зачем пытаться уши людей так долго, но изменить ничего нельзя – деды терпели да нам велели.

– Лимончик, не спи, замёрзнешь! – неожиданный толчок в плечо едва не снёс меня с ног.

– Семеныч! – возмущаюсь я. – Тебя как человека просил побережь рёбра!

– Ничо! – бригадир неловко прячет ухмылку в жидких усиках. – Мясо уже заросло, вчера сам видал!

– Если бы... – по утрам мне особенно хорошо удаются мученические гримасы. – Каждый день микстуры глотаю, а всё равно, при восстановлении иннервации[67] сенсорных

[66] «Электрозавод» был открыт в 1928 году, но договор о содействии был заключён ещё в феврале 1926 года. Он предусматривал фактическое копирование у «АЕГ» всей системы производства, включая оборудование, организационную структуру и лицензии.

[67] Иннервация – снабжение органов и тканей нервами, что обеспечивает их связь с ЦНС. Однако фраза в целом – абракадабра, не имеющая смысла.

рецепторов – как кнутом стегает. Да и вообще... Эта иннервация грёбанная да ещё и с рецепторами...

Таких умных слов наш бригадир не знает, поэтому на всякий случай смущённо хмыкает, мнёт в пальцах вонючую самокрутку, и наконец переводит разговор на знакомое:

– Ну так идём, што ли...

– Никакого уважения к ранбольному, – притворно стенаю я и...

И переигрываю.

– Шире шаг, шире! – щерит зубы почуявший фальшь Семеныч. – Носочек тяни, симулянт!

– Торопишься? Боишься, что ребята без тебя опять набедокурят? – мне не надо долго искать повод для ответной издёвки. – Вчера, например, ка-а-а-к врубят на прогоне тридцати пяти кварник сразу под нагрузку, без прослушивания на холостом. Скажи спасибо, что газовая защита сработала штатно, а не как обычно!

– Однох...йственно разбирать бы пришлось...

– Заодно от стен кое-кого отскребать!

– Не пужай, ужо пужаные!

– Стяжные болты без изоляции зачем на прошлой неделе в магнитопровод напихали? А ведь это неизбежный «пожар» стали! И ведь ещё упирались, прям как бухарские ишаки, переделывать не хотели.

– А то сам не знаешь? Картонные гильзы кончились!

– Самодельные накрутить мозгов не хватило?

– Так это... Всё одно лаком затянет!

– Кто воздух из бачка термосифонного фильтра не выпустил и масло вскипятил? – вкрадчиво интересуюсь в ответ я. – Силовые шины по высокому марсиане наперехлёт сварили? Мало? А кувалдой изолятор на место осаживать – чья светлая идея? Это же надо, ещё умудрились «рацуху» на этот варварский метод подать! Красивый лотерейный билетик от «Займа идей» уже получили?[68]

[68] В конце 1930 года были выпущены красочные облигации «Займ идей». По ним намечалось собрать не менее 6 тыс. предложений с экономическим эффектом 1 млн. руб. Автор идеи, получая облигацию, дополнительно к обычному вознаграждению имел право на участие в розыгрыше специальных премий.

– Не только билетик, но и премию! – в голосе Семёныча неподдельная гордость. – Комиссия со Сталинского райкома приезжала, так директор обязал администрацию любое предложение в течении суток рассматривать...

– Пора по-новому изобрести технологию молотково-кувалдовой зачеканки трещин после сварки! – в притворном воодушевлении воскликнул я. – Эффект – с гарантией: пока трансформатор дотрясётся по «железке» на другой конец страны, то в нём и капли масла не останется!

– Ты нам, это... Не мешай закончить пятилетку за три года! – уже всерьёз «бычит» Семёныч. – Шепну профкомовцам – ужо будешь знать!

Пора сдавать назад...

– Тогда сам будешь по техкартам с немецким словарём ползать, – отшучиваюсь я, а про себя же добавляю: «Благословенно то время, в котором принято для начала стучать в профком, а не сразу слать анонимку в ГПУ...».

* * *

Угораздило же меня попасть в детский сад, по нелепой случайности названный ударной хозрасчётной бригадой...

Семеныч младше меня на год, месяц как разменял четвертак – он тут единственный как бы инженер с как бы дипломом.

Марксизмом подкован, что тот ещё призовой рысак, однако профильные знания застряли на «втором правиле Кирхгофа».

«Уравнения Максвелла» – держит за шаманизм, мегометр[69] – мнит трансфлюкатором с Нибиру[70].

Уровень образования остальных ФЗУшников и ФАБзайцев[71] даже оценивать страшно.

Дирекция недавно вроде как попробовала – провела какие-то простейшие экзамены, а после них так перепугалась, что вместо культурармейских кружков ОДН открыла-таки

[69] Электроизмерительный прибор, предназначенный для измерения больших значений сопротивлений.

[70] Несуществующий прибор с выдуманной планеты – очередная абракадабра ГГ.

[71] ФЗУшник – ученик школы фабрично-заводского ученичества. ФАБзаяц – ученик ФАБричноЗаводского обучения.

полноценную вечернюю трёхгодичную школу ликбеза аж на целую тысячу мест.[72]

Зато энтузиазм у всех пузырится, как уран в реакторе: запрячь в электрогенератор – хватит осветить жилой квартал.

Живут члены бригады производственно-бытовой коммуной[73].

То есть не во имя торжества идей мирового коммунизма, но ради крыши над головой и профита от совместного хозяйства. Общая комната в бараке, общий койко-фонд, общие деньги на газеты, трамвайные билеты, махру, обеды, походы в кино. Один для всех чайник чая с утра и бачок каши на ужин. Новые вещи – строго по очереди, с разрешения собрания.

На первый взгляд – дикий идиотизм, но в нём есть своя «сермяжная правда»...

Коммуна – суть примитивный клан, единственная защита от опасностей выбора...

Даже если он заключается в метаниях между булкой хлеба, походом с девушкой в кино или новыми штанами.

Свобода – детям не игрушка, особенно в советском социуме, который недалеко ушёл от первобытного концлагерного правила: «умри ты сегодня, а я – завтра».

Коммунары безмерно сильны в заводских интригах. Чуть не первым делом они подмяли под себя лучший по деньгам участок окончательной сборки[74], он же – по сути – участок предпродажного ремонта.

[72] ОДН – Общество Долой Неграмотность. На сентябрь 1931 года на «Электрозаводе» учтено 1261 малограмотный и 107 неграмотных рабочих. В 1934 году в обучение вовлечено более 4 тысяч человек, из них в системе общего образования – около 2 тысяч.

[73] Коммуны были чрезвычайно популярны на «Электрозаводе» в начале 30-ых, они официально существовали до 1934 года, а точнее – до XVII съезда ВКП(б), охарактеризовавшего их как «уравниловско-мальчишеские упражнения «левых головотяпов». Реально, из-за трудностей быта, заметно дольше.

[74] Можно привести цитату (Максим Коломиец, «Тяжёлый танк «КВ-2»): «После приёмки всеми военпредами машина поступала в малярный цех... Затем «КВ» направляли на участок окончательной сборки, где проверяли подтяжку всех соединений... После чего танк вновь предъявляли военпреду ГАБТУ КА.

Да вот беда: манипулировать чужаками оказалось не в пример сложнее, чем старшими товарищами-большевиками – не прошло и недели, как приставленный в помощь ответственный немецкий член КПГ сбежал от повернутых на идеологии ксенофобов домой в Берлин.

Обиженные потерей места местные специалисты отказались и пальцем пошевелить в пользу страдающей коммунистической мегаломанией[75] молодёжи. Опыта нет, вся документация и технологические карты на немецком.

Дело встало...

Кинули клич, сперва по классово близким комсомольцам, потом, в отчаянии – по всем желающим. В шутку – чтобы отказали с гарантией – я потребовал от поборников всеобщего равенства и братства две ставки зарплаты.

Те подёргались в бешенстве, но...

Но, ко всеобщему изумлению, согласились – принесли свою честь и совесть на алтарь великой мечты о пятилетке за три года.

Мне же прилепили кличку «лимончик» – богач-миллионер – и загнали в тупик. Назад не сдашь – комсомольцы народ злопамятный и против врагов дружный, заспинные смешки превратят жизнь в ад. Вперёд – без дозы нейролептика к заводу страшно подходить: ненависть и презрение – в каждой паре глаз.

Пришлось терпеть: козь подал в стаю – лай не лай, а хвостом виляй. То есть во что бы то ни стало докажи превосходство пролетарской сметки над «продажной девкой» буржуинской науки.

Сделай то, что досель не смог никто – потому как инженеры «АЕГ» свою кислую капусту с сардельками едят не зря, техпроцессы вылизаны до блеска.

Каждое движение вокруг стапеля учтено до секунды, тем более – не так уж оно и сложно. Высоковольтный трансформатор тридцатых – он никак не rocket engine[76], так, глупая машина трёхтонная, с газетную будку размером.

Движущихся частей нет, железо толстое, шины медные, широкие, допуска большие.

[75] *Здесь: страдающие бредом величия.*

[76] *Ракетный двигатель. (англ.).*

Краска и то лишь по названию диковинная kugelblau, а на деле – обычная шаровая синяя. Всерьёз навредить такой бандуре невозможно!

Казалось бы...

Не учили капиталисты пролетарских талантов[77]...

Брак идёт от поставщиков сырья – на алюминий и медь нельзя смотреть без ужаса.

Брак гонят литейщики, станочники, намотчики, тянущики, термисты и инструментальщики.

Брак трансцендентен, чудовищен и вездесущ: он – в раковинах литья и волнах проката; он – в рваных обмотках и протухшем лаке; он – в сорванных резьбах, гнутых корпусах, расползшихся крепёжных размерах...

От брака нет спасения, он не помещается в немецкий тайминг примерно так, как библейский верблюд не пролазит в игольное ушко...

Поэтому основная сборка – в отличие от окончательной – ведётся «по возможности»: что есть, что смогли, на что хватило времени...

В погоне за планом товары для совграждан так и отгружают, по принципу «не нравится – не бери, очередь длинная».

Однако тяжёлая энергетика идёт исключительно на стройки пятилетки, возить неработоспособный металлолом из одного конца страны в другой не могут себе позволить даже большевики.

И вот участок контроля качества превращается...

Во что?

Правильно, в ремонтный!

Лишние, неучтённые планом рабочие и специалисты, особые техпроцессы, не прошедшие через жмотов из «АЕГ» финансовые фонды...

Свобода и анархия, штурм, напор – идеальное место для внедрения уникальных технологий следующего века.

Одна «маленькая» проблема: высоковольтные трансформаторы очень мало изменятся за следующие сто лет.

[77] Количество брака в первые пятилетки было чудовищным даже по советским меркам. По разным трестам процент брака «в чистом» (т. е. прошедшем браковку) товаре составлял 50 %, а на некоторых заводах – более 90 %.

Да и вообще, всё принципиальное нужное в электротехнике «изобретено до нас».

Генераторы электростанций – синхронные, сети электропитания – на переменном токе, на нём же работают простые двигатели. Сложный управляемый электропривод, наоборот, исключительно на постоянном.

Скорость вращения дёшево и сердито регулируют реостатами в обмотках возбуждения, особого горя не знают.

Выпрямляют ток кенотронами[78] или ртутными вентилями, в маломощной радиотехнике – экспериментируют с новомодными купроксами[79].

Промышленная автоматика примитивна до дрожи, сервоприводы с контролем положения – уже высокая и, как правило, военная наука.

На лампах – в теории – можно собрать что-то уникально-лабораторное, но никак не более того. Поэтому серьёзных перемен в отрасли надо ждать лишь после освоения полупроводников.

Так гора родила мышь – моего образования и кругозора будущего хватило ровно на четыре автомобильных колеса.

Без всяких шуток – с моей подачи колёса от древнего «Фордика» приделали к ручному козловому крану-трёхтонке, чтобы без помех катать его по гравию и мёрзлой земле. А затем пробили стену цеха, расширив тем самым испытательный полигон далеко за пределы отведённой регламентами «АЕГ» территории.

Механизация на уровне лучших демидовских мастерских[80], но неквалифицированный труд в СССР и стоит примерно как в петровской России – вчерашние крестьяне с удовольствием готовы отдать свои руки за жратву и койку в бараке, одну на двоих.

[78] Кенотрон – разновидность электровакуумного диода, использовался для выпрямления переменного тока.

[79] Купрокс – медно-закисный выпрямитель, полупроводниковый диод на основе закиси меди. Открыт в 1920 году, серийное производство – с 1927 года (под маркой «Westector»).

[80] А. Н. Демидов – основатель горнозаводской промышленности на Урале и в Сибири, к 1745 году имел 25 заводов, на которых было занято до 25 тысяч рабочих.

Зато выставить на высушку и проверку вместо десятка коробок сразу полсотни – не проблема.

У бригады появился манёвр по срокам, возможность запускать параллельные работы и временно каннибализировать необходимые детали.

Через месяц количество отгруженных трансформаторов прыгнуло вверх чуть ли не вдвое.

Жить стало лучше и веселее.

Ну а почётная грамота от заводского бюро ВЛКСМ так и вовсе примирила нас с бригадиром. Но и только – остальные коммунары по-прежнему видели во мне скорее классового врага, нежели коллегу...

За обсуждением заводских сплетен мы как-то совсем незаметно вывалились из раздевалки на свой участок.

– Бл...ть! – выматерился Семеныч. – А чего они все «синие» с утра?!

– Парторг, мать его! – я с трудом удержался от плевка. – Вон, смотри, на вчерашнем нежданчике напильником дёргает.

В цехе, мягко говоря, не жарко, и если коллектив мельтешит в синих рабочих комбезах – значит, рядом высокое начальство, без вариантов. В обычное время все таскают на себе серые ватные телогрейки.

– Может, нам дело какое изобрести? – засуетился Семеныч.

– Поздно, – хмыкнул я.

Длинный и тощий, как день без хлеба, Васька-парторг уже радостно скалит зубы в нашу сторону из рябого месива щёк.

– Учись, бригадир, вот так надо! – махнул он рукой в сторону работающих «с огоньком» ребят. – А ты, белоподкладочник[81]... – добавил персонально мне. – Какого х...я от коллектива отрываешься? Быстро схватил напильник, и – впер-р-ред!

Делать нечего: Василий Крамер – хоть и обиженный на голову с детства – но всё же из цехового треугольника.

Да и не сказать, что он так командует со зла, завод – не

[81] Термин связан с дореволюционным обычаем богатых студентов носить форменные стуртуки и куртки на белой шёлковой подкладке, в то время как учащиеся победнее использовали куда более дешёвую и практичную чёрную саржу.

институт благородных девиц, более сложные лингвистические конструкции рабочие просто не понимают.

Принимая из холёных начальственных ладоней инструмент, я с удивлением уставился на объект работы.

– Ёб... Зачем?! Зачем на дерьмовом фланце дырки распиливать? Он же на прихватках пока, в секунду кувалдой сковырнём, девчонки пересверлят как положено! А я бы тем временем разобрался с нарушением симметрии на семнадцатом, или хотя бы листы магнитопровода по-человечески расклинил на тридцать третьем...

– Девчонок пожалей! – хлопнул меня по плечу парторг вместо «до свидания». – Партия сказала: «Надо!».

– Они же не в ручную шоркают, – скривился я в спину Ваське.

Вот так всегда...

Получить сверхнормативные детали с основного производства взамен бракованных – это за гранью реальности. Там свои начальники, свои планы, через заводскую бюрократию мелкие вопросы тянутся месяцами.

Системно тоже не выходит, за шаг в сторону от священных регламентов «АЕГ» директорат полным составом отправят на Соловки, а то и прислонят к холодной подвальной стенке.

Немецким инженерам, в свою очередь, никогда не понять того, как рабочий умудряется просверлить в несчастном фланце шесть отверстий из положенных двенадцати. И ладно бы равномерно по окружности, глядишь, оно бы и сдюжило, так нет же – все с одной стороны!

Очевидное решение пробили ещё до коммунаров – усилили ремонтную бригаду своими станками и станочниками. Техника превосходная, взять, к примеру, сверловку: на неё выделили новейшие «Renner» 1928 года выпуска. Настоящие «мерседесы» по меркам отрасли: индивидуальный электропривод, сбалансированная закрытая трансмиссия, ничтожное биение...

А вот набора кондукторов нет, как и нет и стабильного потока деталей одного типа.

Оно и понятно – сегодня напортачат тут, завтра – там,

детерминизм[82] отсутствует как класс. Посему каждую хрень нужно сперва зажать в тяжёлые универсальные тисы, затем винтами-крутилками выставить в должное положение, а уж потом...

А никто подобной чепухой не занимается!

Девчата сверлят с руки – быстрее, быстрее, ещё быстрее. Какая уж там точность, ладно если в полсантиметра попадут...

Но обычно хватает даже этого...

Там – поставить через шайбы болт потоньше, тут – кувалдой прировнять, вторую-третью прокладку засунуть, глядишь – края и стянутся.

Но бывает, что и не везёт, вот тогда никуда не деться: бери напильник да подгоняй по месту – с утра и до забора – пока вся обвязка на место не встанет.

Обычно этим Колька занимается, простофиля и балбес лет восемнадцати с овальным, как яйцо, безусым лицом. Он и сегодня тут, соседний фланец шкрябает, а я волей высокого начальства его развлекать приставлен.

Нерационально, но с другой стороны – почему бы и нет?

– У тебя с Нюрой-то срослось? – поинтересовался я для завязки разговора.

– Эт которой?

– Ну даёшь! Забыл, что ли? На прошлой неделе гривуазное письмо за тебя писал!

– А-а-а... Да та ж из рязанских, – Колька на всякий случай прямо через картуз почесал рукавицей затылок. – Покуда не знаю, до ей же по «железке» ехать надоть.

– У тебя их вообще сколько? – спросил и пожалел.

Колька отставил инструмент, сбросил рукавицу.

– Нюрка с мыловарни «Свобода» – это раз, – загнул он палец. – Нюрка банщица, – в ход пошёл второй палец. – Белобрысая Нюрка с Малой Бронной...

– Стой, стой, – поспешил я остановить перечисление. – Давай уж пилить!

– А те чё, имя в душу запало? – продолжил тупить Колька. – Айда с нами к девкам, подведу к той Нюрке, что буржуазка. Ох и справная краля, не зря Адорой кличут. Да больно уж

[82] Учение о взаимосвязи и взаимной определённости всех явлений и процессов, доктрина о всеобщей причинности.

дорого берёт! Но ты-то, Лимонщик, червонцев без счёту гребёшь, поди, как отыщешь на неё серебрушек.

– Вы что, и к проституткам всей гурьбой ходите? – от изумления я чуть не обломил в дыре напильник.

– Пятёрками! Чтоб скидка хорошая вышла, да по разу в неделю у всех получилось. А ежели реже, то дохтура говорят, што для здоровья шибко вредно.

– И коммуна по всем деньги централизованно распределяет?!

– Дык! Наши ребята все с пониманием! [83]

– О, святой Фарадей! – схватился я за голову. – Чёрт с ней, с любовью до гроба, но совсем без чувств как-то стрёмно! На заводе же отбою от девчонок нет! Выбирай какая нравится, да тащи в кино или театр. Глядишь и сладится. Или им тоже предложишь ходить к этим, которые проституты? По пять подружек за раз, для дисконта?

– Нече ругаться, – обиделся Колька. – Мы, коммунары – люди сознательные. Некогда нам за каждой юбкой бегать, куда пятилетка не сдана. Не чета всяким белоподкладочникам!

– Не срывайте маски, вдруг под ними морды... – злобно пробурчал я в ответ.

Навёл мосты с коллективом, называется. Ведь не жалко ни капли, даже наоборот: полигамную мужскую сущность слегка царапает зависть – у Кольки в каждый выходной трах по-новому. Стоит, опять же, подобное развлечение в СССР сущие гроши.

Но чтоб раз в неделю коллективно строиться и с песней направляться на физиологические процедуры? Да ещё оправдываться проклятой пятилеткой?!

Ну уж нет!

Под размеренное шарканье стали по металлу в голове крутилась всего лишь одна мысль: куда бы подальше свалить от коммунара Кольки и тупой работы.

Злость – хороший мотиватор: уже через полчаса появилась идея, а чуть позже – детальный план.

[83] Проституция в 20-х годах была развита чрезвычайно. Согласно данным опросов, в 1923 году продажной любовью пользовались 61 % мужчин, трудившихся на фабриках и заводах, и 50 % занятых в иных сферах – торговле, управлении и т. п.

– Пойду... – бросил я Кольке. – Найду Семеныча.

Ответа не было, да я его и не ждал.

Поиск много времени не отнял...

Раскидав «текучку» по коммунарам, бригадир плотно упёрся рогом в замысловато дурящий «семнадцатый». Инструкция чёткого ответа не давала – очевидно, разом наложилось несколько дефектов.

По моим прикидкам остолопы на сборке перепутали начало и конец «вторички» на третьей обмотке при включении звезда-звезда, вдобавок к этому на четверть не домотали меди по высокому на первой и одновременно устроили межвитковое на второй.

Но коли Семеныч трусливо бросил меня погибать с напильником – пусть расширяет лоб самостоятельно.

Или – назло премии! – отправляет агрегат обратно в полный демонтаж.

Предложение я выкатил в лоб без приличествующих моменту расшаркиваний.

– Меняю сегодняшний день на «рацуху» с действующим образцом.

– Прямо-таки целый день?! – с ходу решил поторговаться Семеныч.

– Всего лишь день, – нажал я. – Сокращу количество брака при сверловке примерно процентов на десять.

– Ого! – крылья широкого бригадирского носа хищно дрогнули. – Долго? Затраты на внедрение?

– Посильно, – небрежно отмахнулся я. – Полпуда железа, моток медного провода, выключатель, по литру спирта и лака, вроде как... – тут я вспомнил о ненасытной прорве домашней печки. – И куб упаковочных досок!

– Бери! – Семеныч поспешно выудил из халатного кармана обмусоленный до густой синевы химический карандаш. – Сейчас, только черкну записку.

Ишь засуетился-то как, будто повышенное обязательство перед ВОИЗ[84] подписал!

– Ещё книжку ударника до конца месяца, – поспешно дополнил я список требований.

[84] ВОИЗ – Всесоюзное общество изобретателей. Существовало с 1932 года по 1938 год.

– Ох, ну ты и «лимонщик»!
– По вопросам пятiletки... – злосчастный напильник лёг в
руки бригадира. – Торг неуместен.
Сами прилепили кличку богача-мироёда – сами и
мучайтесь...

Инновация не казалось особо сложной в теории, не выявилось проблем и в исполнении.

Сделать на «Электрозаводе» за пол-литра спирта две плитки электромагнитов размером с половину листа писчей бумаги – быстрее и проще, чем пройти миссию в «Counter-Strike».

Установить магниты на тавр-бегунок и закрепить последний в тисы сверлильного станка – легче, чем вшей вывести.

Ещё проще расчертить набор из нескольких пластин толстой жести под все возможные варианты.

Теперь для работы достаточно выбрать нужный контур, положить на него деталь, повернуть «крутилочку, выключателя...

Всё, деталь держится мёртво даже за один край, половиной на весу, то есть: нет особых проблем ни со сложной формой, ни с размером. Девушкам-сверловщицам инновация понравилась – понятно, удобно, да и как-то безопаснее, всё же не рукой тяжёлую железяку держать. Скорость работы не упала, скорее даже чуть-чуть возросла. По браку сказать до наработки статистики сложно, но обещанная десятая отнюдь не кажется фантастикой.

Короче говоря, на перерыв я уходил в самом лучшем расположении духа: теперь и дрова в хозяйстве есть, и спирта целая бутылка, и страдать «напиллингом» коммунарам предстоит заметно реже.

Плюс к тому – можно зависнуть в заводской лаборатории на целых полсмены.

Пусть и мелочь против привычного вечернего часа-двух, но и дней до весны осталось всего ничего: только-только успеть протолкнуть через администрацию настоящее, достойное пришельца из будущего изобретение.

Такое, что навсегда впишет моё имя в историю Нового мира.

* * *

Обед – несомненно лучшее время дня. Лучше лучшего – только обед в устроенной по немецким проектам заводской столовой, достойной доброго слова даже с точки зрения стандартов двадцать первого века.

Шутка ли: плац общего зала заставлен стильными импортными четырёхместными столиками и стульями со спинками; тонкие спички колонн держат изящные фермы перекрытий; по периметру, вдоль разбитых окнами стен – ряд кадок с монументальными пальмами.

Можно принять за недорогой ресторан, да только люди тут всё те же, что в любой рюмочной – жадно орудуют ложками в тарелках, не снимая кепок и телогреек.

Хорошо, хоть лаптей нет, какая-то умная голова из администрации не выдержала позора – кроме спецодежды рабочие бесплатно получают кожаные сапоги или ботинки, а вдобавок к ним – деньги на поддержание своей обуви в человеческом виде.

«Электрозавод» заботится о кадрах всерьёз, возможно, даже больше, чем они того заслуживают, эдакая крепость благополучия посреди полуголодной Москвы.

Стандартный обед – целых восемьсот калорий, честных, без воровства и недовеса.

Вместо городских лавок и рынков – закрытый распределитель со своими буфетами, продмагами, обувью и одеждой. Снабженцы бьются за бартер, как львы, а совхоз около Раменского так вообще тупо входит в штат завода на правах сельскохозяйственного цеха.

На вредном производстве – молоко, в душевых и туалетах не переводится горячая вода и мыло, одиноким матерям предоставляют бесплатные садики.

«Заборные книжки»[85] дают не только на работников, но и на их иждивенцев.

Далеко не рай, конечно, но выжить на одну зарплату можно. Если не пить и не болеть.

Но сегодня мне не надо подыскивать местечко в плотно забитом общем зале...

Спасибо «Ударнику № 1» товарищу Бухарину – для ударников коммунистического труда на каждом приличном заводе предусмотрено усиленное питание, отдельный угол, столы со скатертями и симпатичные официантки-подавальщицы в белых крахмальных чепцах.

Уселся за ближайший, готовый стартовать столик: знакомых у меня тут нет – все чужаки.

– Хорошего аппетита, товарищи!

– И тебе приятно кушать, – неспешно пробасил в замоскворецкую бороду дедок напротив.

Сидящие по бокам – судя по фасонным чёрным картузам и

[85] Заборные книжки – именные книжки, в которые записывались отпущавшиеся в кредит товары из торговых точек предприятия.

застёгнутым под горло жилетам – мастера из лампового цеха отделились степенными кивками.

Какая-никакая, а всё ж культура!

Занятые тяжёлым физическим трудом сюда не попадают: «книжечки едовых привилегий» чудесным образом разошлись исключительно по менеджерами среднего и низшего звена.

Габардиновый непарный пиджак, надетый к обеду, выдаёт во мне равного, поэтому в разговоре коллеги не стесняются ни капли.

– Начальнички х...евы, снова поганой погани людям наварили, – брезгливо передёрнулся левый мастер от запаха из супницы, водружённой официанткой на серёдку стола. – Где берут-то её столько?

– Совсе совесть потеряли нехристи, уж третья неделя пошла! – с готовностью подтвердил правый. Затем сощурил в мою сторону глаза под начавшими сесть кустами бровей. – Скажи-ка нам, паря, когда хоть малая мясинка в супе будет?!

– Года через два...

– Ох-хо, грехи мои тяжкие... – избавил меня от продолжения проголодавшийся дедок.

Ловко потянулся к поварёшке, мешанул, зацепил со дна погуще и потащил капустно-пшённое варево к себе в тарелку. Следом утянули пайки мастера.

Старшинство за столом тут чтут крепче устава ВКП(б): возмись я первым – тут же, на месте, пресекут с особой жестокостью.

– Остатки сладки, – с недовольной миной я слил себе всё оставшееся в супнице.

Выражение моего лица – лишь ширма, ведь суп сварен на превосходном камчатском крабе, видать, доехали наши трансформаторы до Владивостока. А в тех самых остатках – целая тарелка небрежно порубленных фаланг.

Ковырять крабятину из панциря за столом – не комильфо[86], да и вчерашние крестьяне поймут неправильно – они скорее будут голодать, но к «погани» не притронутся. Однако

[86] Комильфо – это соответствие поведения, манер и внешнего вида правилам приличия. Слово пришло к нам из Франции, и его дословный перевод – «как надо».

забрать еду из советской столовой домой вполне прилично, тем более что Александра последнее время очень и очень уважает крабов.

– Собачку подкормлю, – я вытащил из кармана заранее припасённую газету.

– Побольше бумаги-то наверти, чтоб не промокло, – неожиданно добродушно посоветовал дедок. – Был у меня сеттер в твои годы, ох, как же он стоял! А как подранка на топях добирал...

В уголках глаз дедка налились слёзы...

Неужто он съел своего пса в трудную годину?

– Б-б-бл...ть! – от души, с расстановкой выматерился левый мастер.

– Опять, – констатировал правый, скособочившись при виде поданных на второе тарелок с крабами и картошкой.

– Может, возьмёшь? – дедок махнул бородой на свою порцию, на сей раз куда менее аппетитную – осколки панцирей и хорды, давленные вперемешку с белыми волокнами.

– Протечёт в кармане, – быстро нашёлся я с причиной отказа. – «Правда» у меня хоть и большая, да всего одна.

– Зря барствуешь, – дедок брезгливо потыкал в «погань» вилкой. – Собака – ох, какое же то непростое дело нонче!

– Прикинь, сёдня ко мне нормировщик подвалил... – решительно сменил депрессивную собачью тему левый мастер. – Такой франтовый, фуражка лаковая, в руке секундомер блестит...

– Не ссы, прорвёмся! – отмахнулся правый. – Сам знаешь: у них там в администрации сам чёрт ногу сломит с нормами[87]. Малехо подёргаются и отъя...утся.

– Твои слова да богу в уши! Я ж ему как обычно толкую: «Только попробуй на мой кожух к фаре дать меньше пяти часов, сей момент ребята на х...й уволятся...». А он, суч...ныш, лыбится нагло в лицо, да царапает в бумажке три сорок!

– С-с-скотство! – правый мастер аж прекратил жевать. – Кивнёшь на гадёныша?

– Не лаской, так таской, – рассыпался ядовитым мелким смехом дедок. – На нас ещё комсомольских активистов не

[87] На 1 марта 1931 года на «Электростроительском заводе» действовало 41 116 норм выработки.

кинули, те – свёкор баёт – вообще звери! Встанут поодаль незаметно, секундомером щёлк-щёлк-щёлк, попробуй отвертись, как операции сведёт.

– Повалят же с завода, – попробовал возразить левый.

Да только дедок и слушать не стал.

– Никуда уж никто не пойдёт... Забудь, чай, не двадцать пятый на дворе: нонче народу везде хватает. А как техникум при заводе заработает – так и до вас, мастеров, доберутся.

– Привыкли вбивать у кулаков скрытые резервы...

Подначка левого мастера оборвалась тишиной...

«Начальство!», – оборачиваясь, подумал я и не ошибся.

За спиной – не спутаешь и во сне – мышиный в клеточку костюмчик-троечка, несвежая «гаврилка[88]», как кровавый бутон под воротом рубашки...

Васька-парторг подкрался незаметно. Подал мне руку наново, будто с утра не виделась, энергично кивнул остальным.

– Здорово живёте, о чём молчите?

– Да вот, прикидываем тут с товарищами, как ловчее план закрыть, – дедок нарочито выпятил фальшь в голосе. Немного помешкал, смахнул ладонью с бороды крошки. – Чем обязаны, уважаемый?

– Зашёл случайно, – искренности улыбки Василия позавидовал бы крокодил. – Вижу, что опытные специалисты учат нашего лучшего изобретателя... Всякой х...не!

– Обед у нас! – чуть не хором рывкнули мастера слева и справа.

Что им до чужого парторга?

– Надо спасти талант... – буркнул Василий и покосился на стол с остатками еды. – Алексей, забирай свои пирожки, допивай компот, да пойдём, поговорим.

Он что, соизволил запомнить моё имя?!

Плохо, совсем плохо, даже – отвратительно!

Ради премии-пятипроцентки или лотерейного изобретательского билетика целый цеховой парторг ни за что не пойдёт разыскивать «простого гегемона» в столовую. Явно у кого-то не по-детски пригорает, и, соответственно, мне следует ждать оказии или по партийной, или по инженерной части.

[88] «Гаврилка» – галстук на воровском жаргоне.

Иному бы впору радоваться шансу на карьерный рывок, да только вот незадача: с моими скелетами в шкафу такие финты категорически противопоказаны, отпираться же от них – подозрительно, а значит – опасно.

В любом случае, сожалеть о сделанном поздно: оставив мастерам на прощание чеширскую гримасу, я, как агнец на заклание, поплёлся вслед за Василием Крамером. К немалому удивлению – не на выход, а наоборот – на второй этаж столовой, о котором я ранее и не подозревал...

За лестничным пролётом открылся непривычно тихий, плотно заставленный пальмами коридор, глухие нумерованные двери...

– Приватные кабинеты?! – восхитился я вслух.

– Административный блок, – хмыкнул в ответ парторг. – Нам сюда, – он указал на одну из дверей. – Тут все свои, пихай сильнее!

Открывшаяся комната тонула в многослойном табачном кумаре. Полуденный свет с трудом пробивался из тянущейся у самого потолка стеклянной ленты окна к массивному, крытому кумачом столу.

Расположившиеся за ним товарищи удивительным образом оставались в тени, впрочем, не узнать их нельзя.

Профорга Лукашенко выдаёт чуб, он так лихо зачёсан, что страшно за жизнь ответственного товарища – вдруг чуб своей тяжестью перетянет гладкобритую голову на сторону да переломит длинную рахитичную шею.

Начальник цеха Пётр Петрович привычно скрутил на груди тяжёлые рабочие руки. Он всегда такой – что на трибуне, что в заводском коридоре – незлобивый ворчун-коротышка, совсем как мишка Гамми, только с густой, прячущей безвольный подбородок ярко-рыжей щетиной и кустистыми бровями, низко нависшими над тёмно-жёлтыми глазами.

– Надымили, прям как на партсобрании, – поморщился вошедший следом Василий.

– Алексей? – на мгновение оторвался от чтения бумаг товарищ Лукашенко. – Проходи, садись.

Недурно устроился на перекус заводской истеблишмент...

Отлитая из молочного стекла ваза полна сочной антоновки,

в тарелках – буженина, колбаса и сыр, отдельно – высокая горка белого хлеба, в хрустальном графинчике – готов спорить – напиток, покрепче воды.

– Добрый день, – поздоровался я, устраиваясь на стуле.

– Угощайся, – вместо приветствия Пётр Петрович подтолкнул в мою сторону полную папирос серебряную шкатулку «Лафермь».

– Спасибо, не курю... – ответил я, а сам подумал: «И когда уже в этом мире развернётся антитабачная компания?!» [89].

– Як цэ, не куришь?! – Лукашенко уставился на меня, как энтомолог на какую-нибудь павлиноглазку. – Який же ты тады муж... Электрoзаводчанин?

«Ишь ты, акцент изжить не соизволил, а вот играть словами наловчился, сумел-таки вовремя подменить слово «мужчина» на безобидное подобие...», – мелькнула мысль.

Приятная забота, хотя мне не привыкать к роли белой вороны: тут и парни, и девчата – все смеют с колыбели и до гроба, без остановок на обед и секс.

– Если позволите, – я выразительно покосился в сторону разложенных на блюде кружочков копчёной колбасы, от запаха которых натурально сносило голову.

И опять профорг удивил: вместо ожидаемого небрежного кивка он своими руками соорудил мне щедрый бутерброд, затем резкими точными движениями расплескал по стаканчикам водку из графина.

– Ну, давай! За знакомство!

– Будем здоровы! – не нашёл лучшего ответа я.

Горячий комок покотился в желудок вместе с вопросом: «Успею ли повторить?».

Как на грех, тянуть паузу товарищ Лукашенко не стал. Лишь подождал, пока все закусят, да рубанул с плеча и опять же с жутким акцентом:

– Мы тут видбываем людэй для обновления цехового актива... Разумишь?

[89] Первая государственная антитабачная компания была развёрнута в 1933 году в Германии по личной инициативе нового рейхсканцлера. Ограничивалось курение в общественных местах и для женщин, в будущем планировался полный запрет «дымной» продукции.

– К-х-ха! – закашлялся от неожиданности я. – Дело хорошее, да только при чём тут простой рабочий?

– Нам важно мнение каждого, – попробовал отделаться трюизмом[90] Лукашенко.

Но Василий – как и положено авангарду пролетариата – пошёл напролом.

– На прошлой неделе ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о массовом изобретательстве[91]... – тут его голос забронзовел от пафоса. – Коллектив «Электростроительного завода» обязан оказать партии всемерную поддержку.

Пётр Петрович поморщился, а я же просто рассмеялся в ответ.

– У нас в бригаде только ленивый ещё рацпредложения не подал! – объяснил присутствующим.

– «Рацух» и вправду хватает... – парторг поспешно перехватил инициативу. – Но твоя последняя наиболее... – он щёлкнул пальцами, подбирая слово. – Кардинальная.

– Вообще-то электротиски – сущая мелочь, на потоке от них толку не будет.

– Неважно! – Лукашенко отмёл моё недоумение небрежным махом ладони. – Работает, и работает – не на бумаге! Теперь есть что показать... А... А девчата-то как рады-радешеньки!

– С внедрением у нас всегда затыки, – веско добавил начальник цеха. – Ребята – молодцы, дельного придумывают много. Да только в дело, почитай, ничего и не идёт!

– Петрович, ты как всегда в точку! – с подозрительным энтузиазмом поддержал начальника цеха Василий. – Регламенты проклятых буржуев всю инициативу масс на корню режут. Троцкисты они нераскрывшиеся, как есть троцкисты!

– Может в райком... – осторожно, будто выкручивая взрыватель мины, поинтересовался я.

Жила во мне ещё вера...

– Без толку, как есть заговор! – сокрушённо замотал головой Василий. – Собраться бы, заставить их ответить перед

[90] Трюизм (от англ. true «верный, правильный») – общеизвестная избитая истина, банальность.

[91] В реальной истории подобное постановление было принято 26 октября 1930 года.

партией, да вот, зараза – никак не подкопаться под гадские инструкции! Хоть ты убей – ну никак!

– Авангарду наших изобретателей трэба обратиться на митинге напрямую до масс, – наконец-то раскрыл истинную суть предложения Лукашенко. – Заручиться поддержкой, такой порыв пролетариата никакой райком не удержит!

– Вместе мы – сила! – постарался оставить за партией последнее слово Василий.

Я почувствовал себя презервативом, который достали из коробочки и готовятся натянуть – как только появится эрекция...

Иначе говоря: парторг, профорг и примкнувший к ним от невеликого ума начальник цеха решили втихушку, за счёт меня и других изобретателей-энтузиастов расчистить себе следующую ступень карьерной лестницы.

Дело житейское, конечно, здесь так как бы принято, но почему они все трое решили играть с такой дешёвой незатейливостью?!

Меня что, совсем за дурака держат?

Пора отказываться...

Но...

Как бы потянуть время ещё на один бутерброд?

– Галантерейщик и Кардинал – вот где сила! – мысль сложилась в шутку.

– Какой такой кардинал? – тут же зло сощурил глаза Василий.

Чёрт побери, неужели он Дюма не читал?![92]

Или у парторга чувство юмора отшибли ещё в окопах Великой войны, когда его в бытность каптенармусом поймали на воровстве солдатских пайков?

– Вась, охолонь, кажись то с «Трёх мушкетёров», – спас меня Лукашенко. – Молодой человек хочет сказать, шо находит наше предложение нэ дуже выгодным.

– Не имею ни малейшего желания участвовать в заводских

[92] ГГ ошибается, данная фраза не из книги Дюма, а из советского фильма «Три мушкетёра» 1978 года, соответственно, сопоставить её с книгой можно (благо, в 20-х в СССР «Три мушкетёра» сверхпопулярны), но совсем не просто.

интригах, – прямо и на сей раз предельно незамысловато отрезал я. – Зарплата меня полностью устраивает, с работой справляюсь...

– Не дури, – тяжело опёрся руками на стол Пётр Петрович. – А ну как к лету нормы по сетке подрежут? Будет ваша бригада рвачей получать... Как все... Потянешь ли отдельную комнату и жену-иждивенку? А коли детишки пойдут?

На тыльных сторонах его ладоней блестит нежный золотистый волос, а из-под него желтеют крупные, беззащитные крапинки конопушек.

Добрые руки доброго человека...

Спросить бы прямо: «Какого чёрта ты вообще забыл на этом шабаше? Ведь обставят, а чуть погода – сдадут как стеклотару под очередную партхозчистку, ещё радоваться будешь, коли дело не дойдёт до Соловков...».

Однако вместо честного вопроса я лишь недоумённо вскидываю вверх брови и отвечаю:

– Перескочу в электросварщики, их на заводе постоянно не хватает.

– Нормы везде пересмотрят, – удивительно, но в голосе Петра Петровича по-прежнему нет никакого злорадства, только усталость с добавкой искреннего недоумения.

Неужели он на самом деле считает, что мне найдётся место в грязной игре «доброе» профорга и «злого» парторга?

– Жаль... Мне понравилось работать под вашим руководством. Но буду откровенен: заводов покуда в Москве хватает...

– Брось, Петрович, зарплатой его не проймёшь, – вдруг остановил начальника цеха Лукашенко.

Он вытащил из коробки очередную папиросу, неторопливо обстучал её об стол, смял гильзу, запалил, жадно втянул дым...

Я рассмотрел на его виске несколько бордовых угрей, тёмно-синюю жилку, похожую на замысловатый иероглиф, и как эта жилка часто дёргалась под пергаментно-бледной кожей...

«Как бы товарища не схватил инфаркт...», – подумал я. – «Пусть уж скорее кричит и гонит к чёртовой матери, лаборатория уж меня заждалась...».

Однако профорг зашёл с неожиданной стороны.

– Биография у тебя на диво... Хм... Правильна. Якщо тобі

взять бригаду? А колы вдасться внедрить изобретения – пойдеш у замы до Петровича?

– С чего баня-то упала? – опешил я. – Да только у нас в цехе – десяток инженеров, куда мне вперёд дипломированных интеллигентов лезть?!

– Значить, не хочешь карьеру строить... – Лукашенко вдруг резко, с размаху вмял недотянутую папиросу в переполненную окурками пепельницу. – Скажи, зачем ты тогда экзамены в нашем ФЗУ сдал? Жаловался всем вокруг, як тоби погано на прошлом месте работы учили. Торопился, кажый день книжки до дому тягал, ночами не спал?

– Мне ещё учиться да учиться...

– Тяжело было, да? Едва-едва на «удовлетворительно» натянул?

– Я очень старался... – меня начал не на шутку пугать участливый тон Лукашенко.

И не напрасно...

Через мгновение профорг ударил – прямо поддых!

Ну и гад!

– Ох, чую я, як трудны тоби наши экзамены здалися... После гимназии-то!

– Всегда говорил, что белоподкладочник он! «Контрик»! – вскочил со стула Василий. – Гнать с завода к чёрту, чтоб пыль за хвостом столбом вилась!

– Вась, тебе бы всё гнать! – вступился Пётр Петрович. – А кто пятилетку вытянет?

– Сядь, – тихо, но внятно осадил парторга Лукашенко. – Университет наш Алексей тоже закончил. Причём – ещё тот... – он отстучал пальцами по столу задумчивую дробь. – «Политех» Санкт-Петербургский, мабуть?

– Точно! Ведь думал же! – шлёпнул себя ладонью по лбу Пётр Петрович. – Вот чего он своего бригадира водит как бычка за кольцо! Хоть тот покуда и телок совсем, но всё ж... Лёш, ты пяток лет с себя списал, али все десять?

Холодная волна накрыла меня от макушки до пяток...

Нет, я, конечно, всегда подозревал, что мои хлипкие рабоче-крестьянские документы не вызывают особого доверия местных боссов.

Но по совету Бабеля особо не переживал – на

пятнадцатом году советской власти правдивая биография среди понаехавших москвичей встречается реже, чем невинность у комсомолок.

Обнаглевшие в революцию граждане не моргнув глазом правят даты рождения, социальное положение, образование, приписывают, или наоборот, скрывают родственников. Самые отчаянные и дерзкие меняют национальность и вероисповедание.

Документов нет – попробуй проверь, поройся в архивах, поищи коллег, соседей, жён или детей...

– Не тушуйся, – подбодрил меня Лукашенко. – Чутка перестарался ты с биографией, бывает... – и тут же добил. – Може, ты ще на рояле играешь?

– Ещё предложи в партию его принять! – процедил сквозь зубы Василий.

– Кстати, да! – тут же согласился Лукашенко, напрочь проигнорировав злой сарказм парторга. – Непременно пропихнуть, куда он по первой категории идёт[93]. Срочно, прямо послезавтра! Кандидатские полгода в рабочих не выходит, но это – хоть что-то: попроще будет особо бдительным товарищам объяснить назначение в начальники.

– Да ты вообще, что...

– Потом объясню... Ты, главное, своих людей к общему собранию подготовить не забудь, – отмахнулся от Василия Лукашенко. – Алексей, вот – я бачу – уже уразумел свой переплёт в полной мере.

– Извольте ещё бутерброд, – нашёлся я с ответом.

– Нам всем не помешает, пожалуй, – Лукашенко потянулся за графинчиком.

Ох, какой мастер!

Ох, ну и жук!

Как технично он подвёл ко мне крючок!

[93] Кандидаты в партию делились на три категории – рабочие (из рабочих), крестьяне, служащие и прочие. По первой категории требуется две рекомендации товарищей с одногодичным стажем, кандидатский стаж – полгода. Для третьей, в сравнении – пять рекомендаций от товарищей с минимум пятилетним стажем, кандидатский стаж не менее двух лет.

Наживка со вкусом копчёной колбаски на диво хороша, да больно жало острое. Половчее бы увильнуть от этого рыбака...

Официальная одиссея за мной значитесь короткая да слезливая, противоречий в ней не очень много. Серьёзного дознания, конечно, не выдержит...

Так оно и нестрашно при сырцовском откате в НЭП, особенно если в анамнезе такая мелочь, как отец-поручик или мать-купчиха.

За подобную шалость простому рабочему не будет ничего, разве что разок премии лишат.

Даже высокий дворянский титул – отнюдь не приговор, для ГПУ только и важно, чтоб уж не совсем упорный и окаянный троцкист.

Оттого профорг меня не пугает, а манит бутербродами: уж он-то новые веяния чувствует лучше прочих.

Да и нет – судя по разговору – у него желания любой ценой «расчехлить» белоподкладочную «контру», напротив – в его словах проглядывает необходимость эту самую «контру» использовать.

Его легко понять: кадровый голод в советской индустрии адский – не щадят пролетарские революции молодых элитариев...

Взять хотя бы нашу бригаду: подобра таких Семёнычей – как наш любимый и единственный бригадир – к ней полагается как минимум пяток душ, а командовать ими всеми в пору начальнику участка с многолетним опытом за плечами и немалыми знаниями.

Почему же всех их нет?!

Ответ прост: при большевиках – второе дно в подарок.

Мало разыскать образованного, категорически недостаточно преданного и лояльного, непременно требуется предусмотрительный комбинатор, тот, кто загодя, в самое мутное время, додумался справить себе «политически верную» биографию и таким образом остался формально пригодным для партийно-хозяйственных игр.

То есть большевики-начальники – из тех кто дружит с головой – и рады бы тащить на руководящие посты «контриков», да просто технически не могут.

Все серьёзные назначения идут через партбилет, а его с

дворянскими корнями получить ничуть не проще, чем выжить на Соловках.

Лукашенко видит во мне пройдоху и радуется...

Сволочь!

Интересно, у него самого в анкете честно вписано наследное дворянство, или «сами мы не местные, отстали от поезда дитём малым»?

Не по себе ли он равняет меня за осторожного, циничного карьериста, которому не повезло с пролетарской семьёй или всепрощающим дореволюционным стажем?

Не наигран ли его малороссийский суржик так же, как моя слабая тройка на сдаче экзаменов ФЗУ?

И наконец – не считает ли он своё предложение чем-то по-настоящему щедрым, неотразимым, сравнимым с выигрышем миллиарда в лотерею или женитьбой на любимой дочке директора?

Ведь он так, пожалуй, и думает!

То есть – выбора у меня нет, от слова «совсем».

Я просто обязан уцепиться за его предложение если не с жутким азартным визгом, то хотя бы с осторожным энтузиазмом.

Стоит отойти хоть на шаг от образа, отказаться – зверь тут же почует врага, а врагов в Советской Республике принято уничтожать любой ценой.

Да, засада...

– Может, тебе одного бутерброда мало? – поторопил меня лёгкий на помине Лукашенко.

Рвать советскую границу по снегу да с женой – верное самоубийство, а до лета ещё слишком далеко.

Как бы ни хотелось отказаться, но...

Здесь и сейчас мне придётся присягнуть на верность.

– Вообще-то... Я готовил для администрации «Электроставрограда» что-то типа сюрприза, – вроде как «засекаюсь на крючок» я. – Недавно мне удалось придумать серьёзное устройство, способное принести стране огромный экономический эффект, но...

– Ну наконец-то! – перебил меня Пётр Петрович. – Давно бы так!

– ... для доводки нужен месяц, может быть – два.

Лукашенко молча разлил по стаканам остатки графина, поднял свой.

– За изобретателей! – наклонился ко мне ближе, обшарил серыми вьедливыми глазами лицо. – Через две недели в нашем цеху будэ митинг, там доложишь коллективу о внедрении сегодняшней рационализации. Речь согласишь со мной не позже чем за три дни. Серьёзное изобретение готовь до Первомаю. Я на тебя надеюсь, не подведи.

– Пить так пить! – я поднял свой стакан вроде бы как с тостом, но про себя продолжил: «... сказал котёнок, когда несли его топить...».

3. В «ДЕНЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛА» ТАК МОЖНО

Москва. 1 мая 1931 года

Десятый месяц с рождения Нового мира

– Не простит тебя твой кит и два маленьких бобра, утка может быть простит, ведь душа её добра, – выводит недавно разученный текст 2013-го года запевальщик Ванюшка.

– И – все дружно! – я вмешиваюсь в процесс, взмахивая ложкой, как дирижёрской палочкой.

– Простит утка-проститутка, проституточка! – ревёт сводный хор бригады так, что прогибается фанера перегородок.

В ответ где-то глубине общаги раздаётся неразборчивый мат. Там, за стенками, тоже хлещут «пшеничный сок без мякоти», только под другие песни. В «День Интернационала» так можно...

– Ты плохой хозяин был, для животных для своих... – звонкий голос Ванюшки легко перекрывает праздничный гам трёх десятков коммунаров.

Издержки эпохи: нет тут никакого звукового сопровождения для застолья, кроме как дружно драть глотку...

Первое время процесс меня удивлял, затем – раздражал, а на пятом году я втянулся. Выучил местные песни, припомнил свои из школы и вуза...

Заодно притерпелся к антисанитарии и тесноте – не так оно и страшно после кромешного ада Соловков.

Пусть в пятисаженную[94], рассчитанную на шестерых каморку набился чуть не весь состав бригады, пусть обрывки

[94] Квадратная сажень – 4,55 квадратных метров, то есть комната – примерно 22 квадрата.

газет вместо тарелок, пусть кислую вонь застарелой потины не может перебить ни «аромат» сивухи, ни густой табачный смрад, ни задувающий из окна майский ветерок, пусть назавтра придётся бить вшей...[95]

Всё равно весело!

Человек – скотина социальная, каждому легче идти по жизни со своей стаей, с городом, с нацией. Трудно, шаг за шагом, пробивать свою колею...

За метаниями по миру я и не подозревал, насколько это трудно – пока кандидатская карточка ВКП(б) не растворила хитин коммунарского презрения.

Теперь никто не поминает былого, ребята в бригаде просты, как ситцевые трусы: если вдруг свой – то свой, без оттенков белого, если доверие – сразу полное, до интима, до мыслей, до чувств.

Водоворот прямодушных отношений мгновенно засосал меня в глубину советской жизни, целый месяц пролетел как счастливое беззаботное детство. Но только месяц – кошмар грядущего сработал, как спасательный буй, который вытянул меня из когтей дьявольского первобытного искушения раствориться среди «наших», ещё и ещё раз отложить на будущее решение сложных взрослых вопросов.

Не миновала чаша сия и Александру...

Она – как прояснила страшную судьбу родителей – большевиков стала ненавидеть ещё сильнее, хотя, казалось бы, сильнее и некуда.

Но перед Первомаем не удержалась: купила «соколку»[96], красный гарусный[97] беретик, юбку клёш и буквально навязалась на праздник вместо со мной.

[95] «Электрозавод» заботился о своих рабочих, описанные условия очень хороши. Для контраста, выдержка из отчёта об общежитии фабрики «Возрождение» (1937 год): «... норма, установленная Ленсоветом на одного человека 4,25 кв. м, а в комнате 30 метров поселены 20 чел. Им даны лишь 14 коек. В общежитии нет уборных, нет умывальников...».

[96] Трикотажная блузка со шнуровкой на груди вместо пуговиц – самый характерный предмет молодёжной городской одежды 1930-х.

[97] Гарус – плотная грубая хлопчатобумажная ткань.

Так сказать, для изучения врага в естественной среде обитания.

Сейчас прижимается к моему плечу, лицо чуть с зелена, но...

Как же охотно она смеётся над незатейливыми коммунарскими шутками!

И слава богу...

Я рад за неё, я вижу, как с неё сползают многие печали знания и послезнания. Ей полезно хотя бы день до вечера побыть недозрелой советской девчонкой.

Такой, как все...

– Кому картошечку?! – в каморку ввалились ребята с огромным парящим бачком в руках.

На костре готовили, во дворе, в «День Интернационала» так можно.

– Сёдня – без нормы! – с гордостью объявляет Семеныч. – Кто сколько сожрёт!

Коммунары ответили восторженным воплем, кричала даже Саша.

Наесться от пуза – не частая забава в СССР...

Тем паче на столе – кроме картошки и неизменного следующего к ней постного масла – уйма норвежской селёдки, маргарин, свежий белый хлеб. Фунтовый кулёк соли и деревянная сметана.

Царский пир!

– Наливай, за бригадира! – вокруг составленного из кроватей и досок стола понёсся очередной тост.

– За бригадира! – с энтузиазмом поддерживаю я.

Тихонько подталкиваю Сашу, она послушно поднимает стакан с белёсым пойлом.

– За твоё здоровье, Семён!

Делает маленький глоточек, болезненно морщится и неуклюже вонзает ложку в крупный клубень. Тугой, затянутый в желтовато-бежевый мундир бок поддается с трудом.

– Хороша голландка! – я без затей придерживаю норвящий вывернуться картофель рукой, а в ушко супруги шепчу. – Смотри, тут принято по-простому.

– Ох, уж эти спекулянты, – громко сетует в ответ Саша.

Все вокруг смеются...

Вроде как не в тему, однако скрытый подтекст понимают все москвичи...

Перед весенней посевной ЦК ВКП(б) постановило нанести голоду в СССР смертельный удар. На последнее золото – а может, если верить молве, в обмен на императорскую корону Екатерины второй – коммунисты закупили в Нидерландах несколько пароходов превосходной семенной картошки сорта «Бентье»[98].

Поначалу её безуспешно пытались менять у крестьянушек на зерно и молоко, а теперь – бесплатно раздают в колхозы по два мешка на двор с одним единственным условием: посадить и качественно обиходить посаженное.

Увы, впрок не идёт...

Селяне, нимало не боясь облав, тащат даренное добро на стихийные рынки.

Массированная пропаганда не помогает, впрочем, как и обещание осенних кар. Ленивые пейзаны в прогресс не верят и упорно отказываются горбатиться на картофельных полях[99].

Хоть плачь, хоть смейся – однако рыковско-сырцовский СНК нашёл выход из тупика саботажа в прямом решении продовольственного вопроса руками пролетариата[100].

Согласно новому общесоюзному тренду, дирекция «Электроставрограда» уже отвела под посадки «Бентье» как три четверти своих старых полей, так и свежеприрезанные к ним гектары соседнего полудохлого совхоза.

Поговаривают даже и о своём тепличном хозяйстве, и о своей птицефабрике...

[98] Сорт «Бентье», или «Cultivar Bintje» – один из долгожителей. Выведен в 1905 году селекционером де Фризом, но успешно используется до сих пор.

[99] Трудоёмкость обработки картофеля примерно в два с половиной раза больше, чем пшеницы. Но урожая, в пересчёте на калории – выше раза в четыре.

[100] Производство картофеля на огородах в годы войны увеличилось в 5 раз, до 120 млн. тонн. В основном не за счёт колхозов – просто были засеяны все свободные площади в городах и окрестностях.

Судя по тому же тренду, город скорее накормит себя сам, чем заставит работать колхозников...

После третьего стакашка в каморке то тут, то там вскипают пикейножилетные толковища.

Любимая тема – «как у них негров линчуют» – изменилась за сотню лет едва ли на мизинец. В фокусе нечеловеческие издевательства белых сахибов над рабочими в Индии, людоедские настроения лордов в парламенте Британии и, конечно, нищета рабочих Нью-Йорка.

Последнее, кстати, вошло в застольную традицию задолго до триумфа большевиков: великий лжец Максим Горький никогда не жалел сажи в палитру красок, описывая несчастных американских детей, которые, по его словам, всюду и без малейшей жалости лупцуют друг друга за шанс ухватить с мостовой корку загнившего хлеба...

Надо отдать должное: коммунары изрядно подкованы далёкими бедами.

С близкими невзгодами – хуже: чуть нить дискуса сворачивает в сторону границ СССР, так здравый смысл крошится от подспудного страха...

– Встретил наемни старого другана, нынче в латвийском посольстве служит[101]... – делится нешуточным эксклюзивом Семеныч. – Говорит, что английский фунт вверх прёт, как ошпаренный[102]. Значит, вот-вот Британия, Франция и США кончат с Китаем да навалятся на нас. Как перехватят Николо-Уссурийскую железку, то враз пиз...ец всему советскому Приморью.

– Так-то оно так... – уныло соглашается кто-то из бригадных старичков-скептиков. – Армейцев на восток гонят без счёта. Племяш мой уж с Читы писал.

[101] *Страхи позаимствованы из спецводки СПО ОГПУ о политнастроениях работников учреждений по данным на 30 июня 1932.*

[102] *Рост курса фунта стерлингов в 1931-32 годах – полная чепуха. Наоборот, в сентябре 1931 года фунт был обесценен до 69,3 % от прежнего золотого содержания, курс к доллару составил в 1930 году – 4,8 долларов за фунт; в 1931 году – 4,5; в 1932 году – 3,5.*

– Золото – вот что нужно мировому империализму! – спешит поделиться своим ценным мнением очастый парнишка с другой стороны стола. – Добыча-то его всё падает, пишут вот, золото через десять лет в земле кончится. Останется вот тока чуть в нашей Сибирюшке, вот за неё-то новая мировая драка и случится.[103]

– Воевать мы ни х...я не готовы, – хмуро соглашается Семеныч – Чёртовы троцкисты конкретно нам поднасрали со своим перегибами в коллективизации. Крестьянин – в раздрае, тыл – не обеспечен. С хлебом х...ня всё время... Карточки обещали ещё осенью отменить!

– Воевать в тайге заяб...сь, – тихо зудит скептик. – С «винтарем» шасть до ветра, да живо в сторону. Сто лет искать будут!

Не поймёшь, в шутку он или всерьёз, однако налицо верный факт – шкурный подход не вызывает отторжения среди коммунаров.

Выглядит это на фоне неистового фанатизма по части «догнать и перегнать» чертовски двусмысленно, однако если подумать – вполне резонно.

Десяток лет без выходных и отгулов пропагандисты месили в дерьмо и кровь врагов внутренних – уклоны, фракции, отходы от линии и прочие рабоче-крестьянские лево-правые оппозиции.

По-настоящему озлобить совграждан против врага внешнего кремлёвский ареопаг попросту не успел.

А без злобы – что за драка?

– Партия тщательно работает над поддержанием баланса сил в мире, – вступил я с речью, выверенной по свежим посылам советского МИДа. – Наша первейшая цель в мире – поддерживать слабейшего, а затем – в результате кровопролитной войны между капиталистическими государствами – укрепиться и усилиться[104].

[103] Данное мнение чрезвычайно популярно в мире начала 30-х годов (был даже подан соответствующий запрос в Лиге наций), однако в реальности добыча золота до сих пор только нарастает.

[104] Данная формула с подачи Литвинова в 20-30-х годах приобрела широкое хождение в руководстве СССР.

Саша судорожно забила на моём плече, пытаюсь сдерживать хохот.

А вот Семеныч всё принял взаправду – выпучил на меня глаза, как на говорящую лягушку.

Пришлось в ответ укоризненно покачать головой – бригадиру неплохо бы на будущее знать: о чём и где стоит помолчать.

Кто-то же напишет четыре миллиона доносов?

Зато очкастый парнишка воспрянул, как боевой конь при звуке полковой трубы. Не иначе, как почуял во мне богатый дискуссионный потенциал.

– Вот, ведь всё верно! Роль СССР – она принципиально иная, чем у Российской Империи! Какой основной принцип современных международных отношений? – он обвёл компанию многозначительным взглядом поверх линз. – Сосед обязан быть слабаком! Вот когда сосед соседа – то он готов на роль союзника. Немец в Великой войне уж на что силён был, да вот, на два фронта не выдюжил. Зато теперь между нами сидят белополяки, вражины патентованные. Надо, вот, с немцами сдружиться против них, а если что – вот так вот взять, да зажать, как клещами! Вот, нам не всё ли равно, кто там у власти: розовые, красные или даже коричневые?![105]

– Что с Францией делать будем? – быстро ляпнул я, вытаскивая тему из разряда опасного бреда на высокую, а потому безопасную орбиту.

– Так вот они как раз должны полякам помогать! И против Германии, и против СССР.

– Логично, – легко согласился я.

Казематы Шпалерки – как и Соловки – надёжно лечат от пустого многословия по части политики.

– А ну как поляки с немцами столкнутся? – у Семеныча определённо сегодня «нога попала в колесо». – После на нас скопом навалятся?

– Вот куда им! – затряс очками парнишка. – Стоит полякам начать смотреть в сторону союза с немцами – франки или англы им живо головы-то пооткрутят. Соседи, значит, враги на всю жизнь. Никак не иначе...

[105] На парламентский выборах 1930 года в Германии лидерами стали СДПГ – 24,5 % (розовые), НСДАП – 18,3 % (коричневые), КПП – 13,1 % (красные).

– Ребята, какие же вы все умные! – попробовала поставить точку уставшая от наивной болтовни Саша. – По мне так всё просто: пускай про польских панов в Сером доме[106] думают!

– Да там всё больше троцкистов ловят, – недовольно скрикнулся очкастый парнишка. – Вот в мире меж тем великие дела заворачиваются! Из Испании, вот, король сбежал, скоро, скоро по всему миру революция покатится! Вот, не прозевать бы нам!

Пока разогретые самогоном коммунары заваливали очкастого «думозвона» вопросами типа «что пишут в «Правду» из Мадрида», я ломал голову: хватит ли Александре самообладания удержаться от смеховой истерики?

А что если она послушает речь товарища Литвинова во вздорном пересказе да сорвётся, как от доброго анекдота?

И ведь не объяснишь никому, что моя жена часов по десять в день слушает зарубежное радио, что в сочетании с полслёзнанием делает её, пожалуй, лучшим политологом не только СССР, но и всего мира.

Спасение пришло откуда не ждал: в нашу комнату залетело, кружась и пританцовывая, «сказочное видение» – мясистая девица в прозрачном газовом пеньюаре.

– Ма-а-альчики, ма-а-альчишечки! Анаша[107] у вас есть? Неужели мы нынче же не устроим «афинскую ночь»?

– Симка! – имя прорвалось от кого-то из коммунаров сквозь вал скабрёзных шуток. – Ты хоть сиськи спрячь!

– Так почему же вы, черти, не идёте ко мне? Почему не несёте анашу? Ну, скорее! Скорее! Эх, и накурилась бы я!

Выписав неуклюжий пируэт между коммунарскими руками, девица решительно полезла на стол. Под натянувшимся в нужных местах газом сиротливо белели кружева коротких панталон.

– Светится всё... – из головы очкастого паренька мигом вышибло всю политику.

[106] *Серый дом – Коминтерн.*

[107] *В конце 20-х кокаин стал слишком дорог для потребителей из СССР, поэтому советские наркоманы начали употреблять отечественную анашу. В начале 30-х этот наркотик стал самым распространённым в СССР.*

– Держите её, пока стол не своротила! – крикнула Александра.

Кажется, только у неё сохранилась достаточная трезвость рассудка. И слова она нашла на диво верные – желающих поддержать оказалось более чем достаточно.

– Любовь красивая, свободная, с полным сознанием существования своей связи только до тех пор, пока есть необходимость друг в друге, – вещала любительница анаши, вяло трепыхаясь в чьих-то мокрых руках. – Ведь марксизм говорит, что осознание необходимости – это и есть свобода. Здесь люди дополняют друг друга, и только из этого сочетания может получиться полный человек!

– Вот это приход! – искренне восхитился я.

– Женщины, вы первые должны быть сторонниками и проводниками новой свободной любви, – включился в действие опоздавший к «поддержанию» очкастый парень. – Вам нечего терять, кроме своих цепей!

– Бедняжечка, – Саша явно не разделяла общей весёлости. – Только глянь!

Кивнула вниз на выставившиеся из-под приподнятого подола голени девицы, густо расписанные разноцветными синяками.

Но меня почему-то пуще всего задело старательно забелённые зубным порошком парусиновые тубельки с бесстыдными заплатками на тех местах, в которые упрутся большие пальцы.

– В заросшую канаву легко падать...

Девица тем временем всецело отдавалась животрепещущей теме.

– ... новая любовь – это свободная связь на основе экономической независимости и органического влечения индивидуумов противоположного пола...

На одном, как видно особо поднимающем «душу» моменте очкастый парень не выдержал. Резким кивком головы закинул повыше со лба шевелюру, облизал губы, в уголках которых уже белела пена.

– Будем петь и плясать! – заявил он, перекрывая весёлый ор бригады. – Зови своих подруг, Симка, сейчас же зови! В «День Интернационала» так можно!

– Ах, зачем ты меня целовала, жар безумный в груди затая... – послушно начал запевала с дальнего конца стола.

Деввица ловко выкрутилась из жадных коммунарских объятий, будто того только и ждала. Величаво, как дорогое вечернее платье, оправила пеньюар и вдруг схватилась за прореху.

– Дылда, ты какого чёрта газ прорвал? Да ещё на таком месте! Как я теперь плясать буду?

– Я ништо, я токмо ладошкой прикрыл, – под гогот товарищей начал оправдываться вдруг ставший крайним дылда. – Больно просвечивает!

Вздорная заминка позволила мне собраться с мыслями: ещё чуть-чуть – и словами тут никого не остановить. Был бы один – полбеды, «Pornotube» двадцать первого века показывал оргии и похлеще, но сейчас вошкаться в свальной грязи меня никто не заставит. Александру пора уводить отсюда, да чем скорее – тем лучше.

– Охлади людей, бригадир! – я с размаху пнул под столом ногу Семеныча.

Особой надежды остановить накатывающее блядство я не питал, а вот отвлечь коллектив от своего английского ухода казалось делом нелишним.

Однако бригадир не сплоховал, ударил по самому больному.

– Денег нет ни х...я! – проревел он на пол-общаги.

Всего три слова, зато какой потрясающий эффект!

– Так что, анаши не будет? – уточнила деввица.

После пространных речей о красивой марксистской любви примитивный цинизм этих её слов показался мне сущей мерзостью. Скривившись, как от куска лимона, я процедил в сторону «сказочного видения»:

– Кто тут решил, что жратва с неба сама падает?

– Фу-у-ух!

Деввица судорожно затряслась всем своим телом, закружилась так, что газ пеньюара встал колоколом сильно выше коленок, и никто не успел и глазом моргнуть, как адептка свободной любви просочилось сквозь двери прочь.

– Выпьем, товарищи! – поспешил закрепить успех Семеныч. – За Интернационал! За партию! За весь наш советский народ! Полную до дна!

Ловко он придумал, чисто комиссар – попробуй, отверни морду от такого тоста. А после самогона – нужна закуска, там можно ещё по одной налить, перерывчик небольшой...

В конце концов, банкет-то уже оплачен!

– Лёш, проводи, в туалет надо, – прошептала мне на ухо Саша.

– Тут же совсем рядом? – удивился было я.

– Всё равно! Мог бы сам догадаться...

На четырёх этажах общаги – сто двадцать комнат, всего живёт человек семьсот-восемьсот.

Шайки хулиганов – а их тут скорее всего не меньше десятка – промышляют то ли спекуляцией самогоном и анашой, то ли рэкетом самих спекулянтов.

Из-за тесной взаимосвязанности процессов сложно сказать, где кончается одно и начинается другое.

Бонусом идёт мордобитие, мелкие грабежи и воровство всего «не приколоченного».

При этом до поножовщины и смертоубийства среди своих дело доходит исключительно редко – администрация завода имеет годную рускообщинную привычку выкидывать на улицу не только самого нарушителя, но и всех его соседей по комнате.

И уж тем более – даже упоротые в хлам отморозки не задевают коммунаров...

Жаль, но на мне или Саше про принадлежность к ним ничего не написано...

С первого шага за дверь понятно – насколько была права Александра...

Вечерний сумрак в сочетании со светом двадцатисвечевых лампочек преобразил коридоры в стиле лучших триллеров Хичкока.

Подозрительные пятна и подтёки заполнили стены, промеж них маршируют колонны деловых тараканов. Семечная шелуха хрустит под ногами, её уже впору мести метлой. Рыдания «умирающих в степи ямщиков и бродяг с сумой за плечами» [108] бьют по ушам со всех сторон, им не помеха ни перекрытия, ни перегородки.

[108] Автор намекает на песни из так называемого «пьяного фольклора» – «Ямщик» и «Бродяга».

Изменились и люди: спотыкающиеся на каждом шагу аборигены видом, цветом и запахом неотличимы от свежих зомби, хотя, бесспорно, они всё ещё живы – курящих зомби не бывает.

Около ближайшего туалета толпится добрая дюжина страждущих – судя по изредка проскакивающим в мате словам, все стоически переживают чью-то разборку.

– Подождём? – заколебалась Александра.

– Потопали в другое крыло, – тяжело вздохнул в ответ я. – Тут, видимо, девочки, а это надолго.

Планировка бывшего доходного дома далека от пролетарского конструктивизма...

Где-то на полпути мы умудрились запутаться среди одинаковых дверей. Толкнулся в одну – закрыто, во вторую и третью – с тем же результатом, только четвёртая подалась да так ловко, что мы чуть не упёрлись в стоящую посередине комнаты толстую и голую женщину, похожую на серую предгрозовую тучку.

За её спиной трясся высокий голый парень, тонкий, как жердь, и страшно костлявый.

Рядом в странном танце под гармонь кружились вокруг друг друга три бесштаных мужичка.

Уж не знаю, в чечётку там или вприсядку, то сойдутся, то повернутся, то стукнутся каблуками начищенных сапожек. Но у каждого в руке на отлёте горящая папироска.

– Помогите мне это развидеть! – застонал я, вываливаясь обратно в коридор. – Сейчас вырвет!

– О, боже! – вторила мне Саша. – Марксово семя!

– Походу, недозрелые ловят с Маркса неплохой приход...

– Они не с Маркса, а на марксизацию Залкина[109] сублимируют, – любезно уточнила супруга. – Вредно читать на ночь «Двенадцать заповедей полового поведения пролетариата».

– Тебе легко говорить... – я наконец справился с невольными рвотными позывами. – Помнишь, ещё перед Рождеством

[109] А. Б. Залкин – советский врач, психиатр, психолог, психоаналитик и педолог. Считал необходимой «марксизацию» психологии, биологии и медицины, а также – абсолютизировал политико-социологический подход к частным наукам.

ты вычитала в газетке, что «половой акт не должен часто повторяться»?

– Так до утра и повторяли...

– Незачем «Труд» покупать – он для настоящих рабочих. А мы-то – всего лишь попутчики.

– «Половой подбор должен строиться по линии революционно-пролетарской целесообразности...», – процитировала, наставительно уперев мне в грудь пальчик Саша, и продолжила. – «В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства...».

– А мы, по-твоему, что сейчас видели?

– Дурак! – ткнула меня кулаком в бок Саша. – Их же лечить надо. По-настоящему лечить, в больнице!

– У любого с эдакой жизни мозги потекут, – из чувства гендерной солидарности я попробовал защитить мужичков, флиртующих на троих где-то за стенкой. – Представь: их там в каморке десять душ ютится, а денег в обрез, не то что на девок, а пожрать досыта через два дня на третий.

– Думаешь, это не опасно?!

– Летом можно в парке под любым кустом лечиться, – попробовал отшутиться я. – Хотя данный случай...

Нужных слов не находилось, зато, похоже, ответ легко читался с лица да такой, что Саша поторопилась прийти на помощь.

– Может, обратно пойдём?

– Ну уж нет! – взорвался я неожиданно для самого себя.

Бросив громко и зло: «Да ходят они же тут как-то?», – я влупил с ноги по ближайшим запертым дверям.

Новаторский метод тут же выказал высочайшую эффективность – нашёлся не только проход, но и ещё кое-что...

Мой пинок вместе с дверью снёс с ног привалившегося с противоположной стороны щупленького шпанёнка-фэзэушника. Да так ловко, что его уродская кепочка-мичманка колесом покатила в дальний конец коридорного закутка мимо клубка сосредоточенно мутузящих друг друга тел.

Отступать вроде как поздно, да и настроения нет...

Так что?..

Первым делом я с модным криком – «эх, раскулачу!»

– пробил в опухший красный нос шаромыге, который с интересом наблюдала за процессом в партере.

Затем попробовал добраться до катающихся по полу, но сам отхватил плюху от успешного оклематься шпанёнка. Как тот не был хлипок на вид, но неожиданный удар вышел аж в нокдаун – я свалился в общую кучу.

А вот дальше...

Дальнейшее действие смешалось в круговерть лбов, локтей, коленей и затылков...

К счастью, сила и вес имеют значение: накоротке полупьяное хулиганье – слабый противник. Тем более что первой их жертвой оказался широкоплечий здоровяк – мало-мальски разобравшись кто за кого, мы объединили усилия и быстро обратили всех пятерых злодеев в беспорядочное бегство.

– Хороши! – громогласно объявила результат битвы Саша. – Герои!

– Сергей, – смущённо представился здоровяк. – Прошу любить и жаловать.

– Александра, моя жена, – представил я супругу и протянул руку. – Меня Алексеем зовут.

– Должен признаться, что вы появились очень вовремя, – стиснул мою ладонь в крепком пожатии новый знакомый. – Ещё немного, и... – он вдруг поменялся в лице и принялся лихорадочно обшаривать карманы. – Украли! Блокнот украли! Там же все мои расчёты!

– А не он ли вон там лежит? – Саша указала рукой в сторону угла.

– Он! – Сергей опрометью метнулся за своей записной книжкой. – Вы меня снова спасаете!

– Деньги-то на месте? – участливо поинтересовался я, поднимая и отряхивая кепку.

– Похоже, спёрли... – ещё раз ощупал одежду Сергей. – С-с-сволочи! Мало того, что всё изорвали, так ещё и папиросы в кашу!

Впрочем, особо расстроенным он не выглядел. Напротив, загорелое до черноты лицо растягивала открытая улыбка.

Оно и понятно: судя по добротному импортному пиджаку – слямзили не последнее, наш новый знакомый имеет весьма и весьма недурные доходы.

А принимая во внимание со вкусом подобранный галстук – соответствующее воспитание.

– Молодые люди, вы почиститься не хотите? – удачно вывернула ситуацию Александра. – Где-то тут туалет должен быть.

– Не помешает, – Сергей оглядел себя, подобрал смятую в блин шляпу, потёр рукавом поля, брезгливо дёрнул щекой. – Опаскудили, крысюки! Да год назад я бы их одной левой раскидал! Спасибо деду-казаку, крепко выучил морды бить! – кулак, которым он потряс в воздухе, и впрямь оказался раза в полтора крупнее моего, тоже совсем не малого в размере. – Да только нервная горячка[110] как свалила осенью, так до сих пор даёт о себе знать. Слава богу, успел по весне в Кисловодске нарзанами подлечиться, без того бы враз затоптали.

– Развоевался... – фыркнула Саша. – С брюшным тифом так не шутят!

– Пойдём уже! – перебил я начинающуюся пикировку. – Надеюсь, что воду в честь праздничка не отключили.

Поиски туалета не затянулись, уже через несколько минут шелушащееся серебром амальгамы зеркало показало полную картину наших потерь. Если я отделался всего полудюжиной грязных пятен, то пиджак и брюки нашего нового знакомого проще выкинуть, чем починить. По крайней мере, так следовало из опыта двадцать первого века, но...

Увы, в СССР принято зашивать и не такое...

– Это ты в Кисловодске так загорел? – я попробовал отвлечь нового знакомого от изучения непредусмотренных портными прорех.

– В Коктебеле, – безрадостно отозвался Сергей. – Летать пока не пускают, так хоть на ребят посмотрел.

– Ты что, лётчик?! – опешил я.

– Пилот-паритель[111]. В смысле – планерист.

– Здорово! – моё самолюбие царапнула зависть. – Всегда мечтал на дельт... планере полетать с птицами наперегонки.

[110] Старое название брюшного тифа.

[111] Пилот-паритель – квалификационное звание, для которого нужно продержаться в воздухе не менее трёх минут без потери высоты. Пилот-планерист – уровень попроще, достаточно провести полёт не менее чем в 30 секунд.

– Это совсем несложно! – Сергей наконец-то оставил безнадежные попытки вернуть шляпе прежнюю форму. – На планере и без самолёта можно сделать любую фигуру, даже мёртвую петлю![112]

– Ого! – планер и высший пилотаж в моей голове стыковались плохо.

– Вот к осени долечусь – сам покручу петли!

– Солнце, море... – я расстроено вздохнул. – Без особой нужды в нашу слякоть не сунешься.

– Не говори, – улыбка опять сползла с лица Сергея. – Я бы и сейчас не приехал, да хочу понять, почему зарубили наш проект тридцатиметрового парителя по типу Кронфельдовской «Австрии»[113]. Ильюшин и Юрьев его в план завода поставили, а Антонов ничего слышать не хочет о строительстве. Перестраховщик чёртов, отечественным средствам запуска он, видите ли, не доверяет. Да там аэродинамическое качество целых тридцать три единицы, а ему плевать!

– Пойдём скорее, Саша наверно нас заждалась в коридоре, – перебил я поток малопонятных слов. – Только скажи: каким ветром тебя к нам в общагу занесло?!

– Вчера с отчимом посидели чуток, он у меня, знаешь ли, очень неплохой электромеханик. Заодно как-то незаметно накидали эскиз электрического управления для нового планера. Сегодня стал придумывать, как половчее изготовить в железе, вспомнил про однокашника с приборостроительного, он сейчас ведущим инженером у вас в ламповом. Пошёл его искать. И вот...

– Прямо в «День Интернационала»?! – искренне изумился я. – Нет, может у вас, пилотов-парителей, понедельник и правда начинается в субботу. Но у нас-то на заводе – всё строго по гудку!

– Уж очень идея красивая!

[112] В СССР первая «мёртвая петля» была выполнена 28 ноября 1930 года В. А. Степанченком на планере «Красная Звезда» (СК-3).

[113] В ходе XI Ренских состязаний в 1930 году известный австрийский планерист Кронфельд установил на планере «Австрия» (конструкции Киннера) новый мировой рекорд дальности полёта – 161 км.

– Что ж, это меняет дело, – каким-то чудом мне удалось сохранить серьёзное выражение лица. – Расскажешь?

– И мне, если можно, – поймала нас прямо на выходе из туалета Александра. – Я уж заскучать успела, пока вы там у себя болтали!

– История длинная... – засмутился Сергей.

– Ты же наверняка в центре живёшь? – уверенно предположила Саша. – Пока по Бакунинской, Спартаковской да Марксовой к Садовому идём, можно весь Капитал пересказать!

– Не могу отказать своей спасительнице, – козырнул галантностью наш новый знакомый, – Тем паче, что чем позже ворочусь домой – тем позже мать оттянет за ремки[114].

– Так чего мы ждём? – на мой взгляд с набором градусов общага становилась всё более и более опасным местом. – Хоть на извозчике сэкономим!

* * *

Плывущий сквозь первомайский вечер «левиафан электрозаводского быта» давно остался за спиной, но, кажется, вокруг ничего не изменилось.

Разве что расширился горизонт – дома и заборы сменили стены коридора, место стекляшек электроламп заняло зеленоватое пламя газовых фонарей, да на перекрёстках тут и там дымятся тошнотным варевом запрятанные в железный бочки костры.

Жители столицы за зиму стосковались по весеннему теплу и теперь отрываются где могут, чем могут и с кем могут. Пусть их – всё моё внимание забрала беседа.

Оказывается, лётчиком-парителем Сергей стал по зову души и совсем недавно. По профессии же он – инженер-аэромеханик, выпускник МВТУ, а ещё – один из учеников уже знаменитого в СССР Туполева. За спиной – несмотря на молодость – «дипломный» самолёт и рекордный планер.

Соответственно, идея, с которой наш новый знакомый примчался в общагу, далеко не пустячна – радиоуправляемый планер с бомбой на борту.

[114] Ремки – это старая и непригодная для носки одежда, лохмотья. Сергей намекает на свою изорванную в драке одежду.

Признаться, услышав такое, я сперва опешил – что-то про телетанки, телекатера и даже телесамолёты мне в печати попадалось, но вошедшая в учебники двадцать первого века история не сохранила ни единого упоминания радиопланеров.[115]

Пока я прикидывал, как половчее довести до горе-изобретателя бессмысленность его затеи[116], он успел выложить столько интересных деталей, что мне пришлось спешно брать свои слова назад.

Кто мог подумать, что попытки переделать самолёт в летающую торпеду предпринимались чуть ли не со времён братьев Райт?

Совершенное безумие на мой взгляд, однако кое-кто преуспел...

Под занавес Великой войны годный вариант выдал американец Кеттеринг, тот самый, что недавно прославился изобретением холодильников на фреоне[117].

Сконструированный им пра-прадед крылатой ракеты даже пошёл в серийное производство, но перестраховка генералов как всегда помешала применить это чудо-оружие в реальных боях.

Их можно понять: направление полёта определялось по примитивному гирокомпасу, отсчёт расстояния шёл по оборотам винта – при «прокачанной» удаче есть шансы свалить двести фунтов взрывчатки «куда-то во вражеский город»,

[115] По некоторым источникам в СССР с 1930 по 1940 годы шли разработки управляемых по радио торпед-планеров. Этим занимался инженер Василий Никитин, но далее прототипов процесс не пошёл.

[116] ГГ не учитывает очевидное развитие радиоуправляемого планера до планирующей авиабомбы. Немецкая радиоуправляемая планирующая авиабомба «Henschel Hs 293» допускала сброс в 8 км. от цели. В разработке – с 1938 года, применялась – с 1943 года, на её счётю десятки потопленных кораблей. Дальнейшее развитие таких бомб – американская «ASM-N-2 «Бэт» – применялась с 1944 года, с наведением через РЛС. Дальность полёта до цели – 32-37 километров.

[117] Холодильник на фреоне изобретён в 1928 году, с 1930 года – в серии. Изобретатель прославился, в 1933 году его портрет попал на обложку «Таймс».

а при неудаче – «подарок» «чебурахнется» на любого, кому не посчастливится оказаться в радиусе сотни километров от стартовой площадки.

С учётом общепринятых, далеко не тотальных методов ведения войн – впору пожалеть и забыть...

Да только не тому, кто мелким ситом просеял учебники будущего в поисках Wunderwaffe![118]

Ведь «Фау-1», дёшево и практично[119] наводившие ужас на Лондон во время Второй Мировой Старого мира, оказались немногим совершеннее разработанных Кеттерингом фанерных этажерок.

Пусть они раза в три быстрее летели, пусть несли в десять раз больше взрывчатки, всё равно точность – в зависимости от примитивной крыльчатки анемометра[120] – плюс-минус шесть километров. Отнюдь – далеко не выдающийся прогресс за четверть века.

Сегодняшние генералы, слава богу, не собираются уничтожать нации или народы. Они мечтают об инструменте точного поражения военных объектов, а не о средстве массового устрашения вражеских некомбатантов[121].

Отсюда и все почти ультимативные требования радиоуправления.

А вот тут-то сразу и неотвратимо «накатывают» два гироскопа[122], рулевые машинки с пневмоприводом[123],

[118] Чудо-оружие. (нем.).

[119] Для неприцельных ударов по Лондону ракета «Фау-1» оказалась значительно (как бы не на порядок) выгоднее обычных самолётов-бомбардировщиков (в отличие от дорогой «Фау-2»).

[120] Анемометр – это измерительный прибор, фиксирующий скорость движения воздуха и газов.

[121] Здесь: некомбатанты – это гражданское население, оказавшееся в зоне боевых действий.

[122] Здесь: гироскоп – это навигационный прибор, основным элементом которого является быстро вращающийся ротор, закреплённый так, что ось его вращения может поворачиваться, позволяя сохранять неизменной свою ориентацию в пространстве.

[123] Первый советский автопилот «АВП-2» был изготовлен группой Коренева (проект «Дедал») в 1932 году. Он имел два свободных гироскопа – курсовой и продольно-поперечный.

компрессор, дополнительный двигатель и много-много чего другого...

Вся эта машинерия даже без бомб тупо не лезет в лёгкий самолёт типа «Р-1» или «Р-5».[124]

Да и в другие «лёгкие» – тоже...

Бомбардировщик – другое дело, но он, громадная зараза, стоит очень немалых денег, а значит – никак не одноразовый!

При таких предпосылках нужно удивляться, почему никто – кроме Сергея? – не вспомнил про планеры. Ведь их можно сперва буксировать за самолётом, а затем, в нужный момент, отцепить с троса и «вести» операторами-наводчиками точно на цель.

Дёшево и сердито – в одноразовый планер из гнутых труб и брезента легко напихать хоть тонну[125], а стоит он при этом раза в три дешевле захудалого гироскопа.

Нужно только заменить управление от пневматики на электрическое: ведь ток – в отличие от сжатого воздуха – легко передавать по кабелю с самолёта-матки до самого отцепа. А уж дальше, на десятикилометровом трёхминутном боевом курсе, с лихвой хватит небольшого бортового аккумулятора.

В самом деле красивое решение!

Есть с чего бросать к чёрту все мелочи жизни и бежать к знакомым электрикам, а затем, после эскизной проработки – за деньгами к военным.

Знать бы ещё: какая беда помешала нашему новому знакомому в Старом мире.

Репрессии?

Административная грызня?

Несчастный случай? Идиотская драка в коридоре общаги?

[124] В начале 30-ых годов в СССР был открыт секретный проект «Дедал» по радиоуправлению тяжёлым бомбардировщиком «ТБ-1». В 1938 году прошли первые относительно удачные испытания (взлёт, полёт по маршруту, посадка). Единственная боевая миссия в 1941 году закончилась предсказуемым провалом.

[125] Тонна – далеко не предел. «Messerschmitt Me-321» времён ВМВ брал на борт 20 тонн груза (произведено более 200 экземпляров). Но больше всего десантных планеров в ходе ВМВ построили в США – 14 000 «Waco CG-4A» (грузоподъёмность около 2 тонн).

Можно ли ему помочь?

Не от великого авиационного ума, а только чтобы «сойти за умного», я ляпнул:

– Если думать наперёд, то крылатая ракета – перспективнее!

– Ракета? – быстро переспросил Сергей. – Хм... Что-то я не думал в этом аспекте. Хотя... Почему бы и нет? Вот у Готтарда[126] хоть взять: он два года назад сумел ракету аж на триста метров ввысь закинуть. Приспособить к планеру... Да только какой смысл – дальше десяти километров визуально всё равно не навести. Однако будущее действительно за ракетами, тут я с тобой полностью согласен. Надо же будет как-то до Луны добираться!

– До этого ещё страшно долго... – я попытался поскорее вернуть разговор обратно в конструктивное русло.

– Отчего же? – удивился Сергей в ответ. – Кондратюк[127], например, в «Завоевании межпланетных пространств» уже всё рассчитал, с промежуточной пересадкой на лунной орбите[128] дело выходит не таким и сложным.

Чёрт же меня дёрнул за язык с этими проклятыми ракетами!

Забыл, что среди молодёжи тема полётов на Луну идёт сразу вслед за обсуждением секса и процесса линчевания негров. Всевозможные доклады, лекций, диспуты настолько популярны, что входы в зал частенько пикетирует милиция...

И ладно бы туда набивались одни студенты – юным положена толика сумасбродства – однако же в межпланетную вакханалию ввязались и маститые учёные. Пишут книжки с математическими выкладками, ссылаются на зарубежные работы, обещают регулярное сообщение «Земля – Луна» к концу четвертой пятилетки...

[126] Работы Цандера и Глушко по моторам «ОРМ» в ГДЛ до лета 1931 года мало кому были известны.

[127] В 1929 году Ю. В. Кондратюк издал книгу с расчётом оптимальной траектории полёта к Луне. Материал был использован NASA в лунной программе «Аполлон», а сама траектория была впоследствии названа «трассой Кондратюка».

[128] Данная схема представлялась не слишком очевидной и первоначально разработчиками программы «Аполлон» категорически отвергалась. Принята она была только в 1963 году, во многом благодаря усилиям инженера NASA Джона Хуболта.

Только попробуй кому-нибудь сказать, что советский сапог не ступит туда даже через сто лет – без раздумий морду набьют!

– Всё же кого-то ты мне здорово напоминаешь... – вдруг вмешалась Саша, обращаясь к Сергею. – Мы, часом, не могли раньше встречаться?

– В Киеве с лекциями про изучение мирового пространства частенько выступал, – гордо дёрнул вверх подбородком Сергей. – Может быть, там? Или в кружке академика Граве?

М-да...

Если в двадцать первом веке повесить у деканата объявление о наборе команды для полёта на Луну – его примут за идиотский розыгрыш. Но вот в голодной и холодной Москве тридцатых...

Алексей Толстой показал в «Аэлите» совершенно реального Гусева, читающего подобное объявление и ничуть не удивляющегося ему...

Так вот, в данном факте нет ни грана фантазии – тысячи гусевых сидят в аудиториях вузов и безо всяких обиняков верят, что бумажка с нужными словами появится у деканата завтра, ну край – послезавтра.

– Хм... Нет, там – вряд ли... – задумчиво протянула Саша. – Где-то фото мелькнуло? В газетах про тебя случайно не писали?

– Не думаю, хотя...

– Будь добр, повернись анфас.

– С удовольствием, – Сергей послушно свернул голову набок. – Если что, то моя фамилия Королёв.

Сто раз – никак не меньше! – я разглядывал в учебниках фотографии главного конструктора ракетно-космической промышленности СССР, но стоило «Дню Интернационала» столкнуть нас лицом к лицу – умудрился пройти мимо сходства!

Как?!

Ведь похож, ей-ей похож, совсем как на том фото, что выдрано из уголовного дела тридцать восьмого года.

– Сергей Павлович? – замёрзшим голосом уточнил я.

– Он самый, – подтвердил Сергей коротким кивком. – А ты откуда знаешь?

– Где-то читал, но точно припомнить не могу, – покривил я душой.

Дурацкое объяснение Королёв принял сразу, видать, сам точно не знал: что, где и когда публиковалось.

Вот только разговор почему-то сразу расклеился – вместо школярской открытости и простоты в воздухе повисла какая-то настороженность.

На первом же перекрёсте будущий главный конструктор махнул рукой в сторону.

– Пожалуй, мне пора...

Сказать честно, я растерялся...

«Держать нельзя отпускать» – ставь запятую где хочешь.

То есть: что делать-то?

Договариваться о следующей встрече?

Попробовать можно, да только на кой чёрт заштатный электрик сдался перспективному авиаконструктору?

Вскрывать, рассказывать про будущее?

Без доказательств в виде смартфона – пустое дело.

Плюнуть и растереть? Надеться на то, что если в тот раз Королёв в Старом мире справился без чужих советов, то в новом и подавно не пропадёт?

– Ты, верно, решил, что мы из ГПУ? – прямое и острое лезвие Сашиного вопроса застало Сергея врасплох.

– Нет, но вообще-то...

Неужели моя жена попала в точку?!

– Как ты мог такое подумать?! – в сей же момент ринулась в наступление Саша. – Мой отец – академик Бенешевич[129] – в прошлом году сгинул после ареста! Мать – внучка академика Зелинского – замёрзла до смерти в вагоне на пересылке! Алексей – вовсе не чекист! Кроме того, что электрик – он ещё писатель-фантаст. Делает «стопоследнюю» правку своего романа про Лунную советскую республику, ночами напролёт штудирует всякие разные умные книги и журналы.

[129] В реальной истории В. Бенешевич, почётный доктор права Афинского национального университета, член-корреспондент Страсбургской, Баварской и Прусской академий наук, был арестован в 1928 году, его жена и брат – в 1931. Плоды многолетней работы уничтожены. Все члены семьи (включай обоих сыновей) расстреляны в 1938 году.

– Это как «Аэлита»? – пришла очередь удивляться Королёву.

– Лучше! – резким взмахом рук Александра отмела все его сомнения. – Намного лучше, и не я так говорю, а товарищ Бабель. Он помогает Лешке по художественной части.

– Бабель? Тот самый?

– Ну конечно же!

– Познакомить сможешь?!

– Обязательно! Айзек, он... Он – чудесный собеседник! – Саша хищно улыбнулась, не иначе вспомнила мою эпическую драку с Бабелем и Кольцовым. – И вообще, пойдём к нам, я хоть за чаем твою одежду подлатаю.

Отпираться «дольше вежливого» Королёв не стал, было похоже, что и взаправду опасался получить нахлобучку от матери за полуоторванные рукава и висящие на соплях пуговицы.

Мне же пришлось до самого дома развлекать будущего главракетчика синопсисом[130] романа...

Задумывалась «Лунная республика» как плагиат с «The Moon Is a Harsh Mistress». Древний хайнлайновский текст мне понравился своей революционностью ещё в Берлине, поэтому он не лёг в числе многих прочих в швейцарский фотоархив, а остался в смартфоне, в урезанной коллекции книг, предназначенных для ввоза в Советскую Россию.

Осенью, когда вопрос выбора сюжета для моего писательского дебюта встал ребром, межпланетная тема показалась вариантом совершенно беспроектным, всего-то делов – кастомизировать приключения мятежных «лунарей» под большевистскую идеологию.

Реализация, однако, пошла традиционным для отечества порядком – гладко только на бумаге...

Первым делом Бабель потребовал годный черновик, причём годный не в плане разборчивости почерка, а доказывающий тяжкий многолетний труд автора над своим детищем. Упаси бог просто взять и переписать слова с экрана в тетрадь, ведь тёмная история авторства «Тихого дона» Шолохова – на

[130] Синопсис – краткое содержание литературного произведения, в котором описывается сюжет и основной конфликт, а также даётся представление о главных героях.

самом пике скандала, поэтому нового популярного автора коллеги-завистники препарируют без стеснения и жалости, как школяры – лягушку на уроке биологии.

Следующий «нежданчик» состоял в отчётливом игноре Хайнлайном будущего Совсоюза, хотя...

Натуральный парадокс: подруга главного героя – почти русская. Революция декларирована на троих под литр столичной водки. Текст пропитан русскими транслитерациями, как тайский рис перцем – есть «Lunaya Pravda», «gostaneetsa», «da», «nyet», «bolshoyeh thanks», «Bog», «gospazha», «tovarishch», «stilyagi» и прочие bolshies-большевики...

Однако при всём этом активной ролью СССР в делах мирового масштаба даже не пахнет!

С другой стороны – в идеологические ворота никак не пролезал раздутый на Сибирь, Малайзию и Австралию «бармаглот» Великого Китая. Восстановить геополитическую справедливость вроде бы как и не сложно, однако из-под заплаты вылезла неприятная логическая западня: если на Земле процветает коммунистическое государство, то какого дьявола восставшая колония империалистов не обратилась к нему за военной и гуманитарной помощью?!

Пришлось творить всерьёз, фактически с нуля...

Выворачивать наизнанку жёстко ориентированную на free market[131] психологию главных героев.

Изобретать разделение поверхности и недр Луны по зонам влияния – как итог первой орбитальной антиимпериалистической войны.

Нагружать советскую Лунную коммуну сверхзадачей по подготовке сверххривка к захвату Марса.

Размещать в поясе астероидов секретную базу недобитых троцкистов, вовремя распропагандированную попавшими в плен «студентками, комсомолками, спортсменками, и наконец, просто красавицами».

Заменять анархо-республиканские революционные ячейки на коммунистические.

По классикам и съездам обосновывать неизбежность стихийного марксизма искусственного интеллекта.

Грезить в снах главных героев о межмировой революции.

[131] *Свободный рынок (англ.)*.

И прочее, прочее, прочее...

Параллельно шла техническая модернизация...

В романе появились поля кремниевых солнечных батарей с КПД более тридцати процентов, литиевые сверхаккумуляторы, компьютеры на микросхемах, видеомагнитофоны и смартфоны, дата-центры, лазеры, светодиоды, оптоволокно, Интернет, многочисленные промышленные и бытовые роботы, синтетические ткани и пластмассы, 3D-принтеры для печати котлет хлорелловой пастой, молекулярная гастрономия и прочие чудеса 21-го века.

Как следствие – ось сюжета пришлось переориентировать с хайнлайновского выращивания пшеницы на добычу «редкоземельных» и экологически вредные производства.

Отдельное спасибо нужно сказать Бабелю и Кольцову – если бы я с черновиком «Лунной республики» явился в издательство самостоятельно, то точно бы попал не в Союз писателей, а в одиночку на Лубянке. Теперь же из-под «эверестов корректур» неторопливо выползал убойный роман-двухтомник...

К счастью, художественные изыски не интересовали Королёва ни на грош. Зато в технические «прогнозы» он впился с жадным удовольствием.

С позиции специалиста агрессивно бросался оспаривать каждую мелочь и страшно удивлялся, получая конструктивный отпор.

К саге о крайней полезности спутников связи и навигации мы наконец-то добрались до нашей клетушки – тут будущий главный конструктор без стеснения использовал комфорт стола и стула к своей пользе: достал чуть-чуть не потерянный в драке блокнот и принялся аккуратно вписывать в него перспективные идеи.

Не могу сказать, что это меня обрадовало – скорее напугало.

– Не стоит планировать так далеко, – предостерег я Сергея, разжигая примус. – Полёт мысли легко сходит с рук фантастам, а вот конструкторам – мечтать вредно, насколько я знаю, от них требуют лишь то, что можно сделать здесь и сейчас.

– Забегать вперёд у нас действительно опасно, – погрузился он. – Недавно отчим рассказывал... – Сергей приостановился на секунду, думая, достойны ли мы его доверия, но всё

же решился. – Его хорошего знакомого чуть не арестовали прошлым летом за то, что построил передовой элеватор.[132] Высота вышла с семиэтажный дом. Всё сделано из дерева, без проекта и единого гвоздя. Его в народе «Мастодонтом» прозвали, видимо, за громадность.

– Лишнего болтал? – привычно предположила Александра.

– Мало откатил? – в свою очередь попробовал догадаться я.

– Если бы! – презрительно скривился Королёв. – Какой-то начальственный невежда решил, что элеватор непременно рухнет, а значит – погубит народное зерно. Тут же пригнали комиссию из центра, давай бумажки ворошить, допросы чинить... Только и спасло, что Сталина с Кировым удачно взорвали. До элеваторов ли, когда надо троцкистов из своих рядов чистить?

«Хоть кому-то на пользу пошло!», – обрадовался я мысленно, вслух же, само собой, выдал совсем другое:

– В принципе, боевые ракеты – штука не сложная.

– Насколько несложная, настолько и бесполезная, – мгновенно возразил Королёв. – Их со времён Ватерлоо пристроить к делу пытаются, да всё без пользы![133]

– Точность никакая, – легко согласился я. – Однако как раз этот вопрос пора бы наконец-то решить!

– Управление по радио? – скептически нахмурился будущий главракетчик. – Нет! Это же какая здоровенная бандура выйдет! Уж лучше проводами, как у Сименса с его планирующими торпедами.

– Вот даже как! – расстроился я.

Вот же чёртов Сименс!

[132] Элеватор «Мастодонт» (вместимость 13 000 тонн зерна) простоял до 90-х годов, пока не сгорел. Его конструктор Ю. В. Кондратюк в реальной истории был арестован 30 июля 1930 года, освобождён в 1932-м. Участвовать совместно с Королёвым в работе ГИРД он отказался – боялся внимания особистов из-за своего белогвардейского прошлого (его реальные ФИО – Александр Игнатъевич Шаргей).

[133] Первое применение ракет Конгрива произошло в 1805 году под Булонью, но несмотря на отдельные удачи в ходе наполеоновских войн, эффективность оказалась крайне низкой.

Опять предки справились без моего послёзнания.[134]

Под чай с сушками Королёв разложил передо мной ещё один «скелет» Великой войны, на сей раз в её морской части...

Как известно, ютландская попытка Hochseeflotte[135] прорвать блокаду Grand Fleet[136] закончились если не поражением, то чем-то на него очень похожим.

За неимением возможности догнать Британию в числе дредноутов, адмиралы кайзеровского флота занялись поиском недорогого Wunderwaffe.

Подводные лодки подавали большие надежды, однако роль не потянули – прекрасно справлялись с торговыми пароходами, а против боевых кораблей явно пасовали.

Похожим результатом закончилось применение авиации – неуклюжие этажерки тупо не могли попасть бомбой в маневрирующий корабль.

Сперва, помня о будущем владычестве авианосцев над морями и океанами, я не мог поверить в подобную нелепость.

Сомнения снял приведённый всезнающим Королёвым пример про турецкий крейсер «Гебен», севший в восемнадцатом году на мель в Дарданеллах.

Англичане провели почти три сотни налётов на идеально неподвижную, не имеющую нормальной зенитной артиллерии цель, высыпали пятнадцать тонн бомб – попали всего двумя, не нанеся никакого значительного да и практического ущерба[137].

Наконец, в погоне за деньгами, выделяемых для Kaiserliche Marine, сумрачный саксонский гений одного из

[134] Разработана компанией «Сименс» для Kaiserliche Marine в 1914-1918 годах. Изготовлено около 100 штук, применить их в бою просто не успели.

[135] Hochseeflotte (нем.) – Флот открытого моря – боевой флот Императорских военно-морских сил Германии (нем. Kaiserliche Marine). Создан в феврале 1907 года по инициативе адмирала Альфреда фон Тирпица.

[136] Гранд-Флит – название британского военно-морского флота в ходе Первой мировой войны.

[137] Много позже, уже после ВМВ, адмирал Флетчер говорил: «Ни один корабль, маневрирующий в открытом море, не был потоплен горизонтальным бомбардировщиком...».

многочисленных «Сименсов» предложил неожиданное решение – приспособить к обычной морской торпеде крылья, отбрасываемые при посадке на воду.

Нехватки носителей для такого чуда не наблюдалось – авиация Второго рейха имела в своём составе полторы сотни превосходных дирижаблей-цеппелинов. Управлять же полётом одноразового торпедоносца предлагалось по проводам.

Для технологий начала века расстояние в десять миль оказалось вполне достижимым, но не хватило времени на доводку...

Адмирал Шеер уже «разлил масло», в смысле, спровоцировал Кильское восстание – сотня боеготовых планирующих торпед сгнила на флотских складах.[138]

Тема натурально взяла меня за живое: неужели я со знанием истории будущего не смогу присоветовать великому главракетчику ничего интересного?

– Стартовать сразу к Луне, конечно, здорово... – начал я осторожно. – Но для космических опытов понадобятся поистине космические ресурсы, а ещё... – тут я вспомнил о недавнем осуждении известного авиаконструктора Поликарпова на три года лагерей[139]. – Требуется покровительство военных. Далёкие перспективы – суть шаткий фундамент для карьеры, необходимо стать совершенно незаменимым здесь и сейчас. Ты ведь понимаешь, о чём я говорю?

– Время нынче сложное... – по лицу Королёва пробежала отчётливая тень. – Ещё как понимаю![140]

– Лучше всего изобрести что-то примитивное, понятное любому фэзэушнику.

[138] Восстание матросов германского флота в Киле в ноябре 1918 года, разросшееся от бунта на отдельных судах императорского флота Германии, находившегося на якорной стоянке возле Вильгельмсхафена, до Ноябрьской революции, приведшей к падению монархии в Германии.

[139] В реальной истории Н. Н. Поликарпов 18 марта 1931 года был приговорён коллегией ОГПУ к 10 годам лагерей (ст. 58-6, 58-7, 58–11). Впрочем, после успешного показа новой техники КБ этот срок стали считать «условным».

[140] Воспоминания семьи С. Королёва показывают очень хорошее «внутрисемейное» понимание советских реалий 30-х годов.

– Жаль, над авиационными реактивными снарядами уже давно работают[141].

– Межпланетные полёты академиков РККА не волнуют...

– Так ты что, предлагаешь вовсе не связываться с радиоракетами, а делать планер-бомбу с проводами?

– Не уверен, – заколебался я, – Радио выйдет заметно дороже, но оно – гораздо перспективнее, ведь система управления чудесно подойдёт и для больших ракет. Хотя лично я категорически не верю в способность отечественной промышленности создать что-то дельное и помехозащищённое в ближайшую пятилетку. Но ведь дело-то в другом: космос ни то, ни другое не приблизит!

– Ускоритель для планера... – предположил Королёв и тут же сам себе ответил. – Чушь собачья!

– Подведём базис под надстройку... – мне пришла в голову идея зайти с другой стороны. – Управляемая ракета – штука недешёвая, соответственно – цель для неё обязана быть достойной по цене, высокоманёвренной, но при этом находиться на расстоянии прямой видимости. В противном случае проще обойтись артиллерией или обычными бомбами.

– Ты опять про корабли, – хмыкнул Королёв. – Увы и ах! но дредноутные баталии у нас покуда не планируются[142].

– Лёш, а помнишь ты мне прошлым летом про танки рассказывал? – вдруг оторвалась от шитья Александра.

– Пф-ф-ф! – не сдержал усмешки Королёв. – Из пушки по воробьям! То есть, как раз пушками и надо этих неуклюжих чудовищ долбить, а ракеты – да ещё управляемые! – к чему?!

– Танки?! – в восторге от очевидного развития мысли я вскочил с табуретки. – ПТУРЫ![143] Сашка, ты – моя умничка!

Да...

[141] Реактивные снаряды «РС-82» и «РС-132» разработаны в СССР в период с 1929 по 1937 г.

[142] Впервые о существовании планов строительства линкоров для Советского ВМФ И. В. Сталин упомянул на СНК СССР 11 июля 1931 года. И то, в весьма осторожной форме: «Начать постройку большого флота надо с малых кораблей...».

[143] ПТУР – противотанковая управляемая ракета.

Да здравствует «День склероза»!

Надо же умудриться забыть про собственный институтский ВУС[144]!

А он ни много, ни мало, а про ремонт электроспецоборудования танка «Т-72».

Сам по себе сейчас, в эпоху самых больших в мире радиоламп, предмет чуть более чем бесполезен. Однако как и чем уничтожают танки – препода на военной кафедре рассказывали в красках и с удовольствием.

Сослаться бы на их авторитет, да только ни рано ли начинать возиться с полноценным ПТУРОм в 1931 году?..

В Старом мире что-то подобное появились сильно после Второй Мировой[145]...

Так что здесь придётся начинать с абсолютного нуля: ракетная теория и практика – на стадии школьных опытов; полупроводников нет как класса; производство порохов и взрывчаток замерло в технологическом болоте проклятого царизма; электрические провода – и те жуткий дефицит...

С другой стороны – из книг Старого мира я помню точно: первое полевое испытание «Фау-1» случилось в 1932 году, серийное же производство по срочной необходимости – с 1942-го.

Советский радиолокатор отдан в разработку в начале 30-х, выпуск весьма сырой конструкции начался в войну.

То есть, по меркам эпохи, десятилетний цикл R&D[146] вполне нормален, особенно если результатом считать не пер-

[144] ВУС – военноучётная специальность.

[145] Первый в истории немецкий ПТУР «Х-7 «Роткэпхен» был разработан и опробован в 1943-45 годах. Однако исследования по этому направлению велись в «BMW-Raketenabteilung» с начала 30-х годов – в основном, для противокорабельных вариантов (первым кораблём, потопленным немецкой управляемой бомбой «Fritz-X» в 1943 году, был итальянский линкор «Рома», уничтоженный после капитуляции Италии).

[146] *Research & Development* – это научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, включающий в себя как научные исследования, так и производство опытных и мелкосерийных образцов продукции, предшествующий запуску нового продукта или системы в промышленное производство.

вые полурабочие макеты, а доведённое до конвейерной кондиции устройство.

Так зачем ждать?

Само по себе ничего не произойдёт, любое большое дело начинается с мечты...

Или с оплаченного госзаказа.

Королёв через авиаторов уже имеет выход на ответственных товарищей, ему достаточно правильно сформулировать задачу, обозначить желаемый результат и пути его достижения.

Клиент, в данном случае Наркомвоенмор, откроет проект, выделит ресурсы – тем более что для разработки ПТУР много не надо.

Будущий главный конструктор ринется к друзьям и врагам, выбивать фонды, площади и оборудование, сманивать специалистов, рядиться с суровыми заводскими директорами.

Водоворот текучки страшен, но Королёв, без сомнений, с ним справится.

Дальше – проще: при наличии обнадёживающих промежуточных результатов набравший инерцию маховик оборонного госзаказа перемелет в труху любые технологические препоны. Без спешки, шаг за шагом, год за годом...

Нет специального пороха для ускорителей?

Родина в опасности!

Советская промышленность, получив волшебный «звездюль», мытьём или катаньем научится производить то, что нужно для будущего полёта на Луну.

Нет диодов и транзисторов?

Что за беда!

Капиталисты вот-вот выкинут на прилавки магазинов ламповые телевизоры с электронной развёрткой[147], неужели великий и могучий СССР не осилит куда более простой блок управления ракетой?

А там, глядишь, подойдёт время тяжёлых зенитных ракет, от которых до Луны – один маленький человеческий шаг...

Осталось зацепить кончик той логической цепи, которая

[147] Первый электронный телевизор был продемонстрирован Зворыкиным в 1932 году, серийный образец «Telefunken FE-II» поступил в продажу в Германии в 1934 году.

приведёт Королёва – а затем и краскомов – к разработке ПТУР...

– Неуклюжие монстры, говоришь? – мой язык опередил мозг. – Под какие мощности двигателей сейчас принято рассчитывать самолёты?

– Обижаешь! Смешной вопрос! Если «эм-семнадцать» – который лицензия с шестого «BMW» – то пятьсот лошадей. Хотя Микулин скоро новый [148] мотор выкатит, там уже во-семьсот будет.

– То есть тысяча не за горами?

– Надо полагать, – удивился моей настойчивости Королёв. – Ты к чему клонишь?

– Вот, смотри... – не зря же я листал в Берлине военные каталоги. – Ещё с Великой войны у французов на вооружении остался танк «Два-эс» [149], весом аж в семьдесят пять тонн. Броня – полсотни миллиметров, пушка – семьдесят пять, к ней в помощь четыре пулемёта...

– Как есть чудовище!

– Теперь на секунду представь, что из него выкинули древние автомобильные двигатели, идиотскую – тяжёлую, как жизнь батрака – электрическую трансмиссию, взамен же засунули авиационный мотор на тысячу сил.

– Скорость вырастет?

– Облегчённый тонн до пятидесяти монстр поскачет по траншеям так же ловко, как новый «Форд» по брусчатке Красной площади! И какими средствами, спрашивается, бойцы «непобедимой и легендарной» должны остановить атаку эдакого сухопутного броненосца? Его разве только трёхдюймовка прошибёт, и то если не в лоб. Но батарея трёхдюймовок на прямой наводке... Это ж смертники, хорошо если раз хобот навести успеют. А с закрытых позиций – если попадут, то случайно.

– Возможно, что-то в этом есть...

[148] 12-цилиндровый двигатель «АМ-34» мощностью 750 л.с. – в производстве с 1932 по 1939 год.

[149] Один из прообразов советского сверхтяжёлого танка «Т-35», который, кстати, к 1931 году уже находится в конструкторской разработке.

Скепсис так и сочился из Королёва, и я хорошо понимал его причину: ракета в его понимании – это что-то большое, межпланетно-основательное, но никак не оружие поля боя.[150] Поэтому вместо споров потянулся в ящик стола, к последнему доводу инженеров – пачке бумаги и карандашам «Негро».

– Давай прикинем... – я начал рисовать сечение ракеты от ПТУР «Малютка» так, как помнил его с учебного плаката. – Пары килограммов взрывчатки хватит, всё одно в гранату трейхдюймовки напихано в разы меньше[151]. Дальность полёта – не более трёх километров, иначе оператор ничего не разглядит даже в оптику. Гироскоп раскрутим механически, ленточкой, которая выдернется при запуске. Тогда бортовую батарею можно выкинуть к чёрту, электропитание для единственной рулевой машинки проще подавать по кабелю...

– Погоди, погоди... – прервал меня будущий главракетчик. – Одной машинки явно мало!

Пришлось фантазировать на похожую тему – я постарался соорудить хоть какое-то подобие правдоподобной легенды.

– Если ракету заставить возвращаться в полёте, то курсом и наклоном можно управлять одним каналом по очереди, перемещая насадки-дефлекторы на соплах маршевого двигателя[152].

– Хм-м... А второй набор сопел впереди зачем?

– Они – от отдельного стартового заряда, без него будет сложно набрать скорость.

– Тут взрывчатка? – короткий мощный палец Королёва упёрся в конус кумулятивного заряда. – Почему она так странно уложена?!

[150] Советские «ракетные» танки – в разработке с конца 20-х годов. В 1931 году успешно испытан 250-ти килограммовый реактивный снаряд (танковая торпеда) с дальностью полёта до 1800 метров. В октябре 1933 г. выдано задание на танк «РБТ-5», вооружённый двумя 250-кг ракетами. Проект закрыт в 1935 году, как бесперспективный.

[151] Масса ВВ в кумулятивном снаряде трейхдюймовки меньше пятисот грамм. Масса ВВ «Малютки» – 2,6 килограмма, бронепробиваемость – 400 мм.

[152] На предшественнике «Малютки» ПТУРе «Шмель» было установлено в общей сложности целых 6 рулевых машинок.

– Так многократно увеличивается мощность, тонкая раскалённая струя будет протыкать насквозь самую толстую броню, – я быстро изобразил отдельный рисунок. – Вот, примерно, как-то так...

– Похоже на «Эффект Неймана»[153]... – после некоторого раздумья определился Королёв. – Остроумное применение, я-то думал, что эта штука только для горных работ годится. Надо непременно изучить!

– Управление с джойстика[154], – я добросовестно старался изобразить пульт в изометрии. – Тут же можно поставить перископ, тогда бойцу вообще не потребуется высовываться из окопа. Саму пусковую платформу с ракетой лучше бы ставить метрах в двадцати, тогда обстрел противником места пуска никому не повредит.

– Хорошо фантазировать на бумаге! – будущий главный конструктор вытянул эскиз из-под моих рук и принялся его сосредоточенно изучать, тут и там упирая холёный ноготь в карандашные линии на бумаге. – Но как реализовать в жизни? Хотя бы вот это самое одноканальное управление? С сельсином[155] так точно не выйдет!

– Если ракета всё время вращается, то, в сущности, всё равно куда направлена тяга – влево, вправо, вверх, вниз или по диагонали, – стал вспоминать я. – Важно отклонять факел в

[153] Открыл кумулятивный эффект в 1883 году австриец М. Фёрстер. Исследовал и подробно описал немец Е. Нейман в 1914 году. В СССР, в 1925-1926 годах М. Я. Сухаревский пытался использовать эффект в горных и строительных работах. Первые слухи о применении Германией бронепрожигающих снарядов появились в 1937 году, во время войны в Испании. В СССР производство налажено в 1942, по захваченным в 1941 году образцам.

[154] Принято считать, что слово «Джойстик» появилось вместе с компьютерами. Но это не так. Joystick применительно к качающейся ручке управления встречается уже у первых авиаторов, с 1910 года. Таким образом, термин С. П. Королёва совсем не удивит.

[155] Сельсины (от англ. self-synchronizing) – это электрические микромашины переменного тока, обладающие свойством самосинхронизации (для плавной передачи на расстояние угла поворота вала).

момент, верный относительно положения в пространстве. То есть рулевая машинка работает в релейном режиме, а курс идёт по результирующей силе. В некотором смысле процесс похож на скольжение щёток по коллектору электродвигателя постоянного тока...

– Абракадабра какая-то... – огорчился Королёв. – Даже у немцев не встречал ничего подобного!

– Собственно, машинка управления ничего общего с сельсинами не имеет, просто пара электромагнитов, которые по командам дёргают заслонки сопел из одного крайнего положения в другое.

– Всё равно ни черта не понял! Ты объясни по-человечески!

– Сейчас, – я вытянул из пачки новый листик. – В плане схемотехники там всё очень просто: токосъёмник гироскопа разделён на четыре сектора, – из-под моего карандаша выходила корявая, но всё же читаемая схема. – Получается тактовое напряжение с частотой, равной частоте вращения снаряда. Оно подаётся обратно на наземный контроллер управления, и уже с него, после обработки, команды идут на рулевую машинку.

– Хм... Для бреда слишком связно...

– Весь цимес в угле сдвига фаз между тактовой частотой с гироскопа и управляющей с контроллера. Так задаётся опережение или отставание срабатывания электромагнитов от градуса поворота ракеты в пространстве, от чего, собственно, и зависит результирующий момент.

– Ты – или сумасшедший, или гений... – Королёв потянулся за листком и карандашом. – Давай прикинем вот так...

Следующие часы запомнились мне плохо...

Мы наперегонки чертили циклограммы и строили эпюры сил...

Мы привлекали на помощь тригонометрию, вращающиеся вектора, меняли системы координат, жёстко ругались и радовались найденным вариантам...

Мы мого чего ещё применили и привлекли...

Точно не помню, когда клюквенная настойка из наших с Сашей закромов перекочевал на стол...

Откуда взялась сломанная гаванская сигара...

Зачем разорвали напополам третий том инженерного справочника «Nutte Des ingenieurs taschenbush» раритетного пятнадцатого года издания...

Кто прожёт сквозную дыру в январском химическом ежемесячнике «Monatshefte fur Chemie»...

В конце концов мы забрались в такие дьявольские дебри математики, что...

Что непременно бы проколупались на иной план бытия, да закончились одновременно, как по заказу, и настойка, и бумага...

Копоть, густо покрывшая за зиму оконные стёкла, золотилась светом нового дня.

В «День Интернационала» так можно.

4. НИКОГДА НЕ ПУТЕШЕСТВУЙТЕ С МЕРТВЕЦАМИ

Москва. Конец мая 1931 года
Десятый месяц с рождения Нового мира

Много лет меня каждое утро преследует один и тот же вопрос. Нельзя сказать, что он затрагивает глубокие пласты быта или бытия, наоборот, он до неприличия прост.

Хотя...

Спросить совета у любимой жены не помешает никогда.

– Саш, мне сегодня побриться, или так сойдёт?

– То есть как так? – оторвалась от приведения кровати к дневному виду Александра.

– Ну, завтра...

Продолжить реализацию секретного плана «день продержаться да ночь простоять» я не успел.

– Опять всё заспал?! – с неожиданной экспрессией напустилась на меня супруга. – Нас же Бабель на приём пригласил, в аккурат на сегодняшний вечер. Помнишь, он говорил, что писатели будут, чёртова прорва чёртовых соцреалистов. А у тебя мало что приличного костюма нет, так ещё и небритым чучелом заявишься?

– Костюмы – это прошлый век!

– Да я моду на сто лет вперёд лучше тебя знаю!

– Показал на свою голову! – похоже, пришло время пустить в ход последний аргумент. – Может, я после работы в парикмахерскую забегу?

– Не успеешь! – одетая в гобеленовую наволочку подушка припечатала покрывало так, как точка букву «і».

Мне осталось только проворчать:

– Надеюсь, там хоть покормят по-человечески...

Вывернув физиономию к серому свету утра, я брезгливо поскрёб пальцами двухдневную щетину.

Пустяк?

Как бы не так!

Это в 21-ом веке самого паршивого китайского станка хватает раз на десять, а порезаться им так же сложно, как школьнику постичь суть «Уравнений Максвелла». В мире интербеллума[156] – совсем иное дело.

Безопасные лезвия лучших марок терпимы только на первый раз, второй – не рекомендован без ляписа[157], а дальнейшее использование до неприличия смахивает на староиспанскую кровавую пытку. Хуже того – я уже который месяц не могу добыть в Москве контрабандный «Жиллет».

Местная же торговля предлагает ровно один вариант – бритвочки треста «Мосштамп». Как говорят, перед самым кризисом тридцатого года они стали очень и очень приличны, даже настолько, что легальный – равно как и нелегальный? – импорт потерял малейший смысл. Теперь же, после перехода со шведской стали на советскую, шкрябать «морду лица» лезвием этого треста стало натурально опасно для жизни.

Однако сопротивление бесполезно: достойный дебют в литературской тусовке стоит располосованной морды лица.

– Чайник кипячёный? – бриться с водой из-под крана, да ещё по весне, я с некоторых пор не на шутку опасался.

– Каждое утро ставлю!

– Что бы я без тебя делал...

– Не подлизывайся, – Саша охотно приняла поцелуй, но затем ловко ускользнула из моих нескромных объятий. – Лучше придумай: что на следующей неделе нашему новосёлу дарить будем.

– Нешто Бабель таки достроил домик в Братовщине?

– С кольцовским-то напором? – иронично вздёрнула бровь Александра. – Ещё бы он не построил! Зеленогородской

[156] Этот термин часто используют в мировой историографии для обозначения временного промежутка между Первой и Второй мировыми войнами.

[157] Нитрат серебра используется в медицине в виде ляписного карандаша (из сплава нитрата серебра и нитрата кальция) для прижигания и стерилизации ран.

акционерный литколхоз с участием Бабеля станет раз в пять популярнее.[158] Им остаётся только Горького заманить.

– Старого брехуна с Капри арканом не вытянуть.

– Кольцов другим возьмёт, – болтовня ничуть не мешала Саше готовить сэндвичи с первым, мелко порезанным зелёным луком, черемшой и постным маслом. – Вчера, когда правки твоего романа забирала, так он похвастался, что начал строить кооперативную птицефабрику.

– Подумать только... – поразился я. – Огоньковские петушки! Скоро на прилавках столицы!

– Ну и что? Вполне в духе постановлений партии и правительства.

– Индустриальное сельское хозяйство – важнейшая задача пролетариата! – послушно отозвался я на заезженный канцеляризм свежим газетным лозунгом. – Всего лишь один механизированный свинарник способен заменить сотню крестьянских дворов.

– Скажешь, не так?

– Всё так, Саш, всё так. Да только лезвия прямо с завода тупые идут. А курицы кольцовские просто сдохнут, причём – ещё цыплятами.

– Да ну тебя!

– Сама же прекрасно знаешь, что советское животноводство даже антибиотики не смогли вытащить из вечной дупы.

– Знаю... – сникла Александра и тут же спохватилась. – Ты что, ещё бриться не начал? На работу опоздать захотел?

– Уже бегу!

И впрямь, хватит болтать!

Скорее: чайник – в левую руку, мыльный порошок «Нега» – в правую, смешать в чашке, взбить старорежимным помазком из щетины барсука, густо набросать пену на щёки, шею и подбородок. И потихонечку, полегонечку, почти не нажимая,

[158] М. Е. Кольцов пытался ещё в 1930 году организовать около станции Братовищина АО «Зелёный город», предполагалось строительство сети санаториев на 130 тысяч человек (архитектор Н. Ладовский). В реальной истории – законсервировано весной 1931 года, фактически из-за недостатка денег. Остался только скромный дачный посёлок.

провести станком по коже. А потом ещё и ещё раз, главное – не морщась: количество и глубину ран психологически легче оценивать по окончании процедуры.

– Ты подумай – пока бреешься – что Бабелю дарить, – напомнил Александра.

– Чёрт, ну под руку-то зачем! – ругнулся я, ощутив первый порез, вывернул голову, подставляя под зеркало другую сторону лица, и тут ответ сам собой попался на глаза. – Да хоть пейзаж с лодкой со стенки сними!

Одна из стен нашей комнатухи каким-то непостижимым чудом осталась нетронутой с дореволюционных времён.

От мебели остались только недовыцветшие силуэты на обоях, паркет разобран и вывезен, а то и стоплен в буржуйках, фанерные перегородки срезали три четверти площади.

А вот несколько живописных полотен как висели, так и висят, никому в новом большевистском мире неинтересные и ненужные.

– Картину? – переспросила Саша. – А ведь идея! – бросив нож на недорезанный лук, она через свежезаправленную кровать метнулась к пейзажу, всмотрелась. – Как же я сама не догадалась! Трогательный образчик луминизма[159], да и рама ещё крепкая.

– Скажешь Бабелю, что всю мою месячную получку потратила на подарок.

– Старый плут нипочём не поверит, картины нынче идут в цене дров.

– Может, с изнанки год есть?

Саша послушно перевернула раму.

– Сорок пятый!

– Однако! Приличная древность. Автор не подписал?

– Вроде нет... Хотя погоди... Половина холста под какой-то картонкой. Ого! Да тут письмо!

– Чёрт! – дёрнулся я от очередного пореза. – Подождать с открытиями никак нельзя?!

– Как интересно... – Саша уже запустила в конверт пальцы. – Смотри, ассигнации, царские... – на кровать посыпались

[159] Луминизмом в живописи называется направление, в котором особое внимание уделяется отображению световых эффектов.

узорчатые листы бесполезных «Катенек»[160]. – Ещё и записка есть.

– Что там?

– А разве можно читать? Чужое ведь!

– Стесняться надо было в семнадцатом, – неуклюже пошутил я.

– Боже, что я делаю! – записка выпала из Сашиной руки вслед за деньгами, соскользнула с дивана на пол и, как редкая бабочка, распласталось на тряпичном половике. – Ведь, правда, при маменьке я и помыслить не могла вот так взять и засунуть свой любопытный нос в чью-то чужую жизнь!

«Ох, как же она неимоверно хороша в своём детском смущении!», – подумал я, и тёплая – аж до слёз! – волна чувств накрыла меня с головой, а никчёмное раздражение от принуждения к бритью развеялось без следа.

– Мы – другие, – отложив станок, я встал от зеркала и – как есть полубритый – крепко обнял подрагивающие плечи жены. – Великая русская смута выковала из нас великих циников. Мы целесообразны, как питекантропы, мы не верим в Бога. Тем не менее этот мир – наш, а раскрытое письмо – всего лишь ценная археологическая находка.

– Ты... Ты думаешь?

– Я уверен!

Не желая дальнейшего спора, я поднял записку и начал:

– Marie, ma chere fille... Дьявол его дери, ну и почерк!

– Лучше я прочту, – огоньки извечного женского любопытства с новой силой заиграли в Сашиних глазах. – Иначе ты точно на свой завод опоздаешь.

– Да ладно... Тут совсем немного, – я ещё сильнее раззадорил нетерпение Саши. – Вот, слушай: «Мари, моя дорогая дочь! Третьего дня бугорчатка доконала твою несчастную мать, я схоронил её рядом с тёткой Анной. В оплату могильщикам отдал наши обручальные кольца и всю муку, что оставалась в доме. Сегодня выезжаю с okazji в Петроград, после, коли бог даст, направлюсь в Париж. Мне пообещали проводника-контрабандиста, который поведёт через границу по льду залива. Нашу квартиру ни за что не бросай, лучше всего

[160] В царской России «Катенькой» принято было называть сторубливую купюру с изображением Екатерины II.

– выйди замуж за подходящего большевика. Прощай, и храни тебя Господь!».

– И всё?

– Прочти сама.

Саша взяла записку, тщательно осмотрела её со всех сторон и после недолгого раздумья вынесла неожиданный вердикт:

– Мне почему-то кажется, что ты сильно переоценил наш с тобой цинизм.

– Возможно, ты права, – не стал спорить я. – Но именно мы извлечём корысть: из этого комплекта выйдет чудесный подарок Бабелю. Он обожает вещи с историей.

* * *

По выданному Бабелем адресу я ожидал увидеть Дом культуры, профсоюзный клуб или – в самых оптимистических мечтах – сразу ресторан...

Но...

Оказалось ни то, ни другое, и – уж само собой – ни третье: искомое месте занимал недавно отреставрированный храм[161].

Если, конечно, уместно зачесть за реставрацию штукатурку в небрежный розовый цвет и снос золочённых маковок с крестами.

В сомнениях уточнил у идущей со мной под руку супруги:

– Айзек с адресом, часом, ничего не напутал? Это точно Новая площадь, двенадцать?

– Как видишь, – судя по голосу, Саша была озадачена не меньше меня. – Он, правда, обещал сюрприз, но выходит как-то слишком масштабно...

– Даже для Бабеля, – закончил я мысль за отвлëкшуюся супругу.

– Взгляни-ка туда... – Саша кивнула в сторону ворот, распахнутых с улицы во внутренний церковный двор. – Зачем-то очередь толпится, да немалая. Может, это и есть твои будущие коллеги-писатели?

– Свидетели «Бозона Хиггса» исповеди алчут, или, на

[161] Храм Апостола Иоанна Богослова под Вязом. Закрыт в 1925 году, работал как Музей Москвы с 1934 по 2011 год.

худой конец – причастия, – как-то рассеянно отшутился я, пытаясь получше разглядеть происходящее, но не вышло... [162]

У панели, напрочь перекрывая вид, тормознул возница-лихач. Его задорная кряжистая лошаде́нка, радуясь долгожданной передышке, с конфузным всхрапом вывалила на брусчатку кучу «яблок».

И тут же, будто специально дождавшись неловкого момента, из-под поднятого верха экипажа поднялась интересная, с немалым вкусом одетая дама.

За ней – круглоголовый, бородатый мужичок в суконной толстовке и в низеньких с вырезами гусарских сапожках времён Отечественной войны.

Взять их по отдельности – получатся совершенно обычные, во множестве встречающиеся на улицах Москвы сограждане. Однако вместе...

– По мне – так эта пара потешна ничуть не меньше, чем герои Ильфа с Петровым.

– Точно писатели, – решительно мотнула модной шляпкой Саша. – Больше некому.

– Значит, в церкви назначен кагал МАССОЛИТа! [163]

Александра, большая поклонница «Мастера и Маргариты», прыснула смехом.

– Надеюсь, Берлиозу сегодня голову резать не станут.

– Воланд с ним, – отмахнулся я. – Как на счёт порционных судачков? Надеюсь, они тут в точности такие виртуозные, как описал Булгаков!

– Банкет бы не помешал, – с энтузиазмом поддержала меня Саша. – Кстати, где наш Бегемот? [164]

[162] «Бозон Хиггса» – это элементарная частица, которая, если говорить упрощённо, придают массу всем другим элементарным частицам, что делает возможным (в первую очередь) существование атомов, из которых состоит наша Вселенная.

[163] МАССОЛИТ – вымышленное объединение литераторов, фигурирующее в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». По мнению исследователей, аббревиатура расшифровывается как «Мастерская социалистической литературы», или «Массовая литература», или «Московская ассоциация литераторов».

[164] Берлиоз, Воланд, кот Бегемот... – это персонажи романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

– Который Бабель? – кто ещё из писателей так похож на упитанного антропоморфного котика. – Легендарным героям дозволено опаздывать!

– Раз ему так дозволено, то пойдём, прогуляемся по рядам. Нечего изображать бедных родственников, – практично обернула ситуацию жена. – Никак бы не подумала, что тут снова бойкая торговля развернётся.

Действительно: притулившийся к остатку китайгородской стены рынок успел полностью отстроиться после тотального разгрома тридцатого года. Совсем новенькие, испятнанные выжатой солнцем смолой ларьки заняли место разбитных колхозниц, ободранных ветошников и дичащихся каждого постового коробейников-ханыг.

Схуднувшие с зимы купчики щеголяют обвисшими жилетками, а те, что побойчее – задорно торгашат с публикой, флагирующей вдоль стыдливо прикрытых товаром прилавков.

– Опять шмотки! – манерно взвыл я, но...

Часто ли женщин волнуют мужские желания?

Бабель заявился на randevу спустя добрую половину часа от назначенного, да не просто так, а в здоровенном автомобиле, напоминающем чёрную ванну на вздувшихся точно от водянки шинах.

Не один...

Задний диван – как тут принято – занимали две мадам, а на страпонтенах[165], рядом с лысиной нашего долгожданного распорядителя, торчала мосластая моржовоусая башка Горького.

– Бегемот не один пожаловал, но с Мастером[166] – ехидно поддела меня Саша.

– Чума на оба этих дома!

Тесная дружба Айзека с Горьким меня натурально бесила.

Два года назад, после публикации насквозь лживого

[165] Часто используемые в автомобилях 20–30 годов раскладные (и неудобные) сидения.

[166] Интересно, что это не совсем шутка: по версии литературоведа А. Баркова «Мастер и Маргарита» – роман о М. Горьком и его гражданской жене М. Андреевой. Воланд в этой (надо сказать не самой популярной) трактовке – Ленин.

очерка «Соловки», я смертельно возненавидел проживающего на Капри классика советской литературы. Его продажные умиления чекистскими скотствами мне никогда не удастся ни забыть, ни – тем более! – простить.

Бабель же на мои чувства не обращал ни малейшего внимания: он последнее время вообще старался дистанцироваться от знания будущего и попыток смягчения живодёрских привычек большевиков. Принял как аксиому: «сумасшедший генсек-параноик убит, вся история мира пойдёт по новому», свыкся, успокоил совесть, да и закопался с головой в сборник рассказов «Великая Криница»[167].

Обнажённые там «сельхозужастики» точно угодили в новый советский мейнстрим[168], под определение «вредительских троцкистских перегибов». Спустя полгода почитатели айзековского таланта щеголяют друг перед другом крылатыми фразами эпохи массовой коллективизации, гонорары текут в карманы автора рекой, а издатели и книгопродавцы жадно потирают руки в предвкушении продолжения.

Я терплю...

Отправив дам с Горьким в сторону храма, Бабель кинулся обниматься с Сашей. Мне тоже досталось от щедрот – улыбка и крепкое рукопожатие.

– Пойдёмте, молодые люди, пойдёмте скорее, – с ходу начал уговаривать он нас, будто мы отказываемся. – Экскурсия, верно, уже началась.

– Какая экскурсия?! – удивились мы с Сашей хором.

– Погодите минутку, всё сами увидите!

Много времени и вправду не потребовалось – вся писательская тусовка уже втянулась внутрь.

Мы беспрепятствен добрались до дверей.

Айзек уже потянул на себя тяжёлую створку, галантно пропуская вперёд Сашу, когда мой взгляд остановился на

[167] В реальной истории в 1931 году были опубликованы только главы-рассказы «Гапа Гужва» и «Кольвушка». Остальные черновики глав романа хода не имели, позже были изъяты при аресте и уничтожены.

[168] Мейнстрим (англ. mainstream – основной поток) – основное направление мнений и взглядов большинства людей на что-либо в любой области.

массивной гранитной доске, просто и доходчиво объясняющей суть мероприятия.

– Му-зей Ста-ли-на, – медленно, по слогам, совсем как первоклассник прочитал я. – На кой дьявол?!

– Случайно вышло, – Бабель использовал самую обезоруживающую из своих улыбок. – Ты же меня сам просил в приличное общество вывести. И правильно, к слову сказать – хватит тебе на заводе дурью маяться. А показ новой экспозиции лучшим писателям и журналистам – повод добрый, сам Горький приехал, да ещё и с Мурой! [169] Так что не пожалейсь... Ещё и накормить обещают вдосталь!

– Максим снова очерк наврёт? – проворчал я.

– Как же живой классик без порционных-то судачков «а натюрель»? – поддержала мой скепсис Александра.

– Желаете прожить очередную «обыденку» – неволить не стану, – насупился за друга Айзек и тут же попробовал зайти с другой стороны. – Али поджилки затряслись? Напрасно... Бомбисты – убиты, ордена – получены, дела – сданы в архив... Вот ты попробуй, явись на Лубянку с повинной, да скажи, что и есть настоящий убивец. Живо попадёшь не в камеру, а прямиком в «дурку», в соседи к Наполеону с Цезарем.

Он мог бы так не стараться – наживлённый любопытством крючок уже проглочен...

Как преступников тянет на место преступления, так и меня влекло внутрь бывшего храма. Да с такой охотой, что Бабель лишь укоризненно покачал головой при виде моего рывка к стёклам витрин мимо принимающего приглашительные охранника...

Изнутри ничто не напоминало храм...

Незатейливое лакированное дерево, чёткие контуры прямых углов, выдержанный, строгий стиль...

Первые ряды экспонатов во всех персонифицированных

[169] Мура – Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг, фактическая жена М. Горького с 1920 по 1933 год. В реальной истории приехала в СССР в первый раз только на похороны Горького в 1936 году (арестована ЧК в 1918 году как любовница Локкарта, освобождена по ходатайству Горького, бежала за границу по льду Финского залива).

музеях мира в сущности одинаковы: в какой семье родился, как и с кем учился, на ком женился и прочая бытовуха...

Трёпаные книги, сношенные сапоги, шапки и миски времён ссылки, стихи о великом – вот уж никогда в жизни не думал, что Сталин их писал – всю эту совершенно неинтересную часть я проскочил быстро. Зато перед возвышением бывшего алтаря моё сердце заколотилось как яйцо в кипятке – там, в здоровенной, установленной на каменном кубе стеклянной банке плавал заспиртованный человеческий мозг[170].

– Неужели сталинский? – прошептал я.

– Нет, – Саша, не отстававшая от меня ни на шаг, ткнула пальцем в табличку. – Алексей Обухов... Всё, что от него осталось...

– Б...ядь!

Что тут ещё сказать?

Мало того что парень погиб из-за меня и вместо меня – так большевики ещё и обошлись по-скотски с его телом.

Кулаки сжались сами собой.

– Рас-схерачить весь балаган! С-спалить к чёртовой матери! – прошипел я, не сумев сдержаться.

– Прекрати! – одёрнула меня жена. – Кругом писатели!

– Дикари! Какие же они все дикари!

– Сам-то ничуть не лучше, – с неожиданной силой потянула меня подальше от заспиртованного мозга Саша. – Погляди, да тут чуть не половина музея про убийство!

На экспозицию, посвящённую обстоятельствам гибели большевистского генсека, устроители музея не пожалели квадратных метров. Отвели весь второй этаж[171].

Чего ж тут только не было...

Осколки – я хорошо помню, как мы с Блюмкиным их пилили. Тот самый телефонный шкаф, в который мы засунули мину, его остатки бравые безбожники припёрли в бывший храм целиком. Яшкин извозчицкий армяк, его опалённая

[170] По тем временам достаточно обычное дело. Например, в музее Бессоновской больницы с 1927 и до 1988 года выставлялась заспиртованная голова преступника Алексея Альшина по кличке «Але».

[171] Сделать второй этаж в храме вполне реально, собственно, так и было в реальном Музее Москвы.

огнём стальная челюсть в кости черепа, и конечно записка о причинах теракта – то есть всё, что осталось от самого известного диверсанта эпохи...

Распластанный в лоскуты френч и облитый чёрной запёкшейся кровью кусок асфальта. Чей-то пробитый насквозь партбилет...

Личное дело Обухова из Соловков, заботливо разобранный под стеклом...

Скрупулёзное расследование обстоятельств побега в Финляндию...

Листы книги регистрации посетителей из отеля на острове Принкипо, как доказательство тесных связей Обухова с Троицким...

Вырезки из эмигрантской прессы, многие сотни фотографий...

Следователи поработали на славу – они даже каким-то чудом выудили из подмосковной болотины переделанный во взрывмашинку телефон и восстановили схему коммутации цепи подрыва!

Забыв про всякую осторожность, мы с Сашей сновали между шкафов, стендов и витрин, тыкали пальцами в тот или иной экспонат. Шёпотом сравнивали обстоятельства «дела» – и как планировали, и как было, и как оно обернулось на самом деле.

Бабель подкрался незаметно.

– Так и знал, что вам понравится!

– Ох! – схватила за сердце Саша. – Напугал!

Я молча разжал пальцы – правая рука схватила в кармане пустоту, «Браунинг» остался в домашнем тайнике.

Неужели Айзек на самом деле не понимает, что мы чувствуем себя в музее, как живые лисы в меховом магазине?

Или таким хитрым способом, через испуг, он пытается доказать, что в СССР для нас нет никакой опасности?

Надеется убедить нас остаться в Москве, а не ломиться через границу – подставляя под смертельный удар в случае захвата как его самого, так и коллегу Кольцова?

Обидный трюк, однако на повод для ссоры никак не тянет...

Я и сам много раз подумывал отложить побег. Оплатить хранение архивных плёнок в банковском сейфе на следующие

несколько лет можно чеком, через заграничных друзей Бабеля или Кольцова.

Средства для жизни – не проблема: «Пасынки вселенной», «Звёздный десант», «Тоннель в небе»...

Да мне переписывания одного лишь Хайнлайна хватит на три пятилетки!

Советский быт, конечно, давит сильно...

Но продснабжение в Москве на излёте весны определённо наладилось, призрак голода, душивший столицу всю зиму, отступил. Цены на рынках откатились до разумных величин. Вот только что, у китайгородской стены, видел яйца и куриц – вполне по моему, далеко не самому толстому, кошельку.

Годика два потерпеть, а там, глядишь, удастся пробиться в кружок популярных писателей. Завести – подобно Бедному Демьяну – обставленную мебелью осьмнадцатого века квартиру, горничную, повара и немца-лакея. Выхлопотать выезд за границу на какую-нибудь конференцию, и уж там...

Но зачем?

Нет ни малейшего смысла сбегать от известности, гонораров, прогрессорских проектов наконец. Будет величайшей глупостью начинать с нуля в какой-нибудь дыре типа Сан-Тропе то, что давно достигнуто на родине...

– Пойдёмте, – поторопил Бабель. – Иначе всё съедят без нас. И выпьют!

Непросто сказать что-нибудь доброе в защиту зависти...

Однако надо войти в наше с Сашей положение: рядом с храмом, под скромным фасадом монашеских келий скрывался превосходный, блестяще отреставрированный зал с двойным светом. Сводчатые потолки расписаны лиловыми лошадьми с ассирийскими гривами, на полу натёртый до сияния наборный паркет, длинные шеренги столов плотно заставлены снедью и бутылками.

А ещё, между спинами публики тут и там проглядывают...

– Саша, смотри, – прошептал я. – Бананы!

– Ты точно уверен? – настороженно переспросила она, затем добавила, как бы извиняясь. – Я же только на картинках в твоём смартфоне их видела.

– Не сомневайся! Надо бы втиснуться поближе к фруктовой этажерке, оно того стоит.

– Но как эти бананы едят? – тут же озадачилась жена. – Мне кажется, или они поданы прямо в кожуре?

– Как рыбу, – припомнил я слышанный в детстве совет. – Хвостик и головку отрежь, потом шкуру прорежь вдоль, заворачивай, и вилкой, по кускам.

– Так, ребята... – прервал нашу гастрономическую тему Бабель. – Вы пока пристройтесь где-нибудь, а как друзья до оптимального градуса дойдут, я вас вытащу и представлю. Только я вас умоляю: сами на спиртное не налегайте!

Дождавшись, когда бабелевская спина укатится прочь, Саша отметила:

– Нервничает товарищ.

– Бойтся за морду Горького, – я демонстративно потёр об ладонь костяшки пальцев правой руки.

– Ты серьёзно?

– Конечно... Конечно нет. Я же не самоубийца!

– Надеюсь, – облегчённо выдохнула Саша и тут же сменила тему. – Как ты думаешь: та Мари, что упомянута в найденном утром письме, нашла себе большевика в мужа?

– Почему спрашиваешь? – озадачился я. – Или...

Она проследила мой направленный на сидящих за столами людей взгляд.

– Да! Ты правильно догадался.

Сложно не обратить внимание на глубокий контраст между дамами и господами...

Первые, по большей части, красивы той специфической красотой, что возникает от частого общения с автомобилями, ресторанной прислужкой и неиссякаемой горячей водой в краё у ванны. Они щеголяют хорошо подобранными вечерними туалетами, в их размеренных ловких движениях чувствуется порода, или, как минимум, *finishing school*[172].

Мужчины, напротив, демонстративно не заморачиваются манерами – кое-кто из них, не иначе как по вбитой в подкорку кабацкой привычке, взгромоздился за банкетный стол даже не снимая картуза.

[172] Закрытая школа или пансион для девушек, ориентированный на преподавание традиций высшего класса в качестве подготовки к вступлению в общество (фактически – для удачного брака).

– Победитель получает землю, золото и женщин, – я по-новому посмотрел на супругу.

Непонятная для меня, но наверняка модная шляпка, привезённое из Питера крепдешинное платье-туника, изящные испанские лодочки молочного цвета. Вокруг шеи – стильное кольцо с настоящими рубинами. Подчёркнутая природная красота – против сносного разве что по меркам «Электроставрограда» пиджака и пыльных, далеко не новых ботинок.

Расстроено покачал головой.

– Легко сойдёшь за свою!

– Надеюсь, что ты не будешь никому доказывать, что прошёл вне конкурса? – рассмеялась в ответ Александра. – Ты же по всем признакам – истинный пролетарский писатель, качественная, свежая, большевицкая кровь. Не тушуйся, а пользуйся. Коллеги поймут правильно, я готова спорить, что тут три четверти дел прокручивается через жён.

– Таких, как Дарья Богарнэ?[173]

– А что ты хотел?! За ними – связи старых родов, заграничная родня, имперское образование и многовековой опыт интриг.

– Их мужья, выходит, невежды, да вдобавок и подкаблучники?

– Кошелёк и социальный статус, – изящно повела плечами Саша. – Однако они не догадываются, ведь жёны-то умные.

– Циничка, – исковеркал я термин. – Хитрая циничная циничка.

– Которая хочет бананов, – поспешно напомнила о главном Саша.

– Раз такая умная, то выбирай место сама!

Возражать супруга не стала, восприняла мою шутовскую попытку уязвить как должное. Позицию выбрала на зависть любому завсегдатаю – от начальства подальше, к кухне – то есть экзотическим ягодам – поближе.

Светским чередованием мужчин и женщин писатели

[173] Графиня Дарья Богарнэ (1870-1937), дочь князя Романовского, герцога Лейхтенбергского. Правнучка Николая I, праправнучка императрицы Жозефины Бонапарт и М. И. Кутузова. Протезе А. М. Горького. В 30-х годах муж Дарьи Богарнэ заведует иностранным отделом Государственной Публичной библиотеки.

пренебрегали, так что Сашиной соседкой оказалась подсушенная временем дама с окровавленными импортной помадой губами. Меня она приветствовала лёгким наклоном украшенной стеклярусом шляпки, Сашу – снисходительно-оправдывающей улыбкой.

Мне с соседом повезло меньше – высоколобый бородач лет сорока зыркал в нашу сторону из-под кустиков бровей с такой неизбывной тоской, что казался совестью поколения.

Дичились друг друга мы недолго: я по-простецки тянул рюмки водки, налитой бородачем с горкой, и его взгляд сразу подобрел, даму очаровала Сашина ловкость в обращении с бананом.

Под яйца-кокотт[174] с шампиньонным пюре и перепелов по-генуэзски покатила обычная застольная беседа: одной частью о погоде, другой – о международном положении.

Бородач, назвавшийся писателем Зазубриным[175], слово за слово втянул меня в неспешное перемывание костей господину Муссолини: сначала – как личности, потом – как политику, но в основном – как великому экономисту.

Заурядная тема – благодаря скороспелому белогвардейскому еврофашизму, среди интеллектуальной «элиты» нет разговоров популярнее.

Разномастные листовки-ларионовки и забитые агитками Российского Национального Фронта радиопередачи из латышской Режици сами по себе не позволяют выстроить сколь-нибудь достоверную картину мира.

Но...

В сочетании с межстрочным прочтением подозрительно благожелательных к Италии советских газет – порождают в

[174] Специальным образом запечённые куриные яйца, часто – с разными добавками.

[175] В. Я. Зазубрин родился в 1895-ом, в 1928-ом исключён из ВКП(б), работал в редакции журнала «Колхозник». В 1937 году арестован и расстрелян вместе с женой. Интересные факты: 1. По написанной им в 1923 году (но не опубликованной) повести «Щепка» в 1992 снят фильм «Чекист». 2. В 1932 году на встрече писателей с членами правительства, на квартире Горького, сравнил Муссолини со Сталиным (в качестве неудачного комплимента последнему).

мелкобуржуазных головах пикейных жилетов чувство причастности к большой европейской игре.[176]

Надо признать, что основной посыл сочувствующих фашистам «недовзрослых» весьма похож на правду: «Италия при дуче воскресла, как Лазарь...».

История сего чуда крайне незатейлива...

Подогретые социалистами, уставшие от парламентского бардака жители Рима, Милана и Неаполя возжелали поскорее и без лишних либеральных сложностей получить простые человеческие радости – жильё, еду и зрелища. В то же время, примитивный большевистский промфинплан «всё отобрать и поделить» в мелкобуржуазных душах отклика не находил – требовался вариант похитрее. Третий путь – Муссолини, он же корпоративизм, эдакий социальный компромисс между профсоюзами, капиталистами и чиновниками – идеально подошёл в качестве «бесплатного сыра».

В двадцать третьем мышеловка захлопнулась – в нагрузку к прогрессивной надстройке[177] народ Италии получил первобытный авторитарный фундамент. Знаменитый робеспьеровский девиз «свобода, равенство, братство» сменил мрачный паллиатив[178] «дисциплина, иерархия, патриотизм». Следующий гениальный финт дуче – а именно: подмена желанного народом национального благополучия на доктрину величия национального лидера – прошёл естественно и незаметно.

Собственного Гемпдена[179] в Италии двадцатого века как-то не нашлось...

[176] К примеру: в дни оккупации Корфу, осенью 1923, одна лишь московская пресса высказалась благожелательно к Италии. В 1927-ом, наоборот, уже Муссолини молчанием поддерживал СССР в «деле Раковского».

[177] Течение действительно прогрессивно – в настоящее время теория корпоративизма стала составной частью идеологии христианской демократии.

[178] Не исчерпывающее, временное решение, полумера.

[179] Джон Гемпден (1595-1643) – английский политик, парламентарий, активно участвовавший в оспаривании права короля Карла I на абсолютную власть, что стало прелюдией к Английской революции.

Спустя примерно час, то есть к подаче горячего, тема меня достала до печёнок, я и вспылел:

– Спорить не буду, падение экономики Италии при фашистах прекратилось, пошёл рост. Притом – достаточно быстрый в их курьёзный ультра-либеральный[180] период. Но ещё более быстрый рост начался во Франции годом раньше, а в Германии – двумя годами позже. И теперь, спустя восемь лет, разрыв в подушевом госдоходе между ними и Италией вырос раза эдак в полтора.

– Разве можно так взять и сравнить! – удивлённо вскинулся от антрекота Зазубрин. – У немцев и французов что ни год – то кризис, постоянно растёт безработица, множество людей голодает, забастовки и стачки непрерывно. Не сегодня-завтра до революции дело дойдёт.

– Тем временем прикормленные Муссолини журналисты исправно рапортуют об успехах комплексной мелиорации в долине реки По и окончательном разгроме мафии на Сицилии.

– В этом же нет ничего плохого!

– Действительно, всё отлично, – презрительно фыркнул я. – Вот только хоть ты тресни, а экономика соседей, со всем их перманентным парламентским блядством, растёт заметно быстрее. И году к сороковому, из расчёта на человека, обгонит итальянскую чуть ли не вдвое. При том, что в восемнадцатом они стартовали ровнёхонько с одного уровня.

Легко строить прогнозы, зная историю наперёд...

– Позвольте, позвольте, молодой человек... – до Зазубрина наконец-то дошло, что разговор выкатился далеко за рамки пикейножилетного трёпа. – Вы удивительно неплохо разбираетесь в политэкономии для...

– Заводского электрика? – тут же договорил за него я.

– Вот именно!

– Обязательно соответствовать? – я отложил нож и ухватился правой рукой за вилку, как за ложку. – Так лучше?

– Несомненно, – помрачнел Зазубрин, завис на десятках

[180] После прихода к власти Муссолини объявил фашистов «либералами в классическом смысле этого слова». И это были не пустые слова – только в первую половину 1923 года в Италии были открыты 595 новых акционерных обществ. Общее увеличение акционерного капитала составило 1,25 миллиарда лир.

секунд, а затем – так же как я – сменил нож на вилку. – С некоторых пор принято врагов не слушать, а сразу уничтожать.

– Только кровь даёт бег звенящему колесу истории, – мне вспомнились недавние газеты. – Так вроде бы говорил Муссолини?

– Разве ты можешь возразить?!

– Что этот «макаронник» может знать про настоящую кровь и грязь! – зло ослабилась я в ответ. – То ли дело у нас.... Мозги, и те стали собирать в банку, а не честно разбрызгивать пулей по стенке.

Зазубрин вздрогнул всем телом и упёрся в меня заледеневшими глазами.

– А ты видел, как крысы с визгом, в драку, выгрызают из земляного пола человеческую кровь? А их языки – острые, красные, как всполохи огня?!

– Неужели ночные кошмары? – я отмёл дьявольский образ подальше от своего сознания. – Распространённая болезнь среди... Ох! – острый носок лаковой туфельки с размаху ударил по моей лодыжке.

– Тут, случайно, Булгакова нет? – резко повысила голос Саша.

– Как? – отозвалась сидевшая рядом с ней дама. – Милочка, вы разве ещё не в курсе?

– Что с ним случилось? – неподдельно испугалась Саша.

– Так его же выпустили!

– Откуда? – тут же переключился на новую тему я. – Неужели из лагеря?

– Да нет же, из СССР, насовсем, – с величавым спокойствием разъяснила ситуацию дама. – Сам Сырцов разрешили, вот Миша и укатил к брату в Париж, ещё до Первой.

– Сбежал, «контра»! – со странным полувосторгом-полулордством констатировал Зазубрин, дотянулся до бутылки и под тихий «бульк» пробормотал. – Правильно сделал, сукин сын, всё равно тут никому на х...й не нужен [181].

При виде щедро расплёскиваемой по скатерти водки я

[181] Из письма М. А. Булгакова: «Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных – было 3, враждебно-ругательных – 298.

поторопился сам наполнить вином бокалы Саши и её соседки: безобразные красные разводы – совсем не то, что требуется нашему столу.

– Что ж, товарищи, выпьем за продолжение «Белой гвардии», – поднял неожиданный тост Зазубрин.

– Ему не придётся писать смертельный «Батум»[182]... – тихо добавил я, скорее для себя, чем собеседников.

Однако был услышан.

– Вы так хорошо знаете Михаила? – вопрошающе подняла брови дама.

– К сожалению – нет, – признался я и, поднимая рюмку, в полный голос заявил. – Но совершенно уверен: Булгаков – ТУТ единственный, кого потомки будут с удовольствием перечитывать через сто лет[183]. То есть – был ТУТ.

Над нашим краем праздничного стола повисла бестактная тишина...

Каждый писатель уверен в собственной «нетлѐнке», каждый мнит себя великим. Мы тут – никто, а они – всё!

Сплочѐнные в редакциях и коллегиях, десятках авторских союзов, сбитые на пьянках рабкоров, пер...трахавшие по кругу женщин своего круга, их сестѐр, подруг и, боюсь – многих братьев и мужей. В их шкафах спрятаны штабеля скелетов. Они – сплочѐнная, злобная, склочная стая...

А мы – никчѐмные чужаки!

Только авторитет Бабеля даёт нам шанс влиться, стать своими за свински ломящимся столом.

– Bravo, молодой человек! Bravo! – без усилий сорвала флѐр напряжѐнности дама. – Давно я не слышала столь тонких комплиментов.

Она склонилась поближе к Александре и принялась что-то ей тихо рассказывать по-французски. С каждым словом глаза моей супруги всё больше и больше расширялись, пока не приняли совсем уже неприличный вид.

[182] «Батум» – пьеса М. А. Булгакова о юности И. В. Сталина. В РИ была написана в 1936-1939 годах. В этом мире – вряд ли будет создана.

[183] ГГ преувеличивает. Топ советских писателей 20-х годов на одном из популярных сайтов выглядит так: Ильф и Петров, Грин, Пастернак, Булгаков.

При первой же паузе Александра быстро ткнулась в моё ухо и на одном дыхании выпалила, почему-то тоже по-французски:

– Любовь Евгеньевна[184] – жена Булгакова!

– Oh, mon Dieu![185] – схватился за голову я.

– Держи, поможет! – Зазубрин недрогнувшей рукой протянул мне новую, полную дьявольской жидкости рюмку. – Все проблемы в нашей жизни от женщин! Они лучше нас, мужчин, умнее, даже умирают они красивее!

– Красиво нужно жить, а не умирать, – проворчал я, однако рюмку принял.

В борьбе с успевшим подостыть антрекотом я краем уха прислушивался к тихому щебетанию: Саша рассказывала новой знакомой историю про найденное утром письмо. Наболело у неё, не иначе, и всё бы хорошо, да только с каждым словом жены глаза Любви Евгеньевны всё сильнее наливались тоскливой болью.

Угрызений совести по этому поводу я не испытывал, меня раздирало на части любопытство. Кажется, я незаметно для самого себя достиг того странного состояния, когда подсознание уже решило для себя что-то очень важное, а вот сознание – всё ещё ждёт финального толчка.

– Спаси вас бог, милочка! – наконец прервала затянувшийся монолог госпожа Булгакова. – Тогда, в восемнадцатом, я с большевиком не смогла.

Саша не осталась в долгу.

– Я тоже... Собралась умирать, да встретила Алёшу, – так удивительно просто она изложила историю нашего знакомства. – Не допустила Пресвятая Богородица греха тяжкого.

– О, та жизнь, что колеблется всё время на краю! – очень по-своему истолковала слова моей жены Любовь Евгеньевна. – Чужие лица, незнакомые слова, узкие кривые улицы... Грязный Константинополь, провонявший рыбой Марсель, серый мокрый Берлин... Тогда всё вокруг казалась мне кошмарным сном. Каждый вечер я мечтала проснуться, а за окном

[184] Прочнее всего имя Любви Евгеньевны связано с замыслом и рождением пьесы «Бег»: её живые рассказы об эмиграции и эмигрантах, о Константинополе и Париже послужили источником вдохновения для писателя при создании пьесы.

[185] О, боже мой! (фр.).

– Литейный, пушистый белый снег, дворник у ворот о чём-то ругается с посыльным, – тени прошлого мира скользнули по её лицу. – А получала нескончаемые, глупые тараканьи бега в пыли, по жаре или стуже, да редкие танцульки ради куска хлеба. Если бы не Миша – я бы там верно погибла!

Тут, как раз на упоминании всеу тараканьих бегов, я вспомнил булгаковский «Бег»...

Конечно, не саму пьесу – но снятый по ней кинофильм, а в нём – нелепый, вяло плывущий по мужским рукам образ Серафимы. При девушке осталось всё нужное для жизни: молодость, здоровье, образование и манеры, недурная внешность, знание европейских языков. С таким заделом ничего не стоит устроиться в любой стране огромного мира. Вместо этого она весь сюжет ошивалась возле сломавшихся генералов разбитой армии, а в финале, уже совсем от полной безнадёги, кинулась на шею юродствующему – здорово смахивающего на князя Мышкина – приват-доценту.

Видели мы с Мартой во множестве подобных «фиф», когда запускали в Берлине торговлю воздушными шариками...

Угораздило тогда меня попытаться подсобить бедствующим на чужбин соотечественникам, дать объявление о найме продавщиц в эмигрантской газете.

Отклик вышел на удивление слабым, итоговый результат – того хуже. Кандидатки заваливали тесты все как одна: вместо улыбки на лице – гримаса, тупой ступор, а про действия в сложной ситуации, про расторопность в обращении с кассой и говорить не приходилось...

Сможет ли подобная дама научить нас с Сашей жизни?!

– Простите великодушно, Серафима Евгеньевна, – намеренно сбился я в имени. – Никак не могу поверить, что полки универмага «Wertheim» [186] не помогли вам проснуться.

Я рассчитывал, что жена Булгакова обидится и наконец-то прекратит мучить Сашу и меня своей опасной патетикой.

Но не тут-то было...

– Вы очень... Необычный молодой человек, – обратила гнев в натянутую улыбку Любовь Евгеньевна. – Милочка... – переключилась она на Сашу. – Вы уверены, что ваш муж – не

[186] Один из самых больших магазинов в довоенной Германии и Европе.

большевик с дореволюционным стажем, или тем паче – не чекист? Такое – исключено?

– Абсолютно!

Вот ведь наказание: что ни новое знакомство, то супруге приходится отрешивать меня от службы в ГПУ.

Прямо повод серьёзно задуматься: и чем же я так похож на чекиста?!

– Тем более удивительно! – сокрушённо покачала стеклярусом на шляпке Любовь Евгеньевна. – Но я всё равно побоюсь поинтересоваться у вашего мужа про то, где ему удалось ознакомиться с Мишиной пьесой[187].

– Он её и не видел, и не читал!

– Не надо, – изящным движением ладони Любовь Евгеньевна отмела сомнения. – Так – проще, я же всё понимаю... Всем проще...

– Афиноген-то на кой чёрт тут объявился? – беспардонно вломился в наш «междусобойчик» Зазубрин. – Он же вроде как в актёришки подался?

– После гонорара в двадцать тысяч золотом[188] можно не только в кино... – брезгливо поморщилась Любовь Евгеньевна. – Членство в партии не помешало ему купить четырёхкомнатную в Газетном переулке и нанять прислугу.

– Это кто у нас в Москве так здорово зарабатывает? – поразился я.

– Наловчился тут один товарищ... – по теме квартирного вопроса Зазубрин выступил в удивительном согласии с женой Булгакова. – Перелицовывает передовицы «Правды» в пьески.

– Вы ещё посмотрите: эким он франтом вырядился! – Любовь Евгеньевна отвесила выверенный кивок в сторону

[187] Знание пьесы «Бег» выглядит очень странно, но чудом не является – к постановке и публикации отказано (впервые на сцене в 1957 году), но читали её, всё же, многие.

[188] Имеется в виду драматург Александр Афиногенов, один из руководителей РАПП. В 1931 году Афиногенов снимался в кино «Гайль Москау» о солидарности советских моряков и зарубежных рабочих. В 1932 году действительно получил баснословный гонорар – 171 тысячу рублей (при зарплате рабочего около 100–200 рублей).

совсем молодого парня, подзадержавшегося около соседнего ряда столов.

– Ничего себе!

Да у нас на «Электрозаводе» за такой «прикид» можно партбилет положить на стол...

Кроваво-рыжие туфли на пухлой подошве, над туфлями, несмотря на лето – толстые шерстяные чулки, над чулками – шоколадными пузырями штаны до колен, вместо пиджака – приталенная замшевая куртка, а на голове – берет с коротким хвостиком...

Полный набор признаков мелкобуржуазного перерождения, хоть сейчас в стенгазету!

– Бедный, бедный Алексей Максимович! – фальшиво принялась стенать Зазубрин.

– Он что, ученик Горького?! – опешил, было, я. – Хотя... Чему удивляться-то...

– Не ученик... Скорее – обидчик, – улыбнулась моей промашке Любовь Евгеньевна. – Афиногенов всю Москву измутил «партийностью литературы». Досталось от его проклятого РАППа[189] на орехи и Горькому, и красному Толстому, – тут улыбка пропала с её лица. – А Володю Маяковского – царствие ему небесное – эта банда травила до самой смерти, как стая шакалов – раненного льва.

– Боже, «пропал калабуховский дом»! – мне зачем-то вспомнились слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца» того же Булгакова.

Сомнительной наградой стал очередной пинок в лодыжку.

– Развели скуку... – Зазубрин устало растёр лицо широколапой пятернёй.

Нашарил в кармане портсигар, тяжело поднялся и похромал в сторону дверей. На его пиджаке, ровно под левой лопаткой, сидела аккуратная заплата.

– L'amour ne se commande pas, les jeunes[190], – неожиданно перешла на французский Любовь Евгеньевна. – Смотрю

[189] *Российская ассоциация пролетарских писателей. Знаменита прежде всего нападка на литераторов, не соответствовавших – с точки зрения РАППовцев – критериям настоящего советского писателя.*

[190] *Насильно мил не будешь, молодые люди. (фр.).*

на таких вот Афиногеновых, и кошмарным сном мне видится Москва. Знаете почему? – она заглянула Саше в глаза. – Жить с писателем, слава богу, совсем не то, что жить с большевиком. Да только нынче писатели сами становятся большевиками. И самое ужасное в этой истории то, что их, по большому счёту, никто не заставляет. Сами, они всего добиваются сами, в этом дьявольском РАППе чуть ли не пять тысяч членов. Да-да, не спорьте! Именно сами писатели спешат за победившим классом, угодливо потакают его вкусам и чувствам или – вернее сказать – их неуклюжему отсутствию...

– Но ведь возможен и обратный процесс! – попробовала возразить Саша.

– Если бы! – Любовь Евгеньевна многозначительно повертела в руках свой пустой бокал. – Как дико и неистово я жалею, что вернулась в советский потерянный рай! Ведь настоящий писатель только лишь потому и писатель, что всё пропускает сквозь свою многогрешную душу. Легче простого продать перо, да тут каждый второй его продал! Pourquoi pas, bon sang?![191] За золото, квартиру, паёк... Но читателя-то не обманешь, выбирай: или творишь для него, или – для души. Хоть стреляйся – как Володя, хоть пей горькую – как Олеша, хоть беги в Париж... Спасенья нет...

– Pourquoi pas? – я поспешно добавил вино в бокалы дам. – Действительно: почему нет? – вспомнив, что именно писали маститые литераторы в тридцать седьмом, щедро плеснул водки себе, поднял рюмку в руке, на манер черепа Йорика, и с шутливой серьёзностью продекламировал. – Je l'ai connu, Horatio[192], этот истинно русский способ самоубийства.

Супруга Булгакова шутки не приняла.

– Больно много ты понимаешь для юного большевика!

– Алексей – не большевик! – немедленно вступилась за меня Саша.

– Милочка, ваш муж – пока не большевик... – Любовь Евгеньевна выделила голосом слово «пока». – Сейчас не боится ни бога, ни дьявола... Вы молоды, он может схватить вас в охапку, увезти на Кавказ и начать жизнь заново... Но попробуйте, представьте его лет в сорок, перекрученного

[191] *Почему нет, чёрт поберит?* (фр.).

[192] *Я знал его, Гораццо.* (фр.).

радикулитом, с тремя детьми, тещей и дачей, или... – тут её губы язвительно покривились. – Оторвите его от бананов два раза в год. Что выберет он? Что выберете вы?!

– Выберу водку, что тут непонятного? – я опрокинул рюмку в горло, дождался, пока жгучая волна прокатится по горлу и дальше вниз, до самого желудка, и спросил. – Интересно, как она через желудок попадает в душу?

– Лёш, пойдём домой? – в голос Саши пробились нотки паники.

Писать для денег или для души?

Моё сознание рывком сдвинулось на следующий уровень понимания: мне не нужно ни того, ни другого!

Для денег надо было год назад ехать с Мартой в Штаты, а не к Троцкому и Блюмкину на Принкипо.

Что же касается души...

Пора наконец сказать честно хотя бы самому себе: я – инженер, инженер, чёрт возьми, а никакой не писатель.

У меня нет воображения, я не умею ничего выдумывать.

Я должен знать всё до последней прожилки, иначе я ничего не смогу написать.

Какое там к чёрту моцартианство, веселье над рукописью и лёгкий бег воображения!

Самый маленький текст требует от меня работы землекопа, грабаря, которому в одиночку предстоит срыть до основания Эверест.

Перелицовка Хайнлайна – это никакое не творчество, а расчётливое ремесленничество!

То есть: на этом банкете я – самозванец!

Коварный план Бабеля раскрылся передо мной во всём своём мрачном блеске...

В руку каким-то мистическим образом попала загодя наполненная Зазубриным рюмка, тост родился сам собой:

– Никогда не путешествуйте с мертвецами!

Издание книги затянет время, промедление убьёт волю, без воли мы поедem в ад в компании мертвецов...

Горький уже подрядился к ним Хароном...

– Саша, ты, как всегда, права! Нам пора отсюда валить. Срочно, насовсем.

– Ах, какой он у вас решительный! – притворно восхитилась,

а на самом деле, верно, испугалась Любовь Евгеньевна. – Берегите его, милочка, вам крупно с ним повезло. Но погодите... – она запустила руку в лежащую на коленях маленькую сумочку, пошарилась в ней и вручила Саше сложенный вдвое конверт. – Насколько я помню, вы любите читать письма. Попробуйте это, но только – дома.

– Спасибо, – поблагодарила Саша.

– Спасибо, – вторил я ей, поднимаясь со стула. – В которой стороне выход из этой чёртовой мышеловки?

Писательскую пирушку мы покинули в высшей степени вовремя...

* * *

Дрянная водка, да с непривычки...

Дорогу до дома я запомнил весьма фрагментарно, а как уснул – забыл и вовсе.

Утро, кроме долгожданного чувства определённости, принесло закономерное похмелье...

Плюнуть на обрыдшую работу не позволили остатки совести: пусть побег не за горами, но подводить ребят-коммунаров не стоит...

Так что про письмо Любви Евгеньевны мы вспомнили уже за вечерним чаем, когда спорили: оставаться на новоселье Бабеля или уезжать раньше.

Охнув, Саша метнулась к сумочке, вытащила конверт, нетерпеливым молниеносным движением оторвала край и тут же недовольно скривилась:

– «Ларионовка»!

– Тоже мне, ценность, – обиделся я. – Она бы ещё трамвайный билет тебе подарила.

– Древняя-то какая! – Саша бегло просмотрела текст. – Эти новости недели три назад по радио передавали.

– Сожги, – посоветовал я. – Хотя... Нет! Давай бумажку сюда, есть вариант проще, – я кивнул в сторону туалета. – Заодно и прочту.

Обратно в комнату я вломился уже через минуту, размахивая бумажкой, как флагом.

– Ты знаешь, что теперь человека из СССР можно выкупить за деньги?! [193]

– Ну конечно же! – удивилась моей экзальтации Саша. – Про это, кажется, даже где-то в советских газетах писали.

– Так почему ты мне сразу не сказала? Это же всё меняет!

– Ты цену-то видел? – скепсис легко читался с Сашиного лица.

– Десять тысяч рублей с носа! Пять килобаксов! Всего-то!

– Всего-то?! Ты, вообще, в своём уме?! Да это же невообразимая гора денег, нам за сто лет не заработать! Разве что у этого... Который Афиноген... Гонорар отобрать. И то, пожалуй, не хватит.

– Саша! – я понизил голос до шёпота. – Вспомни, сколько раз я говорил тебе... У меня в банке, который в Швейцарии, отложены совсем неплохие деньги!

– Неужели... Прямо столько?!

– Больше!

– Так то – в Швейцарии...

– Пустяки, – я отмёл возражения. – Биография у тебя – настоящая, выдержит любую гэпэушную проверку. В преступлениях ты не замечена, двоюродную тётушку или одноклассника отца за границей найдёшь?

– Зачем?! Моего деда Фаддея – ну, который Зелинский – в двадцать втором сам Луначарский с вокзала провожал преподавать в Варшавский университет!

– Дед? Живёт в Польше? – обрадовался я. – Вот к нему-то ты и поедешь!

– А как же ты?

– Выберусь, чай, не первый раз!

Душа пела...

Будущее раскрасилось в благостные розовые тона, тут даже думать нечего: «рвать нитку границы» одному или с

[193] В реальной истории имело место секретное постановление СНК СССР от 17 октября 1932 года, которое разрешило взимать сборы в иностранной валюте. Такие эмигранты могли оформлять паспорта «в облегчённом порядке». Сбор определялся в 1000 рублей (около 500 долларов).

«довеском» в виде любимой жены – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Шансы на успех, которые ранее я оценивал в недопустимо низкие восемьдесят процентов, прыгнули вплотную к сотне.

– Постой...

Саша вцепилась в мой рукав и...

Возражения жены я слушать не стал – подхватил её на руки и закружил, шалея от учащённого биения родного сердца.

– Запомни! Всё будет хорошо!

А жена повторяла за мной как заклинание, то ли поверив мне, то ли желая верить:

– Всё будет хорошо! Всё будет хорошо!

5. ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РАБОВЛАДЕНИЯ

Москва. Лето 1931 года

Почти год с рождения Нового мира

– Озверел, скотина?! – я едва успел выдернуть Сашу из-под колёс «протобайкера», который решил протиснуться в арку Ильинских ворот мимо телег ломовиков. – А ну стой, гад!

Куда там...

Только и мелькнула затянута в кожу спина за обсаженным мухами лошадиным крупом.

Нет в Москве места, которое я ненавижу больше, чем кварталы между Красной площадью и китайгородской стеной. Здесь каждый булыжник мостовой, каждый закуток – всё знакомо до боли, исхожено сотни раз...

Не просто так: год назад, совсем рядом, в Черкасском переулке мы с Блюмкиным взорвали генсека Джугашвили и его друга Кострикова.

Теперь сюда же, по соседству, как в насмешку, большевики втиснули музей товарища Сталина, а с ним – зловещий экспонат, заспиртованный мозг моего «альтер эго» [194] – без вины виноватого скаута Обухова.

– Вот и пришли, – прервала мой ретроспективный экскурс Александра. – Нам в западный флигель, интересно, с которой он стороны?

– Самой дальней от Ильинки, как пить дать, – мрачно отшутился я. – Куда ещё энкэвэдешники могут засунуть ненавистный Иностраннный отдел?

– Ты серьёзно?

[194] Здесь: *Alter ego* (лат.). Другой я – реальная или придуманная альтернативная личность человека.

– Пойдём направо, по Часовой линии, – я взял Сашу за руку, как маленькую девочку. – Прошлым летом я где-то в Дальнем дворе видел на подъезде нужную табличку.

Кто бы мог подумать, что я по доброй воле поведу жену «сдаваться» в центральное, покрытое куполами гнездовище НКВД РСФСР?[195]

Однако же...

Одно утешение: к охране госбезопасности нынешний Наркомат внутренних дел не имеет ни малейшего отношения[196].

В число его сотрудников входят милиционеры, пожарные, следователи угрозыска и прочие жилкомовцы. А ещё – в до-весок к этому пёстрому набору – на НКВД возложена выдача общегражданских заграничных паспортов и виз.

То есть то, что остро необходимо Саше в данный исторический момент...

Скоро узкая пыльная кишка чёрного хода привела нас на третий этаж...

Я толкнул дверь – открылась забитая столами и барышня-ми комната.

Прямо в лицо, из-за сизой завесы табачного дыма, простучала недовольная очередь пишмашинки.

– Простите...

– Научитесь читать! – ближайшая машинистка злобно ткнула в сторону пришипленного к стене листочка. – Паспорта – налево и прямо.

Ещё один коридорчик, в котором нужно протиснуться между ящиком с бумагами и расколотой пополам крышкой рояля, и – вот оно, советское присутственное место.

[195] В реальной истории до конца 1930 года (а в данном мире – значительно дольше) аппарат НКВД размещался в комплексе домов бывшего Северного страхового общества, который действительно имеет два купола (в части, выходящей на Ильинку).

[196] В реальной истории (но не в данном мире) 15 декабря 1930 года ЦИК и СНК приняли секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска», на основе которого ОГПУ фактически получило полный контроль над НКВД.

Клерки за метровой кирпичной стеной – общаться с ними нужно согнувшись, через тоннель забранной решёткой дыры...

Окна до половины заклеены газетами, чернильницы и засохшие перья выложены на широких старорежимных подоконниках, побитая штукатурка стены стыдливо прикрыта образцами многочисленных анкет, рукописных заявлений и прочим хламом...

– Кто последний? – сориентировалась быстрее меня Саша.

– Стой за мной, дочка, – отозвался усатый седой старикан с живыми, чуть смеющимися глазами.

Очередь показалась мне совсем небольшой, всего лишь в дюжину человек. Контингент подобрался дисциплинированный: никто не лез вперёд, не толпился у окошка, мешая наблюдать за процессом оформления бумаг.

Стоящая первой гражданка постбальзаковского возраста доставала из пухлой папки украшенные печатями бумажки, затем нервно, по одной, пропихивала их невидимой паспортистке. На отлёте, в свободной руке гражданка зачем-то держала отдельный развёрнутый лист с вклеенной фотографией. Скормив ненасытной бюрократии последнюю справку, она порывисто прижала этот самый лист к груди, поверх тускло блеснувшего фальшивыми бриллиантами колье.

– Уж вы простите меня великодушно, господа, только бы срок продлили. Ненадолго... Даст бог, – зачем-то пояснила она.

– Заграничный паспорт, – прочитал я вслух надпись на бумаге под гербом СССР.

И тут же увидел рядом на французском – *Passeport pour l'étranger*.

– А как же «серпастая и молоткастая книжица»?! – от удивления я не заметил, что произнёс последние слова вслух. Чуть подумав, добавил, чтобы не выглядеть совсем уж глупо. – Выходит что, наврал Маяковский?

– Не то, что наврал... – усмехнулся в усы старикан. – Помнится, ещё на прошлую Пасху мою бумаженцию в красную корочку скобочкой р-р-раз... – старикан пристукнул по полу тростью, имитируя стук степлера. – И вшили. Притом – бесплатно! А вот нонче услугу по желанию измыслили, десять рублей вынь да положь.

– Золотом! – подчеркнула дороговизну «постбальзаковская» гражданка.

– Пять баксов, – перевела курс Саша. – Нет, мне такого не надо!

– Говорят, что тем, кто не покупает корочку, отказывают чаще, – вмешался курносый розовощёкий блондин, стоящий в середине очереди.

– Врут, паскуды! – отмахнулся старикан.

Спор закипел...

Скоро неофиты – то есть мы с Сашей – знали буквально всё: как обойти щекотливые моменты в двадцати восьми вопросах анкеты; как без помарок написать подробную автобиографию; почему с нас причитается за оформление бумаг триста рублей, а не сто, как с настоящего трудового народа; стоимость обязательных марок Красного Креста; размер штрафов за переезд из одного консульского округа в другой; и самое актуальное для нас – механизм выкупа за деньги....

А ещё мы узнали, что необходимо поторопиться с простановкой заграничных виз: срок действия паспорта до выезда – жалкие три месяца.

В деле продажи совграждан большевики превзошли коварством самих иезуитов, а точнее – изобрели оригинальный фискальный инструмент под названием «Патент на работу вне территории СССР».

Формально всё выглядит красиво, не просматривается ни малейшей политики: раз выплата налогов во всём мире – дело святое, то почему государство рабочих и крестьян должно стать исключением?

Таким образом, на радость функционерам Лиги наций и прогрессивному человечеству, выезд из СССР при Сырцове наконец-то стал полностью «свободным».

И более того: стоимость патента – именно в рублях! – заметно меньше месячной зарплаты среднего рабочего. Есть только одна «маленькая», тщательно незамечаемая из Парижа или Лондона деталь, а именно: разница в четыре порядка между ценой золота и бумажки.

За разговорами и заполнением анкет наша очередь подошла совсем незаметно...

К моему немалому удивлению, упираться на помарки и недостаток справок, как это обычно принято, паспортистка не стала. Только проворчала, сгребая бумаги кучей в большой конверт:

– Коммерческих, вроде тебя, чекисты вообще проверять перестали.

– Отчего же, позвольте узнать? – тут же вылез из-за Сашиной спины я.

Паспортистка – прыщавая «перестарка» с волосами, затянутыми в тугой узел на затылке – оторвала от стола взгляд, презрительно оглядела сперва меня, затем Сашу, и выдала не подлежащий сомнению вердикт:

– Такие гражданки нашей стране не требуются!

– Совсем? – изумился я.

– Готовность – через две недели, – паспортистка, проигнорировав мой вопрос, злобно пихнула заполненную квитанции о сдаче бумаг через туннель окна. – У нас с этим нынче строго!

– Так быстро?! Спасибо! – Саша приняла бумажку, подвинулась, освобождая место следующему в очереди, и вдруг метнулась обратно.

– А мужа с собой взять никак нельзя?!

– Можно, тебе всё можно! – с притворной любезностью откликнулась паспортистка. – Такие вот трудоспособные... Иждивенцы, как он... – она выразительно зыркнула в мою сторону. – Уезжают от нас со специальной скидкой! Надеюсь, что у твоего деда найдутся лишние восемь тысяч?!

Я потеснил в сторону Сашу и склонился к окошку.

– Спасибо, не требуется!

– Ни в чём себе не отказывай! – из бойницы сочился елейный яд, паспортистка ни секунды не сомневалась, что я или проклятый НЭПач, или – вовсе «контра».

Как я и боялся, идею семейного выкупа Саша не оставила...

– Лови ваньку, да порезвее, в темпе дуй на завод, – безапелляционно заявила она, едва мы вылезли под лучи солнца из подъезда НКВД. – Оформляй справку из отдела кадров и выписку из личного дела. Потом – гони в жилконтору. По дороге заскочи в фотоателье, помнишь, там где мне делали. Ещё домой, за документами... А я пока заполню анкеты и займу

очередь. О! Заодно позабочусь, чтобы мымра не сдала чекистам мой пакет.

– Да за такие деньги уж как-нибудь сам пробьюсь...

– Не дури!

– На их жадную глотку золота не напасёшься!

Конечно, я лукавил...

Смертельный риск перехода границы – он дороже любых денег, иначе говоря: от платного выезда – пусть и на полный прайс-лист – меня удерживал исключительно страх подвести жену своей липовой биографией.

– Ты хорошо всё расслышал? – в словах супруги зазвенела сталь. – Не проверяют они коммерческих.

Уничтожить мою легенду, в общем-то, крайне несложно. Достаточно отправить грамотный запрос с фотографиями и приметами по месту рождения и отрочества.

Как это сделать?

Гонять через полстраны нарочного чекиста ради каждого эмигранта никто не станет.

Действующих факсов – или, как их тут называют, бильдтелеграфов – в СССР ровно два, в Москве и Ленинграде[197]. На востоке, за Волгой, связь застряла на довоенном уровне – жалкую «трёхлинейку» до областного Свердловска с большой помпой сдали всего лишь год назад, как раз тогда, когда я работал телефонистом. Так что до моего «родного» уездного городка телефонная линия гарантированно отсутствует[198].

Остаётся пересылка бумаг, дело весьма небystрое, только на поезд туда и обратно уйдёт дней десять. Принять пакет, разобрать, зарегистрировать в картотеке, составить запросы, отправить по инстанциям...

Получить, передать местному оперуполномоченному, или как их там сейчас называют...

Вдобавок кому-то придётся добраться до городка, найти и опросить свидетелей.

[197] Бильдлиния Москва – Ленинград запущена в 1929. Москва – Свердловск – в 1936.

[198] ГГ немного ошибается, к концу 1931 заработает телефонная связь до 14-ти райцентров Свердловской области. Однако, понятно, занимать линии ради незначительного вопроса никто не станет.

Сможет ли ГПУ уложиться в положенные две недели?!

Нет, однозначно нет!

Ненаучная фантастика!

– Паспорт выдадут, проверку продолжат, – сменил я линию сопротивления. – Пока визы проставим, пока до границы доберёмся... Там-то нас и сцапают!

– Вот ещё! Нынче стране нужна валюта, а не новые лагерники!

– Баксы – стране, чекистам – зека.

– Вожди, верно, специально срок нереальный установили, – нашла неожиданное объяснение Саша. – Установили регламент, чтоб ретивые болваны никому палки в колёса не вставляли[199].

Попробуй, поспорь, хотя...

– Может, разведёмся? – пустил я в ход последний аргумент. – Подадимся через месяц, по отдельности.

– Лёш, хватит чепуху придумывать, – дёрнула меня за руку Саша. – Мы пойдём вместе. Всегда, до конца. И кстати... – она вытянулась на носочках и впилась коротким жарким поцелуем в мои губы, – откуда у худородного пролетария возьмутся эдакие деньжищи?

– Это ж столько бумаг сейчас придётся собрать...

Вроде просто пожаловался на жизнь, а получилось – дал согласие.

– Ты уж постарайся, ладно? – категорически ласково поставила точку супруга.

Побегать пришлось изрядно, но я действительно успел всё сделать вовремя.

Сдача документов не затянулась, вот только с выпиской из моего личного дела вышла накладка. Увидев строчку «кандидат в члены ВКП(б) с апреля 1931 года», паспортистка поменялась лицом. Пренебрежение к «иждивенцу» обернулось

[199] Данная версия очень близка к реальной истории. Когда в начале 1933 г. выяснилось, что оформление выездных дел на местах (из-за противодействия отделов ОГПУ) затягивается, последовал строгий циркуляр из ИНО ОГПУ: дела на лиц, эмигрирующих за валюту, рассматривать в течение 15 дней, а все письменные запросы центра исполнять в течение 48 часов.

удивлением, злостью, растерянностью, затем все её чувства поглотила пугающая, ехидная, мстительная радость.

– Какая-то проблема? – я поспешил узнать причину.

– Ваши документы в полном порядке, – улыбке паспортистки позавидовал бы флоридский аллигатор. – Через две недели не забудьте принести квитанции об оплате пошлин, справку о наличии денег на счёту, а ещё... – тут её голос сорвался на детский фальцет. – Рекомендацию из своей партиячейки.

– В смысле?! – остолбенел я.

– Так положено, – отчеканила стерва. – Члены партии и кандидаты обязаны предоставить положительную рекомендацию[200] из ячейки по месту своей регистрации.

– Зачем?

– Променял партию на юбку? – безо всякого политеса добила меня паспортистка. – Теперь порадууй своих товарищей! Не было печали, купила баба поросья...

* * *

Отдых на полном пансионе за счёт трудового народа – товар остродефицитный...

За него аки львы дерутся всеильные наркоматы. Ради лишней квоты профкомы заводов и фабрик готовы подписать родные трудовые коллективы на повышенный промфинплан.

Однако максимальный профит всё равно получает цеховой треугольник.

Треть положена передовикам от станка[201] – это святое.

Треть – конторским специалистам по вылизыванию анусов.

Пути «жалких остатков» поистине неисповедимы...

Мне путёвка обошлась в пять рублей, плюс какие-то копейки в электрозаводскую кассу. Цинично, зато теперь я точно знаю, что погубило социализм: мелочная, бытовая коррупция. Зимой брали по-простому – хлебом. С возвращением

[200] К концу 30-х вопросы выезда из СССР действительно решались на уровне обкомов ВКП(б).

[201] В реальном 1931 г. процент «рабочих от станка» в пансионатах составлял лишь 17–23 %, а среди амбулаторных больных рабочих – всего 13–15 %.

НЭПовского благосостояния в ход пошли папиросы и шоколад, особо прогрессивные секретарши требуют серебро.

Доставка в санаторий обставлена с особым шиком. Два раза в день с Тверской, от здания Моссовета отправляется новенький «Lancia Omicron»[202]. Большевики по весне как-то хитро извернулись, взяли у фашистов в лизинг аж несколько тысяч автобусов – на радость столичного и питерского пролетариата. Очень правильно и своевременно, «овёс нынче дорог», а прорваться через толпу в трамвай стало сложно даже мне.

До Валуево не близко, скоро час, как мы тащимся по разбитой гравийке через пристольные деревеньки. Но мне в радость сытое урчание мотора, ветер и солнце сквозь открытые окна.

Если закрыть глаза, то всё совсем как когда-то, в сказочно прекрасном 21-м веке. Заткнуть бы ещё распушившего за моей спиной хвост павлина-экономиста, решившего просветить сослужебницу по части новейшей геополитики.

Хотя, признаться, я бы и сам не отказался просветить такую девушку в чём-нибудь интересном. Русая коса с руку толщиной через плечо, анимешные голубые глаза на картинном лице, щедро налитые молодой силой бёдра и грудь. Слишком мощный типаж для меня прежнего сейчас – после пятилетне-го вкусового дрейфа – кажется вполне подходящим...

Как минимум для флирта.

В попытке выкинуть из памяти «случайно» расстегнувшуюся пуговицу блузки, я прислушался к разговору.

– ... Новая система клиринговых расчётов между Советским Союзом и Турцией выгодна обоим странам, – настойчиво втирает чепуху в симпатичные розовые ушки экономист. – У нас – превосходный рынок сбыта для их сельхозпродуктов и хлопка, а туркам нужен наш керосин, металл, зерно и пиломатериалы.

Девушка в ответ загадочно улыбается, складывая сердечком пухлые тёмно-алые губы, подозреваю, международная

[202] Сотрудничество с Италией развивалось успешно и в реальной истории – в 1930 году – кредитное соглашение на экспорт в СССР товаров на 200 млн. лир, в 1931 году – на 350 млн. лир.

торговля – последнее, что её интересует в жизни. Увы, политически подкованному донжуану невдомёк её чувства. Вместо того, чтоб приобнять да по-простецки пожулькать на ухабах бюст коллеги, он усердствует в пересказе передовиц.

– Поэтому Оттоманский банк предоставили советским импортёрам уникальный кредит с плавающей суммой в турецкой валюте для оплаты импорта их товаров, причём соответствующая сумма в рублях по государственному курсу автоматически депонируется в нашем Внешторгбанке под будущие нужды их импортёров...

В будущую эпоху завязанного на доллар глобализма героизм советских торгпредов может показаться смешным. Здесь – всё серьёзно. Рубль не конвертируется, новая турецкая лира – тоже, валюты и золота нет ни у тех, ни у других. Турцию обдирают как липку по долгам султана, СССР вбил все резервы в глупый недострой большого скачка. Сторговать условия и курсы в таких условиях, да ещё, судя по месту депонирования, в свою пользу – дорогого стоит.

Случилось ли подобное в Старом мире?

Ведь где-то я точно читал про что-то похожее. Не в «Правде», а в смартфоне, ещё до выгрузки основного массива учебников на плёнку.

Англия? Франция? Германия...

Неужели?!

Дрёму снесло как рукой: да это же схема доктора Шахта! Ловкая финансовая ловушка, в которую Германия заманила Грецию в начале тридцатых.

Неужели товарищ Сырцов получал не зря экономическое образование?!

А может Рыков постарался?

Или, как всегда, с идеей кто-то из немцев подсуетился?

Если я не ошибаюсь...

Скоро советские синдикаты примутся скупать в Турции всё, что не приколочено, затем – продавать купленное за баксы и фунты в Англию или Америку.

Благодаря фактической оплате из обесцененных курсовой игрой рублёвых авуаров, наши доморощенные делопуты всегда смогут давать турецким коммерсантам лучшие цены.

Остановить бешеный рост ненужного кредита турки

вовремя не успеют – их же собственные предприниматели сожрут с потрохами.

В конечном итоге, спасти перекошенный торговый баланс придётся государству.

Как?

Способ, по сути, один – закупить в СССР что-нибудь нужное...

И вот тут советская внешнеторговая монополия выкатит такие цены, что марже позавидуют пайщики старой доброй Ост-Индской компании.

В который уже раз хочется плюнуть в глаз школьной учительке истории, пытавшейся толковать эпоху НЭПа как засилье мелких галантерейных спекулянтов, артелей по пошиву платьишек-штанишек и прочих легкопромышленных заводиков.

Вовсе – нет...

НЭП – он не такой...

Реальный советский НЭП – это царство всесильных госбанков, госсиндикатов и гострестов.

Да, неповоротливых и малоэффективных, однако при грамотном управлении – способных проворачивать чудо как сверхвыгодные полукриминальные операции вполне мирового масштаба.

Интересно, додумаются ли в ЦК ВКП(б) до следующей, уже гениальной аферы Шахта – пирамиды векселей МЕФО?![203]

Под мысли о снимании личного гешефта на будущем турецком горе, дремота навалилось с новой силой – проспал я до самого санатория.

Разбудил водитель.

– Това-а-арици! Поспешите с выходом! – призвал он пассажиров. – Учтите, скоро обед!

– Вот вы какие, остатки былой роскоши! – ляпнул я вслух, едва продрал глаза.

[203] Формально выдавались созданной Яльмаром Шахтом компанией МЕФО, реально – выпускались Рейхсбанком с целью скрытого финансирования вооружений в ситуации отсутствия реальных финансовых резервов.

Санаторий[204] оказался старой помещичьей усадьбой. В центре – двухэтажный господский дворец с фасадом аж в шесть ионических колонн, поперёк которых натянута кумачовая растяжка-транспарант с непременным идиотским лозунгом. На сей раз – про туризм: «Проблему рабочего отдыха и туризма разработать так, чтобы каждое мероприятие давало реальный здоровый отдых». Полумесяцем в обе стороны – открытые назло климату колоннады, заканчивающиеся флигелями. Парадную лестницу охраняют два огромных чугунных льва. Посмотришь и сразу начинаешь лучше понимать революционеров – такой недвижимостью не должны обладать отдельные господа!

Тем временем возбуждённые новой обстановкой и предстоящими приключениями попутчики побросали узлы и худые фибровые чемоданчики на наборный паркет холла, и чуть не бегом ломанулись смотреть на разрекламированный кем-то в дороге действующий фонтан, а с ним – каскад из трёх прудов: «Красного», «Золотого» и «Тёмного».

Наверно, все они и правда великолепны. Однако мне не нужен профсоюзный отдых, мне нужен профсоюзный лидер моего цеха. Уже вторую неделю он отдыхает где-то здесь.

Наблюдательную позицию я занял в столовой, у широко распахнутого окна. Удивительно приятное место. Немолодые, зато по-деревенски свежие официантки разносят обеды согласно четырём диетическим столам. Свежий ветер играет высокими тюлевыми шторами, то показывая парк, то скрывая его, как невесту под фатой. Странно, что не видно любителей терренкура[205], отсыпанные жёлтым речным песком дорожки так и манят – причудливо выются сперва между цветочных клумб, затем, чуть дальше, как-то совсем незаметно, оказыва-

[204] Усадьба графа Мусина-Пушкина в Валуево, дома отдыха Моссовета на 75 человек открыт в 1920 году. Сейчас – «Клинический санаторий «Валуево».

[205] Терренкур – метод санаторно-курортного лечения, предусматривающий дозированные прогулки. В домах отдыха 30-х годов – весьма популярный термин.

ются в зарослях роз и сирени, а после – исчезают в старой липовой роще.

Пойти бы, прогуляться...

Увы мне, время не ждёт.

Профорг спустился к обеду почти вовремя – не прошло и получаса, как я увидел в дверях его тяжёлый хохляцкий чуб на бритой голове. Один, вот удача, не придётся ждать, пока поест в своей компании, можно сразу тащить в уютный уголок.

– Това-а-а-рищ Лукашенко, – я подорвался из-за столика и подлетел к нему с полупротянутой для пожатия рукой.

– Алексей?! И що ти тут забув? – подозрительно уставился на меня профорг, хорошо, что хоть ответить на рукопожатие соизволил.

– Хочу составить вам компанию!

– Вот как? – моя прямота явно сбила Лукашенко с толку, он аж забыл про свой обычный акцент и суржик. – Что-то серьёзное стряслось?

– Можно сказать и так.

Усадив Лукашенко за столик, я подозвал официантку.

Выдал ей красноречиво булькнувший газетный свёрток, серебряный рубль и самую многозначительную улыбку из своего арсенала.

– Хотелось бы чайку к обеду...

– Сей же час подадим! – блеснула хорошо сохранившимися зубами тётка.

– Уж будьте так любезны!

– Ты, смотрю, качественно подготовился, – проводил свёрток голодными глазами профорг. – Что там?

– Армянский бренди, – признался я. – Хоть и послереволюционный, да недурной.

– Дивлюсь, ти и в коньяках разумеешь?

– Всего лишь любитель!

– Нехай... – откинулся на стуле Лукашенко. – Говори, с чем приехал-то?

– Жене дед прислал приглашение из Польши, – не тянуть я. – Ещё и денег отвалил.

– Моё яке дило? – сперва удивился, а затем сразу насупил псевдохохляцкий профорг.

– Для выезда за границу по новым правилам партийным и кандидатам нужна рекомендация.

– Так то к парторгу!

– Наш Василий... – я на секунду задумался в поисках политкорректного термина. – Несколько импульсивен.

– Що есть – то есть, – заулыбался Лукашенко. – Всих собак на тебе повисить. Вылетишь с партии швидше поросячого вереску. Як тобі що за беда? Беспартийным рекомендаций не треба.

Тут к столу подоспела официантка с выставленным на подносе гарднеровским чайником и чашками, следом вторая – уже с самим обедом. Как раз вовремя – профорг добрался до самого щекотливого вопроса.

С формальной точки зрения никаких сложностей нет. Избавиться от кандидатской карточки не просто, а очень просто. Написать заявление, обновить выписку из личного дела – вот и делу конец. Но есть нюансы. Если вступление в ряды ВКП(б) рубль, то исключение – никак не меньше червонца. Едва я стану неинтересен цеховому треугольнику, как в ту же секунду парторг Василий – чтоб его в аду жарили черти! – вцепится мёртвой хваткой в меня, ненавистного белоподкладочника, ставшего вдобавок для всех предателем. Страшно представить размер свиньи, которую мне непременно подложит буйная большевистская фантазия.

Затягивая момент, я разлил грамм по семьдесят «чая».

Лукашенко довольно крякнул, поднимая чашку, но всё же не удержался, подменил тост едва прикрытой угрозой.

– Подвёл ти мене, Альоша, ох, як сильно подвёл!

– Понимаю, на каждого гимназиста должно быть дело, – я опрокинул в рот бренди, дождался, когда тёплая волна докатится до желудка, и продолжил. – Ваське – флаг в руки и барабан на шею, пусть копает моё прошлое хоть до усрачки. Чисто там.

– Тогда... – Лукашенко указал на чайник. – На кой чёрт всё это?!

– Очень уж пришлись мне по душе цели и задачи нашей партии, – признался я со всей возможной искренностью. – Изобретать технику для Советского Союза я могу и за границей. Партвзносы в консульстве принимают, я спрашивал.

Буду прислать вам письма, а через полгода или год – уговорю жену переехать обратно. Не верю я, что ей Польша понравится. Вот тут-то ваша рекомендация мне как раз и сгодится.

Интересно, поверил ли товарищ Лукашенко моему лицедейству хоть на чуть-чуть? Притом, что три четверти советских заводских парней, окажись они вдруг на моём месте, легко бы выложили подобную мечту на полном серьёзе?

– Умеешь ты озадачить, – из голоса профорга начисто пропал акцент. – Предложение у тебя интересное, но согласись: просто так поверить, что ты из-за границы поможешь нам... Делу нашей революции, несколько наивн... неосмотрительно.

– Вы хотите, чтобы я доказал свою эффективность как изобретатель? – притворно обиделся я. – Почему? Ведь вихретоковый дефектоскоп, который мы с ребятами собрали и сдали в эксплуатацию ещё до Первоя, успел дать нашему заводу огромный экономический эффект!

Show must go on![206]

Не важно, поверил или нет мне Лукашенко, главное – такой шутовской путь явно выбивает его из колеи!

А что до дефектоскопа, то пусть он примитивен и фактически неработоспособен, зато слова про эффект – чистейшая правда.

Девочки-операторы, тыкающие щупом в отливки перед их расточкой на станках, так боятся новую технику, что находят трещины сами, визуально.

– Этого мало, – поморщился профорг.

– Сделанное дело ничего не стоит, – тяжело вздохнул я, поднимая кружку. – Понимаю. Наверно, так и надо, пока ещё коммунизм не победил повсеместно.

Главное в троллинге[207] – не переступить за грань.

– Хорош борзеть! – как-то равнодушно, устало, а потому особенно зловеще осадил меня Лукашенко. – Есть что предложить – предлагай. Нет – проваливай к чёртовой матери!

– Что, даже бренди не допьём? – огрызнулся я. – Ладно, ваша взяла. Есть у меня изобретение, при хорошей раскрутке

[206] Шоу должно продолжаться. (англ.). Строка из песни британской рок-группы «Queen».

[207] Здесь троллинг – некая провокация и замаскированное оскорбление.

оно вполне достойно высшей государственной премии. Совершенно новая, специальная сталь для сердечников трансформатора.[208] Её свойства поистине необыкновенны: магнитное насыщение на пятьдесят процентов больше, потери на гистерезисе в четыре раза меньше.

– Ещё бы понимать, что это значит, – не постеснялся признаться в невежестве Лукашенко.

– Это значит, что в два раза уменьшатся потери на токи Фуко!

– И что с того?

«Чёртов гуманитарий!» – выругался я про себя, вслух же аккуратно разжевал:

– Ток Фуко – вихревой, объёмный, для трансформатора – суть паразитный. Эдакая электромагнитная инерция, которая влечёт за собой нагрев сердечника. Сейчас в атмосферу без всякой пользы скидывается порядка трёх-четырёх ватт на каждый килограмм стали. На тонну – четыре киловатта, то есть – двести лампочек. Если снизить потери вдвое – народное хозяйство СССР получит возможность подключить лишнюю сотню лампочек с каждого нашего изделия. Плюс экономия на охлаждении самого трансформатора – потребуется меньше масла, не две тонны, а всего лишь полторы, к ним меньше радиатор, меньше объём баков. Всё вместе, да в масштабе страны – десятки миллионов золотых рублей!

– Бл...ть!

Лукашенко выключился из потока реальности...

И тут же включился обратно.

– А ты не врешь ли?

– Всё точно. Если договоримся, хоть завтра отдам образцы для исследований.

– Просто так?!

– Чего их жалеть для хорошего человека? – я привычно попробовал сыграть в протаска, но вспомнив про найденную ранее грань троллинга, быстро исправился. – Без подробного описания технологию производства никто не повторит и за

[208] В реальной истории данное изобретение сделано в 1934 году американцем П. Норманом. Можно сказать, что в области производства трансформаторов – это единственное значительное открытие всего 20-го века.

пятилетку. Мне сказочно повезло, совершенно случайно наткнулся на полезный эффект.

Хороший специалист справится с задачей месяца за четыре, по крайней мере столько времени у меня занял подбор режимов проката и нагрева. Опыт с успехом заменит знания, почерпнутые из учебников будущего века. Однако проформу про это знать не следует.

– Государственная премия, – ещё раз, уже куда более осмысленно протянул мои слова Лукашенко. – М-да! Она точно того стоит?

– Кто?

– Твоя жена, конечно.

– Странный вопрос, – фыркнул я в ответ. – Госпремия... Это же смешно! Мелочь, сущее ничто по сравнению с любимым человеком!

Лукашенко как-то странно на меня посмотрел и потянулся к чайнику.

– Смачный у тебя коньяк!

В ответ я взялся за ложку, премия – премией, а обед – по расписанию. Тем более кормили в санатории недурно. На первое – борщ с перловкой, на второе – та же перловка, но залитая настоящим мясным гуляшом. Десерт – густой, терпкий брусничный кисель – неожиданно удачно дополнил бренди.

Сытый и подвыпивший партнёр – что может быть лучше для успеха переговоров?

Ни чуть не сомневаясь в результате, я поспешил поставить окончательную точку.

– Выгодный обмен, не правда ли?

Лукашенко нервно покрутил в руках пустую чашку, отвёл глаза.

– За рекоменданта-невозвращенца с парторга спросят ох! как строго. Строгач влепят, як пить дать, да ещё с занесением!

– От Василя не убудет, – хмыкнул я. – Он на хорошем счёту, если дружно навалитесь с начальником цеха, то через месяц выговор снимут.

– Ты не понимаешь! Одно изобретение на двоих никак не делится!

Благодущие и весёлость смахнуло как рукой, кровь хлынула к голове: я предлагаю отраслевое открытие века за

никчёмную бумажку, а он ещё и кочевряжится!? Да пусть катится к чёртовой матери, жадная сволочь!

Проклятые большевики – все и каждый – ничего от меня не получат!

Завтра же свалим с Сашей в Питер, подальше от крети-на-парторга, переждём волну, а там снова подадимся на паспорт. Полгода погоды не сделают.

– Мы делили апельсин – много наших полегло... – проце-дил я зло.

Затем вскочил, подыскивая обидные слова, и уже, было, открыл для них рот, как озарение заставило плюхнуться обратно на стул: профорг просто напросто трусит!

Он бы и рад разделить славу с парторгом, директором, секретаршей... – да хоть с самим чёртом! – но не понимает как это сделать. Самой по себе идеи новой стали на Госпремию не хватит, изобретение непременно придётся внедрять в производство.

Кому это делать, как не автору?

То есть проект выходит слишком масштабный и много-дельный для невеликого уровня технической компетенции Лукашенко. А я ещё сватаю ему в нагрузку недалёкого болту-на Ваську...

И как мне себя назвать после этого? Дураком, натураль-ным дураком!

Вместо одного серьёзного изобретения надо было предла-гать две простейших «рацухи», мелким партийным чиновдра-лам хватило бы с лихвой.

– Хорошо, – я медленно протолкнул воздух сквозь зубы. – Будет Ваське «рацуха».

– Сколько же тебе лет на самом деле? – почему-то поинте-ресовался Лукашенко.

– Все что есть – мои! А на работе с такими как вы, так во-обще – год за два считать надо!

– Это ещё почему?!

– Ртутный выпрямитель в общих чертах, надеюсь, ты пред-ставляешь? – спросил я, проигнорировав вопрос профорга.

– Устройство несложное, – Лукашенко, не поморщившись, съел обращение на «ты». – В работе видел, у нас же – как и у всех на заводе – цеховой электропривод через них запитан.

– Так вот, небось, слышал, что главная проблема – запуск, или зажигание дуги. Старые модели – вообще кошмар, их приходится наклонять вручную, чтобы ртуть замкнула цепь с зажигающим электродом. В новых – под лужей ртути предусмотрен цилиндр с поршнем и соленоид, который это всё приводит в действие. Для зажигания на него подаётся импульс тока, ртуть вылетает из цилиндра струёй до зажигающего анода. На словах вроде как всё просто, а на деле – восемьдесят процентов отказов выпрямителей происходит из-за этой дурацкой механики.

– На прошлой неделе два часа цех стоял как раз из-за этой гадости!

– Вот! Я к тому и клоню, слабое место.

– И ты, конечно, знаешь как от него избавиться?

– Всего-то добавить специальный поджигающий электрод. Идея достаточно старая, можно сказать тривиальная, да уж больно требования к материалу и его форме противоречивые и непростые.

– Тебе, конечно, удалось его подобрать?!

– В отличие от некоторых умею не только говорить, но и работать руками! – грубо пресёк я недоверие профорга. – Кстати, ничего особо дорого и редкого не потребовалось, работает прекрасно.

– Не понимаю я тебя... – вместо вызова в голосе Лукашенко прорезалось искреннее недоумение. – Как тебе не жалко такие находки... Отдавать просто так?!

– Пустяки, – отмахнулся я. – Мелочи, я таких могу десятков в год придумать, если не больше.

В конце концов потеря и правда невелика. За границей игнитрон[209] или уже изобретён, или будет изобретён в ближайшую пару лет. В любом случае защитить его продуманной системой международных патентов я не успею ни в СССР – с помощью «Электрозавода», ни за границей – самостоятельно.

[209] В литературе, особенно русскоязычной, это устройство часто путают с ртутным выпрямителем (изобретён в 1901 году Питером Купером). На самом деле игнитрон, по сути – продвинутая версия ртутного выпрямителя с поджигающим электродом из карбида бора – изобретён только в 1933 году Джозефом Сленином.

ною. Долго, безумно дорого, вдобавок абсолютно бессмысленно без собственной шайки лойеров[210]. А главное – не требуется для успешного бизнеса. Самое интересное в игнитроне – вовсе не возможность избавиться от механики в поджиге, но возможность полупериодного управления током через выпрямитель посредством сдвига момента зажигания дуги. До появления недорогих силовых тиристоров – очень и очень жирная тема. Я в ней непременно отмечусь – если вдруг звёзды сойдутся в подходящую комбинацию.

– Зря уезжаешь! – вновь, вроде как уже искренне, посетовал Лукашенко.

Конечно зря, если смотреть на ситуацию без шор послёзнания. Перспективы-то для изобретателя в СССР – о-го-го!

Как и риски...

Пусть Сталин – в мавзолее, да вот большевики-то остались прежними.

– Любовь – превыше всего, – со всей возможной серьёзностью отказался я. – Так что, по рукам?

– Убедил, – Лукашенко протянул навстречу моей руке свою.

Рука профорга оказалась мягкой и холодной. Несколько часов, вплоть до самого дома, меня не отпускало ощущение, что потискал лягушку.

* * *

Изрядно беспокоивший Александру вопрос денег на поверку оказался самым простым в решении. Всё же хорошо быть богатым.

Зарытого в тайнике под Одессой запаса долларов и золота на выкуп из советского рабства, конечно, не хватило – в сумме не набралось и полутысячи долларов. Зато там, между купюрами лежало несколько пустых листиков моей чековой книжки. Конечно, в теории чек можно выписать хоть на салфетке или банановой кожуре, в теории, он будет вполне действительным, но...

В реальности, даже в патриархальной глубинке

[210] Лойер (от англ. Lawyer) – юрист, совмещающий функции юриста-консультанта, адвоката и нотариуса.

Соединённых Штатов чужак таким экзотическим способом сможет оплатить разве что стаканчик виски в баре.

Типографский же бланк, на мой взгляд, вызывает чрезмерное доверие. Подделать его проще простого, однако для немца или американца нет ничего более обычного, чем положить заполненный и подписанный чек в почтовый конверт, затем отправить как обычное письмо продавцу, партнёру или – если приспичит – куда-нибудь в Африку, на благотворительность[211].

Таким образом, Саша не стала исключением из правил – она «получила» на своё имя чек от старого «друга» деда, некогда Хорста Кирхмайера, гражданина Германии.

Дальше – проще, благо, НЭП доллары или фунты в частных руках не отрицает. Ещё зимой Наркомфин разрешил Внешторгбанку открывать для советских граждан текущие счета в иностранной валюте[212]. Типа «А» – для тех, кто находится за границей, типа «Б» – для тех, кто находится в СССР. Когда владелец пересекает границу – счёт меняет статус. В остальном – всё как в любом заграничном банке, абсолютно никаких отличий. Те же конторки, те же окошки, те же тихие обходительные клерки старой имперской школы.

Одни лишь комиссии – поистине советские. Конвертация – пять процентов. Открытие счёта – сто золотых рублей, они же – двести баксов. Проверка чека в обычном порядке, за месяц – всего десятка. А вот по нужному нам срочному тарифу – уже полтинник. Ещё и ждать десять дней, пока письмо с чеком дойдёт до «Union Bank of Switzerland», пока там убедятся в совпадении почерка и подписи да отобьют телеграмму-акцепт в СССР.

Сколько нервов сгорело и лопнуло за время ожидания – сложно передать словами...

Я спал с тщательно вычищенным и смазанным

[211] Подобная система эффективно работает в США до сих пор, существенная часть сделок (в том числе между юридическими лицами) проводится именно так, черёд почту, и заполненные бумажные чеки.

[212] В реальной истории это произошло несколько позже, в 1933 году, и к доступности валюты для советских людей не имело никакого отношения.

«Браунингом» под подушкой, по улицам передвигался, не выпуская руки из правого «боевого» кармана пиджака, постоянно отирался возле витрин, проверяясь на слезку.

Саша не отходила от меня ни на шаг, успокаивала, подшучивала, но я видел – она тоже оглядывается по сторонам, а под её глазами – всё заметнее и заметнее сизые круги бессонницы.

За советскими паспортами, собрав все нужные справки, мы собирались как на последний решительный бой. И напрасно – получение заветных бумаг прошло до обидного буднично, как будто забрали в магазине три кило картошки по карточке. Единственным крошечным пятнышком грязи стало едкое напутствие расстроенной в лучших чувствах паспортистки.

– Поторопитесь с визами... Господа!

Ну, это она от бессилия и злобы ругается. Въездную визу дочери профессора Бенешевича и внучке профессора Зелинского глава польского консульского отдела Адам Зелезинский проставил буквально через час, то есть собственноручно и без малейшей заминки. Да и меня, то есть её мужа, не забыл, с видимым удовольствием поздравил, а едва узнав, что я инженер-электрик – не стал слушать возражений, написал рекомендательное письмо своему знакомому, в Варшавский Политех.

Как вышли, Саша не выдержала, в слезах бросилась ко мне на шею прямо на крыльце посольства.

– Поверить не могу! – чуть ли не прорыдала она.

– Ну всё, всё! – я шутливо раздул её выбившиеся из-под шляпки локоны. – Только не плачь! Ещё два денька в поезде – и доберёмся до Варшавы. А потом сразу рванём в Берлин, покажу тебе «Wertheim»!^[213] Ей-ей, тебе там понравится, я точно знаю!

Лучше бы я тогда промолчал!

^[213] «Wertheim» – крупный торговый центр в Берлине. Описывался во второй части романа.

6. НЕ ПРОЩАЯСЬ

Москва – Баку. Лето 1931 года
Год и один месяц с рождения Нового мира

У ограды ревьёт корова. Она требует трёх вещей: свежей травы, солнца и секса. Ревёт она упрямо, забирая всё выше, вытягивает от привязи морду и глупо тарачит глаза. С таким откровенным характером ей легко живётся на свете.

А вот нам с Сашей – тяжело...

Позади городок Тихорецк и пять вёрст пыльной дороги, выощейся по выжженной солнцем степи. Впереди, за заваленными наземь жердями ограды несколько нелепых сараев.

Не видно ни указателя, ни вывески, ни одного живого человека.

– Эге-гей! – заорал я во всю мочь. – Есть тут кто живой?

В ответ – рёв коровы. Она тут за главную.

– Мы, часом, дорогой не ошиблись? – осторожно поинтересовалась Александра.

– Вроде не должны, – приподняв шляпу, я поскрёб давно не мытый затылок. – Тут дорога-то всего одна. Вот же, глянь сама! Там, за поворотом калиточка виднеется, как раз возле неё нас ночью часовой и пугал.

– И куда этот кретин провалился?

– Сейчас посмотрим...

– Только осторожно, ради бога! Пальнёт ещё!

– Этот может!

Мы подошли ближе...

Ночью на пятачок у калитки светил со столба карбидный фонарь, невдалеке перекликались полупьяные голоса, в ногах крутилась, пытаясь ухватить меня на икры, злобная собаченция. А отмороженный на всю голову красноармеец заведённо, как граммофон, талдычил прямо в лицо: «Никого пущать не велено! Кто подойдёт ближе, чем на сто шагов, того буду застреливать!».

Теперь же, под светом раннего утра тут не оказалось никого.

Толкнув незапертую калитку, я добрался до дверей главного сарая. Постучался, сперва легко, костяшками пальцев по табличке «Укрповпрушлях», потом вдарил кулаком по филёнке, а под конец – с ноги, в полный размах и куда попадёт.

– Они что, вымерли все?

– Может, на квартиру в Тихорецк вернёмся? – предложила Саша. – Всего-то три версты.

– А смысл бегать туда сюда? – расстроился я. – Проще на ступеньках к дверям привалиться да подремать. Всё равно рано или поздно кто-то да придёт.

– Хоть так, – легко согласилась супруга. – Страсть как спать хочется!

Я уселся на ступеньку крыльца, Саша – рядом, пристроила голову на моё плечо и тут же уснула.

Попробовал было последовать её примеру, но сон никак не

шёл. Скоро, отчаявшись, я принялся в очередной раз разбирать цепочку событий, которая занесла нас в глухой городишко посреди поистине бескрайних полей.

* * *

На вокзал, за билетами, мы отправились напрямиком из посольства Польши. Пусть поезд пойдёт не сразу в Варшаву, а хотя бы в Питер, Минск или Одессу, задерживаться в Москве я не собирался и лишнего часа, причём – при любом исходе паспортного вопроса.

Все долги закрыты. Подробные инструкции на изобретения с утра обменяны у Лукашенко на рекомендацию парткома. Жалкие пожитки – розданы коммунарам из бригады. Единственный ценный агрегат, мощный радиоприёмник подарен бригадиру. Самое необходимое – бельё, платье и туфли – легко уместилось в лёгком фибровом чемоданчике. Туда же, ровно в размер, легла вытряхнутая из рамы картина, та самая, которую мы с Сашей прикидывали отдать в подарок Бабелю.

Беспризорники, специалисты по стоянию в очередях, прямо с парадных сдвоенных арок Октябрьского вокзала оголошили нас новостью – они перестали брать за свою работу хлеб, яйца и прочую снедь. Взамен – ультимативно потребовали серебро, на худой конец – бумажные червонцы, но по откровенно грабительскому курсу.

– Куда прикажете припасённую булку девать? – недовольно пробурчал я, озабоченно оглядываясь по сторонам в поисках более сговорчивой ватажки.

– Голубям скормите, товарищ! – ощерил гнилые пеньки зубов вожак.

– Упродкомов на вас нет! – аж поперхнулся я, голодной зимой за столь кощунственную идею дружки могли и прирезать.

Попробовал отыскать в лексиконе подходящие ситуации слова, и тут...

Среди снующих в толчее людей, совсем рядом взгляд наткнулся на знакомое лицо. «Ведь я его сегодня видел, и уже не раз!», – мелькнула мысль, недреманное око паранойи тут же сорвалось на беззвучный визг. – «Пасут!!!».

Логическая связь выстроилась без труда:

достаточно вспомнить лоснящуюся, безмерно довольную морду Лукашенко. Сдал, паскуда! Ведь ещё поинтересовался, вражина, про черновики, а я ляпнул, не подумав: «На кой чёрт они мне сдались?». А он получил все бумаги и сдал, сука, сдал, как стеклотару!

Эдак дело для ГПУ выйдет совсем чистым – проклятый белоподкладочник бежит за границу с секретами трудового народа. Моя позиция даже с черновиками слаба донельзя, не котируется в СССР слово «контры» против цехового парторга и профорга. Без подкрепления лабораторными журналами – вовсе безнадёжно. Хотя в действительности разницы нет: что так, что эдак, в застенки Лубянки мне живыми попадать нельзя никак.

Ладно – сам сгину, так ещё и Сашу с Бабелем и Кольцовым за собой к стенке уволеку.

Почему следят, а не повязали нас прямо на выдаче паспортов, по телефонному звонку?

Так то понятно: НКВД – для чекистов вражеский наркомат, про свой промах – выдачу разрешения заведомой «контре» – они нипочём коллегам не сообщит! А вот как у посольства не прихватили, просто чудо!

Или, что куда более вероятно: the benefit of the bureaucracy – польза от бюрократии...

Для слежки надо как минимум принять заявление, передать по инстанции и открыть оперативное дело. При всей возможной спешке обед и перекур в ГПУ ни за что не пропустят, вот только ближе к вечеру и управились.

Если бы не прошлые две недели моральной муштры, я бы непременно сорвался на фатальную глупость. Однако готовность обнаружить «хвост» в любую секунду помогла подавить панику, я досчитал про себя до десяти, а затем громко и вальяжно дооформил заказ билетов.

– Занимайте очередь на скорый ночной до Ленинграда! – небрежно, совсем по-барски швырнув вожаку ватажки запрошенный двугривенный аванса, добавил. – Смотрите мне, чтоб к открытию твои орлы в числе первых стояли у окошка, без халтуры. А то весь первый класс расхватывают, во втором нам неместно! – повернулся к Саше. – Пойдём, дорогая! Ты, помнитса, хотела перед отъездом зайти на Красную площадь.

Лицо жены залила смертельная бледность – упоминание Красной площади, по нашему с ней уговору, означало наблюдение или слежку.

– Неужели?! – тихо ответила она, заваливаясь на мою руку.

– Ты как хочешь: сперва поужинать, а потом погулять, или наоборот? – краем глаза я видел, как, снимая последние надежды на случайность, прислушивается к нашей беседе соглядатай. – Хотя, о чём тут думать, ведь мы с утра толком не ели. Завернём в первый же попавшийся ресторанчик!

Двинулись в сторону центра, топтун, не особо прячась, потянулся следом. Хотя мы и выгладим безобидно, арестовывать сразу двоих, вдобавок на улице, он не станет.

Будь на дворе 21-й век, нас бы, верно, уже крутила прибывшая по телефонному звонку группа быстрого реагирования. Слава Эрстеду, нет в тридцатых никакой оперативной связи, а помощника филёру – ради таких, как мы фраеров – начальники пожадовали.

Понять легко – лучшие кадры в дефиците, они всегда заняты борьбой с троцкистами, фашистами и прочими террористами.

Да и рассудить здраво: много ли у нас с Сашей вариантов попасть в Варшаву?

Достаточно узнать, каким поездом мы едем, и можно, взяв с собой дежурный милицейский наряд, паковать прямо в купе, без шума, пыли и шанса на побег или сопротивление.

«Случайно» сорвать одиночный хвост труда не составит. Вопрос в другом – что делать дальше?

Потеряв нас в Москве, чекисты логично решат, что мы передумали, закутили, проспали, а потом – удачно просочились мимо ленивого топтуна либо в сторону Минска, либо на Одессу, либо всё в тот же Ленинград, но каким-то другим поездом. По крайней мере, ничего невероятного в этом нет.

Устраивать великий всесоюзный шмон из-за «контрика» – самого обыкновенного, то есть одного из многих тысяч – никто не станет. Максимум – прошерстят по вокзальным кассам фамилию, а скорее – не станут делать и этого.

Разбирать рукописные документы – удовольствие ниже среднего, да и нет тут жёсткого контроля через паспорт с фотографией, назовись хоть Иваном Ивановым, в доказательство

– покажи справку со смазанным штампом, и поезжай спокойно хоть на край ойкумены.

Поэтому гэпэушники поступят умнее. Они спокойно подождут, когда «белоподкладочник с бабой» сам явится на границу. Погранпереходов в Европу не наберётся и десятка, разослать по ним ориентировки – дело простое и привычное. То есть легальный выезд для нас закрыт наглухо. Нервы, хлопоты, огромные деньги – всё, абсолютно всё пошло прахом из-за одного жадного негодяя.

– Надо бы его пристрелить!

– Кого? – удивилась Саша. – Топтуна? Он за нами всё ещё идёт?

– Профорга, с...ку!

– А слежка?

– Филёра сейчас скинем, а вот дальше – ума не приложу, что делать. Наверное, опять к Бабелю на дачу ехать, он хоть и сволочь, но сдать нас побоится. Подарок, опять же, для него имеется, – вспомнил я про картину. – Переждём пару дней, выправим левые справки, с ними доберёмся до Минска. А уж там – прорвёмся через границу лесами. Вот смеху у жолнежей будет, когда увидят наши паспорта с визой!

– По-другому никак? – мой притворный оптимизм совершенно не впечатлил Сашу.

– По-другому... – я задумался, – угнать бы самолёт, жаль, пилотировать не умею, хотя... «Добролёт»! [214] Сашка! – лишь сверлящий затылок взгляд филёра удержал меня от радостных объятий. – Мы спасены! Помнишь, ты мне рекламу в газете показывала про авиаперелёты Москва – Берлин?! Там ещё писали, что на линию вышли новые восьмиместные самолёты «Дорнье»?

– Ты полагаешь...

– У чекистов – посконно-плоскостное мышление! Они в жизни не додумаются аэропорт проверить, тем более после того, как прихватили нас на вокзале за заказом билетов.

– Так чего мы ждём?!

– Пролётку!

[214] В реальной истории (но не этом мире) в конце 1930 года «Добролёт» был упразднён, на его базе создано Главное управление Гражданского воздушного флота (ГУ ГВФ), позднее – Аэрофлот.

Как бы невзначай, лавируя между прохожих, мы сместились на край панели, ближе к мостовой. Свободный извозчик в Москве попадает нечасто, но минут через десять нам улыбнулась удача. Серебряный рубль лёг в жёлтую от лошадиного пота и навоза ладонь.

– Уважаемый, правь к Праге, ну, которая нынче Моссельпром, – громко, в расчёте на слух филёра распорядился я. – Да поживее!

– Там обеды вкусны, – поддержала меня Саша расхожей цитаткой Маяковского. – Пиво не мутно!

* * *

Через час, надёжно избавившись от слезки и сменив двух лихачей, мы добрались до Ходынки[215]...

Внешний вид главного аэропорта СССР меня изрядно напугал – он представлял собой набор разномастных избушек, стоящих в рядок между дорогой и полем. Единственное, что хоть как-то выдавало принадлежность места к авиации – низкая, смахивающая на мавзолей с окнами «башня» диспетчерской. Идея улететь из подобной деревни прямо за границу пахивала Босхом. Только вбитое 21-м веком доверие к авиатранспорту удержало меня от немедленного разворота – на электричку до Братовщины, в нежданные гости к Бабелю или Кольцову.

К счастью, первое впечатление оказалось обманчивым – несмотря на вечер, грохочущие винтами самолёты один за другим останавливались перед избушкой-терминалом, высаживая и принимая пассажиров.

Персонал таскал туда-сюда багаж и мешки с почтой прямо по дороге, между припаркованных на обочине пролёток и автомобилей.

Избушка-столовая манила запахом подгорелого постного масла. Командировочные и транзитники в немалом числе курили у бочки с водой, вкопанной перед крыльцом избушки-зала-ожиданий.

А далеко в стороне, под светом ярких электрических

[215] Первый московский аэродром с 1910 года был расположен на территории Ходынского поля.

фонарей, за гигантской кумачовой перетяжкой «Даёшь аэровокзал к годовщине Великой Революции», спешно достаивалось новое, огромное здание из стекла и бетона[216].

В избушку-кассу мы протолкались не без труда, желающих приобрести билеты в крохотный вестибюль набилось немало.

– Вот оно, – я торжествующе упёр палец в прибитый прямо к брёвнам стены перечень воздушных сообщений. – Компания «Дерилюфт», линия Москва – Смоленск – Каунас – Кёнигсберг – Берлин, самолёт «Дорнье Меркур», ежедневно, вылет в семь утра! Транзитную визу, без сомнений, литовцы нам дадут на месте. Остановка в Триэсэрии всего лишь одна, в Смоленске с девяти до десяти. Мы будем за границей раньше, чем спохватятся на Лубянке!

Счастье щерилось в тридцать два зуба недолго: через полчаса затянутая в строгий форменный костюм кассирша жёстко приземлила наши надежды на землю.

– На ближайший «Дерилюфт» билетов нет!

Моё сердце пропустило удар, и, пересиливая отказывающий голос, я уточнил:

– Это который завтра с утра?!

– Да, всё уже продано, – девушка даже не стала заглядывать в лежащие перед ней таблицы. – Могу предложить два места на среду, через неделю.

– Как жаль... Кгх-кгх... – за притворным кашлем мне кое-как удалось скрыть поистине смертельное разочарование. – Неужели нет совсем никаких вариантов?

– Если хотите прокатиться непременно на самолёте, то летите до Ленинграда, а дальше – на поезде, – несколько странно истолковала моё желания кассирша. – Хотя ночным скорым всё равно выйдет удобнее. Или попробуйте через Минск, так даже быстрее, – она пробежалась остро очиненным карандашом по листам своих бумаг. – Вылет в тринадцать десять.

– Спасибо большое, подумаю, – отвалился я от окошечка.

Бледная, ошеломлённая отказом Саша молчала, в уголках её глаз блестели слёзы.

– Мы непременно прорвёмся, – я стиснул в своих руках

[216] Новый аэровокзал площадью 4 тысячи кв. м. (один из самых больших в мире) был открыт 6 ноября 1931 года.

её мертвенно-холодные ладони. – Уверен, что выход есть, нам всего лишь надо его разыскать!

– Поедем к Бабелю? – смущённо улыбнулась Саша, стараясь не пустить по щекам мокрые дорожки.

– погоди! Долететь до Минска – пока никто не спохватился – вообще-то идея вполне здравая. По крайней мере оттуда на порядок легче выдвинуться в сторону границы. Или есть место получше?

Я метнулся к расписанию, пробежал по сточкам.

– Ташкент, Тифлис, Сталинабад, Иркутск, Риддер... Хм, это где интересно?.. Сочи, так... А это что такое? Через Баку и Пехлеви в Тегеран?! [217] Блюмкин, помнится, мне все уши прожужжал рассказами о своей героической роли в деле персидской революции. Советских спецов и чекистов там, конечно, болтается до хрена и более, но тем лучше, мы никого не удивим. Да и виза не нужна – насколько я понял Якова в своё время – приезжих без проблем регистрируют на месте.

– А как мы из Тегерана выберемся? – попробовала возразить Саша.

– Хоть на верблюдах до Залива! – отмахнулся я от вопроса. – Пойдём скорее, займём очередь в кассу, только не к той девушке, что отказала с «Дерилуфтом», а в соседнюю.

Продавать билеты до названного из осторожности Баку нам отказались, но совсем не по причине их отсутствия, а из-за банального незнания ситуации дальше Харькова.

То есть линия недавно присоединённого к «Добролёту» общества «Укрвоздухпуть» в природе однозначно существует, самолёты летают регулярно, но вот билеты всё же необходимо приобретать на месте.

Страшно недовольное лицо я изобразить перед кассиром не забыл, однако на самом деле изрядно обрадовался: чем больше бардака – тем лучше.

Главное – выбраться из Москвы до того, как на Лубянке поймут: «контра» просочилась мимо загребущих лап.

Коротать время до вылета в толпе мы не рискнули – я поймал извозчика, и мы с Сашей, обнявшись, завалились спать

[217] Пехлеви, он же Бендер-Энзели, иранский город и порт на южном берегу Каспийского моря. До 1921 года и с 1941-го по 1945-й – место базирования советской Каспийской флотилии.

в пролётке, под дырявым пологом, изрядно приванивающим навозом и прочим лошадиным парфюмом.

Полный сюрреализм: лошадь, хрумкающая в торбе овсом; её погонщик, храпящий сидя на козлах; и тут же, в соседнем сарае мат механиков, стук инструментов, взрыкивание моторов, временами, по прихоти капризного ветерка, толика масло-бензинового кумара...

С рассветом остановленные на ночь полёты возобновились, жестяной репродуктор принялся каждые десять-двадцать минут приглашать пассажиров на посадку.

Наш борт подогнали к терминалу на удивление точно – минута в минуту по расписанию. Без четверти пять утра: с одной стороны – уже не темно, с другой – удобное прибытие в Харьков, как раз к началу рабочего дня.

Новенький «АНТ-9» за номером СССР-453 на примитивную этажерку походил очень слабо. Скорее – из-за огромных окон с легкомысленными занавесочками – он напомнил мне автобус «Богдан», только с крыльями и хвостом.

Изнутри, впрочем, сходство сразу пропало...

Пол, поднимающийся длинными ступеньками в сторону кабины пилотов; выпирающие тут и там металлические рёбра силового каркаса; вместо мягких диванов – плетёные из камыша одноместные креселки, стоящие друг за другом, четыре – с одной стороны салона, пять – с другой... Всё это никак не соответствовало моим представлениям даже о минимальном комфорте...

Отдельную радость доставил краткий инструктаж пилота: с мест не вставать; туалет в теории исправен, но в него не ходить, разве что будет совсем не вмоготу; в багажное отделение не соваться ни при каких условиях, грозит катастрофой; окон на высоте не открывать, и без того щелей полно; при взлёте – следить за шасси, если колесо останется на земле или оторвётся в воздухе, сообщить лётчикам[218]; ну и главное, в любой ситуации – не хлюздить, у нас на борту три превосходных импортных мотора «Райт», даже если один сдохнет – доберёмся до ближайшего аэродрома на двух оставшихся.

Саша от таких заявлений украдкой крестилась, да не она

[218] Цитаты из реальной инструкции для пассажиров.

одна. Меня, наоборот, глодало запоздалое раскаяние: полетели бы мы весной в Ленинград на самолёте – вместо проклятого поезда – был бы цел и невредим смартфон.

Стартовали неуклюже, с отчётливым чавканьем вязнущих в грязи колёс...

Сам же по себе перелёт проходил без тряски и болтанки, можно сказать – комфортно, если, конечно, не обращать внимания на дьявольский грохот моторов и вонь выхлопа.

Самолёт скользил над землёй невысоко и неторопливо, почти как автомобиль по шоссе.

Внизу, от горизонта к горизонту тянулось полотно железной дороги. Лётчики, похоже, использовали его вместо компаса, высотомера, спидометра и прочих приборов.

Промежуточная посадка в Орле прошла штатно, бортмеханик обежал со стремянкой самолёт по кругу, поколдовал над двигателями, долил при помощи воронки и ведра бензин в запрятанные в крыльях баки.

Пассажиры, в свою очередь, посетили местный туалет типа сортир.

На перегоне до Харькова я – со скуки и пользуясь сном соседей – отковырял от креселка латунный шильдик «Merkur». Сомнительная память о побеге из Москвы...

* * *

Столица Украины[219] встретила нас жарой разгорающегося дня...

До пассажиров нашего рейса никому не было дела – я напрасно тискал в кармане «Браунинг».

Ближайший к выходу товарищ самостоятельно открыл дверь, все попрыгали на низко покошенную траву и пошли, чуть пошатываясь, к рубленной из кругляка трёхэтажной башне диспетчерской.

Удача, между тем, не торопилась поворачиваться к нам лицом. Кассирная барышня, едва услышав про Баку, двинула

[219] 19 декабря 1919 года Харьков был объявлен столицей УСР (позже УССР), и оставался ею на протяжении 15-ти лет. Только в июне 34-ого бразды правления были переданы Киеву.

вперёд засыпанную лучшей в мире советской пудрой свою цыплячью грудку.

– У нас билеты только до Минеральных вод!

– Хорошо, – не стал спорить я. – Когда?

– Завтра! – лаконичности барышни позавидовал бы сам царь Леонид.

– А сегодня?

– Все наши самолёты уже на маршрутах!

– М-да... Спасибо!

– Всегда пожалуйста!

Интересно, за что она меня так невзлюбила? Критические дни? Парень бросил? Премии лишили?

Хотя, нам бы её проблемы...

Нет, конечно, из Москвы мы выскочили удачно, спору нет. Билеты умудрились купить по Сашиному свидетельству о рождении, то есть на неизвестную Лукашенко фамилию.

Но сложно ли опросить кассиров и пилотов аэропорта?

Среди двух-трёх сотен прошедших через них за сегодня пассажиров нам не затеряться никак.

Когда по нашим следам полетят телеграммы? Сегодня? Завтра?

А может быть, наряд уже ждёт за ближайшей дверью?

Я опустил руку на пистолет...

Нет, хватит параноить!

ГПУ ни за что не выделит серьёзных оперативных ресурсов ради простого «контрика». Однако останавливаться на ночёвку в Харькове – всё равно страшно.

Отослав Сашу в столовую добыть что-нибудь поесть, я вышел на аэродром – охраны тут нет и в помине.

Смотреть, впрочем, тоже нечего. На поле из пассажирских стоит всего один самолёт, да и тот, судя по суете вокруг, неисправный.

Для очистки совести я подошёл к авиатору, который неспешно стирал грязь с рук воняющей бензином ветошью, и спросил:

– Простите великодушно, вы куда-нибудь сегодня летите?

– До Минвод, – слава Лапласиану, авиатор не стал строить из цели великую военную тайну. – Как победим этот чёртов шестой цилиндр – так сразу.

– Вот же удача! – сорвался я на радостный вскрик. – А билеты отчего не продают?

– Потому что кассирша – дура, – спокойно и безнадежно махнул рукой авиатор. – Нет, мы, конечно, от графика уже на четыре часа отстаём, но взять тебя можем.

– А двоих?

– Хоть пятерых! Всего три пассажира у нас, ежели они на поезд не сбежали. Ну, ещё почты накидали много в багаж.

– Вы нас спасаете!

– Ты сперва подумай... – попробовал остановить мой напор авиатор. – Может, по чугунке-то оно проще будет? Ведь всё равно придётся по дороге...

– Вы точно без меня не улетите? – я не стал дослушивать возражений.

– Точно... Ещё как точно – полчасака провозимся, никак не меньше.

– Так в кассу и передам!

Обратно к Саше я не шёл, а летел: ветреная девка – она же удача – снова с нами!

Починка затянулась чуть дольше обещанного. Мы не только успели оформить билеты, но и наскоро перекусили густым наваристым, совсем не московским борщом. Уж не знаю, когда на Украине Старого мира начался Голодомор, а в Новом мире не заметно никаких его признаков либо предпосылок. Доступ в столовую – совершенно свободный, очередь по меркам СССР – заурядная, особой дороговизны тоже не наблюдается. Совграждане вокруг не выглядят голодными, хлеб хоть и берегут, но с собой украдкой не тащат. Если так пойдёт и дальше – можно смело записывать в свой актив несколько миллионов спасённых жизней. Страшные, непостижимые разумом цифры...

Неужели мне всё же удалось изменить мир?

Неужели я провалился в прошлое не зря?!

Где-то на краю сознания мелькнула полная самодовольного пафоса мысль: «За такой результат и погибать не страшно...».

Представилась могила на верхушке холма, огромный памятник, выбитая в благородном сером граните эпитафия с подробным перечислением заслуг...

Да так явно, что пришлось одёрнуть себя – отправляться

на тот свет в прекрасный солнечный день да на полный желудок – можно ли придумать что-то более аморальное?

А ещё...

Нужно твёрдо помнить – гештальт[220] не закрыт. Пусть Голодомор развеялся мерзким туманом, пусть сорван Великий террор, но на моей совести остаётся Вторая Мировая война. Предотвратить бойню – да ещё без негативных побочных эффектов – ради этого стоит жить. И не просто так, а по заветам несостоявшегося «отца народов» – лучше и веселее.

Именно с этим простым человеческим желанием я поднялся по короткой приставной лесенке в салон самолёта. Огляделся по сторонам и невольно улыбнулся: «Dreams come true! Мечты сбываются!».

Кресла мягкие! Конечно, не как диваны «Аэрбаса» или «Боинга», но что-то типа толстых перовых подушек на плетённых креселках всё же имелось. Вдобавок: всё что можно и нельзя оказалось обшито для звукоизоляции войлоком, а поверх него, для красоты – плотной узорчатой тканью[221]. На полу, вообще, чудо чудное – красная ковровая дорожка с высоким ворсом. Шедевр удобства и комфорта, особенно в сравнении с аскетичным до схимы «АНТ-9».

Интерьер портила всего лишь одна единственная деталь: длинная, густо изляпанная чёрным маслом лестница, уложенная бортмехаником вдоль прохода.

В полной уверенности иностранного происхождения машины, я поинтересовался у пилота:

– Это у вас «Дорнье» или «Юнкерс»?

– Наш самолёт, советский, – с гордостью ответил тот. – «Калинин пятый»!

– Надо же! – искренне восхитился я. – Так хорошо сделали!

– Для кого хорошо... – недовольно буркнул устроившийся на свободном месте бортмеханик. – А для кого – и не очень...

Раскрывать подробности он не стал, да я и не интересовался – недостаток, если сильно постараться, можно отыскать в любом сложном механизме.

[220] Здесь – структура, образ, форма.

[221] В реальной истории так обшивать салоны самолётов «К-5» стали только после 1932 года.

Взлетели мы подозрительно легко, с короткого разбега, даром, что мотор на этой модели всего один. Сделали зачем-то круг над Харьковом и неторопливо попилили вдоль рельсов прямо в сторону полуденного солнца.

Саша полностью отошла от страхов первого полёта и теперь не отрывалась от окна.

Меня же быстро сморили размеренная вибрация и качка, проснулся только при посадке. Ждал Луганск или Донецк – оказалась какая-то Лозовая, меньше часа лета от республиканской столицы.

Местные наземные службы, представленные вооружённым берданкой сторожем дощатого сарая, на наш борт не обратили ни малейшего внимания.

Зато механик без лишних слов вытащил лестницу и полез копать в двигателе, то и дело обжигаясь и матюкаясь.

Покрутил какие-то гайки, почистил свечи, долил масло. Хлопнул жестянкой капота, зачем-то постучал по колёсам, махнул рукой, чтобы любопытные, типа меня, живее лезли обратно в салон.

Снова взлетели, я уж думал – теперь-то непременно дотянем до самого Ростова. И ошибся – минут через сорок мы резко пошли на посадку под натужное чихание мотора. Да не на аэродроме, а прямо посередь случайно подвернувшегося покоса. Кочки неподготовленной полосы едва не вытряхнули нас с Сашей из кресел.

– Всё, дальше пешком?! – кипя и негодуя, я напал на борт-механика. – Спасибо, что не убили!

– Чепуха, – небрежно отмахнулся грязной рукой тот. – Первый раз, что ли?[222]

Так дело и пошло: час летим – полчаса чинимся, остаётся лишь позавидовать нашим несостоявшимся попутчикам, которые предпочли самолёту поезд.

В круговерти взлётов и посадок до ночи добраться в Минеральные Воды не успели – закат застал нас у станции

[222] На первых серийных экземплярах ресурс двигателя «М-15» составлял всего несколько десятков часов. Проблемы с качеством были решены только в 1932 году.

Тихорецкая. Ничуть не расстроившись задержкой, пилот назначил наш следующий вылет на четыре утра, попросил не опаздывать, а ещё лучше – прийти за час.

Обидно, но ничего не поделать – в темноте авиация тридцатых не летает принципиально. Ситуация для «Укрвоздухпути» явно штатная – редкий «К-5» долетит за день из Харькова до Минвод.

Начальник аэродрома, товарищ Гусев лично отвёз нас на телеге в городок – устраиваться на ночлег к извозчику со звучной фамилией Освальд. Жаль, что имя у него не Ли Харви, а просто Ося...

На этой мысли дремота, похоже, окончательно сморила мой организм...

* * *

Проснулся оттого, что Саша трясла меня за плечо:

– Идёт кто-то!

– Давно пора, – стряхивая сумбур воспоминаний вчерашнего дня, я потянулся, в охотку, широко, с хрустом суставов.

– Кого там несёт?

– А ты посмотри!

Вспомнив про наш шаткий статус, я поспешно вскочил на ноги.

Нащупал в кармане пистолет и даже успел сделать несколько шагов к калитке, когда она широко распахнулась – на службу шествовал товарищ Гусев собственной персоной.

Его вялый, вываленный из пиджака живот раскачивался на ходу, как флаг капитуляции в безветренный день. Слева и на шаг позади – как и положено порядочной спутнице жизни – семенила с блестящим бидоном в руке грузная тётка в раздражающе пёстром сарафане.

– Ну, и где же обещанный вами вылет?! – я начал ругаться с ходу, вместо приветствия.

– Механики и пилоты возились до полночи, устали сильно, – обезоруживающе развёл руками начальник. – Вы уж извините, так неудобно получилось. Через часик они проснутся, сразу и полетите.

Улыбка товарища Гусева была такой искренней и доброй,

что весь мой немалый запал злости удивительным образом развеялся без следа. И то правда – несколько часов нас не спасут и не погубят.

– У нас с вчора залишились сладки пироги, – окончательно примирила меня со срывом сроков супруга начальника. – Молочко вот ще... – она приподняла в руке бидон. – Парное!

– Спасибо вам, – Саша всё решила за меня. – С удовольствием!

Завтрак вышел очень к месту – кроме сэкономленного на беспризорниках хлеба, мы ничего не ели с прошлого утра. В качестве бартера пришлось пересказать хозяевам стопятысот свежих московских сплетен, этого добра мне не жалко, а Саше – так и вовсе в удовольствие.

Тем временем аэродром за окошечком начальственного кабинета потихоньку оживал. Подтянулись механики, пилоты, вылез из какой-то подворотни пугавший нас ночью красноармеец.

Я уже предвкушал скорое продолжение путешествия, однако беда пришла откуда не ждали...

За воротами требовательно загудел клаксон автомобиля, а чуть погодя навстречу выметнувшемуся из домика товарищу Гусеву на поле резво выкатил похожий на большую чёрную лоханку автомобиль.

Беседа начальника аэродрома с единственным сановным пассажиром вышла недолгой – товарищ Гусев вернулся к нам с поникшей седой головой.

– Приехал персек нашего горкома...

– В Москву собрался, – догадался я. – Смелый он у вас, самолётами-то летать.

– Нет, в Харьков... Срочно, а у нас только один аэроплан готов.

– А как же билеты, расписание? – расстроился я, ругаться с теми, кто так любезно поделился едой, у меня не достало наглости. – И куда же нам теперь податься?

– Да на кой вам сдалась эта шайтан-машина, прости господи! – несказанно обрадовался моему спокойствию товарищ Гусев. – До Минеральных Вод добираться по чугунке куда как с добром! И время самое подходящее, как раз через час мимо

нас поезд пойдёт из Новороссийска в Баку, на нём прекрасно до своего минводовского курорта доедете. Письмо начальнику станции напишу, по нему за билеты не возьмут ни одной копейки!

«Баку!», – я с трудом удержался, чтобы не воскликнуть вслух, незачем кому-то знать нашу реальную цель. – «Вот удача!».

Перелёта из Харькова вполне хватило для понимания: на поезде по окраинам СССР передвигаться быстрее, безопаснее и, надеюсь, комфортнее.

– Ежели так, то пожалуй, – согласился я с притворной неохотой.

– Сей же час! – товарищ Гусев ловко перетёк за свой служебный стол. – У меня и бланк специальный на такой случай имеется!

Интересно, этот чёртов «Укрвоздухпуть» вообще до Минвод когда-нибудь долетает, или тут принято всех на поезд пересаживать?[223]

* * *

Билеты на поезд по письму товарища Гусева начальник железнодорожной станции выдать согласился без малейших колебаний и вопросов. Но с одним «маленьким» нюансом: «Размещайтесь... Если найдёте место, а лучше подождите московского скорого, он будет через два дня...».

Поначалу я не испугался – в отсутствии скрупулёзной автоматической системы продаж в поездах просто обязан существовать какой-то запас свободных мест. За красивые глаза их не отдадут, но разве сложно коррумпировать одного из кондукторов?

Реальность, как обычно, превзошла самые мрачные прогнозы...

В составе обнаружился всего один вагон второго класса. Все остальные – жёсткие общие, с лавками, плотно забитыми жаркой вонью сто лет невымытых тел, едким махорочным

[223] Пересадка пассажиров на поезд в то время было очень распространённой практикой (в основе истории про Тихорецк лежит письмо Дмитрия Шостаковича).

дымом, нелепыми узлами, квохчущими курицами, истошно орущим детьми и прочими чудесами сурового советского быта.

Втиснуться можно, в конце концов, в иных московских трамваях ещё теснее. Не заразиться какой-нибудь заразой[224] за двое суток пути со всеми остановками, или просто не сойти с ума от бесконечной шумной суеты – mission impossible[225]!

Вагон второго класса порадовал...

Отсутствием кондуктора!

Его попросту не было, совсем и напрочь. Оставалось одно – теснить уже имеющихся пассажиров. За первой дверью нас ждала многоженная и многодетная семья местного Абдуллы, за второй – кутили чинуши немалого ранга, третью – просто никто не открыл, четвёртая внушила осторожную надежду: два парня, две девушки, на вид – студенты или свежеиспечённые инженеры.

– Не найдётся ли у вас местечка свободного... – начал я, и осёкся.

Шаблон, составленный в стиле «заплачу за уголок сколько скажете и даже больше», в данном случае вызовет в лучшем случае смех, в худшем – агрессию или презрение. Хотя без последнего всё равно не обошлось.

– Закройте дверь, господин хороший, – не дал мне продолжить уговоры старший из компании, парень лет тридцати с белым сабельным шрамом по загорелой щеке.

– Интеллигентам не подаём, – тряхнула копной пепельных волос толстушка с крупными, неистово голубыми глазами.

– Вообще-то – электротехник, – невпопад обиделся я. – С чего в интеллигенты записали?

– Ты бы ярлык носил на шляпе, что электротехник, – уже без особой жёлчи в голосе заметил старший парень. – А то я уж думал, что ты из «контры», больно уж вид у тебя скверный.

– Без пяти минут партийный, – для того, чтобы поставить на место купейного заводилу, я вытащил из

[224] Угроза далеко не иллюзорна. Академик Лебедев, создатель искусственного каучука, после поездки в жёстком вагоне схватил сытной тиф и умер в 1934 году.

[225] Миссия невыполнима. (англ.).

кармана пиджака кандидатскую карточку, махнул ей в воздухе. – Кстати, в Москве многие шляпы носят, хоть товарища Рыкова в пример возьмите. Когда он «контрой» успел стать?!

– Пойдём, Лёш, – вмешалась Саша. – Нам тут не рады.

– Категорически не рады, – согласился я с женой. – Счастливо оставаться!

Мы успели отойти на пару шагов, когда в спину донеслось на несколько голосов:

– Погодите, погодите!

– Стойте, да стойте же!

– Ребята, мы же потеснимся? – особо старалась голубоглазая толстушка.

– Точно не помешаем? – на всякий случай уточнил я.

– Уж заваливайте скорее, – отрубил сомнения старший. –

Неужто мы нелюди какие?

Вот она, партийная магия!

Кто бы мог подумать, что из кандидатской карточки, сохранённой благодаря рекомендации подлеца Лукашенко, выйдет хоть какая-то практическая польза? На вид – идиотский кусочек красного картона, даже без фотографии. Зато каков эффект!

Озлобленные на весь мир чудовища мигом обратились улыбчивыми и дружелюбными молодыми людьми. Не слушая возражений, а вернее, упирая на скорую порчу продуктов от жары, они потащили нас за свой стол подкрепиться домашним салом, пышным, совсем не московским белым хлебом и чудесным, чистым как слеза самогоном. Под него и перезнакомились.

Парень со шрамом, Иван, оказался ровесником века. Биография незатейлива: из казаков, начал гражданскую за зелёных, раненый попал в плен, в госпитале «изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страниц», перековался – успел повоевать за красных, а затем – протиснуться в ряды ВКП(б).

Младший, Микола, чувственный тонкокостный юноша – коренной новороссиец, единственный сын счетовода с цементного завода.

Девушки-комсомолки оказались сёстрами, пусть не родными, а двоюродными. Обе изрядные болтушки, но при этом внешне – абсолютно непохожие друг на друга.

Супруга Ивана, «резкая, как «нате!»[226] голубоглазая пышка Лариса и Рита, подруга Миколы, стройная тихоня с роскошными чёрными волосами, широко рассыпавшимися по плечам свободными, чуть вьющимися прядями.

Насчёт студенчества я немного ошибся, ребята оказались выходцами из нарождающейся пролетарской элиты. Девушки работали на стройке Новороссийской ГРЭС нормировщицами, Иван – бригадиром арматурщиков, Микола – младшим экономистом. После успешного пуска электростанции[227] решили все вместе сорваться из тесного Новороссийска в огромный, стремительно прирастающий нефтепромом Баку. Без разведки и приглашений, просто увидели плакат и поехали...

Искать приключений...

Любые слухи о новой, лучшей жизни они ловили жадно, меня тут же распотрошили на предмет реалий столичного «Электрозавода». Зарплаты, условия жизни в общеаге, стоимость съёма комнаты, возможность получить образование – короче говоря, выпытали всё что можно и нельзя, вплоть до размеров столовских порций и цен на трамвай.

Быстренько посоветались на предмет разворота пути в сторону советского «default city»[228] и – неожиданно для меня – решительно отказались от этой идеи: тут, на южной окраине бывшей империи с жильём сильно попроще, да и жизнь выходит ощутимо сытнее.

Оказывается, на Северном Кавказе не видели ничего похожего на голод, накрывший Москву и Ленинград прошлой зимой. Ребята даже не могли представить: каково это, на тринадцатом году революции получать весовые кусочки хлеба по карточкам[229].

[226] Популярная цитата из «Облака в штанах» В. Маяковского.

[227] НоворЭС была введена в эксплуатацию в 1930 году, но доделки и достройки продолжались не один год.

[228] Город по умолчанию. (англ.). Здесь – Москва.

[229] На Северном Кавказе коллективизация должна была быть завершена осенью 1930 года, в крайнем случае – весной 1931-го. В истории Нового мира – коллективизация (в её сплошной форме) не произошла.

Следующем разрывом шаблона стала авиация.

Узнав, что мы добились до Тихорецка на самолёте и первоначально хотели так попасть в сам Баку, Микола поменялся в лице.

– Как, просто купили билеты и полетели? И мы так же могли?!

– Скорее всего, – состорожничал я, помня ненавязчивый сервис «Укрвоздухпути».

– Ребята, ребята, а давайте в Минводах сойдём да на самолёт пересядем? – с горячечной убеждённой принялся убеждать своих друзей Микола. – Всю жизнь мечтал летать! Ну что нам стоит?

Поддержки коллектива не снискал – девушки откровенно побаивались, а Иван ленился двигаться хоть куда-нибудь из уютного купе. Мы с Сашей тем более не горели желанием лишний раз мыкаться по полевым аэродромам. Расстройство парня оказалось так искренне и велико, что мне стало его жаль.

– Хочешь, нарисую штуку, на которой ты сможешь летать сам, без всякого самолёта?

– Планер? – вспыхнул и тут же погас Микола. – Да я целый год в нашу планерную школу ходил! Всю зиму чёртов планер клеили да шкурили, с весны запускали лыжей по земле в полнатяга с резинового шнура, учились балансу. Лишь однажды свезло, сподобился... Поднялся над землёй аж на целую сажень!

– Так мало? – удивилась Саша. – Знакомый пилот как-то хвастался, что они в Крыму чуть не по часу парят.

– То – в Крыму, – Микола непритворно хлюпнул носом. – Там та-а-а-кие потоки! А у нас... Короче, разбили мы наш планер да так, что и чинить стало вовсе нечего.

– Хорош унывать, – перехватил я нить беседы. – Листок бумаги найдёте? Буржуи в июльском журнале «Popular Science» опубликовали лекала параплана – потрясающего летательного аппарата из одного лишь парашютного шёлка и верёвок. Эдакое здоровенное крыло из ткани. Ни дюралья в нём нет, ни фанеры, ни педалей всяких, а на пару сотен метров в небо подняться – как нечего делать. И никакая гора не нужна, по крайней мере по первости – вполне достаточно буксировки за автомобилем или паровым катером.

– Это что же, самолёт можно просто взять и сшить? – округлила глаза тихоня Рита. – Как платье?!

– Именно! – смело подтвердил я.

Зря что ли мотался из турецкой Анталии в Олюденизом ещё там, в Старом мире 21-го века? Два раза платил инструктору за спуск на парашуте с вершины горы Бадабаг вниз, над красными черепичными крышами городка, в голубую лагуну? Потом торговался, не хотел сто лир заплатить за фотографии, но всё же не устоял и купил. Жаль, смартфон разбит, не срисовать систему с верёвочных тяг. Но ведь в памяти хоть что-то да осталось!

– Сшить... – вторил подруге Микола. – Как это?

– «Зингером» и руками, – я покрутил в воздухе ладони. – В журнале специально указали, что по точным лекалам шитьё не должно вызвать затруднений у среднего американца. Неужели вы по эскизу не сдюжите?

– Где же мне столько шёлка-то найти? – с горьким скепсисом пробормотал Микола.

Но я видел, что потухший интерес к жизни снова начал разгораться в его карих, широко распахнутых на мир глазах.

– Не обязательно шёлк, – чем же ещё можно заменить синтетику 21-го века? – Сгодится любая лёгкая, прочная, не пропускающая воздух ткань.

– А перкаль[230] подойдёт?

– Самолётная? – задумался я. – Надо попробовать.

Пока энтузиаст авиации осознавал перспективы, его подруга, отбросив робость, кинулась копаться в своих узелках и скоро протянула мне кокетливый девичий блокнотик.

– Только, пожалуйста... – попросила она, мило порозовев. – Не заглядывай на исписанные листки!

– Клянусь, – я шутливо выбросил вверх сжатую в кулак правую руку[231]. – С конца начнём рисовать, уверен, что так нам хватит листочков!

В самом деле, почему бы парашуту – то есть идее

[230] Очень прочная и лёгкая хлопчатобумажная ткань. Изготавливается из тонких, вычесанных (а не скрученных) волокон с применением склеивающего состава.

[231] Чрезвычайно популярное в 20-30 годах приветствие «Рот фронт».

двухслойного крыла с надуваемыми рёбрами жёсткости – не появиться в тридцатых?![232] Ничего категорически недопустимого в технологиях я не вижу, то есть, конечно, соорудить нужную для старта «с ног» конструкцию ребята не смогут, но буксируемый за автомобилем или катером вариант у них получиться просто обязан.

Вооружившись химическим карандашом, я принялся прорисовывать и прописывать всё, что помнил о парапланах.

Основное внимание уделял вопросам прочности и безопасности – в конструкции наверняка найдётся куча неочевидных хитростей, доходить до которых ребятам придётся исключительно своим собственным умом.

Отдельного разбора заслужили модная эллипсоидная форма, профиль поперечного сечения, ячеистая структура, четыре ряда строп, управление, сведённое на рукоятки через блоки и рычаги.

В итоге – получилось на удивление немало.

То есть листочков хватило, но впритык.

Дальше началось дружное обсуждение блестящих перспектив нового способа парения.

Начали с малого – флотских наблюдателей, затем девушки переключились на переброску через границу разведчиков и пачек газет «Правда», а чуть позже, к концу литровки самогона, парни добрались до армий парапланеристов, истребляющих врагов с высоты птичьего полёта меткими выстрелами из трёхлинеек.

Я, было, пытался возражать, звать к здравому смыслу, однако не преуспел, а скоро понял: ребята прекрасно осознают ирреальность собственных слов, но...

Но иногда так хочется помечтать!

Заканчивали ньювасюковщину при свече, девушки к этому времени уже спали, кто где, не разворачивая набитых тяжёлым прелым хлопком матрасов.

Нам с Иваном и Миколой оставалось только последовать их примеру.

[232] Момент изобретения параплана установить сложно, он появлялся постепенно, как мутация глайдирующего парашюта. Появление «протопарапланов» можно смело отнести к 40-м годам.

В Минеральные Воды состав прибыл далеко за полночь...

Вместо положенного расписанием часа стояли долго, до самого рассвета. Презрев свой и чужой сон, торговцы расхваливали товары, собачились между собой пассажиры общих вагонов, путейцы стучали молотками по неведомым железкам. Недовольно пыхал паром локомотив.

Наконец тронулись – я с облегчением устроился поудобнее, планируя подремать под стук колёс как минимум до обеда, да свалилась новая напасть: проснувшийся ни свет ни заря Иван настойчиво потащил меня в коридор «покурить».

– Тебе не кажется, что местные что-то знают? – спросил он, едва я вылез за порог купе. – Посмотри, половина мест свободна. Я уж в общий вагон сходил, посмотрел, давки тоже не заметно.

Действительно: три или четыре купейных двери оказались распахнуты настежь.

– Неужели никому в Баку не надо? – предположил я, и сам не поверил своим словам.

– У тебя оружие есть? – подстегнул градус паранойи Иван.

– Как сказать...

Я вытащил из кармана пиджака «Браунинг».

– Только застрелиться! – Иван едва не сплюнул от досады.

– Воевать не собирался.

Вместо слов Иван откинул полу френча, продемонстрировав торчащую из-за пояса рукоятку «Маузера».

– Серьёзная машина! – уважительно цокнул я языком. – Всегда мечтал такой завести, да не поймут нынче в Москве эдакого авангардизма.

– Уж сколько лет не расстаюсь, почитай с самой войны, – скривился подозрительно побелевшим шрамом Иван. – Ладно, ты уж девчонкам нашим пока ничего не говори, авось пронесёт. Но уж сам-то не спи!

– Можешь рассчитывать, – проникся серьёзностью момента я. – С десяти шагов промаха в карту не дам. А коли дальше... Уж извини.

Иван одобрительно хмыкнул и потянулся в карман, за

газетой. Отнюдь не читать – оторвав полоску бумаги, он ловко свернул из неё узкий длинный кулёчек, заспал в него из кيسета махорку, плотно притоптал пальцем, поджёг, затем жадно втянул в себя густой сизый дым.

Я привычно отшатнулся к наветренной стороне выставленного на лето окна.

Говорить вроде как не о чем, спать – нельзя, мысли – одна дурнее другой, за окном, до самого горизонта – бескрайняя, выгоревшая на солнце степь. А поверх всего сущего – как высший трансцендентный слой бытия – гипнотическое, неторопливое чух-чух колёс по стыкам рельсов.

Кажется, мне всё же удалось задремать стоя, так что я едва не свалился от звука паровозного гудка.

– Уж скоро станция, – Иван щелчком отправил в окно остатки неизвестно какой по счёту козьей ножки.

И правда – разнотравье незаметно сменили квадраты полей, за ними на пологий склон высыпались коробочки очередного села.

Состав начал притормаживать и скоро остановился около вокзальной избы.

«Посёлок имени Сталина»[233], – передёрнулся я, заметив выведенное кроваво-алой краской название станции.

Перевёл взгляд чуть вперёд, к вставшему под наливную колонку паровоза – вздрогнул ещё раз, по настоящему, с судорожным стискиванием «Браунинга» в кармане: нас встречали два десятка красноармейцев.

Лишь убедившись в полном отсутствии интереса к нашему вагону у «комитета по встрече», я опомнился от испуга, и тихо пробормотал сам себе:

– Многовато будет, на одного-то «контрика».

Иван моими фобиями не страдал, поэтому сложных путей не искал. Опрометью заскочил в купе за картузом, бегом просквозил по коридору в открытый тамбур, не размениваясь на ступеньки спрыгнул с подножки на насыпь, а вот к командиру отряда – подошёл с неспешностью солидного, имеющего вес товарища.

[233] *Посёлок Прохладный. В реальной истории не переименовывался.*

Разговора за шумом льющейся в утробу локомотива воды я расслышать не сумел и уже думал выйти полюбопытствовать, когда улыбающийся во все оставшиеся зубы Иван направился назад.

Поравнявшись с моей высунутой из окна головой, он махнул рукой вперед.

– Чёртовы горцы... Опять за старое взялись! [234]

– Это что? – напрягся я. – Неужели поезд дальше не пойдёт?

– Отчего же, – Иван удивлённо посмотрел на меня, должно быть, я и в самом деле выглядел потешно в своём страхе от задержки. – Как бойцы погрузятся – так и отправимся.

– Они к нам в охрану приставлены! – наконец-то догадался я. – А справятся, если что?

– Обязательно! – Иван снова махнул рукой, уже более предметно. – Сам погляди! Так уж точно, от любой банды отобьёмся.

Только теперь я обратил внимание на поднявшуюся суету: часть красноармейцев забралась на тендер и, вооружившись верёвками, сноровисто тягала наверх тупорыльную тушку «Максима». Остальные – дружно подталкивали смертоубийственный механизм снизу.

– Весело тут у вас...

– С таким-то прикрытием? – Иван не заметил скрытого подтекста в моих слова про веселье. – Наоборот, скучно!

– А вдруг большая банда?

– Всё равно, – уверенно отмахнулся от моих наивных вопросов Иван. – Супротив «максимки» никто не сунется. Разве что с пушкой, да откуда ей взяться у бандитов?!

– И то правда, – глупо спорить с бывалым воякой. – Поднимайся, хоть подремлем чуток под защитой непобедимой и легендарной!

– Сперва до бойцов схожу, четверо в тендер не полезли, у нас на тамбурной площадке разместились, – подозрительно

[234] Восстания на северном Кавказе в конце двадцатых – начале тридцатых шли фактически непрерывно. Крупные силы РККА при поддержке артиллерии подавляли сопротивление в Чечне, Дагестане и русских Надтеречных районах в 1929 году, в 1930 году, в 1932 году...

усложнил дело Иван. – Расспрошу их: что да как. А ты уж будь добр, свою пукалку далеко не прячь, покарауль девушек в купе!

В логике ему не откажешь. Оставлять спящих ребят одних нельзя, будить раньше времени – жалко. Так из всех забав мне осталась одна – пялиться в окно на ландшафт, да читать попутные указатели. Последних, кстати сказать, оказалось на удивление много.

Едва выйдя со станции, наш поезд переполз по мосту речку Малку, следом за ней, через каких-то полчаса, перемахнул подозрительно узкий Терек и неспешно, делая не более тридцати километров в час, покатился вдоль его русла.

Островки леса сменялись холмами, возделанные клочки полей – жухлой травой.

В районе Эльхотовских ворот зашевелились Михайло и девушки. Пока они привели себя в порядок, пока устроили обед из купленной в Беслане снеди – состав добрался до Назрани. Вернувшийся от красноармейцев Иван то и дело бросал за окно тревожные взгляды, но с каждым километром всё больше и больше веселел.

А после Грозного, в котором наш вагон снова плотно заби-ли пассажиры, вовсе успокоился.

Настолько, что поделился перед всеми секретом:

– Красноармейцы, что нас охраняют, давно уж мне шеп-нули – самое рискованное место было после Назрани. Теперь уж спокойно, а в рабпоселке Калинина[235] они вообще сойдут, встречного для охраны ждать.

– Этот рабпоселок, он далеко? – поинтересовалась Саша.

В ответ, как нарочно, захлопали выстрелы...

Иван вскочил, определяя источник угрозы и, после се-кундного колебания, кинулся в коридор, вытаскивая на ходу «Маузер». Припал у окна, оперев магазин в раму, повёл дулом и разочарованно буркнул:

– В лесу запрягались, с...ки!

Я пристроился рядом, выставив свой коротыш.

Поезд шёл вдоль скошенного луга, заросший густым лесом склон холма начинался не ближе, чем метрах в двухстах.

– Твой «Маузер» поможет не больше «Браунинга», – под-дел я Ивана. – Только патроны пожжёшь без толка.

Громкой длинной очередью отработал с тендера пулемёт, вслед за ним, с площадки открытого тамбура, открыли беспорядочную пальбу красноармейцы.

– На каждый вопрос есть чёткий ответ: у нас есть «Максим», у них его нет...[236], – довольно осклабился Иван, опять при-мериваясь к прицелу. – Пусть только сунутся грабить!

В этот момент, прямо на моих глазах бандитская пуля

[235] С 1929 года (и до 1941 года) село Гудермес переименова-но в рабочий посёлок имени Калинина.

[236] Расхожая фраза англо-французского писателя Хилэра Беллока (опубликована в 1898 году)

вывернула щепой наружную стенку вагона и ушла в соседнее купе.

Тонко, жалобно заверещал кто-то из многочисленного байского семейства.

Чёрт возьми, эти горцы – никакие не грабители, а самые настоящие террористы. Им «соваться» к нам незачем. Мы, в жалких коробочках вагонов, уже у них как на ладони!

– Валим назад. Быстрее!

– Нахрена? – возразил Иван, не отрываясь от своей железной игрушки.

– Тут всё равно стрелять не в кого, посмотрим с другой стороны.

Хитрость помогла.

Иван в запале успел забыть, что там – степь и поля на много вёрст вокруг, поэтому, сочно выматерившись, бросился обратно.

А пока он примеривался половчее высадить стекло, не засыпав осколками девушек, я захлопнул дверь и подтянул к ней ближайший скрученный матрас.

Затем, быстро оглядев напуганный коллектив, распорядился, тыкая пальцем в следующий набитый хлопком мешок:

– Михайло, аккуратно, не разворачивая, давай мне эту штуку!

– Зачем?! – оторопел младший экономист.

– За шкафом, идиот! – сорвался я на крик. – Затем, бл...ть!

Нешуточный тычок подруги придал ускорение сыну счетовода – в мои руки попал второй валик. Примерившись, я вогнал его под нижнюю полку, закрывая от пуль ещё один клочок пространства.

Характерный треск, в сочетании с вскрывшейся ключьями войлока и фанеры перегородкой, наконец-то показали Ивану основную проблему.

– Прошила навывлет! – поражённо вскрикнул он, отшатываясь от несчастного окна.

– Петь! Петька!!! – вторил ему нечеловеческий вопль из соседнего купе. – Боже, помилуй!!!

Когда проблема прояснилась, движения Ивана обрели неожиданную быстроту и точность. Единным слитным рывком он запрыгнул на столик, перехватил третий, всё ещё лежащий

на верхней полки матрас, и тут же переправил его к дверям – как раз в нужное место.

– Всем лечь на пол! Голов не поднимать! – скомандовал он, возвращая себе статус боевого лидера.

Я тем временем втискивал последнее хлопковое чудо под вторую нижнюю полку, завершая неуклюжую баррикаду.

– Всё равно пробыёт, – скептически оценил Иван итог.

– Хоть шанс, – не стал спорить я, прессуя девушек на условно-защищённом пятачке. – Теснее прижимайтесь к полу! Голову прикрывайте руками!

По всему вагону звенели осколки стёкол, матерились от бессильной ярости мужики, голосили бабы, визжали дети. Одна за другой добавлялись дырки в стенах и парусине потолка.

«Максим» лупил с паровозного тендера одной бесконечной очередью, впрочем, на интенсивность нашего обстрела данный факт не влиял ни капли.

– Проклятье! – прошипел сквозь зубы Иван. – Наши стреляют, а мы лежим как сельди в жестянке.

– Некоторые селёдочки очень ничего, – я погладил кстати попавшее под руку бедро Александры. – Так что, парни, не теемся, пользуемся моментом!

– Но-но, – ответила щипком Саша. – Нашёл время приставать!

– Героизм полезен в тяжёлые времена, – поучительно заметил я. – Но мы живём в эпоху отчаяния, которой приличествует хорошее чувство юмора.

Жалобно звякнувший чайник снесло со стола пулей, но не прямо к окну, а почему-то вбок, наискосок по ходу движения.

– Скоро выскочим! – ободрил я ребят. – А тебе, Иван, пора бы переползти к серёдке ближе...

Хорошая идея опоздала.

– Оу!!! – дурным голосом взвыл Иван.

Попытался подняться и тут же упал, скрючившись в попытке добраться до ноги. Рана, нанесённая прошившей несколько перегородок пулей, выглядела поистине жутко: чуть выше колена, во все стороны рваная, с торчащими из мяса щепками костей и целым фонтаном ярко-алой крови.

– Пиз...ц! – оторопел я.

– Ванечка! Родненький! – заблажила супруга Ивана, зачем-то пытаюсь обнять мужа.

– Держи его! – оборвала мой ступор Саша.

Не обращая внимания на залившую пол кровь, она перека- тилась поближе и запустила пальцы прямо внутрь раны.

– Бл...я-я-я! – Иван попробовал дёрнуться, но я уже навал- лился сверху на его ноги, фиксируя их в одном положении.

– Мишка, доставай ремень, – продолжила командовать Александра, что-то нащупывая в глубине разорванного тела. – Делай жгут. А ты... – она повернулась в мою сторону. – Снимай рубаху. Кажется, я поймала артерию.

Наложение жгута и повязки оказалось непростым квестом: бледный, как бумажный лист, Иван страшно скрипел зубами, матерился и норовил вырваться. А стоило на секунду отвлечь- ся – дотянулся до «Маузера» и наставил дрожащее дуло в сто- рону моего лба.

– Оставь меня! Как человека прошу!

– Кровь остановили, – возразил я. – Чуток потерпи, не- много дотянем...

– Калекой мыкаться не стану!

Не сильно задумываясь, я резко ударил по сжимающей пистолет руке. В лицо хлопнул оглушающий выстрел, глаза засыпало пороховой сажей, но чёртова пушка всё же вылетела из ослабевших пальцев.

– Психический! – мотнула головой Саша, не отвлекаясь от приматывания к ране оторванных от Михайловской толстов- ки рукавов.

Струйка холодного пота потянулась между моих лопаток: «А он не шутил!», – вслух же только рявкнул:

– А ну, боец, живо взял себя в руки! Твоя жизнь нужна ми- ровой революции!

Помогло. Или, скорее, сказалась потеря крови. Иван бес- сильно привалился к нижней полке, а я наконец-то смог до- браться до окна. Состав явно притормаживал, и меня это страшно беспокоило.

Хватило одного взгляда...

– Станция видна! Вырвались!

– Водки налей, – не дала мне отвлечься Александра. – Надо его хоть как-то обезболить.

Я сорвал сургуч с горлышка оставленной на вечер «казёнки», набулькал до краёв стакан.

– Держи.

– Врача, врача, врача! – рыдала супруга Ивана.

– Попробую.

Я отвалил от дверей сымпровизированную баррикаду и, почесав затылок, стал разглядывать две рваные дырки как раз напротив нашего лежбища. Впору истерить, однако перегруженный эмоциями мозг решил принимать происходящее вокруг не иначе как компьютерный шутер. С нечеловеческим спокойствием я увернулся от мечущейся по коридору тётки с выдранный скулой, перешагнул через залитого кровью и дерьмом, но ещё дёргающего в агонии ногами красноармейца. Заглянул к соседям, отметил ревущих над телом матери детей. Слепая случайность не щадила никого, верно, две трети пассажиров так или иначе попали под бандитские пули.

– Саша, пойдём, – вернулся я в купе. – Нынче в вагоне самый главный врач – это ты.

Следующие несколько часов прошли в кровавом аду...

Саша перевязывала, я держал, успокаивал, поил всех: и раненых, и родственников, и просто попутчиков. Сперва – водкой, потом – лауданумом[237], который местный фельдшер притащили из станционного медпункта...

Если раскинуть на весь поезд – то мы отделались легко. Десяток убитых, полсотни раненных. Почти все – из нашего купейного. В общие вагоны, где ехало много местных, террористы не стреляли. По этой же причине, вероятно, не пустили состав под откос.

К полуночи единственный на весь посёлок Калинина врач прооперировал Ивана – из выживших он оказался одним из самых тяжёлых. Саша ассистировала, в дикой антисанитарии, при свете керосинок, но всё равно – относительно успешно. То есть ногу наш новый товарищ, конечно, потерял, зато жизнь – сохранил. Попутно я постарался выбить из головы Ивана заскок про калек. Никуда жена от одноногого не сбежит, а и сбежит – так сама дура: советские бабы после мясорубки Великой да Гражданской не особо разборчивы до

[237] *Лауданум (Laudanum)* – опиийная настойка на спирту. В СССР была снята с производства только в 1952 году.

полного набора конечностей. Был бы на месте «главный» орган, а остальное – приложится...

Весь следующий день мы отмывались и стирались в позаимствованной со скотопойлки колоде, каждую минуту оглядываясь: как бы злосчастный поезд не укатил в Баку без нас. Со стороны Грозного движение встало напрочь, оборвалась телеграфная связь. Пошли слухи, один страшнее другого. Гарнизон посёлка – целая рота, усиленная парой кургузых пушчонок – оцетинился обороной на станции. Туда же перебрался госпиталь и местный партактив с семьями.

Наш состав стоял, как и пришёл, на главном пути, все ждали распоряжений начальства по замене паровоза. Тот, что тащил состав от Новороссийска, горцы расколотили на изумление качественно, до посёлка мы докатились скорее по инерции, чем на локомотивной тяге. Скорее всего у бандитов против «максимки» нашёлся свой пулемёт, и надо признать большой удачей, что купейный вагон не стал его основной целью.

Ближе к утру какой-то высокий железнодорожный чин сообразил загнать встречный эшелон цистерн в тупик, а освободившийся паровоз отдать начавшим звереть пассажирам.

Мы тепло распрощались с решившими возвращаться в Новороссийск ребятами, девчата чуток всплакнули. А потом мы вселились в общий вагон – иного выбора не осталось. Теснота – ещё хуже, чем на старте в Тихорецкой. Смрад – сильнее, ругань и крики детей – страшнее. Настоящая пытка, даже соловецкий этап мне дался куда как легче...

Похожий на средневековую крепость вокзал Баку мы встречали на подножке, в нетерпении – так, видимо, мечтали ступить с борта «Мейфлауэра» на землю Нового Света пуритане из Плимута.

После полутора суток в душегубке, без нормальной еды и сна, в сердце стучала одна единственная на двоих мечта – добраться до ванны с чистой водой, выскоблить из кожи и волос пот, грязь, насекомых. А после – уснуть на чистом белье.

И пусть всё ГПУ подождёт!

7. ПЕРСИДСКИЕ СКАЗКИ

**Ближний восток. Лето 1931 года
Год и месяц с рождения Нового мира**

Проклятое, отвратительное Солнце! Как злобно оно жарило нас в поезде! И вот опять взялось за старое!

Я подтянул двуспальное шёлковое одеяло вверх, закрывая Сашино лицо – пусть яркие лучи сколько угодно пятнают волосы, те, что волной растеклись по хрустком снегу полотняной наволочки. Сам зарылся в подушку рядом – урвать ещё хоть часик полудрёмы.

Шестое утро «срыва». Некогда любимый – если верить шепотку портье – номер Яшки Блюмкина в отеле «Новая Европа».

Интересно, идут ли чекисты по нашему следу? Или сдали дело в архив? А может, всё ещё ждут на далёкой Польской границе?

Да какая к Шокли разница!

После всего, что случилось в дороге, Москва мнится звездой из далёкой-далёкой галактики. Непостижимой, загадочной и в тоже самое время – абсолютно бесполезной.

Вчера, из фаэтона мне показалось – нет в Баку никаких Советов: «Всё – как раньше, только хуже...», – грозная и великая Российская Империя по-прежнему окормляет свою дальнюю окраину. Прикинутые лёгким национальным колоритом мужчины сидят на улице возле своих лотков, торгуются в лавчонках, лениво пекут на жаровнях снесь. Укутанные в чадры «гюльчатай» [238] бодро шлёпают чувяками по неровной пыльной мостовой рядом со сверкающими обнажёнными ко-

[238] ГГ вспомнил советский фильм «Белое солнце пустыни», где была героиня с именем Гюльчатай.

леньями и плечами гражданками. Нет вездесущих кумачовых плакатов, нет хвостов очередей, нет потока целеустремлённого пролетариата, весь полумиллионный город – один сплошной крикливый рынок.

Я невольно прислушался, и сразу улица за закрытым окном загомонила сотней голосов. Негромко, однако до ужаса назойливо – с таким фоном нипочём не уснуть.

Почитать бы ленивую книгу или хоть газету...

Хотя, по-хорошему, давно пора заняться собственной недельной щетиной. Вечером, при свете десятилинейной лампочки я бриться не рискнул – теперь самое время. Тем более что супругу будить не придётся, пристреленный Сашей суперагент и подлец знал толк в гостиничном сервисе: местный туалет – отдельная комната, с окном, зеркалом в рост и чугунной ванной.

Сторожась лишний раз скрипнуть пружиной, я выскользнул из кровати.

Станок, помазок и свежее лезвие – свои, наш единственный чемоданчик обошли пули террористов. Мыло – гостиничное, мягкое и душистое, абсолютно невероятный для СССР сервис.

Но особенно хорош низкий и широкий мраморный подоконник – вчера мы с Сашей нашли ему достойное применение...

Довольную улыбку-воспоминание погасил взгляд на одежду: выстиранный в очередной раз пиджак потерял всякие остатки формы, а с брюк так и не сошли бурые разводы. Я провёл рукой по скукоженному рукаву, попробовал расправить замятые плечи...

Увы, жестокого обращения ткань не пережила...

Мой любимый непарный костюм теперь сойдёт лишь за повседневку разнорабочего или крестьянина.

Александр повезло больше: её выручило взятое с собой парадное крепдешинное платье – безнадёжно изгвазданную в крови юбку и блузку мы бросили в посёлке имени Калинина.

Кое-как подвязавшись полотенцем с заковыристым вензелем «НЕ», я распахнул окно. Высунулся в духоту набирающего силу дня с третьего этажа, выцелил поблизости мальчика лет двенадцати, свистнул, а затем – поманил пальцем.

– Эй! Как насчёт заработать?

– Вам, дяденька, газетку принести, водочки с закуской или барышень позвать?

Удачно попал!

Хорошо изучивший три главных потребности новой советской элиты коммерсант куда полезнее случайного пацана.

– Для водочки – рановато, а вот... – не стал я ломать шаблон. – А вот поесть – не помешает.

– Если поесть... – рассудительно возразил малец. – Это вам, дяденька, в нашу чайхану лучше, тут рядом, я провожу.

Мысль дельная. Забитый партийными функционерами ресторан совсем не то место, где мне хотелось бы показаться. Да ещё в такой одежде...

Опять же – Саша спит...

– Чай принести сможешь?

– Конечно, дяденька!

– А ежели с лепёшками? И круг колбасы, чтоб прямо с углей?

– Сию минуту!

– Персики захвати! Газету! И букет цветов!

Услышал ли?

Да, шибко быстро метнулся в проулок...

Через четверть часа осторожный стук в дверь возвестил о прибытии завтрака. Юный коммерсант умудрился без помощи взрослых припереть медный чайник, гору горячих лепёшек, пакет персики килограмма на три, уйму зелени и здоровенный круг колбасы, способной свести с ума одним лишь ароматом. Про газету маленький хитрец не забыл, хотя не сказать, что вчерашний «Красный нефтеперегонщик» меня сильно обрадовал. Цветов, стервец, не принёс. Не успел, а может, принял мои последние слова за неудачную шутку.

Более же всего меня удивила цена – за подобные деньги в Москве выйдет позавтракать разве что в рабочей столовой.

Довольный чаевыми малец уже примеривался улизнуть, когда меня осенило.

– Ну-ка, погодь! Хорошую одежду достать сможешь?

– На вас, дяденька?

– Да. Нужна сорочка... – я на всякий случай потыкал пальцем в свою грудь. – Брюки и пиджак.

– Найду!

– Точно?

– Вот те крест! – малец быстро обмахнулся рукой перед собой. – Только вы, дяденька, никуда не уходите!

– Куда я от колбасы-то денусь, – пошутил я, но, видя недоумение, махнул рукой. – Беги уж!

Следующий стук раздался подозрительно скоро – мы с Сашей только-только успели расправиться с колбасой и приступить к персикам. Я ожидал увидеть толстую разбитную тётку или старого жулика с баулом шмоток, явилась же целая делегация. Во главе процессии, с перекинутым через плечо матерчатым метром и швейной машинкой в руке выступал седой импозантный еврей. За ним – целых три девушки, вероятно, дочери или внучки, нагруженные на манер ишаков – свёртками, кулками, многочисленными рулонами ткани, дымящимся утюгом и гладильной доской.

– Альберт Моисеевич, прошу любить и жаловать, – отрекомендовался портной. – Костюм вам строить будем?

– Прямо так? – растерялся я. – С нуля шить?!

– Как же можно иначе? – укоризненно задрал брови Моисеевич. – Вы же изволили заказать хороший костюм?

– Конечно, но...

– Долго! – в одно слово конкретизировала мои страхи Александра. – Нам сегодня уезжать!

– Три часа, молодые люди, – укоризненно покачал головой портной. – Позвольте мне оторвать вас от важных дел на никчёмные три часа.

Мы с Сашей переглянулись.

– Приступайте, раз так!

Дальнейшее действие более всего напоминало волшебство...

Всего несколько мерок, быстро очерченные грифелем пунктир по ткани – и вот сметанная на булавках рубашка уже на мне. Ещё несколько минут – и две девушки, расчехлив «Зингер», принимаются сшивать части между собой хитрым французским швом[239]. Третья утюжит через мокрую марлю – «швея гадит, утюг гладит».

[239] Ничего хитрого во французском шве (*french seam*) нет – это весьма распространённый в быту «двойной бельевой шов». Ранее, из-за сложности обмётки, (отсутствия оверлоков) использовался практически везде.

Мастер тем временем кроит брюки: легко наметив опорные точки, он даже не удосужился провести линии – сразу взялся за ножницы.

Управились ровно к обеду.

Как ни быстро мелькали девичьи пальчики с ниткой и иглой – самым хлопотным делом стала обмётка петель под пуговицы.

Наконец – финальная примерка...

Вместо гопника-комсомольца из зеркала на меня посмотрел лощёный европейский джентльмен!

– Какую же дрянь тебе продали в Москве! – вынесла окончательный вердикт Саша.

– Берлинский непарный костюм, лучшее в мире немецкое качество, – с издёвкой передразнил я далёкого спекулянта. – Проклятый контрафактчик!

Распрощались с Моисеевичем тепло, уже в холле: он со своими девушками отправился домой радоваться приработку, а мы с Сашей – ловить извозчика.

Последнее, чем мне запомнилась «Новая Европа» – любезной гримасой портье. Зря я вчера – в ответ на дежурное «мест нет» – сунул ему за «самый лучший номер» целого «Джексона». Судя по уровню местных цен, вполне хватило бы одного «Гамильтона».[240]

У дверей гостиницы свободной пролётки не нашлось, и скоро произошло самое страшное – Александра обнаружила себя в глубине рыночных рядов.

– Лёш, посмотри! – потянула она меня в сторону сумрачного однорукого мужичка с совершенно рязанской мордой лица, – Настоящий фильдеперс!

– Да хоть бы и шёлк, – попробовал сопротивляться я. – Ты же запаришься в чулках!

– А стоят-то, стоят! В Москве фильдекос[241] дороже!

[240] Двадцать долларов США – купюра с портретом Эндрю Джексона. Десять – с портретом Александра Гамильтона.

[241] Фильдекос – тонкая хлопчатобумажная пряжа. Фильдеперс – особо обработанный, более шелковистый и тонкий фильдекос, изделия из фильдеперса были заметно дороже, чем из обычного фильдекоса.

– Два рубля золотом?! Ты шутишь? В Тегеране возьмём за бакс!

– Пяточка гаванская и... И шовчик, пощупай сам, какой ровненький!

– О-о-ох! Купи, и пойдём!

Не сказать, что мы сильно задержались – однако спустя час я вынужден был констатировать очевидное.

– Сегодня всё равно не улетим. Поехали – пока аэропорт работает – узнаем расписание и купим билеты, а потом вернёмся... Заодно погуляем по старому городу.

– Как скажешь, – Саша привычно вытянулась на носочках для поцелуя. – Только в собор заглянем, пока он рядом.

– Зачем? – нахмурился я.

– На одну минутку! Косынку я уже купила.

Признаться, местный культовый центр вызывал любопытство и у меня – прежде всего своими нескромными, подавляющими весь центр города размерами. Екатеринбургский, построенный в 21-ом веке Храм на Крови выглядел бы рядом с главным православным собором Баку маленькой заштатной церквушкой[242].

Пока Александра ставила свечи и шептала молитву перед центральной иконой Александра Невского, я изображал собой туриста – разглядывал изящную лепку вокруг купола и колонн, резные оклады, мозаичный пол, двухъярусный иконостас под роскошным мраморным шатром.

Сохранность – на удивление: золочёные оклады целы, краски фресок яркие, поповское «господу помолимся» звучит сочно и басовито.

А вот прихожан, можно сказать, нет совсем.

– Всё как раньше, только хуже, – я в очередной раз не удержался от цитаты из Василия Шульгина.

Сказанные вроде как для себя слова неожиданно гулко разнеслись под сводом нефа.

Испуганно шарахнулась прочь завернутая в чёрный платок старушка. Вслед за ней, слабодушно и беспомощно, с

[242] ГГ несколько преувеличивает. Хотя Александро-Невский собор Баку (снесён в 1936 году) действительно значительно выше Храма на Крови (высота 81 метр против 60 метров), но по объёму эти сооружения приблизительно равнозначные.

сакральной фразы обвалилась и вся бесполезная шелуха ложного смысла.

«Всё как раньше» – сохранилось лишь в церквях на дальних окраинах СССР.

В стремительно меняющейся Москве мне и в голову не приходило вспоминать пронизывающий страницы «Трёх столиц» рефрен. В мир приходят самолёты, трактора и мощные трансформаторы. Телевидение, противотанковые ракеты и небывалые урожаи картофеля на индустриальных заводских полях.

«Всё как раньше» – стало историей, пусть бывший депутат Государственной думы[243] грустит об этом в гордом одиночестве.

Моя цель, мой долг – отправить в небытие вторую часть его программы – «только хуже».

В Новом мире не случится великий террор и зверская коллективизация. Новый мир не увидит нацизма и печей Освенцима.

Ради этого мы с Сашей выкладываем на зелёное сукно великой игры свои жизни. Христианскому смирению нет места – будущее мы делаем сами.

Не может быть как раньше – не должно быть и хуже!

– Вот ты где! – требовательно дёрнула меня за руку жена.
– Пойдём скорее!

Оказывается, я шепчу странные, ни капли непохожие на молитву слова рядом с настороженно косящейся на меня старушкой, в боковом пределе, у ларца с мощами.

– Святой Варфоломей[244], – мне с трудом удалось разобрать золотые церковнославянские буквы на установленной тут же небольшой иконе. – Уважаемый апостол, надеюсь, вы не против нашего Нового мира?

[243] Василий Шульгин – депутат Второй, Третьей и Четвёртой Государственных дум, во время Февральской революции – принял отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения. Так же – прообраз Кисы Воробьянинова из «Двенадцати стульев».

[244] Согласно преданию, святого Варфоломея распяли вниз головой, но он продолжал свою проповедь, тогда его сняли с креста, сняли кожу, а затем – обезглавили.

От аэропорта такого крупного города как Баку, я ожидал порядка и масштаба, хоть не Московского, но по крайней мере – не уступающего Харькову.

Увидел же второй Тихорецк – полдюжины сараев, спокойствие, тишину и запустение.

Всего-то разницы: вместо привязанной к ограде коровы – полтора десятка разномастных коз.

Конторщица или кассирша – никого выше званием обнаружить не удалось – на вопрос про билеты до Тегерана осветила предельно просто:

– Вам Вадим Титыч надобен, он частенько к персам летает.

– Начальник аэропорта? – попробовал догадаться я.

– Нет, летун наш, – тётка смахнула с губ застарелую семечную шелуху. – В лавке своей, небось, торгует.

– Пилот?!

– Вы не волнуйтесь, товарищи, – успокоила нас тётка. – Летун он справный, коли что надо – непременно исполнит.

– Где же его лавку искать? – вмешалась Саша.

– Велосипеды чинит, тут недалече, в Разинке, у полустанка, – быстро затрещала тётка и испуганно поправилась, как видно вспомнив, что мы собираемся зарубеж, а значит – люди по определению непростые. – В рабочем посёлке Азнефти имени товарища Степана Разина.

– Хорошо, что хоть пролётку не отпустили, – буркнул я недовольно. – В Москве нам обещали регулярное авиасообщение, а тут какой-то колхоз!

Делать нечего – полтина серебром извозчику, три версты по пыльной дороге. Можно сказать, рядом – до самого Баку вчетверо дальше...

Лавка, а вернее ремонтная мастерская нашлась сразу...

Хозяин, очевидно, разбирался не только в велосипедах – к нашему появлению он как раз заканчивал торг за ремонт диковинной вуатюретки[245], на которой из оригинальных де-

[245] Вуатюретка – автомобиль-микролитражка. Часто упрощённой конструкции.

талей осталась лишь табличка с гордым животноводческим названием «Le Zebre».

– Офицер! – шепнула мне Саша перед тем, как мы по-
дошли. – Посмотри, как голову держит!

Не знаю, что особенного жена увидела в посадке головы, но рабочие галифе и гимнастёрка – пыльные, испятнанные чёрным маслом – сидели на авиаторе, как парадный мундир. Строго по плечам, пуговицы застёгнуты под самое горло, в груди и талии – не больше и не меньше необходимого, высокие сапоги – плотно по ноге. На строгом лице – мягкая и добрая улыбка, хотелось бы такой верить, однако в сочетании с холодным взглядом серых глаз она воспринималась скорее как скрытая угроза, или, по крайней мере, как тайный и непонятный мотив.

Мы поздоровались, представились, перебросились вежливыми фразами о жаре и проблемах поставки нужных для качественного ремонта запчастей, а затем я перешёл к делу.

– Хотелось бы узнать: когда ближайший авиарейс в Тегеран?

– Недели через две, приблизительно[246].

– Ни хрена... Ни хрена себе! – с большим трудом я удержался от мата. – В Москве нам обещали ежедневные авиарейсы!

– В Москве... – произнёс пилот многозначительно и замолчал, чего-то ожидая.

– Вы, случайно, не из Петербурга? – попробовал я развить отношения.

– Случайно.

Ни полусловом больше!

– О билетах, как понимаю, говорить бессмысленно, – констатировал я очевидный факт.

– Дорогих заказов у меня и без вас в достатке.

Намёк дан – пришла пора для последнего, универсального довода. Я быстро вытянул из кармана три двадчатки и зажал их между пальцами.

[246] По всем международным договорённости рейсы в Персию должны были быть ежедневными. Пассажиры тут ни при чём – требовалась быстрая доставка почты. Однако в реальности «за апрель-июнь 1930 г. было совершено восемь рейсов, за время которых перевезено всего 12 пассажиров и 204 кг грузов».

– Нельзя ли ускорить отлёт?

Авиатор не возразил, но и не сделал попытки взять деньги. Я добавил ещё бумажку, потом ещё...

– У вас, молодые люди, паспорта-то хоть есть? – наконец-то проявил интерес к сделке пилот.

– А как же, – полез я в карман. – Всё в полном порядке.

Пилот мазнул взглядом по развёрнутой бумаге.

– Выкупились, значит?

– Значит, – передразнил я манеру пилота.

– Дело хорошее. И виза есть... Польши?!

Вот глазастый гад!

– Получим транзитные, – как можно небрежнее откатил вопрос я. – В конце концов, крюк через Персию совсем небольшой.

– Бумажки у вас имеются, – пилот как-то совсем по-новому оглядел меня. – И те, и другие...

Ненадолго задумался о чём-то своём, затем быстрым, но вместе с тем изящным жестом изъясил баксы из моих пальцев.

– А если без бумажек, – я заглянул в его серые глаза.

– Пятьсот рублей золотом, – пилот выразительно ткнул пальцем вверх. – За каждого.

– Знать бы заранее! – расстроился я. – Столько пустой суеты!

– Не всё так однозначно, – с деньгами к пилоту вернулся дар связной речи. – В Пехлеви наши могут сделать очень многое, причём не спрашивая шахского разрешения. Поэтому ваши паспорта стоят своих денег.

– Постойте, постойте. Какой Пехлеви? Нам нужно попасть в Тегеран!

– Там немцы летают, – отрезал пилот. – Каждый день, как часы.

– Ещё и им платить!

– Других вариантов нет.

– Вылет завтра с утра? – обидно, но качать права – не время и не место.

– Хоть сейчас, – пожал плечами пилот и пояснил. – Машина у меня всегда наготове – только заправить. И лететь-то тут тьфу, четыре сотни вёрст не будет. До заката обязательно успеем с большим запасом.

– Чего же мы тогда ждём?! – обрадовано заторопился я.
– Вас! – на лицо пилота вернулась «добрая» улыбка. –
Езжайте на аэродром, я на мотоциклете всё одно поспею
раньше вас.

Не обманул – когда мы дотряслись на конной тяге до аэро-
порта, самолёт уже стоял рядом с одним из сараев, с откину-
тым вверх и назад жестяным капотом, совсем как автомобиль
перед длинной дорогой. Вадим Титыч и механик в замаслен-
ной спецовке возились с вёдрами – заливали бензин.

Таможенный досмотр? Подписи на документах?
Паспортный контроль?

Ничего подобного!

Увидев нас, пилот небрежно махнул рукой в сторону стоя-
щего на отшибе сортира типа «эм-жо», и пояснил:

– Уборной на борту нашего «Юнкерса» нет[247].

– Мы – уже, – с видом бывалого путешественника возра-
зил я. – Не первый раз летим.

– Тогда залезайте внутрь, располагайтесь, – пилот указал
на дверку, распахнутую прямо над крылом. – На ступеньках,
пожалуйста, осторожнее, там техник масло пролил третьего
дня.

Изнутри «иномарка» более всего походила на люксовый
внедорожник 21-го века. Мягкая кожаная обшивка стен, ква-
дратные окна. Два широких и мягких кресла впереди, роскош-
ный диван сзади. Кабина пилота за перегородкой, сквозь вре-
занное в неё стекло виден штурвал, педали и нехитрые прибо-
ры – аж целых три циферблата.

Ещё немного, ещё чуть-чуть – и всё решится...

Ради на борту нет, пограничное ПВО отсутствует как
класс. Стоит лишь взлететь...

В воздухе никакое ГПУ нас не достанет!

Трудно поверить, этого мгновения я ждал больше года!

И вот, когда оно так близко, не могу унять предатель-
скую дрожь в руках. Пытаясь спасти нервы, я развернул слу-
чайно захваченный из отеля «Красный нефтеперегонщик». Фотографии чумазых передовиков и непонятных железок

[247] Туалет на «Junkers F13» появился только на моделях
1930 года. («F13k»).

меня не впечатлили, а вот длинная передовица зашла чудесно, как вполне качественный гротеск. Добравшись примерно до середины, я не выдержал и даваясь от смеха, зачитал вслух Саше фрагмент:

– Исключительная настойчивость была проявлена правотроцкистскими и эсеровскими вредителями в подрыве кормовой базы животноводства и в создании диспропорции между развитием животноводства и его кормовой базой...

Дальше читали вместе.

Где-то к подробному разбору «значительного сокращения поголовья скота, особенно – конского поголовья» зачихал и тут же зарокотал двигатель.

Простучали шаги по крылу, и вот наш пилот уже запрыгнул на своё место в открытом кокпите. Обернулся, сверкнул консервами очков, помахал нам затянутой в кожаную перчатку рукой и взялся за штурвал.

Ещё минута...

Ура!

Мы в небе!

– Прощай, страна чекистов! – радостно воскликнул я.

– Прощай, Россия... – подозрительно хлюпнула носом Саша.

Каково сейчас ей?!

Впервые, с родины, на чужбину, навсегда!

И не обнять, пока пилот закладывает крутой вираж над Баку...

– Саша, смотри, смотри, – ткнул я пальцем в окно на первую же несуразицу, которая попалась на глаза. – Пирамидки, совсем как египетские, только маленькие!

– Ой, и правда. А что это?

– Не знаю... Хотя погоди! – я тряхнул зажатой в руке газетой. – Мы же летим над городом нефтяников! Буровые вышки, точно, это они! Деревянные! И как много!

– Жаль, что ребята с поезда до Баку не добрались, – посетовала Саша. – Для них тут много работы.

– Чего-чего, а работы в СССР хватит на всех.

Разговор потух...

Саша, не отрываясь, смотрела в окно на проплывающий внизу берег Каспия, я же вдруг почувствовал такую усталость,

что не выдержал – перебрался на задний диван, скинул с него на пол перетянутый опломбированными верёвками мешок с почтой, вытянулся поудобнее, и тут же провалился в сон.

* * *

– Möchten Sie noch ein Bier? – упёрла рядом со мной пухлые руки в бока официантка.

– Ja, klar, natuerlich, – охотно согласился я. – Das Bier hier ist gut.

– Kommt sofort![248]

Кто бы мог подумать, что аэродром Пехлеви – в сущности маленький немецкий анклав?

Персы так боялись пустить в своё небо русских или англичан, что отдали монополию авиаперевозок частной компании «Junkers»[249]. На неё же легла вся инфраструктура – от ангаров до...

До таверн и гостиниц!

Масштаб по меркам будущего столетия смешной, было бы где поесть и заночевать нескольким транзитным пассажирам, однако колбаски, капуста и пиво вполне аутентичны. Жаль, не нашлось семейного двухместного номера – Сашу подселили к какой-то престарелой даме. А вот я задержался в зале – соскучился по простым земным радостям.

– Не возражаете? – стул напротив скрипнул под грузным телом. – Такой тяжёлый день.

Надо же, баварский акцент, совсем как у Марты!

Я поднял глаза от кружки на незнакомца, и тут же отвёл глаза: самый кончик его носа был срезан, соответственно – ноздри вывернуты на всеобщее обозрение.

Как будто читая мои мысли, незнакомец небрежно ткнул пальцем себе в нос.

– Вот так я пороху нюхнул! Ещё в семнадцатом.

Лёгкое отношение к своей внешности враз сняло

[248] *Перевод разговора с немецкого: «Не хотите ли ещё пива?» – «Да, конечно, да, здесь хорошее пиво...». – «Сию минуту!».*

[249] *Монопольное право давалось с 29 января 1929 года и сроком на 5 лет. Скорее всего, его можно было продлить – но из-за депрессии Junkers отказался.*

напряжение. Ну шрам и шрам, эка невидаль после мировой бойни. Пить пиво и портить девок ни капли не мешает.

– Главное – живой! – улыбнулся я в ответ. – А пороху нюхнуть, это как?

– В бою затвор у карабина разорвало. Кого бы другого, так враз насмерть, а меня и покалечить толком не вышло.

Весельчак! Толстый, но при этом быстрый и подвижный. Волосы далеко отступили с высокого лба. Хм, кого же он мне так сильно напоминает? Может быть, полноформатного Дэнни Де Вито? Ещё не седого и дряхлого, а сорокалетнего живчика?

Вот только тонкие чёрные усики...

Нет, никакой он не Де Вито! Вылитый «Алый Свин», или «Porco Rosso» [250], персонаж из аниме моего детства! Даже след от пилотских очков имеется – незагорелая полоса вдоль глаз.

– Если позволите, с меня пиво, – я поднял руку, подзывая официантку. – За знакомство!

– Фриц, – охотно протянул мне руку незнакомец. – Прошу любить и жаловать.

– Хорст, – ответил я крепким рукопожатием. – Хорст Кирхмайер.

Кто его знает, как старый вояка отнесётся к русскому парню?

– У тебя необычный выговор, – тут же перешёл на ты Фриц. – Из России?

– Берхтесгаден, – я рискнул назвать знакомый город. – Мать – русская, да и в СССР пришлось прожить несколько лет. Как раз сегодня прилетели с женой из Баку.

– В Персию по работе?

– Если бы! Насилу ноги от чекистов унесли!

Фриц тряхнул головой, принимая объяснение.

– А я в Мюнхене вырос.

– Красивый город! Земляки, можно сказать.

Быстро разговорились...

Фрица интересовали большевики и Москва, а меня – Тегеран и Багдад. Обсудив новейшие цели советского

[250] *Porco Rosso* – главный персонаж культового японского аниме (1992 год).

Политбюро, которые, если смотреть на прессу, сосредоточились чуть более чем полностью на постройке заводских курятников и выращивании индустриального урожая картофеля, мы перекинулись на женщин. Затем, с новой кружки, свернули обратно на политику.

– Только сейчас сообразил, – вдруг хлопнул себя ладонью по лбу Фриц. – Берхтесгаден – это же совсем рядом с отелем «Zum Turken»!

– Да, хорошее место, – насторожился я.

– А ты случайно герра Гитлера не встречал? Говорят, он часто там гуляет в горах!

– Как-то раз...

Продолжить не успел. Фриц глянул на свою грудь, скривился и резко выскочил из-за стола.

Я уж подумал: «Приспичило в туалет...», – но уже через минуту он плюхнулся обратно, наглаживая пальцем крупный значок, приколотый к клапану кармана рубашки.

Вот же меня угораздило! Бычий глаз!

Чёрная свастика на белом поле, широкий кроваво-красный ободок с надписью «nun erst recht» – «теперь тем более». Член НСДАП, причём как минимум с двадцать пятого года – только тогда, во времена запрета, на партийных значках писали три последних слова из послевоенного гимна Германии.

Nobody's Perfect – никто не идеален!

Анимешный «Poco Rosso», кстати, тоже на фашистов работал, хоть и итальянских. Что до сегодняшней Германии...

Там нацистов хватает, НСДАП – вторая по величине парламентская партия. На прошлых выборах в Рейхстаг за неё голосовали целых два миллиона рабочих, в три или четыре раза больше, чем за коммунистов[251].

Показать бы электорату место, в которое их вождь приведёт страну через каких-то пятнадцать лет!

Хотя показать-то несложно – только дойти до уборной да ткнуть пальцем в зловонную дырку очка. Как сделать так, чтобы в кровавый апокалипсис хоть кто-то поверил?!

– Весной мы с друзьями собирались съездить в «Zum

[251] Самое смешное, что в процентном соотношении рабочих в НСДАП было вдвое больше, чем в КПП. Поэтому КПП часто называли «партией безработных».

Turken», послушать речь герра Гитлера, – начал с места в карьер Фриц. – Да перевели в Персию, так не вовремя!

– Почему не вовремя? – поинтересовался я скорее из вежливости, чем реального желания знать.

– В нашей партии разброд, шатание, я никак не могу по дурацким газетам понять: что же там происходит на самом деле!

– Вот как?!

Неужели моё вмешательство в историю достигло такой величины, что способно развалить НСДАП?![252]

В попытке просчитать причину я на некоторое время выпал из реальности. К счастью, Фриц уже дошёл до той кондиции, в которой от собеседника не требуется ничего, кроме восторженных междометий.

– Штрассер, сволочь, мутит воду в своей «Der Nationale Sozialist»...

Рассказ Фрица сразил меня наповал. Кто бы мог подумать, что в НСДАП имеется свой собственный левый уклон?!

Что герр Штрассер давно и открыто заявляет: «Мы – социалисты. Мы – враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы!».

Что среди нацистов тема коалиции с КПГ муссируется давно, регулярно, и если бы не категорический запрет Коминтерна[253] – кто знает, как повернулось бы дело?

И вот теперь, как раз летом тридцать первого года лидеры НСДАП докатились до настоящего раскола![254]

Что до Фрица...

Честный член партии от крутых виражей kameraden в шоке, он просто не знает, куда ему податься!

После импотентных застольных дебатов в СССР трагедию

[252] Увы, в данном случае события соответствуют реальным.

[253] Кроме Коминтерна, против подобной коалиции категорически возражал А. Гитлер – он категорически настаивал на коалиции с «правыми».

[254] Первой, в августе 1931 года, из НСДАП вышла левая фракция во главе с Ульрихом Ольденбургом, в сентябре 1931 года откололась «Национал-социалистическое боевое содружество Германи» (НСКД, до 10 тысяч участников) Штрассера и Вальтера Стеннеса. В реальной истории успеха данные организации не имели.

маленького человека в большой немецкой политике я разобрал с искренним удовольствием, не возражал, а только поддакивал. Полагаю, что Фрицу давно не попадались столь благодарные слушатели, сверх того – он почему-то записал меня в члены НСДАП!

Излишне говорить, что таверну мы покидали распевая «Einigkeit und Recht und Freiheit»[255], в обнимку, как самые лучшие друзья.

Выспаться толком не удалось...

Ни свет, ни заря на аэродром прикатил местный пограничный клерк. Этот прекрасно разговаривающий по-русски перстцательнейшим образом изучил наши паспорта, переписал в канцелярский талмуд фамилии, в завершение визита – содрал по пять баксов за каждый штамп транзитной визы. Судя по отсутствию квитанций и довольной гримасе, «скрысил» он свою пользу не меньше половины[256].

– Дороговатый сервис, – укоризненно проворчал я.

Клерк в ответ развёл руками, то ли призывая в свидетели своего Бога, то ли намекая на жадность начальства. Последнее, как наиболее правдоподобное, враз отбило моё желание качать права – на память пришли слова Вадим Титыча о больших возможностях большевиков в Пехлеви.

С формальностями покончили как раз к завтраку. Скромный свежий butterbrezel – он же крендель с маслом – под отличный свежесваренный кофе стёр осадочек от мелкой коррупционной пакости, равно как и похмельную муть. В самом деле, мы с Сашей вместе, сыты, здоровы и свободны. Мы вырвались из СССР. Впереди целый мир! Что может быть лучше?

Пухлорукая официантка вежливо дождалась, пока опустеют наши чашки, и выставила прямо на барную стойку

[255] «Единство, закон и свобода» – первая строчка ныне действующего немецкого гимна (с 1952 года), третий куплет «Песни немца» 1841 года.

[256] ГГ слишком хорошо думает об иранских чиновниках. Реальная стоимость транзитной визы, по международным договорённостям того времени, составляла 1 золотой франк, или около 20-ти центов США.

жестяную табличку «Fahrkartenschalter» – «Билетная касса». Выразительно покосилась в нашу сторону – смешной спектакль: со вчерашнего вечера все местные посудомойки, собаки, кошки и даже, верно, ослики у колодезного колеса знают – на утренний рейс «Junkers Luftverkehr Persien» в Тегеран есть двое пассажиров.

Оплата билетов – на что не пойдёшь от скуки? – отдельное действо. Сперва переквалифицировавшаяся в строгую касиршу официантка настойчиво требовала английских фунтов, потом – жаловалась на «никуда не годные доллары». В завершение водрузила на стойку счёты и принялась недовольно щёлкать костяшками, как будто вычислить обменный курс сложнее, чем прикинуть расход топлива ракетой при полёте на Луну.

На самом интересном месте – а именно поиске мультивалютной сдачи – в таверну вкатился Фриц. В широком кожаном реглане и пилотском шлеме со сдвинутыми на лоб очками его схожесть с Porco Rosso возросла до степени смешения. Не с этого ли пилота, в самом деле, пошло то самое одноимённое японское аниме?!

– О! Мой друг! – расплылся Фриц в улыбке, но не успел я толком ответить на рукопожатие, как он перекинулся на Александру. – Фрау Кирхмайер! – тут Фриц на удивление галантно потянулся поцеловать Сашину руку. – Сегодня вы особенно очаровательны!

«Точно, прототип «Porco Rosso!», – констатировал я про себя: тому поросячье рыльце тоже никак не мешало клеиться к фрау и фройляйн – причём не сказать, что совсем безответно!

– Пойдёмте, друзья мои, пойдёмте скорее, – заторопил нас Фриц. – Мой «Wachtel» давно готов, ждём только вас!

Самолёт с гордым именем «Wachtel» – то есть «Перепел» – оказался «Юнкерсом», точной копией того, на котором мы прилетели из Баку. Одно лишь отличие – заднее сиденье снято, кожаная обшивка изорвана до лохмотьев, а весь салон, чуть не до верха, завален мешками с почтой и посылками. Сразу видно, что заслуженная машина, летает каждый день, а не пылится месяцами в ангаре.

Старт прошёл резко: Фриц, не иначе желая покрасоваться перед Александрой, набирал высоту с форсажем. Сам же перелёт – вдоль разбитой гравийки, медленно извивающейся по зажатым между скучных рыжих гор долинам – быстро вогнал меня в дремотное состояние. Не помешала ни тряска, ни крепны в порывах ветра, ни провалы в воздушные ямы.

* * *

Проснулся от толчка при приземлении. Лениво потягиваясь, опустил стекло окна, огляделся по сторонам.

Наперерез подкатывающему на край поля самолёту нагло вырулил чёрный открытый автомобиль – водитель в кожанке и консервах очков, два пассажира-европейца в полувоенной хаки...

– Хьюстон, у нас проблемы...

– Ты про что? – удивилась Саша и, не дождавшись ответа, проследила мой взгляд. – Интересно, что нужно этим типам?

– За почтой спешат, может быть? Или посылкой... – я вложил в ладонь жены «последний шанс», записную книжку с вшитыми внутрь остатками смартфона, паспортом и деньгами 21-го века. – Ты тут пока посиди.

Наличие неотложного груза на борту, конечно, исключать нельзя. Однако для подобного нежданчика существует и другой, куда более страшный мотив...

Я вытащил из кармана пиджака «Браунинг», передёрнул затвор, досылая патрон в ствол, спрятал обратно. Нахлобучил шляпу. Распахнул дверку кабины и полез на крыло. Пошатываясь от нервной дрожи и затёкших в полёте мышц, добрался до кромки, прыгнул на ссохшуюся в бурый камень землю.

Заметив меня, один из приехавших ловко перебросил своё тело через борт автомобиля, и я сделал несколько шагов навстречу, с трудом переставляя налившиеся свинцовой тяжестью ноги.

Рябая рязанская харя не оставляла сомнений – товарищ передо мной наш, советский.

– Какая встреча! – загодя ощерился в ухмылке приехавший. – Алексей! Уж мы тебя искали-искали, искали-искали!

«Уж мы их душили-душили, душили-душили...», – слышалась мне слова булгаковского Шарикова...

Следом в памяти возник пограничный клерк-перс, за ним – выведенные в строчках канцелярского талмуда фамилии. Телеграмма в Москву. Быстрый, ясный и более чем однозначный ответ, отбитый посольским шифром резидентуре в Пехлеви и Тегеран. Отправка группы боевиков на захват...

Хороших вариантов для нас с Сашей тут нет, выбирать придётся между очень плохим и...

Зачем я обманываю себя?

Выбор сделан, выбора больше нет!

Несколько прошлых лет меня занимала одна простая мысль: «Почему миллионы, попавшие под молот сталинских репрессий, не сопротивлялись при арестах?

То есть попросту не отстреливали чекистов, как бешеных собак, из своих законных, а то и наградных наганов?

Ведь огромная часть сгинувших в кровавом тридцать седьмом совсем не хлюпики-интеллигенты, не крестьяне, не зомбированные пропагандой комсомольцы, а прошедшие горнило гражданской бойцы, подпольщики, революционеры, руководители немалого ранга.

Десятки, сотни тысяч опытных взрослых мужиков совершенно точно знали: чем для них закончится ночная поездка в воронку на Лубянку или Шпалерку!».

Пришёл момент истины – я на их месте.

– Хватит ссать в лабутены[257]!

Ладонь легла на рукоятку пистолета, палец нащупал скобу. Не вынимая руки из кармана, так же, как тренировался, я надавил на спусковой крючок.

Бах!

Глаза стоящего против меня чекиста полезли на лоб, рука – за пазуху, к оружию.

Неужели я промазал с трёх метров?

Бах! Бах!

Из шеи противника брызнула кровь, слава Николо Тесла, попал удачно. Хотя целился в живот!

[257] *Обувь от французского дизайнера Кристиана Лубутена.*

Думать некогда, напарник заваливающегося на землю тела уже стоит в машине с наганом в руке. Доворот ствола в кармане...

Выстрел!

Вместо «бах» и обжигающей руку струи газов – под пальцем никчёмный, податливый металлический язычок.

Всё. Поздно...

Чёрный зрачок нагана в руке второго чекиста замер на линии моей груди. Сейчас будет выстрел!

Не в силах смотреть на неотвратимо приближающуюся смерть, я зажмурил глаза.

Бах! Бах! Бах!

Боль, кровь...

Стоп!

Где?

Мучительно, буквально со скрипом, я разодрал веки. Мой несостоявшийся убийца скрылся где-то в глубине кузова машины, поверх борта торчит только судорожно подёргивающаяся нога в щёгольском кожаном сапожке.

Водитель успел выскочить, и теперь дёргал откуда-то из-за сидения карабин.

Чудо?

Потом!

«Браунинг» – вон из кармана!

Передёрнуть...

С двух дрожащих рук – бах!

Бах!

Бах!

Все патроны, сколько там есть в обойме!

Как мимо? Почему водитель всё ещё шевелится? Почему продолжает елозить по капоту машины стволом карабина?

Что делать? Бежать?

Но куда?!

Я беспомощно обернулся. Фриц стоял в открытом кокпите Юнкерса с огромным никелированным револьвером в руке. Прицелился, смешно вытянув руку вперёд...

Ба-бах!

Ствол вражеского карабина задрался в небо, и я бросился вперёд, к врагу – отобрать, отвести, добить...

Зряшний порыв – Фриц стрелял без промаха, угодил точно в лоб.

Подлетела зарёванная Саша.

– Боже мой! У тебя кровь!

– Где?

– Постой, перевяжу!

Не слушая причитаний, я содрал с плеч дымящий полый пиджак.

Пуля скользнула по ребру с левой стороны груди, распоров только кожу и мясо. Боли не было, хотя моя новая, вчера пошитая в Баку сорочка быстро пропитывалась кровью.

Подошёл Фриц, и как обстоятельный и опытный солдат – сразу с бинтом и корпией. Попробовал сделать повязку, отеснив Сашу, но не смог, только фыркнул довольно, оценив вполне профессиональные действия моей супруги:

– Смотрю, у вас большой опыт, фрау Кирхмайер.

– Это что, вот недавно перебитую пулей артерию пришлось ловить... – похвасталась в ответ Саша.

Меня же занимало совсем другое.

– Как я мог промазать?!

– Первая перестрелка? – снисходительно похлопал меня по плечу Фриц. – Ещё не такое бывает.

– Едва не стала последней.

– Пока молодой – быстро зарастёт, да и место раны удачное, – Фриц выразительно подёргал себя за остатки носа. – Считай, что повезло.

– Если бы не ты – нам конец!

– Немцы всегда должны помогать немцам, – слова Фрица прозвучали как очевидная, не требующая пояснения истина. – Тем более эти жидовские морды сами нарвались!

Я покосился на лишённые всякий семитских черт лица убитых, но возражать не стал. Только на всякий случай уточнил:

– Чекисты?

– Тебе виднее, ты им здорово чем-то насолил... Нет-нет, ничего не говори, не хочу знать про ваши шпионские игры!

– Уважаемый Фриц, что нам делать сейчас? – вмешалась Александра.

– Доложим начальнику, – Фриц махнул рукой в сторону суетившихся возле домиков аэропорта людей. – Дело-то

обычное. Налетели бандиты, хотели ограбить почтовый самолёт. Пилот с пассажиром не растерялись, разбойников застрелили. Свидетелей найдём, полицию вызовем.

– Хм... – опешил я от такой невероятной простоты бытия. – Их же опознают!

– Ты документы у мертвяков проверь по-быстрому да забери. Глядишь, так неизвестными и закопают до заката. А поймут, что русские, так беды нет – все обстоятельства против них!

– Моего мужа полиция не арестует да конца расследования? – забеспокоилась Александра, пока я торопливо выворачивал карманы чекистов.

– Разумеется, нет, – в голосе Фрица прорезалось искреннее недоумение. – С какой стати?!

– Паспорта у нас советские... Пока что... – напомнил я, цинично выволакивая за ногу из автомобиля второго чекиста. – Нехорошо, подозрительно. Чего доброго, донесут в советское посольство, а те – по злобе и расстройству – за нашими головами новых ганфайтеров-стрелков пришлют.

– Сильно же ты их обидел!

– Я – не злодей, просто мыслю творчески, – заявил я с самым невинным выражением лица и тут же скривился на перебинтованный бок. – А-а-а-х! Больно-то как!

– Паспорта... Да, серьёзная проблема... – Фриц ненадолго задумался, затем вынес вердикт. – Ты прав, с ребятами из Назмие[258] вам встречаться никак нельзя, у них большевикам сочувствует каждый третий.

Кто бы сомневался!

Оставаться в Персии – тем более в столичном Тегеране – не стоит и лишней минуты...

Я оценивающе попинал по колесу автомобиля.

– Как думаешь: выдержит ли эта колымага дорогу до ближайшей границы?!

– На третьем ухабе развалится, – скептически фыркнул Фриц. – Но! – он залихватски подмигнул Александре. – Для очаровательной фрау и её отчаянного мужа у меня есть специальное предложение... Нашей компанией, кроме прочих,

[258] Шахрбани – ранее называлось Назмие – одна из сил по обеспечению правопорядка в городах Ирана в 1913-1991 годах.

заявлен маршрут по требованию до Мохаммеры[259]. Если вы купите билеты официально, я не смогу вам отказать в немедленном вылете.

– Спасибо! Вы снова нас спасаете! – рассыпалась в благодарностях Саша.

– Второй раз, как из петли, – подтвердил я.

Добрался до убитого водителя, правой рукой, стараясь не тревожить рану, прошёлся по его карманам и лишь затем уточнил:

– Мохаммера... Это вообще где?

– Персидский порт на юге, недалеко от Залива. Там большевики вас искать не станут, а точнее – не смогут: в тех краях без позволения британских нефтяников и собака не гавкнет.

– Порт! Оттуда реально уплыть в Европу?!

– Или Америку, – улыбнулся Фриц и тут же нахмурится. – Нужно поспешить, лететь восемьсот километров. Не шутка – мне на подмену потребуется второй пилот[260]. Свечи заменить, добавить масла. Взять запчасти, поставить дополнительный бак... Ты документы все достал?

– Нет у них ни черта! – я помахал в воздухе жидким пучком из мелких купюр и несерьёзных на вид бумажек на фарси. – Может, и впрямь бандиты?

– Тем лучше! Идём, пока за нами спасательную экспедицию не снарядили!

* * *

На посадку в Мохаммере наш борт зашёл в сумерках, уже после захода солнца...

Шесть часов мы с Сашей провели в воздухе на мешках с почтой, всего с одной технической остановкой на каком-то пастбище.

Шесть часов раздирающей раненый бок болтанки, жары, невыносимой бензиновой вони от установленной на место

[259] *Mohammerah* – сейчас *Khorramshahr*, *Хорремшехр* – город и порт на юго-западе Ирана. Самолёты «*Junkers Luftverkehr Persien*» летали туда «по требованию».

[260] Штурвал в данном «Юнкерсе» всего один, но никто не мешал пилотам для отдыха меняться местами прямо в полёте.

передних кресел бочки. Без еды и почти без воды – туалетом авиаконструкторы не озаботились.

Шесть часов свободы и счастья в объятиях друг друга...

После неплохо оборудованных Пехлеви и Тегерана аэродром Мохаммера поразил меня запустением. По большому счёту, на краю огромного, покрытого редкими клочьями жухлой травы поля не оказалось ничего, кроме выцветшей вывески и нескольких дощатых сараев.

При виде моего недоумения Фриц смущённо пояснил:

– Пока американцы строили трансперсидскую железную дорогу, мы сюда по два раза на дню летали. Были и комнаты, и пивнушка – не хуже, чем в столице.

– Конкуренты запустили «железку»[261], – попробовал догадаться я. – Теперь все поездом катаются.

– Если бы, – смущение нашего пилота перетекло в презрительную гримасу. – Куда «амии» до нас, до немцев!

– Ого! Неужели заокеанские инженеры спасовали перед персидскими горами?!

– Бракоделы и халтурщики! – взорвался негодованием Фриц. – Уложили в насыпь вместо камней и гравия песок, вот её по весне дожди и размывы. И надо же было как раз в этот момент шаху с инспекцией прикатить. Состав сошёл с рельсов, да так ловко, что его две недели вытащить из грязи не могли. Персы после такого конфуза погнали «ами» пинками прочь. А толку с того? Денег на достройку нет. Теперь судятся за неустойки, работа стоит, рельсы ржавеют. Почту же нам выгоднее через Бушир возить, так хоть и в половину дальше, зато Исфаган и Шираз по пути.

– Бывает, – без особой искренности посочувствовал я, транспортная логистика местных авиаторов меня волновала слабо. – Отель, выходит, вывезли за ненадобностью...

– Остатки местные подчистую растащили зимой, – вмешался в нашу беседу второй пилот. – Так что мы заночуем прямо тут, в ангаре. А вам лучше бы поспешить, пока совсем не стемнело.

– До порта сегодня уже не доберётесь, – подтвердил слова напарника Фриц. – Там... – он махнул рукой. – По дороге,

[261] Трансиранская железная дорога была достроена только в 1939 году.

километрах в двух, будет что-то навроде караван-сарая. В нём можно остановиться.

– Как мне вас благодарить за спасение?! – я рывком вытащил из кармана десяток купюр. – Пожалуйста, возьмите!

– Не надо, – резко отвёл мою руку Фриц. – Вам нужнее.

Мне осталось лишь отсалютовать коротким поклоном.

– В темноте лучше видно светлых людей.

А Саша вдруг подскочила к Фрицу и расцеловала его обветренные щёки.

– Спасибо! Спасибо за всё!

И ведь не возразишь...

Чёртов Porco Rosso!

До персидской пародии на мотель мы доковыляли уже при свете звёзд...

Хозяева, завидев американские доллары, приняли нас неласково, а может, у них действительно оказались заняты все цивилизованные номера. Так или иначе, но ночевать пришлось на вытертой кошме, брошенной на земляной пол глинобитной мазанки.

Жёстко, голодно, холодно...

По тёмным углам шевелятся какие-то твари: мыши, пауки или тараканы – узнать точнее у меня не достало ни сил, ни желания. Ко всему прочему рана, которую после самолётной тряски пришлось кое-как перемотать, кровила и пульсировала нехорошей болью.

Бесконечный безумный день добрался до границы-полуночи – мы всё же вырвались из смертельной передраги.

Чудо? Везение?

Очередная игра высших сил, закинувших меня в прошлое? Милость Богородицы, заступничества которой Александра просила в бакинском соборе?

Случай, пославший нам Фрица и его большой револьвер?

И самое важное: как избежать подобных эксцессов в будущем?

Вот, например, чего стоило попросить пилота посадить нас где-нибудь на дороге, недалеко от Тегерана? Следовало ли заранее, ещё в Москве, позаботиться о серьёзном оружии, патронах, специальной подмышечной кобуре?

Или порочна сама идея использования самолёта для побега из страны?

Не выдержал, поделился размышлениями с прильнувшей в нестрелянному боку женой. Вместе мы быстро добрались до точки бифуркации, а именно – наших фамилий в канцелярской книге...

Подумать только: если бы я вовремя всунул купюру в лапу чиновника из Пехлеви...

Мы бы сейчас спокойно дрыхли в Тегеранском отеле – в ожидании утреннего авиарейса на Багдад. Три чекиста – живые и весёлые! – глушили бы в кабаке водку и лапали официанток. А мой бок – не терзала боль!

Как дёшево решить проблему вовремя. Как дорого она может обойтись потом. С этой, далеко не оригинальной мыслью я провалился в сон, больше напоминавший болезненное забытьё...

Утро не принесло облегчения. К усталости добавились жар, ломота в суставах и – как icing on the cake[262] – непонятная слабость. В аренде средства передвижения хозяева караван-сарая отказали, да ещё в грубой форме, пришлось тащиться по душной жаре пешком.

Несколько километров до города я одолел с трудом, то и дело опираясь на тонкую, но сильную руку Александры. Очевидно, мне требовался врач, но ещё больше мне хотелось обратиться из ставшей немилрой Персии...

Порт за маленькими одноэтажными домиками открылся неожиданно. Я ожидал найти его на берегу моря, но оказалось – причалы расставлены вдоль русла реки. Самый крупный терминал, ниже по течению, отведён под лоснящиеся нефтяными разводами танкеры. У среднего, грузового, пришвартованы четыре многоцелевых трампа. Пассажирский – пуст, если не считать за корабли мелкие каботажные скорлупки.

– Последний бой, – попробовал пошутить я. – Он трудный самый.

– Дотерпишь до офиса пассажирского порта? – Саша с

[262] Глазурь на торте. (англ.). Здесь – идиома: «как последний штрих».

беспокойством оглядела моё залитое потом лицо. – Узнаем маршруты, расписание... Или сразу в госпиталь?

– Фриц говорил, отсюда проще всего выбраться на грузовом пароходе.

– До них ещё идти и идти.

В ответ я скорчил пафосную гримасу.

– Ни одной лишней секунды на земле продавшейся большевикам Персии!

– Сперва ты покажешься доктору!

– Хорошо, – сдался я. – Сначала узнаем: куда и когда направляются те красавчики... – я кивнул в сторону трампов. – И сразу – в больничку.

Повезло по закону подлости с четвёртым, самым дальним плавучим железным амбаром. На вопль – «hi, guys, where are you going?»[263] – я получил ответ, на который уже не надеялся: «Константинополь, сэр!».

Помощник капитана – боцман или суперкарго, чёрт их разберёт – озвучил на удивление вменяемую цену:

– Тридцать паундов за каюту, еда и вода – своя, или как договоритесь с коком», – на просьбу показать, где, собственно, нам предстоит обитать, он ткнул пальцем. – Там.

Затем, очевидно отнеся нас к заслуживающему доверия сорту людей, вытащил из ящика стола ключ, мол, номер пять свободен, сходите, посмотрите...

Ошибиться невозможно. Прямо посередине палубы, резко отличаясь от запущенных, но всё же добротных надстроек судна стоял набранный из грязно-белых досок балок, примерно такой, как ставят на стройках. Судя по количеству дверей и окон – кают эдак на шесть или восемь. Изнутри – две затянутые в дерматин койки одна над другой, длинный основательный стол, шкафчик, окно.

Строго, бедно, относительно чисто.

А главное – безопасно.

Осознание последнего факта как будто выдернуло из меня стержень. Не в силах стоять на ногах, я попробовал присесть, но вместо этого – позорно завалился прямо на пол.

«Неудобно вышло...», – мелькнула и тут же погасла мысль...

[263] Привет, ребята, куда вы идёте? (англ.).

В себя я пришёл от резкой боли в раненном боку...

Надо мной, с окровавленным ножом в руке нависал пожилой господин с роскошными седыми бакенбардами, из-за его плеча выглядывало испуганное лицо Александры. При виде моих распахнутых глаз господин вытянул откуда-то из-за спины бутылку с мутной коричневой жижей и протянул мне со словами:

– Держаться! Допивать!

Я взял, послушно глотнул. Горло обожгло – градусов семьдесят.

– Ещё! – потребовал господин.

Я повторил, пошло легче. Третий глоток вообще хорошо, четвёртый...

– Хватит, хватит! – забеспокоился господин. – И куда в тебя лезет! – он вывернул бутылку из моих пальцев, я попробовал протестовать, но не смог, волна неодолимой слабости и безразличия кинула меня в новое беспмятство...

Кажется, сумрачное состояние не было постоянным. Я то и дело чувствовал, что меня тормозат, о чём-то спрашивают, копаются в ране, пытаются залить что-то в рот или, наоборот, дёргают замокшие тряпки из-под задницы. Однако все эти пертурбации шли сами по себе, полностью в стороне от сознания – как будто в бесконечном страшном сне.

Обратно в реальность я выплывал медленно...

Немудрящая обстановка каюты проступала из серой хмури буквально пиксел за пикселем, начиная с яркого пятна окна и заканчивая роскошной паутиной на грязном потолке. Но даже после обретения чёткости мир не прекратил неторопливую раскачку. Пытаясь привести вестибулярный аппарат в порядок, я осторожно пошевелил ногами, затем попытался приподняться на локте, но рука подвернулась, и я едва не скатился с койки. Хотел выругаться, но вместо слов смог выдать невнятный сип:

– С-с-с-сьорт!

– Лёшенька! – шею обвили знакомые ласковые руки, торопливые поцелуи прошлись по губам, щекам, глазам. – Очнулся! Живой! Мистер Брэнсон! Ричард! Алекс наконец-то пришёл в себя! Какая радость!

– Потрясающе! – послышалось откуда-то из-за переборки.
– Подождите минутку, я уже иду к вам!

– П-п-пить, – попросил я, кое-как проворачивая непослушный язык.

– Сейчас!

У моего рта мгновенно материализовалась огромная жестяная кружка, в нос шибанул густой запах куриного бульона.

– Пей, пей, свежий, часа не прошло, как отварила, – голос Саши то и дело прерывался подозрительными всхлипами. – Весь пей, ещё приготовлю!

– Ну что ты, не плачь! – я зарыл непослушные пальцы в волосы жены. – Свалился в обморок с недосыпа, подумаешь, эка невидаль!

В каюту после короткого стука ворвался уже виденный мной господин с бакенбардами, судя по всему, тот самый Ричард.

Шмякнул на стол звякнувший металлом саквояж, водрузил на нос вытащенное из жилетного кармана пенсне и только после этого поздоровался.

– Я рад видеть вас живым, вы – счастливчик!

– Не за что, – машинально ответил я и сразу переключился на самое важное. – Неужели мы покинули эту грёбаную страну?

– Неделя минула! – вмешалась Саша. – Утром вошли в Красное море.

– Так вот почему меня так трясёт и качает, – наконец-то сориентировался я. – И стук машины слышен, и плеск... Как я сразу внимания не обратил?!

– Сегодня ветер, правда, не сильный, зато в борт.

– Красное море, значит? Кораллы... Рыбки... Оллклюзив... – невольно улыбнулся я своим воспоминаниям. – Как там моя рана?

– Она загноилась, – подозрительно серьёзно ответил Ричард. – Вы нас серьёзно напугали!

– Извините, не хотел, – пошутил я, но, поймав укоризненный взгляд Саши, сразу поправился. – Спасибо вам, доктор!

– Не за что благодарить, – отмахнулся тот. – Я ведь – не настоящий доктор, я – всего лишь зубной врач. Бор-машина, клещи, несколько зажимов – вот всё, с чем я умею работать...

– Вы – лучший доктор в мире! – пылко прервала его Саша.
– Вы спасли Алекса!

– Право, не стоит преувеличивать мои заслуги, – смутился Ричард. – Вы сами бы справились, я видел, как вы уверенно работаете с бинтом и скальпелем.

– Простите, – физиология настойчиво звала меня прогуляться. – Можно мне встать?

– Вреда не будет, только будьте очень осторожны, – включил строгий врачебный голос Ричард. – Мы с Александрой поможем.

Первые шаги дались мне тяжело. Однако уже ближе к вечеру я сносно передвигался без посторонней помощи. Лучшим лекарством стал солёный запах моря и вид далёких рыжих скал.

Всё, как когда-то, в далёком 21-ом веке...

Пляжный бар Шарм-Эль-Шейха, первый в жизни алкогольный коктейль под присмотром родителей, и огромный телевизор, на котором две вмазанные девчонки с криками «нас не догонят» несутся по снежной дороге верхом на безумном, горящем грузовике. Знать бы где оно сейчас, моё далёкое беззаботное будущее...

Про настоящее куда важнее знать иное: Саша не оплошала – вовремя, к тому же до безобразия дёшево подкупила портового клерка. Печать в паспорте есть, а вот записи в канцелярской книге нет. Если мы не наделаем глупостей – никакие чекисты никогда нас не вычислят. Удача по-прежнему с нами...

Даже излишне болтливых пассажиров – и тех на борту трампа не оказалось, если не считать Ричарда и его молодой жены, красавицы-персиянки. Поэтому самым страшным нашим врагом стала жара и скука. Целыми днями мы сидели у борта в раскладных брезентовых креслах, в тени растянутого поверх кают и палубы тента, потягивали кислое, безжалостно разбавленное водой вино, жевали лепёшки, фрукты, жилистую курятину, и конечно, болтали обо всём на свете.

Свой историю наш доктор не скрывал: в двадцать пять лет он поссорился с родителями и не придумал ничего лучше, как совместить полезное с приятным – смыться из дома на повышение квалификации среди лучших в мире немецких

врачей. В Европу он появился как раз в четырнадцатом, к началу Великой войны. Водоворот событий закружил, завертел Ричарда по городам и континентам – от Мадрида и Кейптауна до Мельбурна и Сингапура. Вот только в отличие от описанных Булгаковым в «Беге» недозрелых имперских интеллигентов и генералов, ему не приходило в голову долгими тропическими ночами вздыхать о «родных спрингфилдовских берёзках». Хороший зубной врач нужен всем, всегда и везде – Ричард не бедствовал нигде. Миллионов не заработал, однако приличный капитал скопил. Сумму он не озвучил, но как-то обмолвился, мол, хватит с женой и на сытую старость, и детей в люди вывести...

В ответ мне пришлось выложить выдуманную, то есть официальную историю. А чтобы Ричард не сильно интересовался далёким прошлым, я нажимал на описание зубо-врачебной бормашины, «придуманной» инженерами нашего «Электроставрограда» специально для вождей мирового пролетариата. Благо, что принцип работы обычного для 21-го века турбинного наконечника[264] мне – как и всякому любознательному подростку – объяснили при лечении первого же кариеса. Приёмы же работы и обстановка стоматологического кабинета врезались в память без дополнительной помощи.

Ричард выпытывал у меня подробности несколько дней, до самого Суэца.

Я не отказывал, напротив – выдавал идеи и рисунки с энтузиазмом, точно так же, как недавно в Москве помогал Сергею Королёву. Ведь хорошие зубы нужны человечеству ничуть не меньше, чем ракеты.

Доброе дело не осталось безнаказанным. В порту греческих Салоник, перед финишным рывком в Константинополь наш трамп на целый день встал к причалу по своим каботажным делам. Пока команда развлекалась такелажными работами, а кок закупал свежие продукты, Ричард успел добраться до остановившегося неподалёку советского парохода и закупить у капитана огромную кипу газет.

У нас с Сашей случился праздник – прошлые три недели пролетели без единой новости из СССР. Это не учитывая

[264] Первая стоматологическая бормашина с турбинным наконечником появилась в серии в 1957 году.

того, что весь месяц перед отъездом – разрываясь между работой, доведением до ума изобретений и оформлением паспортов – я физически не успевал следить за прессой.

Развлечения хватило до самых Дарданелл...

Нельзя сказать, что в страницах большевистских изданий появились какие-то свежие идеи, скорее, наоборот – прошло серьёзное углубление наметившегося ранее тренда. Редакторы и цензоры настойчиво и аккуратно гнали из медийного поля всякую политику. Центральные полосы посвящались исключительно достижениям народного хозяйства. Не без лукавства, как водится. Крестьян, как класс, предпочитали просто не замечать. Вместо них о модных подсобных птичниках

отчитывались московские гиганты индустрии. Питерские пролетарии строили коровники, а харьковские – свинарники. Донецкие шахтёры и металлурги напирали на выращивание кукурузы по новейшим заокеанским технологиям. Судя по бодрому тону и оптимизму, изголодавшийся народные массы встречали новую политику партии с неподдельным восторгом.

Витоге, из всех газет я сумел выжать только одну новую стратегическую программу с кодовым названием «Жильё-1935». Лозунг к ней прилагался простейший – «Каждой семье – отдельную комнату». К вопросу конструкции «человейников» большевики подошли крайне просто, вернее сказать – индустриально. «Истинным хозяевам» огромной страны предлагался один-единственный тип дома, точнее – комплекс из трёх фанерно-каркасно-керамзитных двухэтажных домов, соединённых посередине крытыми галереями. Крайние здания отводились под сто шестьдесят больших жилых комнат, центральное – под столовую, кухню, котельную, туалеты, душевые, прачечную, детский сад и прочие ясли.

Эдакая суперкоммуналка – большой шаг назад и в сторону от нормального городского жилья. Но с другой стороны – по сравнению с деревенской избой – комфортабельный рай.

Представить, каково жить в подобной суперобщаге, я не успел.

– Посмотри! – вдруг подсунула мне разворот «Литературки» Александра.

Голос её подозрительно дрожал, поэтому я сначала отставил на палубу стакан с вином и лишь затем взял в руки газету.

– Ба! Да это фото нашего «Электрозавода», – обрадовался я знакомому фасаду на фотографии. – Никак собрали рекордный урожай картошки?

– Ты читай!

– Герои среди нас... – начал я вслух с заголовка. – Нет, не про картошку, больше смахивает на перевыполнение квартального плана.

– Ниже, – снова поторопила меня супруга.

– Мне довелось хорошо знать Алексея... – выхватил я фразу из первого абзаца. – Он всегда вёл своих товарищей вперёд, к новым трудовым свершениям и победам. Он никогда не останавливался перед трудностями, как и положено настоящему

коммунисту. – Что?! Откуда там моя фамилия?! Они там что, все дружно «рыковкой» ужрались?!

– Ещё ниже!

– Оказал неоценимую помощь в изобретении нового сорта трансформаторной стали, который назван «Алексий» в честь его имени, согласно единогласному решению трудового коллектива... – выхватил я следующее предложение из текста. – Был очень скромным, мы и подумать не могли, что по ночам он пишет роман о светлом коммунистическом будущем... Очень удивились, когда узнали о решении Алексея уехать с женой за границу, но всё стало ясно, когда мы узнали о его секретном правительственном задании...

– Кокаин... Лучший в мире, колумбийский, от Пабло Эскобара...

Александра бесцеремонна перевернула газету и ткнула в фото на обороте.

– Тебе он никого не напоминает?

– Красный уголок, наш, цеховой... А вот бюста там не было. Погоди!

– Да-да. Твоё лицо, не сомневайся.

– Бл...ть!

– Поздравляю, – ехидно хмыкнула Саша. – Тебя, кстати, наградили Орденом Красной Звезды. Посмертно.

– Посмертно? За что?!

– За героизм, проявленный в ходе выполнении задания коммунистической партии. Иначе у нас не бывает.

– When I am dead, I hope it may be said: «His sins were scarlet, But his books were read» [265], – продекламировал я заученную ещё в камере «Шпалерки» благоглупость.

– Доктора не позвать? – вкрадчиво поинтересовалась в ответ Саша.

– Доктора не надо, а вот его дьявольская бормотуха нам явно не помешает.

– Ром у него – в заначке, когда тебя резал, мне на два пальца налил. Хороший, барбадосский, сладкий такой.

– Попроси стаканчик? Побольше... Пожалуйста!

[265] *«Когда я умру, надеюсь, будут произнесены такие слова: «Он был великим грешником, но прекрасным писателем». (англ.) – из «Завещание писателя» Хилэра Бэллока, 1925 год.*

В моих словах было больше шутки, чем реального желания нажраться, однако Саша приняла просьбу на полном серьёзе. Отправилась в каюту к дрыхнувшему после обеда Ричарду и скоро вернулась с початой бутылкой.

А ближе к ночи, с помощью ричардовского *giggle juice*[266], буйной фантазии и разбросанных по тексту газетной статьи намёков мы восстановили полную картину «наказания невиновных и награждения непричастных»...

Пока я высунувши язык бегал с оформлением загранпаспорта, Бабель таки издал отредактированного мной Хайнлайна. Свежеотпечатанная книга незамедлительно, через Кольцова, попала кому-то из кремлёвских небожителей. Скорее всего – к Бухарину, но нельзя исключать Рыкова или самого Сырцова. Главное, текст вождю...

Понравился!

Так сильно понравился, что с олимпа Политбюро покатился категорический императив: автора во что бы то ни стало найти и наградить.

Из-за такой накладки остаётся только гадать: по какой-токой причине за нами установили слежку на Октябрьском вокзале.

Виноват ли в этом донос злодея-профорга, как я полагал ранее? Или у дуболомов из ГПУ не хватило интеллекта выделить из начальственного окрика «найти и наградить» последнее, а не первое слово?

А может, боевики тегеранской резидентуры собирались всего лишь предложить мне вернуться в СССР – как уважаемому и популярному писателю?

Хотя в последнее поверить совершенно невозможно: клетка нас ждала в любом случае. Стальная или золотая – неважно, тщательная проверка прошлого неизбежно закончилась бы расстрельным подвалом.

Успешный побег субъектов поиска из Тегерана поставил органы в совершенно идиотское положение. Автор так понравившейся вождю партии книги – как принято писать в советских газетах – «раскрыл своё гнилое нутро». Оказался «контриком» с поддельными документами, жестоким убийцей, а

[266] *Бодрящий сок. (англ.).*

самое страшное – ренегатом, с потрохами продавшимся лживой западной демократии. Впору честно доложить «обнаруженные следствием факты»...

Да вот беда – настолько смелых чекистов попросту не нашлось. Зато товарищам достало фантазии на фабрикацию фейка. Меня задним числом зачислили в аппарат ГПУ, отправили на сказочное персидское спецзадание, а обретя великий подвиг, по результату – представили к правительственной награде. Для особой пикантности и достоверности выбили из актива «Электрозавода» признание трудовых заслуг. Причём выданная мне партийная рекомендация оказалась для фальсификаторов настоящим джек-потом.

Заграничной же агентуре спустили указание: любой ценой найти и уничтожить преступника с документами погибшего пролетарского писателя.

Мёртвый герой удобнее живого.

Мы не станем разочаровывать комбинаторов. Умереть на бумаге – совсем не страшно.

– Bitte! – то ли поторопил, то ли поприветствовал меня усталый конторщик.

– Guten Tag, – я поспешно протянул ему аусвайс – серую, сложенную вдвое бумагу с фотографией и многочисленными идиотскими печатями.

Конторщик ткнул испачканным в чернилах ногтем в фамилию, подтянул уползшие к локтям нарукавники и направился к занимающей всю стену картотеке. Будет минут пять шариться по ящикам, а если письма до востребования для меня существуют – пойдёт за ними куда-то за дверь, надо понимать – на склад.

Откроем шкаф со старым скелетом...

Два года, целых два года, а в памяти – как вчера...

Прощальная ночь в Киле, сбитые в страсти простыни, жаркий шёпот Марты: «Я буду каждый день писать тебе...», – моё лукавое, скреплённое объятиями и поцелуями согласие. – «Как доберусь до почты – тотчас отвечу...».

Не сложилось...

Подготовка к покушению на Сталина закрутила меня по Европе, как канзасский ураган – домик баумовской Дороти, [267] вырваться в почтовое отделение С14 на берлинскую Дрезденер-штрассе я не успел. Точнее – если не врать самому себе – не захотел. Не видел ни малейшего смысла строить сердечные планы, когда Троцкий даёт всего лишь один шанс из трёх за наше с Блюмкиным благополучное возвращение из СССР. Мрачный прогноз, однако поразительно верный: после успешного теракта застрелен как он сам, так и Блюмкин, то есть из троих подельников – остался я один.

Повезло, можно сказать...

Дважды «погиб» в бою, от белогвардейцев получил монумент на могилу, от большевиков – посмертный орден. При этом жив, здоров, ещё и отдохнул совсем как на курорте...

Хотя слово «как» – тут неуместно. Турция летом – пусть даже в 1931-ом – и есть самый настоящий курорт. Конечно, не светские Канны, тем более – не сияющий огнями

[267] ГГ имеет в виду книгу «Удивительный волшебник из страны Оз» (1900 год), написанную Фрэнком Баумом,

колоссальных отелей оллкюзив 21-го века. Просто ленивая, сытая, спокойная страна – особенно если не забредать в трущобы. Днём мы валялись на пляжах Принкипо, брызгались в ласковом Мраморном море, пили вино и «львиное молоко»[268] в местных ресторанчиках. По вечерам, когда спадала жара, Александра таскала меня по променаду, освоившись там с последними веяниями моды – учинила набег на бутики и лавчонки Константинополя. Шок и трепет – после тотального советского дефицита любящему мужу нелегко выжить в городе доступного изобилия.

Тогда же, легко и без проволочек разрешился вопрос с документами. Свои, на имя Хорста Кирхмайера, я просто-напросто выкопал из тайника во дворе дома, в котором Лев Троцкий держал оборону против боевиков Сырцова – теперь там небольшой частный музей. Было смешно увидеть в числе экспонатов стол, за которым когда-то ужинал, стул, на котором сидел. Мороз продрал по коже при виде избитых пулями стен и ступеней лестницы на второй этаж. Витрина же с бумагами откровенно напугала – там, под стеклом, на самом видном месте лежал накиданный когда-то мной эскиз мины и пояснения к нему.

Шутки в сторону: образец почерка на такой улике – достаточный повод навсегда прекратить писать по-русски.

Александрю удалось легализовать вполне официальным путём. Мы с ней заявили в германское консульство с жалостливым рассказом об украденных на рынке документах. Я размахивал своим рейхпаспортом с фейковой въездной визой, аусвайсом и магистратским брачным контрактом, Саша интеллигентно промокала платочком уголки глаз – обычное дело для любой эпохи.

Моего свидетельства оказалось вполне достаточно – клерк без лишних вопросов содрал штраф за утерю и выписал временный проездной документ.

При всей внешней неказистости – его вполне хватило для пересечения транзитных границ, таким образом, до Берлина мы доехали с полным комфортом.

[268] Раки – упрощённо говоря, настоящий на анисовых зёрнах инжирный, сливовый или финиковый самогон. Обычно пьётся разбавленным водой.

Скрип несмазанной петли оборвал воспоминания.

В руках вышедшего со склада конторщика – неотвратимая, как смертный приговор – охапка писем. Ещё три шага, и будет поздно...

Прочь, прочь наваждение!

Побывать на краю света и тьмы, пройти через тюрьму, лагерь, множество смертельных переделок, а тут...

Мои руки сами собой вцепились в перила, давая мальчишеское желание сбежать, спрятаться за незнанием от вороха непривычных полусемейных проблем.

Нельзя терять лицо перед самим собой.

Отыгрывать обязательства перед Мартой придётся до конца...

Я стоически принял под счёт письма, сдул пыль с американских штемпелей.

Расплатился за хранение и позволил конторщику стянуть все конверты шпагатом в аккуратную пачку. Затем – пошёл искать тихое место.

Свободная от мамашек с колясками скамья нашлась неподалёку, в Беклер-парке...

Не меньше четверти часа я вдумчиво раскладывал конверты по датам.

Первые три, самые пухлые – наверняка с борта трансатлантического «Альберта Баллина», там прощупывается множество листов и ворох чувств.

Последнее, от июля прошлого года – совсем тонкое. Нью-Йоркский почтмейстер погасил марку как раз в день уничтожения Сталина и рождения Нового мира.

Читать переписку с начала или с конца?

Странный вопрос!

Я поднял июльский конверт и надорвал его, торопливо дёрнув край.

Кружась, как осенний лист, на колени скользнула фотография. Моя Марта.

Она ещё больше округлилась бюстом, то есть, согласно

местным стереотипам, расцвела. Хотя осталась прежнему красива, этого не отнять.

На обороте скупые, ломающиеся строчки:

«Верю, ты не сгинул в своей холодной России. Я люблю тебя, но я вышла замуж. Прости. Завтра мы уезжаем в Хьюстон.

Р. С. Нашего сына я назвала Алексом».

Сердце кольнула ревность и зависть. Кольнула резко, больно, но и только – чего-то подобного я всегда боялся и ждал. Уже не моя Марта – неимоверно практичная девочка – она всё решила сама, за себя, за меня, за сына...

Щедрый прощальный подарок. Запутанный клубок житейских проблем развернулся в удобную для сматывания нить.

Разложенный на скамье пасьянс потерял всякий смысл. Было бы здорово устроиться у камина, в глубоком мягком кресле со стаканчиком в руке и неторопливо, по одному кидать в жадное пламя письма. Пить сладкий ром и смотреть, как рассыпаются в пепле ставшие ненужными мечты, чувства, желания...

Жаль, нет в нашей арендованной квартирке камина, да и Александра, верно, не оценит мою ностальгию.

Быстрыми движениями я сгрёб конверты в стопку, обвязал, надёжно – крест-накрест. Подобрал булыжник, подсунил его под шпагат. До Ландвер-канала всего несколько шагов, миг – и тяжкий груз двух прошедших лет летит в глубину. Вода смывает с бумаги чернила, растворит их в себе, вынесет в безбрежный мировой океан.

И когда-нибудь их ничтожная частичка, верно, найдёт Марту в далёком Хьюстоне.

Приподнял шляпу, культурно промокнул платком заливший лоб пот. Вроде сентябрь, жары уж нет в помине, и работа не тяжёлая, однако в Хельсинки, на разгрузке баркасов с сахаром я уставал куда как меньше!

«Ничего...», – напомнил я себе. – «От Старого мира осталось немного...».

Вернулся к брошенной на скамье фотографии, вгляделся, стараясь запомнить облик той, кого, наверное, когда-то любил.

Кто красивее – Марта или Саша?

Глупый детский вопрос, хотя...

А ведь они чем-то похожи!

Сменить причёску, подправить макияжем разрез глаз, сделать попухлее губы...

Нет, вблизи не спутать, а вот издали – вполне.

А если на маленькой фотографии?

– Бл...ть! – выматерился я на весь парк.

Кто в замшелом мюнхенском паспортном столе будет сличать изображение с оригиналом?! Много ли деталей можно рассмотреть на подклеенном в личное дело выцветшем трёхсантиметровом кусочке картона?

Если заявиться к клерку под вечер, в пасмурный день, а ещё и улыбаться пошире, готов ставить сто против одного – Саша без труда получит чужой аусвайс, а чуть погодя – загранпаспорт.

Марта ушла – да здравствует Марта!

До снятой на Дублинер-штрассе квартиры я решил добираться без спешки, пешком. Не из желания оттянуть объяснения – своих приключений в Германии я от жены никогда не скрывал – скорее, мне хотелось до конца разобраться в собственных чувствах. Благо, затянуть прогулку в Берлине несложно: пока нашёл половинную[269] бутылочку приглянувшегося Саше итальянского «Recioto», пока выбрал годный треугольник сыра, пока дождался от кондитера свежей выпечки абрикосовых пирожных – день склонился к вечеру...

Нужный дом открылся в просветах рано пожелтевших листьев Английского парка...

Уже неделю мы с Сашей в нём бытуем, а всё равно: сколько вижу – столько удивляюсь, вспоминаю престижные новостройки России нулевых. Четыре высоких этажа под плоской крышей, добротный красный кирпич стен, глубокие угловые лоджии и смелые выступы балконов подчёркнуты широкими полосами белого и синего гипса.

Самая маленькая квартира – полуторка, площадью сорок квадратных метров, если считать с кухней и ванной. В подвале – общая прачечная, в закрытом дворе – оборудована

[269] Подобные сладкие вина в то время часто разливались в небольшие бутылочки по 375 миллилитров.

недурная детская площадка с качелями, горками и «лазалками». Сложно поверить, что проект застройки микрорайона разработан аж до Великой войны.

Место не дешёвое, пусть не центр, зато недалеко от метро, всего несколько кварталов от станции Сиштрассе, конечной, следующей за Леопольдплац. При этом считается левым в политическом смысле – в основном тут живут профсоюзные функционеры и высококвалифицированные рабочие.

Соседи подсмеиваются сами над собой, называют квартал «красным Бонзенбургом», однако жилистая рука Великой Депрессии дотянулась с противоположной стороны Атлантики – летом цены аренды обвалились чуть не вдвое. Мы сняли целую двушку за весьма умеренные шестьдесят марок в месяц[270].

- Почему так долго! – напустилась на меня с порога Саша.
- Вот, – я протянул ей извинительный пакет с продуктами.
- Забежал в магазин по дороге.
- Ой, сладенькое, спасибо! – при виде знакомой этикетки жена мигом отбросила праведный гнев и потянулась к моим губам с коротким поцелуем.
- Там пирожные, не подави!
- Да они ещё тёплые!
- Абрикосовые, как ты люб...
- Вкусные, да?! – не дослушала, а в интонации не вопрос, а целый вотум недоверия.

Если муж, в кои-то веки, без подсказок и просьб позаботился о десерте – он наверняка виновен. Остаётся лишь установить в чём именно, а заодно – определить меру наказания. В случае сопротивления – применить ласковые пытки, в крайнем случае – оставить без ужина.

- Марта выскочила замуж в штатах, – не стал запыраться я. – Свалила из Нью-Йорка в Хьюстон.
- Давно?
- Больше года назад.
- Ну-у-у... Проходи, раз так!

Гримаса на лице супруги, как у леди при виде попрошайки,

[270] У ГГ несколько «сбит» масштаб цен, на самом деле 60 марок – недельная зарплата высококвалифицированного рабочего.

но в глазах прыгают весёлые всепрощающие бесенята. Воистину, легко отделался. Даже подозрительно легко.

– Чёрт побери! – спохватился я. – Забыл штопор купить, придётся опять пробку внутрь пихать.

– Придётся, но потом.

– В смысле?!

– Я их нашла!

– Кого?

– Ухажёров! – Саша выдержала полноформатную драматическую паузу, и, лишь сполна насладившись видом моей вытянувшейся физиономии, рассмеялась. – Деньги, конечно! Тридцать процентов тебе хватит?

Сброшенные с ног ботинки полетели в один угол, шляпа – в другой.

– И ты до сих пор молчала?!

Успешный побег из СССР открыл мне глаза – жена отнюдь не мечтает о тихом буржуинском счастье. Скромная профессорская дочка, дитя Старого мира погибла полтора года назад в окрестностях города Глухова. Сегодняшней, заново родившейся в купе поезда Одесса-Москва Александрой движет мечта сделать наш Новый мир лучше и одновременно – желание отомстить большевикам. Чувства в своей первоначальной основе точь-в-точь похожие на мои собственные, но раз в десять более сильные, яркие и отчаянные. Она готова на полную ставку, а мне...

А мне остаётся только надеяться, что не придётся «ждать в прихожей, когда упадёт дверь».

Имеются и дополнительные издержки...

К примеру: показать себя мельче или трусливее – значит потерять любимую навсегда. Однако ирония момента состоит в том, что для доказательства мужества здесь и сейчас не требуется нанизать на копьё дракона или переплыть океан на крышке от рояля. Пафос упирается в презренный металл, героизм сводится к смешному – способности зарабатывать проклятые рейхсмарки, баксы, фунты, франки. Много и быстро, оставшаяся после всех авантур двадцатка тысяч долларов выглядит откровенно смешно в сравнении с нашими бонапартовскими планами. Так что в спальню, превращённую в кабинет, я не бежал, а можно сказать – летел.

Предвосхищая мои вопросы, Саша ещё с порога махнула рукой в сторону светящегося под фотоувеличителем светового квадрата.

– Смотри сам!

– Steckdosenbefruchter![271] – впопыхах, в полутьме от зашторенного окна я едва не снёс заваленный бобинами с плёнками стол.

– Говорила тебе третьего дня – отодвинь к стене, – позлорадствовала мне в спину Саша.

– Завтра – обязательно.

Как можно думать о подобных мелочах, когда перед глазами высветленная картинка чарта?!

Ровная, как по линейке горизонтальная линия, провал на начале двадцатых, опять ровная, затем обрыв на начале тридцатых и далее ломанными углами вниз, вниз и вниз – до самого двухтысячного.

– Да это же... – начал я.

– Фунт стерлинга к золоту, – закончила за меня Саша.

– Когда?

– Через неделю, двадцать первого сентября объявят.

Я вскочил, облапил не успевшую увернуться жену, плотно прижал к груди и расцеловал.

– Ты моё чудо! Чуть-чуть не опоздали!

– Осторожнее! Не рви... Пусти, сама расстегну...

Детали предстоящего обогащения мы сели разбирать на кухне часа через полтора – под вывезенным из Москвы образчиком луминизма, с вином и пирожными...

Всерьёз, то есть по-настоящему, страдать от американской депрессии Старый Свет стал относительно недавно, массовые взаимные неплатежи начались не ранее лета 1931 года.

Зато как!

Весело, задорно, с огоньком – перефразируя классика, можно сказать: «Призрак бродит по Европе – призрак дефолта!».

За какой-то месяц закрылись «Данатбанк», Дармштадский и Дрезденский банки, «Банк Бремена» и многие другие. Приостановились платежи, кредитование, выдача зарплаты. Повышение «Рейхсбанком» учётной ставки до семи процентов

[271] Сложное ругательство – «осеменитель электрических розеток».

помогло слабо, до сих пор финансовая система Германии работает через пень-колоду, в полуручном режиме.

Страны поменьше и послабее, типа Румынии или Болгарии, в ещё худшем положении, одна за другой приостанавливают обслуживание своих долгов, объявляют ограничения обмена валют на золото, вызывают к патриотизму населения. Многие из тех, кто год назад потешался над банкротством СССР, сами сели в банкротскую лужу.

Можно без особого преувеличения сказать, что в старом свете осталось два материка стабильности, продолжающие менять бумажные деньги на драгоценный металл – «государство-мировой банк Британия» и «государство-рантье Франция» [272]. Меняют с ограничениями – только на целые слитки, с проволочками, отсекающими большую часть частных лиц, тем не менее их положение считается незыблемым. И более чем обоснованно – обе страны всадили невероятные ресурсы в возврат золотого стандарта [273].

Без послёзнания невозможно вообразить, что они своими руками разрушат дело десятка лет.

Казалось бы, на таком фоне играть на бирже против фунта стерлинга легко и приятно. Есть всего один маленький нюанс: золотой фунт не торгуется против золота, золотого доллара или франка. Он – стандарт!

Использовать же в качестве опоры иные валюты страшно – вдруг при крахе фунта они рухнут ещё сильнее?

То есть занять и продать фунты на имеющиеся у меня доллары несложно, однако профит в тридцать процентов – обидно малый бонус для настолько убойного инсайда. Стыдно не удвоить, а то и не утроить стартовый капитал.

А вот как именно это сделать...

Пришлось идти на крайние меры, то есть – обратно к

[272] Хотя Швейцария и (к примеру) Албания дотянули золотой стандарт чуть не до начала Второй Мировой, последняя серьёзная опора золотодевизного стандарта – золотой франк – рухнула осенью 1936 года.

[273] С 1929 года до 1931 Франция увеличила золотой запас в три раза, с 29 до 83 млрд. франков, но экономику это не спасло. В следующие три года экспорт Франции упал в 4 раза! При этом мировой экспорт – снизился только на 36 %.

фотоувеличителю, штудировать учебники экономики 21-го века. Не сразу, не быстро, но метод помог – ближе к полуночи у нас сложилась более-менее рабочая схема.

Утро следующего дня застало меня в отделении «Рейхсбанка» на Хаусвогтейплац. Снаружи – монументальное трёхэтажное здание, украшенное колоннадой и античными барельефами, изнутри – никакой солидности. Длинный, уходящий куда-то за угол ряд окошечек с двухзначными номерами а-ля «Сбербанк», серые уставшие клерки против мешкотных, подавленных депрессией обывателей.

В прокуренном воздухе разлита боль, как будто тут – не твердыня национальной экономики, а церковь в разгар

чумного мора. Если не хуже – немцы перестали приносить в банки свои деньги, напротив – они приходят закрыть счёт с последней сотней марок, справиться: осталось ли хоть что-то после выписанных бакалейщику или доктору чеков, и вымолить ничтожный кредит.

Говорить о размещении депозита в центре Берлина не опасно, но неловко – совсем как о весёлой пирушке у постели желудочного больного – с первых же слов я невольно перешёл на полушёпот.

– Мне бы... Приобрести у вас надёжные бумаги...

– Вексель? – клерк оторвал глаза от пересчёта мелких банкнот. – Или облигации?

– Лишь бы в цене не падали...

Клерк понимающе закивал головой: тема обвала фондового рынка в 31-ом году близка каждому, не потерял деньги лишь тот, кто их не имел вовсе.

– ... и процент побольше, – поспешно добавил я второе желание, не столько нужное, сколько естественное для разыгрываемой роли.

– На какую сумму?

– Чуть более двадцати тысяч долларов.

– О-го-го!

Сумма далеко не фантастическая – примерно соответствует десяти миллионам рублей 2014 года. В доброе время с такими деньгами особого внимания в банке не сыскать, а тут – клерк ощупал внимательным взглядом мою шляпу с лентой модного цвета, новый пиджак, надолго задержался на портфеле из кожи крокодила. Так, видимо, он добрался бы и до ботинок, да помешала стойка. Колёсики «однорукого бандита» в упёртых в меня глазах крутанулись в комбинацию джек-пот, звякнули в лоток воображаемые монетки. Лицо растянула улыбка...

Но всего на несколько секунд: жирные комиссионные не положены обычному операционисту.

– Вам следует обратиться к господину управляющему, – сухо проинформировал меня клерк. – Его кабинет в конце зала, направо.

– Спасибо, добрый человек, – поблагодарил я в ответ.

Мысли занимало другое: неужели можно вот так, запросто

попасть к управляющему «Рейхсбанком» Ялмару Шахту[274], автору преступной, но при этом гениальной комбинации с векселями МЕФО?[275]

Надежда продержалась недолго, ровно до скромной таблички на двери – в учебниках будущего века ни за что не напишут про обычного «управляющего залом». Секундой позже пришло понимание абсурдности самой идеи – увидеть легендарного немецкого главбанкира face-to-face – лицо в лицо – очевидно, ничуть не проще, чем встретить Германа Грефа в районном отделении «Сбербанка».

«Мир справедлив...», – наставительно отметил я сам для себя. – «Клерк – не получит комиссионных, я – не увижу Шахта!».

Постучался и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

Занимающий кабинет долговязый, похожий на перекормленного кузнечика молодой человек сосредоточенно крутил миниатюрную рукояточку «Мерседеса». Нет, не автомобиля, понятно, а арифмометра, но такого навороченного, что стоит десятка фордовских малолитражек. Пришлось обождать, зато после, переписав результат операции в журнал, молодой человек охотно отвлекся от своего важного дела и оказался необыкновенно любезен. Жаль только, что заниматься моим вопросом по существу не стал – ограничился ролью провожатого.

Как я понял из его объяснений, солидным клиентам типа меня положена «вип-переговорка» и личный помощник, статус которого в рейхсбанковской иерархии повыше, чем у иного «управляющего».

От повышения класса сервиса я отказываться не стал.

[274] В реальной истории Ялмар Шахт ушёл с поста президента «Рейхсбанка» в 1930 году. Представлял в Германии интересы корпорации Дж. П. Моргана, в 1931 году оказывал поддержку НСДАП, способствовал сближению А. Гитлера с крупными промышленниками. После победы Гитлера на парламентских выборах 1933 года вновь возглавил «Рейхсбанк».

[275] Векселя «МЕФО» в своей сути мало отличались от финансовой пирамиды, выпускались с 1935 года для финансирования вооружений. Тем не менее они были гарантированы государством, принимались всеми немецкими банками и учитывались затем «Рейхсбанком» для выпуска ничем не обеспеченных банкнот.

Уютно устроился в обитом сюжетной тканью кресле и собирался в полной мере насладиться – о tempora, о mores[276] – видом раздавленной в пепельнице недокуренной сигары, когда в комнату просочился аромат дорого одеколона, за ним – улыбка, а следом – и сам герр помощник.

Оптимизм с его лица можно было соскрести ложкой и мазать на хлеб вместо маргарина.

Герр представился, доброжелательно потряс мою руку и тут же метнулся к антикварным шкафам красного дерева вытаскивать папки с проспектами.

Не прошло и пары минут, как на месте пепельницы с сигарой раскинулся «фулл-хауз»[277] из железных дорог востока и запада США, медных рудников Чили, шахт Рейна-Вестфалии, алмазов Южной Африки, судоверфей Круппа и прочих ценных бумаг. Двухзначные купоны возбуждали алчность, качественная цветная полиграфия радовала глаз, ровные колонки цифр доказывали точность отчётов. Рейтинги от «Big Three» недвусмысленно намекали на полную безопасность инвестиций.

– Мы составим для вас идеальный диверсифицированный портфель, – то и дело приговаривал герр помощник.

Я в ответ «косплеил»[278] испуганную блондинку.

– Насколько это надёжно?

– Всего-то по две тысячи долларов на каждую из десяти облигаций? – удивлялся герр. – Куда уж надёжнее!

– Не проще ли взять что-то без риска банкротства? – возражал я.

– Средняя доходность вашего портфеля составит не менее

[276] «О времена! О нравы!» – латинское крылатое выражение. Обычно выражение применяют, констатируя упадок нравов, осуждая целое поколение, подчёркивая неслыханный характер события.

[277] ГГ намекает на комбинацию в покере, состоящую из трёх карт одного достоинства и двух карт другого достоинства. Это довольно сильная покерная комбинация, уступающая по силе только каре и стрит-флешу.

[278] Косплей – это костюмированные игры на заданную тему в заданной эпохе времени. Здесь – ГГ якобы играл «недалёкую» блондинку, то есть – тупил.

десяти процентов годовых, – гордо парировал герр помощник. – Если вы не против чуть-чуть рискнуть, то можно постараться получить двенадцать процентов или целых пятнадцать!

– Банкротство любого из эмитентов уведёт портфель в убыток.

– Исключено! У нас собраны лучшие в мире компании!

– Вчера я прочитал в газете...

– Да вы посмотрите на их рейтинги!

Дождаться, когда в ход пойдёт тяжёлая терминологическая артиллерия типа «дюрации» или «показателя выпуклости кривой доходности»[279], я не стал. Вместо этого я сказал:

– Меня устроит любой вариант по вашему выбору, но с одним условием.

– Всё – что в человеческих силах!

– Под залог бондов мне нужен краткосрочный займ с разумным процентом. Месяца на два... Лучше сразу в фунтах, их в Египте берут куда более охотно, чем доллары или марки.

Герр помощник опал как озимые. С щёк стёк лоск, из голоса – елей. Зато во взгляде прорезалось что-то похожее на уважение.

Он рухнул в кресло напротив меня, молча вытащил из ящичка стола невзрачный лист с зелёными разводами, толкнул в мою сторону.

– Вот.

– Внешний займ Германии[280], золотой, в долларах, номинал – тысяча, – прочитал я вслух. – Хорошо, только вот купон маловат, всего-то семь процентов.

– На самом деле выйдет ещё меньше, – недовольно поджал губы герр помощник. – Эти облигации торгуются дороже номинала, так что к погашению выйдет не выше четырёх процентов годового дохода.

[279] Такие термины в 30-х годах ещё не использовались, но ГГ про это не знает.

[280] Знаменитый займ «German Dawes» для помощи немецкой экономике. По плану Дауэса от 1924 года Германии предоставлялся международный заём в виде размещения номинированных в долларах бондов (последние долги держателям выплачены в 2010 году). Кстати, 7% – фантастически много, для сравнения: доходность векселей Казначейства США в 1931 году – 1,02%.

Признаться, никакого доверия ни к «Рейхсбанку», ни к немецким ценным бумагам я не испытывал, да и величина купона меня ни грамма не интересовала. Тем не менее после беззастенчивого проталкивания токсичного высокорискованного шлага, повод для троллинга упускать не хотелось.

– Вы только что обещали мне десять процентов и более!

– Понимаете ли... – ничуть не смутился герр помощник.
– Всё дело в спреде, то есть разнице между ценой продажи и покупки. Обычно наши клиенты покупают бонды с целью держать их десятилетия, до последнего купона. Вы же хотите получить под них деньги на короткий срок...

– Что же это меняет?

– Если вы не погасите займ вовремя, нам придётся продать ваши бумаги. При этом спред, скорее всего, окажется больше прибыли банка.

– А внешний государственный займ...

– У него чрезвычайно широкое обращение в Соединённых Штатах, а потому – минимальный залоговый дисконт.

«Вот хитрый лис! Вывернулся!», – восхитился я.

– Сколько же?

– Восемь процентов. Войдите в наше положение, кроме спреда на банк ложатся все риски, время сейчас беспокойное...

– Государство не погасит свои же бонды «Рейхсбанку»? – укорил я герра помощника.

– Хорошо, – сдался тот. – Я берусь договориться с руководством на особые условия. Пять процентов вас устроит?

– То есть – за бумаги стоимостью двадцать тысяч вы дадите мне на девятнадцать тысяч наличных?

– Минус – плата за сам кредит, за два месяца она составит примерно один процент.

– То есть разница между купоном и вашим кредитом – два процента годовых, и я ничего не теряю на конвертации. А что, выглядит неплохо!

– Вы хорошо разбираетесь в финансах...

– Депрессия научила пфенниги считать, – построил я печальный образ. – Раньше не думал про такую малость, а сейчас – приходится. Мне же для бизнеса деньги не постоянно нужны, а только весной и осенью, так что на ваших условиях я за год выйду в плюс тысячи на полторы марок.

– Если бы все коммерсанты в Германии умели управлять своими активами столь же деликатно, как вы, герр Кирхмайер...

«Они бы давно разорились на ваших скрытых комиссиях...», – продолжил я про себя, но вслух же пришлось произносить другое:

– Родители, к счастью, не поскупились на моё образование. Последующее действие не отняло много времени...

Мне принесли чашечку кофе и сигару, герр помощник оформил договор – достаточно простой, без модных в будущем ста страниц дополнительных условий мелким кеглем.

Подозрительных моментов я не обнаружил. Сделка проста, как мычание бурёнки: занял фунты стерлингов – обязуюсь вернуть с процентом. Номинированные в долларах бонды фигурируют всего лишь как залог, причём – не суммой, а физическим количеством конкретных пронумерованных бумаг.

Расстались мы с помощником весьма довольные друг другом. Его ждал долгожданный обед, а меня – «Deutsche Bau und Bodenbank», в котором нужно повторить весь процесс ещё раз, но на сумму, уменьшенную предыдущей сделкой. И так десять или двенадцать раз, по возможности в разных банках, до тех пор, пока положенный в фундамент пирамиды капитал не съёжится до ничтожной суммы.

Девальвацию фунта стерлинга мы с Сашей ждали как явление Спасителя.

Британское правительство не подвело...

* * *

Выждав для приличия неделю, я заявился в оказавшийся на вершине выстроенной пирамиды банк с подешевевшими английскими деньгами в кармане. Забрал единственный бонд и там же, совершенно нагло, продал его, сразу обменяв доллары на фунты. Ни одного возражения или хотя бы злого взгляда в ответ – клеркам и персональным помощникам совершенно наплевать на доходы компании. Их волнует исключительно собственная комиссия, а она от каждой транзакции только растёт.

Больше всего повезло герру помощнику из поставленного мной в фундамент пирамиды «Рейхсбанка». Через него я

открыл для трейдинговой компании «Quantum Leap» аккаунт и завёл на него пятьдесят тысяч долларов.

Больших – на первый взгляд! – денег хватило всего лишь на несколько дней. Примерно половину сожрал залог у приличного брокера на NYSE[281], четверть пошла на «блек-джек» и «шлюх», то есть – на офис с мебелью, телефоном, телеграфом и длинноногими секретаршами. На сами биржевые торги удалось выкроить сущие гроши.

Дорого, хлопотно, однако...

Играть на бирже иначе – значит напрашиваться на серьёзные неприятности. Для такого вывода оказалось достаточно понять принцип работы местных «брокерских» фирм. На самом деле большая их часть – совсем не брокерские в понимании 21-го века, они скорее похожи на игорные дома или «кухни» Форекс[282]. Участник в них торгует не против рынка и других игроков, а против...

Самой фирмы!

То есть мой выигрыш означал проигрыш «брокера». Последний, конечно, дорожит репутацией – это всё, что у него есть – но лишь до определённого предела. Стоит «рыжим кудрям примелькаться», и в лучшем случае – начнут отказывать в ставке. В худшем – подловят, ограбят, а в качестве награды за щедрость – закопают на пару метров под землю.

Моя предыдущая шортовая спекуляция на первом раскате Великой Депрессии прошла благополучно скорее случайно, чем закономерно. Точнее сказать: мне на руку сыграли два фактора. Во-первых, из-за желания получить максимальное плечо я обратился сразу к полудюжине «брокеров», так что для каждого мой выигрыш стал большим, неожиданным, но в общем и целом – не экстраординарным. Во-вторых, каждый из этих плутов был абсолютно уверен, что сорвавший куш новичок гарантированно вернётся к игре на следующий день, максимум – через неделю. А уж тогда – непременно просадит всё до последнего пфеннига.

[281] Брокерские места на NYSE стоили не дёшево, к примеру, в 1928 году место на бирже было продано за \$625 000. Так что брокеры брали немалые деньги за свои услуги.

[282] Упрощая – это рынок международного обмена валют.

Так бывало в их практике тысячу раз...

Надеюсь, что мой случай не подорвал в них веру в бесконечную глупость человечества.

Первая сделка «Quantum Leap» прошла в самом начале октября, в разгар биржевого праздника.

«Рынок наконец-то нащупал настоящее дно!», – капсом кричали заголовки газет.

«Вчера мы увидели восемьдесят шесть по «Dow», – осторожно высказывались эксперты. – «Ниже падать некуда, мы ожидаем конец медвежьего тренда...».

Инвесторы и быки просто радовались: – «Buy The Fucking Dip! Усредняй! Занимай! Успевай! Завтра будет дороже!».

И правда, акции рванулись «на север» чуть не по проценту в день. Учитывая плечо – наш счёт рос на глазах. Уже к ноябрю, удачно отработав пару небольших откатов, мы сумели удвоить стартовый капитал.

* * *

– Кого там опять принесла нелёгкая?! – напустился я на открывшую дверь в кабинет секретаршу. – Ведь предупреждал: не беспокоить до начала торгов в Нью-Йорке!

– Герр Кирхмайер, пришёл журналист, – побледнела она. – С фотографом.

Новенькая, всего боится – страшно потерять работу в зимнем Берлине 1932 года.

– Ну и зачем этим продажным шкурам понадобился наш «Quantum Leap»?

– Интервью у вас просят.

– Для газеты?

– Сказали – из журнала, – секретарша сделала три робких шага вперёд, выложила мне на стол визитку и тут же робко отпрянула назад.

«Экономика за неделю»[283], – прочёл я про себя знакомый логотип, а вслух добавил:

[283] «Экономика за неделю» – «Wirtschaftswoche» – деловой немецкий еженедельник, издаётся с 1926 года.

– Хорошо хоть не «Бэ-Цет»![284]

– Я им откажу?

– Непременно! Сошлись на тяжёлые переговоры со стратегическим инвестором из Занзибара. Пусть приходят за чёртовым интервью в пятницу, мне придётся приболеть... Где-нибудь за городом. Глядишь, так и отвяжутся.

– Будет сделано, герр Кирхмайер! – повеселела секретарша.

– Только смотри мне, аккуратно!

Шутливо погрозил пальцем и опустил глаза в отчёт, всем своим видом изображая ту самую крайнюю степень занятости, которая должна распугивать журналистов в радиусе трёх кварталов от офиса. Пробежался взглядом по строчкам и впился в нерасчётно огромную, семизначную, обведённую красным карандашом цифру итога.

Представил в красках все возможные последствия и поспешно крикнул вслед проскользнувшей за двери девушке:

– Грета, подожди! Проводи господ журналистов в «переговорку». Подай им кофе с булочками, ну, ты же лучше знаешь, что полагается нашим дорогим гостям...

Берлин, к сожалению – это не выдавший виды нью-йоркский Wall Street. Тут тяжело избежать внимания бизнес-сообщества и прессы, заработав игрой на бирже больше миллиона долларов менее чем за полгода. Детские уловки, ссылки на занятость или болезнь не помогут – акулы пера умеют ждать. Закроешься, отгородишься секретарями – примутся искать компромат, цепляться за слухи и домыслы. И ладно бы мы с Сашей имели безупречное прошлое, так ведь наоборот – трудно придумать более удобную для инсинуаций фактуру: появились из ниоткуда, ни родственников, ни коллег, ни хотя бы старых школьных товарищей. Русский акцент, опять же, в карман не спрячешь. Недели не пройдёт – выдумают страшную историю про агентов Коминтерна и золото ВКП(б).

Или того хуже – доберутся до Берхтесгадена. От лачуги настоящего Кирхмайера уж развалин не сыскать, однако

[284] Газета В. З. («Berliner Zeitung») – немецкий популярный таблоид, специализировался на пожарах, криминале и прочих «особенностях» городской жизни Берлина.

запись о его смерти при большом желании можно отыскать в церковной книге. С Мартой не лучше – узнать её девичью фамилию не слишком сложно, вытащить в Берлин какую-нибудь старую подругу – реально. Замять и то, и другое при наличии больших денег не составит особого труда, не такой уж серьёзный криминал мы учудили по меркам Германского рейха[285]. А вот если во время скандала потянется хвост из Триэсэрии и – не дай великий Гальвани! – всплывёт фамилия Обухова...

Ох!!!

Тогда нас не спасёт никакая охрана.

Большевики развернулись тут на широкую ногу. Они рассматривают столицу Германии своим глубоким тылом, Hinterland. Имеют право: коммунистическая партия – легальна, в 1930 году за Тельмана подано аж пять миллионов голосов, в Рейхстаге прочное третье место, 77 кресел. В самом центре Берлина с контрактом на десять лет под клуб советской колонии арендован трёхэтажный особняк. Днём там работает пионерская организация, по вечерам на фасаде сияет багровым пламенем огромная звезда и буквы «Roter Stern» – «Красная Звезда». Мобилизовать на ликвидацию убийцы Сталина сотню или тысячу боевиков для Политбюро вещей пустяк.

Для спасения от этой напасти категорически мало заботливо выращенной бородки а-ля Мигель Унамуно, недостаточно короткого ёжика седых волос и массивных очков. Скандал, эпатаж и забота о простых немцах должны стать моим кредо. Листья прячут в лесу – неувязки прошлого легче всего утопить в газетной шумихе настоящего. Пусть бездельники гадают, что за сюрприз я выкину завтра, а не пытаются проверить: по каким буеракам меня носило вчера...

К журналисту и фотографу, парочке, здорово смахивающей на Бартелби и Локи из «Догмы», я вышел через добрую четверть часа – надо показать, как сложно миллионеру

[285] Название «Веймарская республика» было неофициальным, официально Германия продолжала именоваться Германским рейхом, первый пункт Веймарской конституции 1919 г. гласил: «Германская империя является республикой».

оторваться от его высокодоходных дел.

Представился, поздоровался с улыбкой и за руку, крайне демократично плюхнулся в кресло рядом, за тот же самый низкий столик.

Начали по-светски, издалека – с погоды. После очевидного консенсуса – «Scheißwetter»[286] – я аккуратно перевёл тему на трудное детство в баварских горах, суровую, но прекрасную природу, алкоголика отца и строгую русскую мать. Многословно, нудно до зевоты, только успевай записывать. После такой прелюдии у них отвалится всякое желание копаться в моём прошлом.

Где-то примерно на моменте живописания сбора валежника под угрозой схода снежной лавины журналист не выдержал, заглянул в блокнот со списком вопросов и, отодвинув в сторону приличия, выпалил как на духу:

– Ходят слухи, что вы за три месяца заработали десять миллионов долларов!

– Врут! – нервно рассмеялся я в ответ. – И двух не взяли.

– Ох! Да это же в самом деле огромные деньги! Какое чудо вам помогло?!

– Система! – многозначительно воздел я вверх палец. – Новейшая японская система!

– Дайте хоть крохотный намёк, – взмолился журналист.

– Покажем вам всё! – я не поскупился на самую качественную улыбку. – Мы отобрали у штатовских биржевых игроков достаточно – пора дать возможность заработать другим немцам, – как бы оговорился я, но сразу поправился. – Прежде всего мы должны помочь нашим с вами соотечественникам.

Играть краплёными картами нужно честно, то есть давно пора поделиться с common people[287] успехами «Quantum Leap». А то конкуренты-спекулянты с обоих берегов Атлантики косятся недобро, того и гляди обвинят или в злостном инсайте, или в подписании с нечистой силой пакта о разделе NYSE; ещё неизвестно, что страшнее.

– Всё покажете?! – взревели хором журналист и фотограф. – Нам!!!

– Пойдёмте в наш ситуационный зал, – поднялся с кресла

[286] Перевод с немецкого: «Scheißwetter» – погода – дрянь.

[287] Простые люди. (англ.).

я. – Хотел получше подготовиться, но если вы уже пришли, зачем откладывать?

Первое, что меня вышибло из колеи в начале серьёзной биржевой торговли – практически полное отсутствие графиков. В тридцатых годах, даже в самый страшный кризис, метод «Buy&Hold» считается единственной порядочной стратегией, держать акции несмотря на любое падение их стоимости – священный долг настоящего инвестора. Всякая другая позиция порицается как антиобщественная, разрушающая доверие и несовместимая с эффективной экономикой. Оценку сделанным капиталовложениям тут принято делать долгосрочно, в разрезе лет, а то и десятилетий[288], соответственно: видеть движение цены внутри дня, недели или месяца не требуется вовсе.

Профессиональных спекулянтов относительно мало, и это совершенно фантастические люди. Они привыкли представлять движение рынка прямо по цифрами с ленты телеграфа, не утруждая себя подпоркой в виде удобного чарта. Полагаю, что каждый из них легко мог бы научиться играть в шахматы вслепую.

В связи с отсутствием нужных талантов я сразу двинулся по пути прогресса. Арендовал офис с большим, квадратов на сто залом. Нанял рабочих обклеить все стены лучшей в мире португальской пробкой. Разлиновал всё в тонкую сеточку, заготовил кнопки, ленточки красного и зелёного цвета. Нанял полдюжины толковых девушек и обучил их строить...

Привычные для книг 21-го века графики-пятиминутки с «японскими свечами». По ним можно в реальном времени отслеживать не только направление, но и силу движения за целую неделю.

Идея оказалась не только рабочей, но и масштабируемой...

За несколько наш месяцев ситуационный зал успел приобрести совершенно футуристический вид.

В центре мы соорудили что-то типа боевого мостика управления – приподнятый на полметра подиум, на котором

[288] *Несколько скорректированная цитата Джона Кейнса. Как ни странно, но для США это всё ещё работает, например: «классический» вид торгового терминала – без графиков.*

несколько трейдеров сидят у стоек с телефонами в специальных мягких креслах.

Напротив них «выставлены» шесть оперативных «мониторов» с наиболее интересными акциями из индекса «Dow».

Боковые стены заняты часовыми чартами – это наш архив «глубиной» в несколько месяцев. Тут уже не только «свечи» – головастые парни с университетскими дипломами вывешивают окрашенным в разные цвета шпагатом инструменты технического анализа: скользящую среднюю, полосы Боллинджера, каналы Кельтнера, высчитывают и выделяют уровни поддержки и сопротивления.

Совсем как на мониторе компьютера, только очень большим и страшно медленном.

В процессе нет ничего принципиально нового: математика на уровне семнадцатого-восемнадцатого века, то есть вполне доступная для расчёта с помощью бумажки, карандаша и логарифмической линейки. Да и сами по себе свечи науке вполне известны, хотя, почему-то, используются исключительно в Японии[289].

Практический эффект от всего этого шаманства...

Прямо скажем – сомнительный. То есть, хорошо запомнив график «Dow» справа налево, я мог предсказывать будущее более-менее достоверно. Без послёзнания, или слева направо получалось намного хуже. Наши трейдеры не устают хвастаться своими небывалыми успехами в торговле по новой системе, однако я-то знаю точно – без задумчиво-необязательных рекомендаций «гуру» они бы наломали немало дров, то есть – загнали кучу позиций в убыток.

Основная проблема, как водится, обнаружилась в головах. Жизнь и наставники долгие годы вбивали в подкорку трейдерских мозгов непреложную аксиому: «продажа без покрытия годится только для коротких спекуляций». Вечная позиция в шорте им кажется совершенно противоестественной, на каждом падении они ищут точку, в которой нужно перевернуться, откупить акции, открыть лонг. Мне едва ли не каждый

[289] *Считается, что впервые график в виде последовательности «свечей» придумал торговец рисом Хомма Мунэхиса в 1750-1770 годах. Но в Европе и США метод начал применяться только в начале 90-х годов 20-го века.*

день приходится тыкать пальцем в подходящие для падения паттерны. С одной стороны смешно, а с другой – получается вполне обоснованно, технический анализ страшно удобен для манипуляций, в одной и той же картинке несложно отыскать подтверждение любого движения цены.

Вид ситуационного зала произвёл запланированный эффект. Более того – в точку попали первые же слова фотографа:

– Чёрт! Герр Кирхмайер, вы – гений, вы обогнали весь мир на сто лет!

«Только на пятьдесят...», – хотел возразить я, да вовремя одумался, надавил на страшно модный в Германии патриотизм.

– Мы, немцы, всегда умели привести в правильный порядок хоть цифры, хоть чувства.

– Не то что бойкие ребята по ту сторону океана, – с лету подхватил нехитрую мысль журналист.

– Дураки и деньги должны расстаться, – добавил я глупого пафоса. – Математический порядок – über alles – превыше всего!

Выслушав признательный смех я продолжил экскурсию.

– Как вы знаете, цены на фондовом рынке двигают люди, а значит – прогнозирование будущего теснейшим образом связано с человеческой психологией. К моему великому сожалению, эта область исследована немецкими учёными совершенно недостаточно. Однако есть все основания предполагать, что усреднённая реакция продавцов и покупателей на изменение рыночной ситуации имеет тенденцию повторяться раз за разом, паттерн за паттерном.

– Золотое дно! – сдавленно просипел фотограф.

– И вы готовы рассказать... – с опаской вторил ему журналист, не забывая при этом выводить быстрые каракули в своём блокноте. – Нам? Всем?!

Самое время поиграть в благородство.

– Я не считаю себя вправе обогащаться в одиночку в такое трудное для нации время!

Выпущенный через несколько дней специальный номер «Экономики за неделю» взорвал околобиржевой мирок, как атомная бомба «Толстяк» – Нагасаки. Объяснение

выдающихся успехов «Quantum Leap» на фоне стремительно сползающего на последнее, сорокабаксовое дно «Dow» вышло...

Чересчур эффективным!

Фотографии «паттернов теханализа» свели с ума привыкших к скудной меловой доске инвесторов и брокеров. На нас мешками посыпались мольбы, проклятья, предложения последних ста марок в управление и ультимативные требования миллионных пожертвований. Телефоны звонили не замолкая ни на минуту, полиция выставила охрану на входе в офис.

Спасение от напасти пришлось искать в «полном» раскрытии секретов фирмы. Самым простым способом – выступлением в зале Кроль-оперы с лекцией «об анализе ценных бумаг по методу герра Кирхмайера».

Билеты продавались в пользу безработных Берлина невероятно дорого – от ста до пятисот марок за место. И всё равно случился полный аншлаг. Спекулянты-неудачники – они же будущие, завязшие в неудачно купленных акциях инвесторы – не только заняли все кресла, но и толпились в проходах. Многие стенографировали и фотографировали. После основного доклада – почти три часа мучили меня провокационными вопросами.

Легче не стало – обсуждение нюансов биржевой игры выплеснулось на страницы бульварных газет, которые, наплевав на преддверие мартовских президентских выборов, безжалостно выкинули с первых страниц грызню политиков. Возможность гарантированного современной наукой обогащения захватила публику.

Предостережения и призывы к осторожности оказались тщетны, кажется, в какой-то момент моя известность переплюнула самого Гинденбурга.

В попытке хоть как-то удержать ситуацию под контролем я занялся троллингом – запустил в бурлящий котёл новостей не менее полудюжины чудесных «уток». Первая – и самая безобидная – приводила нерушимые доказательства того, что я внебрачный сын шефа 13-го гусарского Нарвского полка и одной из русских великих княжон. Сам шеф – он же благополучно здравствующий в Голландии экс-кайзер Второго рейха Вильгельм II – комментарием сие откровение не удостоил.

Недовзрослые обыватели кинулись обсуждать сей казус в за выпивкой в пивнушках, а серьёзные люди покрутили пальцами у виска.

Так и повелось...

Дешёвые писаки таблоидов буквально упивались разоблачением старой развесистой клюквы и придумываемой новой – ещё более невероятной, кислой и ветвистой. С каждым апдейтом-обновлением слухов ситуация вокруг прошлого, настоящего и будущего «Quantum Leap» становилась всё смешнее, а потому – безобиднее. Любой рассказ о моём прошлом вставал вровень с предыдущими двумя дюжинами версий, будь он по-настоящему правдивый – ничего бы не изменилось, в числе прочих был бы немедленно осмеян и объявлен досужей выдумкой. Единственное, что меня по настоящему заботило – нарастающее недовольство горе-спекулянтов, расстроенных постоянными проигрышами «по системе Кирхмайера».

Выручили стервятники с Wall Street. Где-то месяц спустя после моей презентации они сообразили, что услуга «построения графиков» более чем востребована и может продаваться за немалые деньги. Патентов же на своё изобретение глупый немец-филантроп не оформил, значит – его можно грабить.

Шумиха вокруг «Quantum Leap» как по волшебству затихла, неожиданно выяснилось – всё придумано до Кирхмайера!

Более того – система торговли «по свечам» уже давно доступна в крупных брокерских конторах Нью-Йорка, Чикаго, Лондона, Берлина и прочих столиц. Плати за сервис «смешную» сотню баксов в месяц и разглядывай – пока не надоест! – увешанные цветными ленточками стенды.

Кто другой может и обиделся бы, а мы с Сашей на радостях закатали для себя и преимущественно женского коллектива роскошный «корпоративчик» на третьем этаже «Кафе Йости», что на Фридрих-Эберт-штрассе. Кроме прочего – отметили превращение скромной трейдерской компании «Quantum Leap» в уважаемый паевой фонд «Quantum Fund». Шаг не столько выгодный – лишняя ответственность не привлекала ни меня, ни Александру – сколько вынужденный: ближе к маю 1932 года под нашим управлением собралось примерно три миллиона долларов своих денег и чуть более десяти

миллионов средств пайщиков, размещённых у нас под двадцать процентов от прибыли.

Жить бы да радоваться, но...

В огромной бочке мёда нашлось ведро дёгтя. Всего одно, но дёгтя не простого, а красно-бело-чёрного.

Для вмешательства в политические процессы оказалось категорически недостаточно одних лишь денег – понадобились люди и время. Или хотя бы – только время.

Если бы мы смогли идеологически давить Гитлера и НСДАП с 26-ого года!

Да чёрт с ним, с 26-м – справились бы и в 29-ом. Завели бы нужные связи, профинансировали полезных политиков и партии, сняли кинофильм, купили радиостанцию и две-три массовые газеты.

Поздно! Слишком поздно!

Весной 1932 года останавливать миллионами марок, долларов или фунтов рвущегося к абсолютной власти Гитлера – всё равно, что кидать гальку в накатывающую на берег волну.

Последним предупреждением для нас с Сашей стали выборы президента Германии. Они состоялись 13 марта – точно так же, как и в истории Старого мира.

Результат вышел слегка иной...

Пауль фон Гинденбург победил в первом туре, набрав 51,2 процента[290]. Адольф Гитлер – вытянул 32 процента. Последний призёр гонки, товарищ Тельман, едва перевалил за 10.

То есть цифры на пару процентов изменились в ту или иную сторону, второй тур не понадобился, но не более того.

На этом фоне нам с Сашей как-то неожиданно стала очевидной абсолютная лживость учебников будущего в части «Гитлер пришёл к власти демократическим путём». Тогда как события, разворачивающийся на наших глазах, имеют совершенно противоположный смысл. Да, НСДАП действительно получила на выборах в Рейхстаг 1930 года 37 процентов голосов. Это много, очень много, однако абсолютно недостаточно

[290] В реальной истории за Гинденбурга проголосовали 49,5 % избирателей. Адольф Гитлер получил 30,2 % голосов, Тельман – 13,2 %, Дюстербург – 6,8 %, Винтер – 0,3 %.

для создания тоталитарного Третьего рейха. Ведь лидер победившей партии остался в никчёмной оппозиции. Хуже того – ему ничего не гарантирует захват даже половины кресел, серьёзные изменения в конституцию пока что вносятся исключительно квалифицированным большинством в две трети голосов.

Следовало бы назвать кабинетной интригой безответственных демократов случившееся в Старом мире назначение Адольфа Гитлера Рейхсканцлером, да только реальность намного циничнее – как раз где-то к началу нового 1933 года боевики СС и СА будут полностью готовы брать власть силой.

Старик Гинденбург всего лишь сделает хорошую мину при плохой игре – отодвинет подальше в сторону демократические процедуры и назначит на пост главы исполнительной власти будущего фюрера нации. Успокоит совесть между новым, уже совсем не пивным путчем и правительством «национальной концентрации» – выберет «наименьшее» зло.

Политические ошибки подобны туберкулёзу: их трудно обнаружить и легко вылечить в начале болезни, их легко диагностировать, но очень трудно лечить в конце. То есть монархиста-фельдмаршала нельзя обвинить в злодейском потакании нацистам, он действительно хотел сделать как лучше: сдал нацистам три жалких министерских портфеля из более чем десяти. Решил размолотить оборзевших сверх всякой меры уличных путчистов в бюрократических жерновах, запутать казуистическими бумагами, наконец – выставить фюрера виновником нескончаемой безработицы и нищеты, ровно таким же, как и все прочие парламентские болтуны-политики. Простой, надёжный, многократно испытанный план.

Получилось же...

Нет, не как всегда, а намного хуже.

28 февраля 1933 года, буквально на пепелище Рейхстага Гитлер криками, истерикой, штурмовиками и угрозами безжалостного большевистского терроризма – вплоть до «отравления общественных кухонь» [291] – протолкнёт через паникующего Гинденбурга декреты «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины».

[291] *Как ни смешно, но это цитата.*

Временная мера, согласно которой «допускаются независимо от установленных для этого законных пределов» ограничения чуть не всех конституционных свобод.

К этому «маленький» довесок – разрешение правительству вести законотворческую деятельность и брать на себя управление в федеральных землях, если там возникнет угроза общественному порядку.

Так начнётся «управляемый путч»...

Нацистские полицейские и отряды вспомогательной полиции из числа СА и СС тут же поднимут красные флаги со свастикой над официальными зданиями по всей стране. Штурмовики станут надзаконной властью.

Коммунистов загонят в глубокое подполье.

Кого-то из чиновников и депутатов уговорят – идея уничтожения «красной своры преступников до последнего человека» близка немалому количеству немцев.

Других запугают.

Третьих просто арестуют, а то и убьют.

Организуют непрерывную трансляцию речей Гитлера на улицах крупных городов, проведут массу митингов, демонстраций и факельных шествий.

Заставят лавочников вывесить во всех витринах плакаты со свастикой.

Разгромят и разграбят офисы социал-демократов, уничтожат тиражи их газет.

Но при неимоверно жестоком прессинге, полном контроле прессы и патрулях СА вокруг избирательных урн – добиться на выборах 5 марта более чем 43 процентов голосов они не сумеют.

Для окончательной депарламентаризации Веймарской республики понадобится последний шаг – «Закон о защите народа и рейха», передающий чрезвычайные полномочия рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру.

На пленуме, в присутствии вооружённых до зубов боевиков СС и СА свежизбранные депутаты побоятся артачиться. Торопливо разменяют остатки конституции на собственную жизнь и свободу – их коллеги-французы 18 брюмера Наполеона успели хотя бы избить. Против, смело и бесполезно – проголосуют лишь 84 члена СДПГ.

Падать легко...

20 марта 1933 года Гиммлер откроет концлагерь Дахау.

10 мая культурные и образованные немцы начнут публично жечь несоответствующие идеологии нацизма книги.

7 апреля, по «Закону о восстановлении профессионального чиновничества» уволят всех госслужащих неарийского происхождения.

22 июня по обвинению в национальной измене запретят СДПГ, а 14 июля распускают вообще все политические партии за исключением НСДАП.

12 ноября Германия проглотит насмешку над парламентскими выборами – бюллетени с единственным кружочком для галочки.

Весной следующего, 1934 года «законодатели» оформят в легитимную форму «Защитный арест» политических противников, по которому в тюрьмы попадут десятки тысяч «несогласных».

В августе объединят посты рейхсканцлера и рейхспрезидента, выйдут из Лиги Наций.

В 1935 – примут тексты присяги членов НДСАП лично к фюреру и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести», фиксирующий разделение населения Германии на граждан и бесправных подданных.

Вопрос встал ребром: или – крайние меры, или – билеты на трансатлантический лайнер. Если бы не жена...

Трудно быть богом...

Наверное, я бы сломался, выбрал второй, лёгкий и безопасный путь.

Стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим?

Не будет ли это тем же самым, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Александра не колебалась – в первых числах июня мы оставили офис «Quantum Fund» на попечение заблаговременно нанятого директора и сорвались в отпуск, на «родину», в горы Баварии. Писать книгу о секретах биржевой торговли.

Как бы писать...

9. ВСТРЕЧНЫЙ ПАЛ

**Берлин – Мюнхен – Старнберг. Март 1932 года
Год и девять месяцев с рождения Нового мира**

Невыносимо медленно ползёт по циферблату светящаяся радиом чёточка секундной стрелки. Словно ворожит на каждом тике: закури, закури, закури!

Пагубная привычка, с которой всё сложнее и сложнее бороться – приличный герр без табачного допинга в зубах тут воспринимается неоднозначно, примерно – как монашка на пляже. На людях я приноровился спасаться сигарами, вроде куришь, а на самом деле – играешь с пеплом, и...

Доигрался – растворённый в воздухе дым стал неотъемлемой частью релакса.

Шикарная трёхдолларовая сигара, самая дорогая из тех, что я мог найти в Мюнхене, осталась в машине, хотя именно здесь и именно сейчас мне ничего не грозит. Если и заметят, что с того?

Известный миллионер пришёл на встречу с одним из политиков, поговорить о важных государственных делах. Понервничал чуток, присел отдохнуть и задремал, а потом – как понял, что настала ночь – решил не ломать запоров, а как подобает всякому приличному немцу – прилёт на диван спокойно дожидаться утра.

Тут и ареста никакого не будет, как максимум – дело закончится презентом начальнику полицейского участка. Или, что куда более вероятно, роскошным, присланным из лучшего Берлинского ресторана завтраком – в компании бравых хранителей закона.

Жаль только, что безопасность продлится ненадолго. Уже через четверть часа мне придётся поставить на кон

собственную жизнь. Не для славы, не в адреналиновом запале, а самым сложным образом – по циничному расчёту.

– Отсутствие риска порождает никчёмность, – успокоил я себя тихим шёпотом.

Надёжного исполнителя нельзя встретить в злачном бирхаусе[292] или купить за деньги по объявлению в газете. Затеявшего поиск киллера новичка-заказчика непременно сдадут полиции, в лучшем случае – разведут на деньги.

Старый принцип «хочешь сделать хорошо – сделай сам» теперь звучит для меня по другому: «Хочешь меньше рисковать – рискуй сам». Сам покупай в соседней Чехословакии взрывчатку у пропойцы-шахтёра, сам возись со взрывателем. Сам устанавливай...

Сам отвечай за свои ошибки.

Осенью 1930-го мне показалось, что смахнув с доски истории Сталина, я сделал непоправимую, страшную ошибку – освободил дорогу ещё большему младобольшевицкому злу. В этом есть немалая толика правды: СССР Нового мира – далеко не dream country[293]. Всякая оппозиция разгромлена, этапы без вины виноватых «контриков», троцкистов, фашистов и прочих болтунов за народное счастье по-прежнему тянутся на Соловки.

Однако люди в городах и сёлах, по крайней мере, не умирают от голода.

Есть и по-настоящему позитивные подвижки, например: нынче самая модная, муссируемая в немецкой прессе тема – «Сырцовские концессии»[294].

Заголовки пестрят: «... политбюро готово к конструктивному диалогу с серьёзным иностранным бизнесом».[295] Ответного скепсиса с лихвой – счёт обманутым Советами

[292] Здесь – собирательное название пивных ресторанов.

[293] Страна мечты. (англ.).

[294] В реальной истории конец иностранным концессиям положило постановление СНК от 27 декабря 1930 г., согласно которому все прежние договоры о концессиях были аннулированы.

[295] В 1927 году Главконцеском жаловался: «Рентабельность концессий, работающих на внутренний рынок, выходит за всякие пределы и достигает в некоторых случаях до 400 % на инвестированный из-за границы капитал».

предпринимателям идёт на многие сотни. Пусть – авантюристы всё равно не переводятся, ведь против очередного большевистского плутовства стоит прибыль в три-четыре сотни процентов.

Важнее, что теперь, без малого два года спустя ко мне пришло понимание: убийством вождя невозможно сменить идеологию и привычки масс.

Зато так легче всего уничтожить загнавшего страну в Голодомор экс-налётчика, горе-экономиста, а чуть позже, к 37-му, серийного киллера-параноика. Сгодится взрывчатка и против маньяка-юдофоба, зачинщика величайшей в истории мира бойни.

Все три стрелки упёрлись в двенадцать – пора...

Моему плану не требуется особая точность: начать на четверть часа раньше или получасом позже – ничего не изменится.

Просто так проще подняться с дивана.

* * *

Глаза привыкли к темноте летней ночи. Тёмно-коричневый костюм делает меня невидимкой на фоне тяжёлых дубовых панелей. Мягкие мокасины едва слышно шуршат по историческому паркету. Путь недалёк и знаком – из уютного лобби, мимо ресторана, к лестнице.

Брикеты с аммоналом, детонатор, фонарь, верёвка, картон и все необходимые инструменты спрятаны в переходе второго этажа...

Можно сказать – экспромт, устроенный без длинной подготовки: сегодня, уже ближе к вечеру, я засунул портфель за портьеру выходящего во внутренний дворик окна. Смешной тайник, но, судя по пыли, руки уборщиков не добирались туда как минимум с зимы.

Точка невозврата пройдена...

Против желания моя ладонь скользнула в карман, к холодному металлу талисмана. Дамский «Браунинг» – совершенно негодное оружие, но тем не менее заменить дважды спасший жизнь пистолет на другой...

Нет, такую насмешку над суевериями я себе позволить не могу. Да честно говря – и не хочу...

Дело за малым – проникнуть под купол, в святая святых – пленарный зал Рейхстага...

Не самая простая задача – доступ к депутатским телам в Веймарской республике обставлен по самым строгим нормам безопасности. Посетителей-просителей пускают исключительно с северного, выходящего на набережную Шпрее портала. Прямо в холле огорожена канатом приёмная, стоит высока конторка, из-за которой клерки со всех трясут аусвайсы, педантично регистрируют, заполняют бланк с именем депутата и перечнем вопросов, при согласии народного избранника на разговор – вызывают специального курьера-охранника, который провожает посетителя до кабинета.

Ordnung muss sein![296]

Хвала демократии – противоположный вход, он же южный портал, открыт свободно. Через него любой желающий может подняться в гостевую ложу и послушать, что обсуждают парламентарии. Заодно – встретиться с нужным человеком неформально: в ресторане, в баре, или в лобби, а то и просто у приглянувшейся колонны в коридоре. Полезная опция, которую широко используют богатые и влиятельные, те, к кому депутаты выходят сами, по звонку или переданной через клерка записочке.

Части огромного здания неплохо изолированы друг от друга, на ночь все проходы запираются[297]. Отдельной охраны в публичном крыле нет – нет совсем и полностью. Просто потому, что тут нечего охранять, кроме, разве что, барменского хозяйства – шкафа со спиртным и холодильников с закусками. При этом всего лишь три метра высоты отделяют гостевые ложи от партера – сущий пустяк. Думаю, что ответственные товарищи это прекрасно понимают, да только и в пленарном зале воришкам или вредителям делать положительно нечего. Выходы же в богатое ценными документами

[296] *Порядок должен быть. (нем.).*

[297] *Если верить официальной версии поджога Рейхстага в 1933 году, то для полуслеплого одиночки Ван дер Люббе вообще не существовало ни закрытых дверей, ни охраны. Поверить в такое всё же сложновато, поэтому в сюжет пошла более «консервативная» версия.*

депутатское крыло закрыты резными дубовыми дверями, чтобы их проломить потребуется если не танк, то по крайней мере – броневедомитель.

Теория сулила мне абсолютную безопасность.

Практика же шевелила волосы на голове шорохами, скрипами и бряками.

Кто мог подумать, что кроме тараканов и мышей тут обитают здоровенные крысы? А проезжающий по соседней улице тяжёлый грузовик способен заставить стёкла тихонечко позванивать?

Полбеды – коридоры, в них кое-как проступают контуры окон и стены, зал – вот где меня встретила по-настоящему пугающая, тонущая в черноте пустота.

Малейший звук отзывался звенящим в ушах эхом, самые аккуратные шаги заставляли содрогаться пол и стены.

Сторожась всего на свете, я каким-то образом умудрился спихнуть с широкого перила ложи раскрытый для поиска верёвки портфель – он рухнул с высоты прямо на депутатский стол. Казалось, что от страшного грохота содрогнулся весь Рейхстаг!

С матом, бросив на месте преступления злосчастную верёвку, я выбежал в коридор, пытаюсь определиться, в которую сторону лучше драпать. Да так и замер в нерешительности, боясь лишний раз вздохнуть.

Но минута тянулась за минутой, а никто и не думал поднимать тревогу.

Сердце вернулось из пяток через четверть часа, панику сменила эйфория – уже совсем ничего не таясь, я вернулся на ложу. Тихонько напевая «whatever happens, I'll leave it all to chance» [298], навязал на верёвке узлов, закрепил её конец на балясине ограждения и соскользнул вниз.

Как раз на крайнюю правую сторону, в проклятый сектор, оккупированный сотней мордастых сволочей в коричневых рубашках.

Пришло время вырезать раковую опухоль, пока метастазы не отравили организм. Заложить под задницу депутата Гитлера хорошую порцию аммонала...

[298] *Песня из репертуара английской рок-группы «Queen».*
«Что бы ни случилось, я оставлю всё на волю случая...». (англ.).

Дёшево, сердито, качественно!

И вместе с тем – совершенно нереально: Гитлер – не депутат.

Редкий оксюморон – глава второй по величине парламентской фракции обходит Рейхстаг десятой дорогой, как символ ненавистной демократической заразы. По крайней мере именно так пишут в «Фёлькишер беобахтер»[299]. Настоящая причина куда проще и обиднее: во время выборов 30-го года у фюрера нации отсутствовало германское гражданство...

Честно признаться: вся затея с Рейхстагом – суть спешная импровизация.

Первоначально мы хотели по-простому заминировать «Хофбройхаус»[300] перед митингом НСДАП. Взяли семейный подряд: Александра под личиной активной нацистки искала бреши в системе охраны, я собирал из кислоты, стеклянной трубки и натянутой проволоочки надёжный замедлитель к детонатору.

Точности срабатывания в пределах плюс-минус часа я добился, а вот с доступом до тушки клиента просчёт вышел буквально по всем направлениям.

Во-первых, Гитлера теперь[301] качественно охраняют, восемь телохранителей стоят кольцом вокруг фюрера на всех публичных мероприятиях. Ребята здоровые, таких не всякий осколок пробьёт.

Во-вторых, место выступления тщательно и профессионально осматривают на предмет минирования, а то и вообще – держат под круглосуточной охраной. Людей в СС для этого хватает.

В-третьих, точное время и маршруты скрываются, подловить нужный автомобиль всё ещё реально – но лишь с помощью радиовзрывателя.

[299] «Фёлькишер беобахтер» (нем. «Völkischer Beobachter» – «Народный обозреватель») – немецкая газета. С 1920 года – печатный орган НСДАП.

[300] Огромный ресторан в Мюнхене, место «учреждения» и регулярных собраний-митингов НСДАП.

[301] Постоянная личная охрана А. Гитлера учреждена в феврале 1932 года.

Можно было бы решить большую часть проблем мощностью взрывного устройства и количеством поражающих элементов, в конце концов, грузовик с тонной взрывчатки в кузове никто не отменял. Да только хладнокровно уничтожить сотню или две людей я не готов.

Саша – уж на что радикальнее меня настроена – и то отказалась от подобного решения после того, как побывала в первых рядах митингов.

Там, оказывается, всё плотно забито не суровыми штурмовиками, а восторженными дамочками-фанатками. Тусовка у них такая – вяжут, штопают, вышивают, моют кости мужья и судачат за цены в бакалее, а при виде любимого фюрера – прыгают и, выпучив от обожания глаза, кричат во всю глотку партийные лозунги.

В отчаянии я приволок из Австрии винтовку – чудесный «Savage 99» с оптическим прицелом, но тут случилось удивительное, никак не вписывающееся в историю Старого мира событие – свежеизбранный Гинденбург обозлился на грубые подтасовки в ходе голосования и санкционировал порку нацистов.

По штабам и редакциям СА прокатилась волна пугающе результативных обысков – планы будущего путча пришлось вывозить грузовиками.

Скрывать документы полицейские не стали, напротив – прусский министр внутренних дел Зеверинг[302] вывалил в прессу маршруты вывода штурмовиков из казарм, схему окружения Берлина, список приоритетных целей захвата, фамилии нуждающихся в нейтрализации врагов, способы конспиративной связи, перечень условных телеграфных сигналов...

Геббельс и его команда оправдывались с искренностью опоздавших на урок первоклашек: «мы замыслили восстание не против республики, а на случай коммунистической революции».

И им...

Верили!

Или делали вид, что верят...

Как практически бороться со столь многочисленным,

[302] Разоблачения Зеверинга имело место в реальной истории.

инфильтрованным во все структуры заговором – силовики просто не понимали.

Не остались в стороне и социал-демократы: внесли свою лепту, точнее сказать – принялись доказывать противозаконность частной армии Гитлера в судах. Основанием стали «Боксгеймские документы» [303], согласно которым власть на местах должна была перейти к штурмовикам, все частные доходы и продукты подлежали конфискации, население переводилось на общественное питание, а все сопротивляющиеся – подлежали немедленному расстрелу. С юридической стороны правоту эсдэков никто не оспаривал – «коричневые рубашки» их просто-напросто игнорировали.

В конце концов не выдержал даже старый генерал Людендорф, соратник Гитлера по временам «Пивного путча» – он публично назвал Германию «оккупированной страной» и призвал к освобождению.

Тут рейхсканцлер Брюнинг и рейхсминистр обороны и внутренних дел Гренер поставили жирную точку – объявили о роспуске СА и СС на всей территории Германии.

Такого в истории Старого мира не было! [304]

Жаль, что воли осуществить запрет – не нашлось: по добру штурмовики расходиться «почему-то» отказались, а Гинденбург всё никак не решался прибегнуть к силе оружия.

Ситуация замерла в шатком равновесии...

С одной стороны – самое время обезглавить НСДАП. Пусть политики и журналисты обвиняют кого угодно, пусть ищут правых и виноватых среди агентов Коминтерна, французской *Sûreté* и английской *Secret Service* [305]. Рейхсвер и полиция успеют сделать своё дело – разгонят путчистов по дальним норам как нашкодивших щенков. С другой стороны...

[303] В реальной истории документы попали в руки эсдеков в имении Боксгейм, в конце ноября 1931 года.

[304] ГГ ошибается – событие имело место в реальной истории. Роспуск был объявлен 14 апреля 1932 года. Однако после триумфа НСДАП на выборах – всё пришлось отыгрывать назад. Брюнинг был снят Гинденбургом, Гренер отправлен в отставку. Возглавивший 1 июня 1932 г. правительство Франц фон Папен отменил запрет.

[305] Французская и английская службы безопасности.

На прошлой неделе, под вечер, в сто пятьсотый раз штудировав плёнки с учебниками истории, Александра сорвалась на вскрик:

– Встречный пал!

На закреплённом под фотоувеличителем листе ватмана красовалась фотография пылающего Рейхстага.

– Какие же дураки мы с тобой! – добавила она, видя моё недоумение. – Вот ты мне скажи: «Что лучше для России? Взорвать Сталина, или остановить большевистский путч в октябре семнадцатого года?».

– Конечно – остановить путч...

– Вот подстрелишь ты Гитлера, и что, штурмовики сразу по домам разбегутся?

– Боюсь, что отсутствие «члена партии № 7» [306] идеологию нацизма не остановит, – этот момент мы с женой обсуждали уже сто тысяч раз. – Не до хорошего – в лучшем случае дело сведётся к среднему уровню зверства эпохи...

– ... как со Сталиным и сырцовскими младобольшевиками, – закончила мысль Саша.

– Лучше так, чем никак!

– Теперь на минуточку представь, что получится, если Рейхстаг завтра подожжёт ярый нацист? – вкрадчиво поинтересовалась Саша.

– Где же мы такого полезного идиота найдём?

– Зато у нас есть бомба.

– Так опять всех собак навесят на Тельмана!

– Вот его-то мы и взорвём!

Авантюра неожиданно начала обретать вполне реальное содержание...

Понятно всякому немецкому киндеру – эсдеки, народники, фермеры и прочие католики никогда не опустятся до минирования парламента. Обвинителям придётся выбирать из двух зол: коммунистов или нацистов. В случае жертв среди левых виновными, без всяких сомнений, объявят правых, то есть штурмовиков – отороженных на всю голову экстремистов там более чем достаточно.

А до конспирологии уровня «они сами себя подорвали» – сознание масс тридцатых годов ещё не добралось.

[306] Членский билет НСДАП № 7 принадлежал А. Гитлеру.

– Если коммунисты не растеряются и раскрутят инфоповод по полной... – подумав, осторожно предположил я. – То особого успеха на выборах НДСАП не добьётся.

– Да их вообще из Рейхстага выпрут! – энергично рубанула рукой воздух Саша.

– Отбрехаются, – скептически хмыкнул я. – Хотя на сей раз Геббельсу придётся прыгнуть выше головы.

– Завтра едем в Берлин, – тон Александры не предусматривал возражений. – С утра. Нельзя упустить такой выгодный момент.

Я затряс головой, отгоняя воспоминания. Не время расслабляться, работа ещё не закончена.

С сожалением перебрался с правой стороны зала на левую, коммунистическую. Под тусклым светом фонарика с закопчённым стеклом высчитал место – «ничего личного, товарищ Тельман, всего лишь небольшая корректировка истории»...

В mine нет шрапнели, пяти килограммов аммонала достаточно с лихвой. Нам нужна глубокая воронка в полу, выбитые стёкла, щепы и разруха, а никак не трупы. В конце концов 21-й век богат на легальные и в чём-то даже полезные компартии, пускай они плодятся и множатся на радость передовому пролетариату. Да и сам Тельман пусть живёт долго и счастливо: завтра у депутатов – короткая утренняя сессия, и взрыватель должен сработать в уже пустом зале.

Над местом закладки мы с Сашей медитировали два дня. Не такой и простой вопрос – депутатские столы-парты стоят на длинных изящных ногах, сиденья стульев откидываются. Всё сделано из прочного массива дуба, аскетично, открыто. Есть лишь одна уязвимая деталь – выдвижные ящички. Они стандартные, на всех местах – одинаковые по ширине. А вот сами столы – разные, они ряд за рядом расширяются по секторам, от двух мест до четырёх. Таким образом, между ящичками, под столешницами, есть приличное по объёму пустое пространство.

Закладывать туда мину не очень-то удобно, тем более – в перчатках. Ещё и точных размеров нет, мне пришлось подогнать каркас из толстого картона по месту, затем крепить его

на шурупы так, чтобы он ни в коем случае не мешал выдвигать и задвигать ящики. Затем – частично разобрать каркас и пристраивать в него обёрнутый в кучу слоёв «Фёлькишер беобахтер» аммонал.

Взрывчатка шуток не любит, поэтому я не торопился, провозился целый час. Проверил три раза всю схему, задержал дыхание и резким движением выдернул штифт предохранителя.

– Уф! Вроде живой! – осталось только уйти.

Налегке – портфель со инструментами и крошками взрывчатки я засунул под скамью в последнем ряду нацистского сектора. Найдут с утра, до взрыва – без затей сдадут в гардероб, удивления это ни у кого не вызовет. Не найдут – тоже хорошо. В любом случае следователи рано или поздно доберутся до всех подозрительных предметов.

Моих отпечатков пальцев на ручке и коже нет, а вот маркировка берлинского продавца имеется. И этот продавец, надеюсь, прекрасно запомнил странного, забинтованного от подбородка до самых глаз громилу-покупателя в коричневой форме штурмовика.

Покинуть Рейхстаг удалось на удивление просто...

Хвала сдвигающимся вверх еврорамам – на втором этаже их закрывают на обычный шпингалет. С широкого, украшенного лепниной и колоннами карниза до земли – метра четыре, прыгать страшновато, но у меня есть верёвка.

Спуск в тени угловой башни прошёл без помех – напротив южного, выходящего в парк портала нет ни души. Сложно ожидать иного: жизнь в дворцово-официальной части Берлина замирает ещё до заката – ни жилых домов, ни ресторанов в округе нет.

Из-под стены Рейхстага под тусклый свет далёких фонарей я вывалился в стиле нагруженного шнапсом матроса, по замысловатой траектории поперёк мостовой, едва не валясь с ног на каждом шаге. Каждую секунду ждал криков, топота окованных сапог, тревожных свистков – и ничего, только за углом, по Саммер-штрассе простучал в сторону Шпрее какой-то рыдван.

Опасное приключение, можно сказать, завершилось. В зачёт пойдёт любой результат: даже если бомбу вовремя

обнаружат и обезвредят – нацистам никак не увернуться от обвинений. Место, газеты, портфель – всё играет против Гитлера и его команды.

А вот риск – остался. Тривиальная проверка документов полицейским патрулём, и завтра, сразу после взрыва я попаду под удар следствия. Придётся всё бросать, бежать за океан, менять личность...

Куда как проще свернуть под густые кроны деревьев, на заранее разведанную тропинку Тиргартена. Бравые стражи закона стараются ночью сюда не заходить – огромный лесопарк на время экономического кризиса стал прибежищем асоциальных элементов: гопников, проституток, нищих, бездомных и прочих наркоманов.

Каждое утро начинается со сбора свежих жмуров, толкование причин и обстоятельств их смерти – любимая тема берлинских таблоидов.

С первых же шагов ясно – газетчики не врут, жизнь в парке и правда бьёт ключом. Ветер то и дело доносит до меня обрывки смеха, крики, слова пьяных песен, дым костров и запах горелого мяса.

Однако желающих напасть на крадущегося по аллеям здорового парня так и не нашлось, или, что куда вернее, свободная продажа «огнестрела» давно отучила местных совать нос в чужие дела.

Минут через двадцать, сотню раз помянув недобрым словом ландшафтного дизайнера кривых дорожек и ленивых до обрезки ветвей садовников, я качающейся алкогольной походкой пересёк упирающееся в Бранденбургские ворота Шарлоттенбургское шоссе, а ещё через полчаса – выбрался за границу Тиргартена, на Ленне-штрассе.

Тут, рядом с Лейпцигской площадью и Потсдамским вокзалом, ночная жизнь уже не прячется, наоборот – она выставлена напоказ. Улицы освещены яркими электрическими фонарями, снуют прохожие, открыты двери лавчонок и магазинчиков. Тротуары облеплены множеством машин, кто-то – ждёт знакомых с поезда, кто-то – пытается подхалтурить, выхватить клиента из рук таксистов, кто-то – приехал купить сигарет, травки, или снять шлюху...

Как я ни старался сойти за кого-нибудь другого, тихий рокот запускаемого двигателя показал – Саша меня заметила. Освещение приборной панели подсветило её бледное лицо.

Я пригнулся к опущенному стеклу машины и бодро отрапортовал:

– Сделал всё что мог, кто может – пусть сделает лучше.

Саша обхватила руками мою голову, осторожно, словно боясь сломать, потянула к себе.

Слова не нужны – глаза, полные боли и слёз, красноречивее любых слов...

* * *

Снопы света от шести фар мчатся по асфальту стаей серых борзых, чудесный рык спущенного с привязи семилитрового исполина разгоняет кровь в жилах пуще старого французского вина.

Пятиметровая двухтонная туша семьсот десятого «Мерседеса» послушная рукам Александры идёт легко, по-женски плавно, как будто забавляясь в учтивом вальсе. Только подозрительно быстро мелькают тополя по обе стороны от дороги.

– Не гони, – кладу я ладонь на колено жены. – Или давай я поведу.

– Сам же говорил, что для надёжного алиби нужно позавтракать в Мюнхене, – ворчит она в ответ. – Отпустила тебя одного, обещал ненадолго, а провозился до трёх ночи!

Но я знаю, что ей просто нравится лететь сквозь ночь по пустому шоссе.

– Спидометра на тебя нет!

– Перестраховщик! – улыбается в ответ Саша.

Тут она опять права.

Я не только поставил чужие номера, но и сам, своими руками выкрутил тросик одометра из коробки передач.

Так наш механик не увидит лишнюю тысячу километров пробега.

Так что теперь остаётся только гадать: насколько быстрее сотни мы едем.

– До Мюнхена осталось всего-то километров четыреста!

– делаю я ещё одну попытку. – Вот начнёт светать – тогда и прибавишь.

– Не забывай, что машину нужно помыть, тент сложить, масло и бензин – залить.

– Придумала сложность – пыль стереть... – притворно фыркаю я.

Шоссе плавным поворотом скользит к железной дороге. В высоком луче прожектор-искателя поблёскивают рельсы, где-то далеко впереди, чуть пониже звёзд колеблются хвостовые огни поезда.

Саша плавно дожимает педаль газа – и вот уже ярко освещённый вагон-ресторан катятся рядом с нами. Спят там не все, кто-то, всё ещё достаточно трезвый, отрывается от стола и вяло машет нам рукой. Ещё минута – и брызгающий искрами паровоз остаётся позади.

– Они, те кто в поезде, едут в своё будущее, – вдруг замечает Саша. – Они ничего не знают.

– Теперь все немцы ничего не знают, – отшучиваюсь я. – Мы их обогнали совсем на чуть-чуть.

– Думаешь, что завтра всё закончится?

– Сегодня, – поправляю я. – Уже сегодня.

Мне не надо уточнять, что имеет в виду Саша. Ответственность за судьбу целого мира – не шутка. Мы – не атланты. Мы устали, мы хотим жить как все, не зная будущих кошмаров. Вернее сказать – мы до ужаса боимся стать их соучастниками.

– Поверить не могу!

– К хорошему быстро привыкнешь.

– Как к бананам?

– Фу! Что за плебейский вкус?!

– Сам дурак!

Бью себя по лбу ладонью и тянусь назад, за спинку сидения. Кроме прочего, там заныкана огромная гроздь бананов. Выламываю самые толстые и спелые плоды, сдираю шкурку, затем принимаюсь по-свински отрывать маленькие кусочки и отправлять их в Сашин рот, то и дело облизывая свои измазанные в сладкой мякоти пальцы.

– Ведь правда... – интересуется Саша. – Если бы мы ехали из Берлина в Мюнхен в твоём мире, то могли прямо сейчас

позвонить Бабелю в Москву, и не только поговорить, но ещё и показать ему, чем мы тут занимаемся?

– Запросто, – чуть-чуть преувеличиваю я возможности мобильной связи. – Набираешь в «Вотсапе»[307] будто решился скинуть на карточку прошлогодний долг, а сам бананом в камеру – на! А ну подавись, жирная сволочь!

– Ха-ха-ха! – заливается смехом Саша. – Подавись! Подавись!

Банан для берлинцев – признак голода, точнее – способ чуть-чуть этот самый голод облагородить. Добавить к пустой похлёбке и бутерброду с котлетой дешёвый, продающийся на каждом углу банан[308] – вот тебе и десерт, как положено в доброе время, и сытость. За пятнадцать лет немцы успели выкинуть из своей памяти «клубни Гинденбурга»[309], забыли, что настоящий голод – это когда хлеб строго по карточкам, а бананы – на картинках в старых книгах.

– Надо бы собрать товарищам посылку... – начинаю я.

– ... голодающим советским пролетариям от бедных детей Африки! – заканчивает Саша.

В нашем беззаботном веселье есть глубокий смысл: мы играем и невольно чуть-чуть переигрываем. Играем прежде всего для самих себя – в глубине души мы прекрасно знаем, что ещё ничего не решено, что Новый мир может оказаться не лучше старого, и вообще – у судьбы в запасе стопятысот коварных трюков, которые сведут все наши усилия к нулю.

Знание будущего научило нас не оглядываться вперёд...

Покачиваясь в лучах фар, навстречу нам несутся невысокие дома. Грохот мотора разрывает тесную улицу.

Саша недовольно закусывает губу, умеряя мощь «Мерседеса» до масштаба безвестного городка.

[307] «WhatsApp» – это один из популярных мессенджеров, который позволяет обмениваться текстовыми сообщениями, изображениями, видео и аудио через Интернет.

[308] В нацистской Германии бананы были объявлены «непатриотичными», немецкие доктора выступали с «предупреждениями о вредности» банана. Фруктовые магазины обязали вывешивать плакаты с надписью «Настоящий патриот ест немецкие яблоки».

[309] Брюква. Едва ли не основной продукт питания голодной зимой 1916-1917 годов.

Лают собаки, белым взъерошенным комком выворачивается из-под колеса чья-то глупая курица.

– К утру съедят, – констатирует Саша.

– Попала в неправильное место, – паясничаю я. – В неправильное время.

– Нехороший знак...

– А ты – не гони!

Удивительно, но на сей раз Саша не спорит, а послушно приотпускает акселератор.

Наш разговор сворачивает с Бабеля и новостей из СССР на обсуждение чудовищной скупости пани Залевски, хозяйки арендованного шале.

Дорога пуста, бананы сладки, и Саша всё так же заливисто хохочет над моими шутками.

Однако где-то глубоко-глубоко в моём подсознании затаилась неуютная клякса червоточины...

* * *

График гонки мы, конечно, безнадежно сорвали – к знаменитому «Хофбройхаусу» подкатили не к завтраку, а ближе к обеду...

Зато – все остальные декорации на месте.

Кожаный верх «Мерседеса» сложен, стёкла и панели тщательно отмыты и натёрты. Никелированные детали трёхметрового, по-спортивному обтянутого кожаными ремнями капота кидают в прохожих ослепительные солнечные блики.

Александра на пассажирском кресле разряжена, как леди.

На мне новый костюм, тёмные очки, а в зубах, на показ всему свету, тлеет трёхдолларовая сигара.

Мы выйдем в точности так, как и положено выглядеть богатой немецкой семье, выбравшейся в город с дачи.

Да ещё не просто богатой, а сочувствующей делу партии Гитлера. Не от большого желания, конечно, а из-за нелепого стечения обстоятельств.

Подготовка к взрыву фюрера требовала присутствия на митингах и собраниях, то есть – членства в НСДАП, а теперь, когда нас каждая собака знает в Мюнхене как нацистов, поздно менять личину для алиби.

Поэтому мой костюм слегка стилизован под униформу СА, на грудь приколот новенький «бычий глаз».

В конце концов – почему бы и нет?

Сам принц Август-Вильгельм Прусский – знатнейший из знатных, сын экс-кайзера! – считает не зазорным выступать под флагом со свастикой. Даже как-то позволил полиции себя избить на демонстрации, за что был удостоен похвалы отца – «ты должен гордиться тем, что стал одним из мучеников этого великого народного движения».

У входа в ресторан молодёжь из СА предлагает брошюры. Саша строит ребятам глазки, берёт протянутые листки и закатывает пять серебряных марок в щель копилки для пожертвований. Очень щедро, слишком щедро. В местечке попроще за эти деньги можно пообедать.

– Марта! – укоряю я жену.

– Им нужнее, – отвечает она под широкие улыбки ребят в коричневых рубашках.

Теперь нас точно не забудут...

«Хофбройхаус» встретил нас не смолкающим ни на секунду гулом голосов. Как всегда, слишком много людей, слишком хорошая акустика залов, слишком много пива и закуски. Хоть заведение и считается «штабом» нацистов, но тут можно встретить за одним столом католиков, социал-демократов, коммунистов и даже евреев – тех кто посмелее, да здоровее.

Das gute Bier im Hofbräuhaus verwischt alle Klassenunterschiede[310] – прекрасное пиво стирает все классовые различия. Пьют в три горла, жрут до отрыжки, стучат кружками по столам под немудрёные песни, упражняются в остроумии, хлопают друг друга по плечам...

Разница во взглядах – «как обустроить Дойчланд» – пока что не мешает им оставаться старыми добрыми друзьями.

Мы с Сашей в «Хофбройхаусе» – свои. Прикормленный чаевыми кельнер без проволочек устроил нас на лучшие места неподалёку от импровизированной сцены. Митинг под растяжкой «Arbeit und Brot!»[311] особенно хорош под

[310] Немного изменённая запись из дневника Н. К. Крупской (апрель 1901 года).

[311] Труд и хлеб. (нем.).

жирного зайца, добросовестно нашпигованного красной капустой и яблоками.

Пропагандист старался на совесть. Чуть горбатый, худой как кощей, показательно бедно одетый, ещё и голосище не без искры божьего гнева – сильный, тонкий, пронзительный. Пробивается сквозь сонм досужих разговоров до самых дальних углов зала, как высокочастотная помеха – через обмотки силового трансформатора. Пока мы разминались салатом, он травил простые житейские истории, но всё изменилось, едва мы добрались до горячего. Внезапно подойдя к краю, он резким тычком выставил в зал палец и изменённым, резким голосом бросил в уши жующим людям.

– Немцы, покупайте только у евреев![312] Пускай ваши сограждане голодают! Ходите в еврейские универмаги. Еврей будет жиреть от монет, которые вы ему даёте, немец же будет умирать от голода. Чем несправедливее вы будете к своему собственному народу – тем скорее наступит день, когда придёт один человек, возьмёт кнут и выгонит менял из храма нашей отчизны![313]

Где уместнее всего говорить про голод?

Правильно!

В дорогой, да ещё и до отказа переполненной пивнушке!

Между тем голос нарастал всё сильнее, увлекая за собой слушателей, оратор остервенело швырял в аудиторию слово за словом.

– Десять лет Германия распродаётся оптом и в розницу! Миллионы немцев во власти голода и нищеты! Наш святой долг всё изменить!

Публика сорвалась на аплодисменты, крик и топот, словно благодаря словам их жизнь уже изменилась.

Оратор же ждал. Его бледное лицо светилось вдохновением и верой. А затем, убедительно и неудержимо со сцены в уши людей полились обещания.

В дымном, вонючем воздухе пивнушки наливался сиянием

[312] Интересно, что в 1932-1933 году массовая агитация против покупок в еврейских магазинах вызвала обратный эффект – люди не верили пропаганде и назло покупали товары в еврейских магазинах.

[313] Цитата из речи И. Геббельса.

серебра и золота купол рая, под которым каждый обретал счастье, богатство и право на святую месть.

Бессонная, полная опасностей ночь обострила мои чувства, и я совсем по-новому посмотрел на сидящих за длинными столами людей. Лавочники, рабочие, продавцы, пекари, механики, счетоводы, машинистки и клерки – они все как один подались к оратору, ряд за рядом, голова к голове.

– Бандерлоги, хорошо ли вам слышно?! – прошептал я.

– Ближе! Ближе! – без тени улыбки подыграла мне Саша.

Мне стало страшно: совершенно разные лица приобрели удивительную похожесть. Бессмысленные, устремлённые в туманную даль взгляды – зияющая пустота в удивительном сочетании с ожиданием великого подвига. В этом ожидании без остатка растворялось всё: критика, сомнения, правда и реальность. Оратор давал простой ответ на каждый вопрос, он мог помочь любой, самой страшной беде.

Легко не только падать, верить – тоже легко.

– Поедем отсюда? – засобиралась Саша. – Залезем в кровать, включим радио...

– Да, пожалуй, – я полез в бумажник и поднял руку, подзывая кельнера. – Уважаемый, рассчитайте!

Словно в ответ, где-то совсем рядом захлопали выстрелы.

– Чёрт! – скрипнул зубами я.

– Думаешь, что нашли?

– Надеюсь, что нет!

Ещё вчера невзорвавшаяся мина казалась мне вполне достаточным поводом для перевода стрелок истории на новый путь. Минимально допустимое воздействие, или МНВ, точно по «Концу вечности» герра Азимова. Депутаты – целы, газетчики – в профите, зипо, шупо[314] и рейхсвер – при работе.

Какая обывателям разница: заложили нацисты мину под тельмановский стол, или всё же взорвали её, по ошибке попав в нерабочее время?

Теперь же, после риска, страха и хлопот мне хотелось выжать из ситуации как можно больше – фотографии разнесённой на куски депутатской мебели выглядят куда убедительнее строчек из полицейских протоколов.

[314] *Zuno* – «полиция безопасности», *Sicherheitspolizei*, *SiPo*.
Шупо – охранная полиция, *Schutzpolizei*, *Schupo*.

– Так мы идём? – поторопила меня Саша.

«Кельнер... Ведь специально тянет с расчётом!», – подумал я и бросил на стол бумажку в двадцать марок. – «Да пусть подавится, прощельяга!».

До выхода мы добраться не успели – дверь распахнулась от удара, и в зал не вошёл, а скорее кубарем вкатился совсем юный парень в шортах и разорванной, густо залитой кровью коричневой рубашке. С трудом поднявшись на колени, от прохрипел:

– В Рейхстаге – взрыв! Тельман – убит!

Увидели и услышали вестника немногие, однако его крик, повторенный сотнями голосов, пролетел через огромные залы за мгновение. Если бы не жужжание вездесущих мух, то мне бы показалось, что я оглох – такая небывалой тишины в «Хофбройхаусе» не было со времён сотворения мира.

– Tot!!! – вдруг крикнул кто-то. – Сдох!

– Tot! – стукнула по столу чья-то кружка. – Tot! Tot! – подхватили ритм соседи, волной, всё убыстряя и убыстряя темп в едином порыве. – Tot! Tot! Tot!

– Das ist eine Provokation... – словами про провокацию недоумённо продолжил свою прерванную речь оратор.

Зал заглушил его слова победным рёвом:

– Tot! Tot! Tot!

Оратор отшатнулся в глубину сцены, стушевался, разом потеряв в силе и росте, как видно, пытаясь привести новейшую картину мира в соответствие с партийной доктриной. Я уж думал, что уйдёт, но он справился. Выскочил обратно на край и завопил, перекрывая стук кружек:

– Kameraden! Kameraden! Zu den Waffen, Kameraden[315]!

– Hurra!!! – заорала в ответ сотня натренированных пивом глоток.

– Ой, что сейчас будет! – изобразила фейспалм[316] Саша.

– Уходим?

– Нет уж, давай досмотрим!

[315] *К оружию, товарищи! (нем.).*

[316] *Фасералт (англ.) – популярное онлайн-выражение в виде физического жеста. Более широко известная трактовка выражения – «лицо, закрытое одной рукой», которое является проявлением разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения.*

Зрелище того стоило...

После призыва к оружию оратор отбросил сложные фразы. Под мерную дробь «tot! tot! tot!» он принялся один за другим выкрикивать нескольких простейших лозунгов с рефреном «muss sterben» – должны умереть – евреи, коммунисты, либералы. Он орал всё более и более истеричным голосом, и к моему немалому удивлению – это сработало! Публика – те самые сотни самых разных людей, которые пришли в «Хофбройхаус» за вкусным обедом с кружкой доброго немецкого пива – заедились в безумную толпу.

Кульминация не заставила себя ждать – оратор выкинул вперёд ладонь, выдержал короткую паузу и отдал приказ:

– Vorwärts!!![317]

Спущенная с цепи свирепая свора кинулась к выходу, я едва успел оттянуть Сашу в сторону от дверей. В глазах бегущих мимо нас мужчин и женщин не осталось ничего человеческого.

Догнать! Убить! Растерзать!

Любого, кто окажется на дороге!

Несколько минут – и только заставленные тарелками столы напоминали о сидевших тут людях.

Оратор же...

Он аккуратно спустился по приставленной к трибуне лесенке и уселся за ближайший стол. Подтянул к себе чью-то полную кружку, с видимым удовольствием отпил крупный глоток. Воровато огляделся, вооружился вилкой и подцепил ею из чужой тарелки сочащееся жиром кольцо колбасы.

– Schweinehund![318] – не удержалась Саша и выругалась.

– Чудовище, – согласился я. – Да и с Тельманом как-то неудобно получилось.

– Всё что ни делается – делается к лучшему, – кровожадно улыбнулась жена.

– Как же... Ну как?!

– Провидение...

– Я прогонял взрыватели из этой серии десятков раз!

– Похоже, что у нас есть проблема побольше, – вдруг

[317] Вперёд!!! (нем.).

[318] Свинская собака. (нем). Распространённое немецкое ругательство.

прервала моё самобичевание Саша. – Ты только послушай, что в городе творится!

Будто специально, подтверждая её слова, улица отозвалась завыванием полицейской сирены.

Не препираясь более, мы рванулись вон из «Хофбройхауса». Двери открылись, как портал в соседнее измерение.

Мюнхен – всего пару часов назад домашний, тихий и спокойный – теперь напомунал застигнутый наводнением муравейник. Напротив, у дверей булочной, истерили домохозяйки, кричали, что не уйдут «пока осталась хоть одна булка». Лавочник не спорил – угрюмо и торопливо запирал ставни витрин. За углом, наискосок около грузовичка нервно толкались мужчины в форме СА. А совсем близко, прямо рядом с нашим «Мерседесом» хищно водил из стороны в сторону жалами пулемётов двухбашенный полицейский броневик.

– Это что, всё из-за Тельмана?! – ужаснулась Саша.

– Драка началась после слов «семантика этюдности в прозе Пушкина – неоднозначна», – мрачно повторил я старую институтскую шутку...

Забрать машину полицейские не помешали, а вот выбраться из города – оказалось не самой простой задачей: время словесных баталий прошло...

Улицы быстро покрывались постами, вооружёнными патрулями и всяким старым хламом, предвестником баррикад. Как и с кем *kameraden* собираются сражаться – представлялось полнейшей загадкой.

Едва ли не каждый квартал выставлял свою версию красного флага, с серпом и молотом, со свастикой в белом круге, буквами «SPD», чёрным сжатым кулаком, тремя стрелками, орлом или уж совсем дикими «кракозябрами».

На пути сквозь этот парад суверенитетов я крутил баранку, газовал, сигналил, продирался по тротуарам и задворкам, каждую секунду слыша в ответ всё более и более страшные угрозы.

И если бы только угрозы!

Отметки от дубинок и железных прутьев испятнали капот и борта машины. Булыжниками были вдребезги разнесены

фары и лобовое стекло. На некстати подвернувшейся газетной тумбе осталось висеть вырванное с мясом левое крыло. В довершение всего, удирая задним ходом от агрессивной толпы, я всмятку разворотил багажник.

Сверкающий краской и хромом шедевр автопрома превратился в хлюпающую кусками железа развалину, зато мы с Сашей отделались лёгким испугом. Успели проскочить по той самой зыбкой грани, на которой путчисты уже вполне способны громить лавки и жечь автомобили, но совершенно не готовы убивать лавочников, автовладельцев и всех прочих «недрузгов отечества».

К загородному шоссе мы выбрались в совершенно непонятном месте, проскочив через коровий выпас, длинные ряды луковых грядок и проломив как минимум полдюжины оград.

– Куда мы сейчас? – задал я Саше вопрос.

– Домой, в шале пани Залевски или в Берлин?

– Налево или направо! – расстроено хмыкнул я. – Карты – нет, шале – чёрт знает где, а до Берлина, пожалуй, нам без ремонта вообще не добраться. И вообще – впору не в столицу ехать, а в Австрию или Францию валить.

– Лёш, а почему мы не остались в Мюнхене?!

Она издевается, или...

Я со всей дури врезал ладонями по баранке.

– Б...ть!

– Солидный капиталист, миллионер, этакий ба-а-арин, – слово «барин» Саша протянула, хихикнув при этом. – А ведёшь себя, как нашкодивший мальчишка!

– Сама-то не лучше!

Как же так просто!

В самом деле: какой чёрт понёс нас через бунтующий город?! Что нам стоило заявиться в ближайший отель, снять номер и залечь там на день, неделю или месяц, в общем, до того замечательного момента, когда нацисты и коммунисты окончательно определятся: кто из них самый главный в Германском рейхе?

Ни слова более не говоря, я повернул налево и погнал «Мерседес» по шоссе. Германия – не Россия, между городами всего лишь десятки километров, а никак не сотни...

Наша поездка не заняла много времени, через полчаса мы въехали в Старнберг – тихий, патриархальный и очень уютный городок на берегу большого озера. Нашёлся и отель – со странным для глубинки названием «London» – очень приличный, прямо около центральной городской площади. Тут было всё: ванна с горячей водой, махровые халаты, широкая мягкая кровать, вино, фрукты и пирожные. Не было только радио и свежих газет. «К лучшему...», – как резонно заметила Александра: вместо попыток понять, что же случилось в Рейхстаге на самом деле, мы завалились спать...

Разбудили нас выстрелы. Редкие, размеренные – в гостинице, сложенной из камня веке этак в шестнадцатом, они казались совсем неопасными...

Я позвонил на ресепшен, заказал в номер завтрак и свежие газеты, заодно поинтересовался, мол, кто, собственно, додумался стрелять таким чудесным утром?

– Революционеры заняли ратушу, – ответил портье. – Теперь никого внутрь не пускают... Даже полицейских прогнали!

– Куда катится этот мир, – вежливо посочувствовал я.

Разборки местечковых боевиков меня интересовали чуть менее, чем погода в Чили. Другое дело – завтрак. Его мы с Сашей ждали с нетерпением, и он того определённо стоил: настоящий английский, в полном соответствии с названием отеля.

Саша первым же делом выхватила с фарфорового блюда веганский сэндвич и впиалась в него зубами, смакуя вкус и структуру охлаждённого огурца, окружённого мягким хлебом без корочки. Я предпочёл вариант с рыбным паштетом – откусил, прожевал с глубокомысленным видом и только после, выдержав нешуточную борьбу с самим собой, потянулся к газете, к чудом залетевшей в местное захолустье «The Times». Супруга вытянула из пачки консервативную «Deutsche Allgemeine Zeitung».

К тому времени, когда мы пробралась через салат с зелёной

фасолью, яйца Бенедикт, кофе и круассаны – ситуация боле-е-менее прояснилась.

– Предусмотрел всё... Предусмотрел он всё... – поддразнила меня Саша. – А рабочие кулачища Тельмана предусмотрел?! Вот, читай, – она отчеркнула ногтем строчку в газете.

– Некий господин из гостевой ложи заметил: как только главный коммунист в сердцах врезал кулаком по своему столу – так сразу последовал взрыв, – прочёл я вслух и добавил. – Саш, ну кто мог подумать, что проволочка лопнет от сотрясения раньше времени?

– А говорил, что инженер!

– Электрик, и то недоучившийся...

– Вот был бы жив товарищ Блюмкин – он бы всё сделал правильно.

– Скажешь тоже, – притворно обиделся я.

В глазах Саши проблёскивают весёлые искорки...

Я точно знаю, что она рада гибели Тельмана, да и четыре последовавших за вождём соседа-коммуниста её ни капельки не беспокоят. Смерть родителей и брата в коммунистических концлагерях никому не добавит гуманизма и толерантности. Однако играть это не мешает...

– А что – я? – мило округлила глазки Саша, хлопнула несколько раз ресницами. – Моё дело – женское: борщ варить да мужа кормить.

– Кто обещал, что кроме коммунистов никто в зале не пострадает?

– Да я же всё с твоих слов!

Она права, безусловно, но я не хочу быть единственным крайним. Даже в шуточной пикировке.

– А как насчёт дать мудрый совет?

– Зачем? Никого же не убило кроме Тельмана и его дружков!

– Чудом! Чудом никого не убило! Порезало-то каждого второго!

Это второй мой промах – забыл про остекление потолка[319]. Осколками засыпало весь пленарный зал, с порезами – больше сотни депутатов, а Гинденбурга, как стоящего у

[319] Кроме остеклённого купола в пленарном зале Рейхстага был сделан плоский стеклянный потолок.

трибуны, распластало аж двумя кусками: лоб до кости и плечо. Как только глаза уцелели?

Плюс ко всему: сердце старика дало сбой – от неожиданности или страха. Вроде бы ничего опасного для жизни, врачи клянутся поставить президента на ноги, да только сроки называют не маленькие – от трёх месяцев до полугода.

Не уверен, что Веймарская республика просуществует так долго.

Пока я прикидывал: успеет ли Гинденбург выкарабкаться с больничной койки, Саша успела покончить с десертом из нарезанных фруктов – сперва своим, затем – моим. В ответ же на мой укоризненный взгляд – снова перевела фокус на политику.

– Что ты переживаешь за порезы? На них синяков больше, чем порезов!

– Ну подрались депутаты, с кем не бывает...

– Подрались? – возмутилась Саша. – Да они там насмерть по всей площади Революции хлестались, прямо под носом своего любимого бронзового Бисмарка! Ты на фотографии-то взгляни ещё раз! Коммунисты и эсдеки против нацистов, в кои-то веки, единым фронтом.

– Фотограф озолотился – факт...

– На него уже в суд подали. Мало того, что тайком из кустов заснял полную плёнку, так ещё и продал в семь изданий как эксклюзив, по два-три кадра в одни руки.

– Зато прикинь: как легко школьники смогут оправдывать свои шалости!

– Герр наставник! – фальшиво хлопнула носом Саша. – Почему геррам депутатам Рейхстага драться мо-о-о-жно, а нам на переменке – не-е-е-льзя?!

– А знаешь, пусть и правда берут с депутатов пример.

– В смысле?

– Они – настоящие боги от политики! Сумели как-то обойтись одними кулаками, без оружия...

Вырвавшаяся невзначай аллегория стёрла Сашину весёлость, как мокрая тряпка мел со школьной доски.

Она помрачнела, отложила в сторону салфетку, поднялась и подошла к выходящему во двор окну. Не поворачиваясь ко мне лицом, медленно, через силу произнесла:

– В Мюнхене вчера погибло восемнадцать человек[320].
Ради чего?!

– Надеюсь, что все они были ярые нацисты.

– Нельзя так шутить!

– Прости. Просто я ожидал худшего. Судя по тому, что творилось вчера на улицах... Кстати, если верить газетам, то в прямом отношении НСДАП к взрыву Тельмана никто не сомневается. Спорят лишь о том: была ли санкция руководства, или теракт исполнил фанатик-одиночка. Так что поздравляю – твой план «встречного пала» сработал на все сто.

– Ты предупреждал, что ответственность – тяжёлая ноша, – обернулась Саша, глаза всё ещё – на мокром месте, однако сомнения в голосе изрядно поубавилось. – Я не думала, что настолько.

– Тяжело первые пять лет, потом – привыкаешь...

– Всё тебе шуточки, а Гитлер, между тем, объявил поход коричневых рубашек на Берлин именно из Мюнхена.

– Идея сильная, хоть и с душком[321], – недовольно скрипелся я.

Третья ошибка – уже точно совместная, наша с Сашей...

Фюрер сделал совершенно очевидный, воспетый живым классиком фашизма ход, а мы его в своих расчётах никак не предусмотрели. Зашорили себя неизбежным легальным назначением Гитлера на президентский пост, торопливо загнали в цугцванг[322] что правительство, что нацистов – получили в ответ путч. Тот самый, из-за которого Гитлера и его карманных боевиков никто так и не посмел тронуть в истории Старого мира.

– От Мюнхена до Берлина – те же шестьсот километров,

[320] Именно столько погибло 17 июля 1932 г. в Гамбурге, во время «Кровавого воскресенья». Там схлестнулись боевики нацистов, коммунистов и социал-демократов.

[321] Имеется в виду «Поход на Рим» итальянских фашистов от 1922 года, который закончился назначением Муссолини на пост премьер-министра Италии.

[322] Цугцванг (нем. Zugzwang – «принуждение к ходу») – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции. В настоящее время термин употребляется и в быту.

что от Милана до Рима, – посыпала солью раны Саша. – Десять лет назад у Муссолини получилось.

– «Неистовый оратор из Браунау»[323] объявил вне закона не только СА, но и НСДАП целиком, – возразил я. – Партийные газеты – закрыты, счета – арестованы.

– Лейтенант[324] против ефрейтора, – задумалась Саша.

– У рейхсканцлера Брюнинга прекрасные шансы на победу. Революционеров он разгонять умеет ещё с восемнадцатого года, с военными – в ладах. И наоборот – Гитлера кадровые офицеры терпеть не могут[325]. И кстати, в Берлине полиция и рейхсвер уверенно удерживают ситуацию под контролем.

– Только в Берлине, заметь, и то, если верить газетам.

– Столица – за правительством, а остальных как-нибудь угомонят.

– Если бы! Бавария и Пруссия вечно себе на уме.

– По мне – так пусть хоть обратно на королевства распадаются![326]

– Отдельные королевства – это хорошо, – вдруг резко сменила тему Саша. – Мы останемся тут на недельку или выберемся в Австрию?

И правда: какой смысл загонять себя в тупик бессмысленной руганью?

На политическую ситуацию мы не можем повлиять никак. Так или иначе, но придётся надеяться и ждать, причём – ждать долго, недели, а то и месяцы.

Сперва – кто победит в Мюнхене, затем – если Гитлеру и СА всё же удастся взять под свой контроль Баварию – чем закончится поход на Берлин.

Количество неизвестных в этой истории столь велико, что лучше и не пытаться строить долгосрочные планы.

[323] Так называли Генриха Брюнинга.

[324] Г. Брюнинг закончил ПМВ в звании лейтенанта, поэтому пользовался поддержкой многих военных. Ранен, награждён Железным крестом.

[325] В январе 1933 года произошёл (вернее, сорвался из-за отвратительной организации) «Потсдамский путч» – заговор военных, недовольных назначением Гитлера рейхсканцлером.

[326] Королевства Бавария и Пруссия существовали до 1918 года.

– Nichts geht mehr[327], – подвёл я итог. – Если уж путчисты добрались до такой сонной дыры как Старнберг, то в крупных городах лучше не появляться.

– Значит – в Австрию?

– Да, до Инсбурга – чуть меньше трёхсот километров. Помнишь дорогу?

– Бр-р-р! – поёжилась Саша. – Там же сплошные серпантины, надо успевать, пока не стемнело.

– К ужину доберёмся, если не до самого Инсбурга, так хоть до равнины, – обнадёжил я жену. – Сейчас в горах сухо, а мотор не повреждён. Только радиатор камнем промяли до течи, но не беда – возьмём пару жестянок с водой и, в принципе, можно ехать.

[327] Ставок больше нет. (нем.).

10. ПОСЛЕ БАЛА

Старнберг. Лето 1932 года

Год и девять месяцев с рождения Нового мира

Из отеля мы выбрались ближе к полудню, в самую жару...
На улице – ни души, только на противоположном углу

перекрёстка, как раз рядом с нашей машиной о чём-то громко ругались полдюжины «зелёных» [328] полицейских.

По моей душе скребанули кошки, почему-то вспомнилась белая всполошная курица, едва успевшая вывернуться из-под колеса нашего «Мерседеса» прошлой ночью.

Я плотнее подхватил под руку Сашу, буркнул недовольно:
– Что они тут забыли?

Ответить она не успела – стук наших каблучков о булыжники уходящей к центральной площади улицы привлёк внимание главного из полицейских. Он повернулся к нам, сделал несколько шагов навстречу, как видно, стесняясь своей неуставной перебранки с подчинёнными. На удивление молодой, лет двадцати пяти, погон по виду – офицерский, но при этом пустой, без ромбиков. Как же его называть?

– Лейтенант Клюгхейм, – представился полицейский, рассеяв мои сомнения по поводу звания. – Прошу вас соблюдать осторожность.

– Простите, герр Клюгхейм... – начал я, пытаюсь понять: о чём вообще идёт речь.

Тут недалеко стукнул очередной выстрел – в это утро совсем уже знакомый и привычный – я не обратил на него внимания, зато лейтенант резко отпрыгнул назад.

– Donnerwetter! – выругался он, а я...

В первый момент я остолбенел, а затем...

Саша со стоном повалилась на мостовую, и я едва успел подхватить на руки её падающее тело. Прямо перед моими глазами, под ключицей багровела страшная рана, а по блузке стремительно расплывалось кровавое пятно.

– Нет, Саша, нет!!!

В голове распахнулась гулкая пустота...

Мир вокруг растворился в хмари...

Осталось лишь стремительно сереющее лицо любимой.

– Пусти! – седоусый полицейский буквально вырвал Сашу из моих рук, но возмутиться я не успел – аккуратно усадив

[328] В отличие от германской полиции шupo, обмундированной в синюю форму, полиция безопасности – она же зипо – носила зелёную форму армейского образца (и потому именовалась в народе «зелёной полицией»). По функциям она была ближе к современной российской Росгвардии.

бесчувственную Сашу на тротуар, спиной к стене дома, седоусый сразу же принялся её перевязывать. Посыпались короткие команды:

– ... Режьте блузку... Голову – набок... Следите за языком...

Я бросился помогать, но одетые в зелёную форму парни оттеснили меня в сторону.

– Справимся без вас, Густав служил санитаром на Западном фронте.

– Она жива?

– Да, – на секунду оторвался от ваты и бинтов седоусый. – Навылет, через лёгкое.

– Это страшно?

Глупый вопрос повис без ответа.

– Простите, ради бога, – воспользовался заминкой лейтенант. – Верно, они целились в меня.

– Кто?! Кто стрелял?

– Пруссаки[329], из ратуши, – лейтенант упёр взгляд в приколотый к моей груди значок НДСАП, недобро дёрнул щекой, хмыкнул, а затем – махнул рукой в сторону угла. – Полюбуйтесь сами.

Я выглянул за угол...

Улица, через которую мы с Сашей переходили перед злощастным выстрелом, упиралась в центральную городскую площадь. На противоположной её стороне, как раз напротив, метрах в полтораста красовалась свежесведеленным фасадом местная гордость – четырёхэтажная ратуша. Над ней, на высоко вздёрнутом в небо флагштоке развевался красный флаг с чёрной свастикой в белом круге.

– Проклятье!!! – я ухватился рукой за «бычий глаз», рванул и вместе с клоком пиджака бросил значок на камни, ударил каблуком – раз, второй, третий, десятый! – пока нарядный металл и эмаль не превратились в бурю мерзкую дрянь.

Бил бы и дальше, да вмешался седоусый Густав.

– Рана тяжёлая, нужно в больницу, – проговорил он с сожалением в голосе.

– Куда?

[329] В Баварии насаждение нацизма (а особенно – силами СА) очень многими воспринимался именно как «пруссинизация» – покушение на независимость и самоуправление.

– В Мюнхен, – то ли выдохнул, то ли простонал лейтенант.

– Да, – подтвердил Густав.

Холодно, без чувств, как будто...

Я подскочил к седоусому, схватил его за плечи, пятная кровью с ладоней форменный френч, заглянул в глаза.

– Довезти успею? – спросил с надеждой.

– Нет.

– Неужели в этой дыре нет ни одного дельного врача?! – выверился я, потом чуть подождал и, не услышав ответа, выдавил уже без всякой надежды. – Хоть дантист, лишь бы помог! Отдам любые деньги!

– За деньги? – задумался лейтенант. – Может старый Йозеф возьмётся?

– Еврей... – хмыкнул Густав. – Этот – за что хочешь возьмётся, знай только – плати.

– Далеко? – ухватился я за шанс.

– За речку перебраться... Тут и километра не будет!

– Где-то так и есть, – согласился лейтенант. – Михель, Ганс, ищите транспорт... Бегом!

– Пойдите! Зачем искать, когда «Мерседес» стоит рядом?

Совместными усилиями мы устроили Сашу на заднем диване.

Лейтенант, похоже, единственный, кто среди полицейских сохранил хоть какие-то отношения с врачом, вызвался показывать дорогу...

Уже через десяток минут мы стучались в неприметную дверь:

– Йозеф, отворяй скорее!

Врач оказался отнюдь не стариком: невысокий, толстенький, с круглыми линзами очков на круглом лице – он здорового напоминал Бабеля, только не привычного мне улыбающегося, а всё время хмурающегося и презрительно кривящего губы.

Несмотря на видимое недовольство, распорядился он быстро, чётко и по делу: свою супругу отправил кипятить воду и готовить инструменты, дочь, девчонку лет двенадцати, послал за чистым халатом, лекарствами и спиртовкой.

Сам же закатал рукава сорочки и помог уложить Сашу на высокую, зашитую в дерматин койку. Пощупал пульс, поморщился.

– Где же её так угораздило?

– Из ратуши стреляли, – неохотно пояснил лейтенант.

– Кретины в коричневых рубашках таки съехали с разума?!

– Они, видимо, случайно, полагаю, что целили в меня, – сказал Клюгхейм.

– Ещё не легче!

– У них – свой приказ, у нас – свой...

– Звери, как есть звери!

Саша умирает, а они...

Мне захотелось наброситься на болтливого врача и лейтенанта с кулаками, заставить их наконец отбросить глупые разговоры и поскорее действовать, пока ещё не поздно, пока бьётся пульс, пока есть надежда...

– Герр Йозеф, вы... – начал я с мыслью обвинить врача во всех смертных и обыденных грехах, однако в самый последний момент каким-то чудом сумел сдержать ярость. – Вы сможете её спасти?

– Всё в руках Божьих... – возвёл очи горе врач.

– А... Меня уже предупредили! – я торопливо вытащил из кармана бумажник, вытряхнул из него все деньги, что там были, видимо – около тысячи марок. – Смотрите, у меня есть, чем заплатить! Если будет мало – я принесу ещё, столько – сколько попросите! Только, умоляю, спасите мою жену!

– О-о-о... Сразу чувствуется рука Густава... – усмехнулся недобро герр Йозеф.

– То есть? – удивился я.

– Вы – не местный... – злобно фыркнул врач. – Иначе бы знали, что на Пасху я имел наглость отложить операцию его друга, шарфюрера СА, когда ему проломили голову в драке. Мне показалось невежливым отказывать за то, что он нацист и антисемит, и я потребовал деньги вперёд. Пока их собирали – друг Густава помер. Таки нужно сказать, что он бы всё равно помер... Зато теперь меня недолюбливает половина города.

– А вторая половина мечтает убить, – вставил лейтенант.

– Пусть так, – пожал плечами врач. – Если человек ненавидит евреев – он таки должен лечится у немцев.

– Вы видите во мне нациста! – догадался я.

Врач многозначительно посмотрел поверх очков на мой коричневый костюм:

– Вашу жену, молодой человек, я прооперирую без всяких условий!

– Бесплатно? – поддразнил лейтенант.

– От денег я не откажусь, – смутился врач. – Как вы знаете: из муниципального госпиталя меня выгнали, они считают, что лучше жить совсем без хирурга – чем с хирургом-евреем.

О!!!

Да он же – не дантист, он – настоящий хирург!

Неужели у моей Саши есть шанс?!

Я вынул из кармана пиджака ручку и чековую книжку, проставил сумму и имя Марты Кирхмайер, а на обороте сделал приписку – «Выплатить герру Йозефу в случае успешного лечения».

Пусть не банковская гарантия, но очень, очень весомый повод постараться.

Протянул врачу результат.

– Тут сто тысяч марок. Они – ваши, если моя Марта будет жить.

– Ого! – округлил глаза лейтенант. – Целое состояние!

– Благодарю вас, герр Кирхмайер, – склонил голову в поклоне врач. – Вы необыкновенно щедры. Хотя я сделал бы всё возможное для вашей жены в любом случае.

– Спасибо, – поблагодарил врача я.

Простые, спокойные, в чём-то даже обязательные для ситуации слова Йозефа подарили мне надежду, а следующая фраза Йозефа ещё более её укрепила:

– Только одно условие: вы не будете мне мешать. Уходите и приходите завтра. Да смотрите, не вздумайте будить меня на рассвете. Жду вас часов эдак в десять, ни одной минутой раньше.

– Можно мне...

– Нет! Если хотите, то я сделаю вам укол морфия. Проспите до завтра, как младенец.

– Как-нибудь обойдусь!

– Вот и чудесно, – герр Йозеф указал мне на дверь. – Прошу вас, герр Кирхмайер!

Грубый металлический скрежет задвигаемого за моей спиной запора как будто перевернул страницу жизни. Вот только что, всего мгновение назад все мои мысли и мечты вращались исключительно вокруг спасения Александры. Теперь же в моей голове багровой яростью пульсировало одно простое желание: нацист, сделавший роковой выстрел, должен умереть.

Втыкая ключ в зажигания «Мерседеса», я пристал к лейтенанту с давно волнующим меня вопросом.

– Выходит, что полиция всерьёз воюет с засевшими в ратуше путчистами?

– У нас есть приказ: восстановить порядок... Срочно, любой ценой.

– То есть ваша задача – уничтожить этих бандитов?

Лейтенант покосился на клочок материи, болтающийся на моей груди вместо вырванного значка НДСАП, но всё же кивнул, соглашаясь.

– Мы с утра пытаемся выбить нацистов из ратуши... Ничего не получается!

– Их настолько много?

– Не думаю, что там засело более двух-трёх пруссаков, – не стал скрывать «великую военную тайну» лейтенант. – Да уж больно хорошая у них позиция. Пока пробежишь через площадь – наверняка кого-нибудь да подстрелят. Крышами тоже не обойти, ратуша выше соседних домов. Так и сидим: они то и дело стреляют в нас, а мы – стреляем в них.

Понятно...

Умирать во имя закона и порядка полицейские не планируют. Им гораздо проще изображать бурную деятельность и ждать подкрепления.

Штурмовики СА со своей стороны занимаются примерно тем же самым – ждут, чем кончится дело в Мюнхене. Победит Гитлер – они станут героями, выдержавшими жестокою многодневную осаду превосходящих антиреволюционных сил. Возьмёт верх берлинское правительство – разбегутся по домам, попробуй найди. Вернее, их и искать никто не станет, хоть они и сукины дети – да всё одно свои.

Ни первый, ни второй вариант меня категорически не устраивает...

– Почему бы вам не атаковать ночью?

– Так полнолуние же! – голос лейтенанта чуть заметно дрогнул.

«Воевать в темноте – непривычно, страшно, да и было бы ради чего рисковать шкурой...», – перевёл я для себя его слова.

– В окнах первого этажа – решётки, двери – дубовые... – продолжил сетовать на жизнь лейтенант. – Пока выломаем – нас сверху расстреляют, как фигурки в тире...

«Взрывчаткой выносить двери нас в училище не научили...», – мелькнула мысль.

– ... без броневика с пулемётом – никак.

– Как – без броневика? – удивлённо переспросил я.

– Хотя бы – без пулемёта, – снизил запросы лейтенант. – Для успешного штурма обязательно нужно задавить пруссаков огнём, чтоб головы высунуть боялись!

Сермяжная правда в его словах имеется...

Четыре века назад в защите домов толк знали. Стены ратуши скорее всего сложены из дикого камня на извести, решётки – не иначе как кованые, двери – насколько я успел рассмотреть – мощные, настоящие крепостные ворота с отдельной калиткой, в такие хоть на танке заезжай. Тот, что из 21-го века, наверное, не пролезет, а вот современный полицейский броневичок типа того, что стоял в Мюнхене рядом с «Хофбройхаусом»...

Или...

Обычный автомобиль!!!

– Affenkopf![330] – ударил я ладонями по рулю да так, что едва не спихнул «Мерседес» с дороги в стену ближайшего дома. – Если надо броневик – мы его сделаем!

– Да неужели? – скептически поморщился лейтенант. – Конечно, можно найти грузовичок, обшить железом...

– Есть вариант попроще.

– Что, поджечь?

Предложил и смотрит, как будто проверяет. Или в самом деле прикидывает: не пойду ли я ночью жечь ратушу?

Ведь была, была у меня такая идея!

[330] Ругательство – «Обезьянья плешь!». (нем.).

И пошёл бы с бутылками бензина наперевес, и сжёг всё вокруг дотла, да вот незадача – нацисты от этого не пострадают. Спать, не оставив караула, они не станут, а посему – всегда успеют удрать. А вот ответная благодарность горожан – за организацию пожара в центре тихого курортного городка – наверняка примет крайне неприятную для нас с Сашей форму.

– Играть с огнём в городе? Ну уж нет! – успокоил я лейтенанта. – Обойдёмся матрасами. Вы же наверно слышали, что вата и перо из-за своей волокнистой природы прекрасно задерживают пули?

– Возможно, – неуверенно кивнул лейтенант.

– Конечно, один матрас не поможет, но... Но посмотрите сами... – я показал рукой на длинный, аж трёхметровый капот «Мерседеса», – тут можно привязать целую стопку. Ещё и на крышу накидать слоя в три или четыре. Получится настоящий броневик!

– Хм... Но как открыть двери ратуши?!

Ура! Он поверил[331] в матрасы!

Осталось разобраться с дверями...

– В этой машине – без малого три тонны! Чем не таран?

Лейтенант задумался. На лице – вся гамма чувств: воевать не хочется, однако приказ есть приказ. За срыв сроков, а тем более – саботаж, командиры по головке не погладят. Опять же – долг... То самое, пресловутое «служить и защищать» – тут не пустые слова. Бюргеры уже недовольны, мол, что за полиция, которая неспособна взять к ногтю пару отморозков с винтовками?

– Проехать-то всего ничего, полторы сотни метров! – усилил соблазн я. – Десяток секунд[332] – они там и сообразить ничего не успеют. А уж когда вы окажетесь внутри... Да этот сброд просто-напросто разбежится!

Колебался лейтенант недолго – наверное, очень хотел

[331] Защитные свойства ваты сильно преувеличены в армейском фольклоре, хотя, на самом деле, вата вполне способна «развернуть» старую тупоконечную или экспансивную пулю. Поэтому обвешенные матрасами грузовики широко использовались во время гражданской войны в Испании.

[332] Реально потребуются почти полминуты, но ГГ надеется, что лейтенант полиции не так быстро считает в уме.

получить первый ромбик на погоны. Его бойцы тоже не сильно возражали – уровень риска выглядел вполне разумным. Куда хуже попасть под внимание командиров званием повыше, те уже не будут считаться с потерями, а без лишних сантиментов потребуют «выполнить долг или сдохнуть!».

Зато покупка у жителей городка мягкой утвари, и превращение «Мерседеса» в потешную перину на колёсах вылилась в целую историю. Пока полицейские пустили слух про «платим дорого», пока перекусили тем, что сердобольные хозяйки выделили в нагрузку к матрасам, пока всё разложили под советы местных «экспертов», пока увязали...

Долгожданную команду «поехали!» я получил только тогда, когда солнце склонилось далеко за полдень...

* * *

Разгон лейтенант посоветовал начать без спешки, за несколько кварталов, чтобы я успел приноровиться к новому балансу и просто никакому обзору через вырезанную в матрасах смотровую щель. Репетиция помогла слабо – из проулка на прямой боевой курс я вылетел, едва не завалив машину на бок. Скорее на удаче чем расчёте удержал «Мерседес» на мостовой, проскочил до площади и понёсся к ратуше, вихляя матрасами из стороны в сторону – в промахи стрелков по вёрткой и быстрой мишени я верил гораздо больше, чем в импровизированную защиту.

Перед дверями затормозил, почти остановился, воткнул первую передачу и прокричал набившимся в салон полицейским:

– Внимание!!! – упёр покрепче ладони в руль, дал полный газ и бросил сцепление.

Ожидал удара, вязкого хруста ломаемого дерева, остановки...

Но трёхтонная туша высоко подпрыгнула на низком крыльце и вынесла двери из стен целиком, а затем – повалила их, как поставленную на торец костяшку домино. Пока я судорожно ловил ногой педаль тормоза, «Мерседес» вломился в холл, сшиб статую какого-то исторического старикана, долетел до парадной лестницы, ударился в ступеньки и, снося

колёса и трансмиссию, проскочил вверх чуть не до половины марша. Да так там и застрял, посреди кусков камня и разбросанных по сторонам матрасов.

Скрежет и грохот сменило тяжёлое дыхание экипажа да тонкий свист пара, вырывающегося из разбитого радиатора.

Первым пришёл в себя лейтенант.

– Vorwärts! Schnell! Schnell!

Полицейские – мятые, в синяках, царапинах, в порванной форме, зато без лишних дырок в организмах – с матом полезли из вставшего на дыбы «Мерседеса».

Я постарался не отставать – оторвал руки от выгнувшегося дугой руля, стряхнул с себя осколки перехваленного триплекса. Лицо – в крови, на лбу – гематома, мышцы – ватные, зато все кости вроде как целы...

– Он шевелится! – один из полицейских вдруг принялся нервно тыкать стволом винтовки в сторону высаженных дверей.

Там, до груди накрытый поваленной дубовой створкой, лежал навзничь парень в коричневой рубашке. Из-под его затылка по белоснежному мрамору пола расплывалось густое кровавое пятно.

– Михель, Питер! – тут же принялся командовать лейтенант. – Живо на второй этаж, займите позицию в центральном зале! Ганс! Проверь гардероб и возьми под контроль коридор! А ты, Густав, погляди, что случилось с этим пруссаком!

Густав присел рядом лежащим под дверями парнем, приложил ладонью к его горлу и замер, как будто читая слова молитвы.

– Отмучался...

– Проклятье! Ему бы жить и жить! – осуждающе зыркнул на меня лейтенант, а затем, развернувшись к лестнице, громко проорал. – Эй, вы! Там, наверху! А ну сдавайтесь, покуда живы! Работает полиция!

Где-то далеко наверху щёлкнул выстрел.

– Уйдут по крышам, – заметил Густав.

– Пусть, – ответил ему лейтенант. – Так – даже лучше. Пойдём, пошумим, пусть поторопятся. А вы, герр Кирхмайер... – лейтенант повернулся в мою сторону. – Постарайтесь поскорее вернуться в отель!

Полицейские, то и дело крича про «почётную сдачу и вкусные тюремные печенки», гуськом двинулись куда-то наверх.

Я же – как замороженный – смотрел на цепочку кровавых следов, оставленных сапогами Густава.

Могу ли я считать Сашу отомщённой? Или лежащий на холодном граните парень – очередная невинная жертва устроенного нами «встречного пала»?

Осторожно, стараясь не заляпать туфли кровью, я заглянул под злосчастную створку дверей. Поймал тусклый отсвет воронёного металла и после минутной возни вытянул винтовку – на вид совершенно такую же, как когда-то на чердаке питерского дома.

Как вживую повеяло шорохом голубиных крыльев, под подошвой хрустнул шлак...

Я мотнул головой, скидывая наваждение, жадно втянул воздух.

Нет, тут совсем не Питер. В воздухе висит густой запах крови и сгоревшего пороха. Ни малейших сомнений – я только что убил врага. Настоящего, неподдельного, того самого, кто только что старательно стрелял в меня, а несколькими часами ранее мог, а возможно, и выпустил поразившую Сашу пулю.

– Хотел прямо сквозь двери палить, да не успел увернуться? – не удержался я от комментария в адрес мёртвого парня. – Или... Твоя неловкость есть знак провидения?! Неужели именно ты ранил Сашу? А может, ты просто помог мне найти годное оружие?!

Я по-новому взглянул на попавшую мне в руки винтовку. Провернул вверх рукоятку затвора, оттянул назад, убедился, что кроме патрона в стволе есть как минимум два в магазине.

– А знаешь, камрад, одного тебя мало. Моя Саша стоит как минимум троих!

Перехватил смертоубийственный аппарат поудобнее и похромал вверх по лестнице.

За экономным фасадом скрывалось внушительное сооружение – то есть ратуша изнутри оказалась намного больше, чем снаружи. Более всего она напоминала средневековый, много раз перестроенный лабиринт. На каждом шагу мне попадались странные галереи, неожиданные переходы, узкие

лестницы. При этом крики и спорадическая пальба слышались то справа, то слева, то сверху, и я сполошно метался туда и сюда, но никак не мог приблизиться к месту действий. Казалось, что шесть полицейских и неизвестное количество нацистов бесследно растворились в бермудском треугольнике комнат и коридоров.

Потеря осторожности не осталась безнаказанной – в один далеко не прекрасный момент я буквально упёрся в выскочившего из-за поворота толстощёкого, хорошо упитанного парня-штурмовика. Воспринимай я винтовку предназначенным для стрельбы механизмом, тут бы погиб в попытке на шарить спуск. Однако рефлексy распорядились оружием как дубиной – я просто пырнул вражину стволом куда-то в район живота. Сильно, со всего размаха, так что не только съёс заверещавшего от боли парня с ног, но и выпустил из рук саму винтовку. Хотел добить, подскочил к скорчившемуся на паркете нацику, примериваясь половчее к его толстой шее...

Ба-бах!

Ударил в уши оглушительный звук близкого выстрела...

Инстинкт сработал быстрее головы – я отшатнулся обратно за угол, оставив позади чьи-то бухающие по полу сапоги.

Бежать прочь?

До следующего поворота – метров двадцать, никак не успеть.

Сигануть в окно?

Полное безумие – высокий четвёртый этаж, открытая, мощёная булыжником торговая площадь – даже если каким-то чудом не сверну шею, то скрыться негде.

Драться?

Ладонь сама собой легла на забытый, но всё ещё лежащий в кармане талисман – «Браунинг». Только успел передёрнуть раму, закидывая в ствол патрон, как преследователь выскочил из-за поворота – грамотно, не прямо с угла, как я рассчитывал, а вдоль дальней стены, вдобавок с уже прижатой к плечу винтовкой. Низенький и худой, в потешных кожаных шортах, с глазами, вытарашенными на половину рябой, перекошенной от страха морды...

Хорошим бы покойником я стал со своими кулаками.

Бах, бах, бах, бах!

Короткий пистолетик доказал преимущество перед длинным стволом винтовки – с пяти метров я без труда засадил большую половину магазина в тушку штурмовика, ответный же кусочек свинца всего лишь разбил стекло в соседнем окне.

– Третий фраг[333], – выдал вердикт и устало сполз по стенке на пол. Прислушался к ругани и жалобным стонам, доносящимся из-за угла. – Или всё ещё второй.

Обещание довести счёт до трёх подталкивало дострелить толстощёкого, но...

Я не смог: его правая рука оказалась перебитой, поспешная повязка на бицепсе насквозь пропиталась кровью, и это – несмотря на наложенный выше тугой жгут.

Я собрал с пола и вышвырнул в открытое окно все винтовки, добавил скулящему нацику пару пинков в живот, выругался – мягкие туфли не слишком удобная для подобных действий обувь.

Желание убивать выгорело дотла, осталась одна лишь дикая, нечеловеческая усталость. Самое время воспользоваться добрым советом полицейского лейтенанта: отправиться в отель, накатить грамм двести шнапса да забыться до утра следующего дня...

Благие намерения оборвало тарыхтение лихо зарулившего на площадь грузовичка...

Под команды офицера из крытого выцветшим брезентом кузова на брусчатку посыпались бойцы в стальных шлемах и сине-зелёных мундирах. Здорово смахивают на рейхсвер, по крайней мере – на первый взгляд. Однако грузовичок – явно гражданский, с чёрной кабиной, флага нет, знаки различия из окна четвёртого этажа не рассмотреть. Радует, что не коричневые штурмовики СА, да только велика ли для меня разница?

Кто бы там ни приехал – если меня поймают, то в самом лучшем случае закроют в кутузке «до выяснения». Подержат недельку за решёткой на казённых харчах, а дальше – разбирательство, а то и суд, ведь знаменитый немецкий орднунг-порядок никто не отменял.

А ну как лейтенант не заступится?

[333] Фраг (англ. frag) – в компьютерных играх (чаще всего – в 3D-шутерах) очко, начисляемое за уничтожение противника.

Повесят на меня превышение самообороны? Или преднамеренное убийство?

Хотя без суда может выйти ещё хуже – времена лихие: мёртвой тушкой больше, меньше...

А мне ещё Сашу выхаживать!

– Последний бой, он трудный самый, – сфальшивил я по-русски.

Хочешь, не хочешь, а придётся двигаться вверх, на крышу. Соседние дома пристроены вплотную, обязаны найдись проходы. Тем более – собирались же нацисты как-то улизнуть? Чем я хуже?

Поиск выхода на чердак не занял много времени, судя по всему, именно от него двигались встретившиеся мне штурмовики. Не слишком обрадовавшее меня открытие – удесяттерив осторожность, я вскарабкался по узкой спирали лестницы к гостеприимно распахнутой двери. Взгляду открылся засиженный голубями частокол стропил, перекрещивающиеся шпаги тонких световых лучей в пыльной полутьме, хрустящий шлак под ногами...

Всё, как тогда, в далёком и холодном Питере, и одновременно – совсем как в холле ратуши: висящий в воздухе смрад – дикий и страшный коктейль из пороха, дерьма и крови!

– Густав, – не удержался я от вскрика.

Седоусый ветеран Великой войны раскинулся изломанной куклой прямо у входа, опознать его мне удалось только по залитым кровью усам – пуля попала прямо в переносицу. Второй полицейский – кажется, лейтенант звал его Гансом? – скрючился под слуховым окном. Судя по редким судорожным всхрипам – ещё живой.

Я огляделся, прислушался и, держа наготове «Браунинг», двинулся на помощь раненому. Правый бок у него был весь в крови, и я, говоря какую-то успокаивающую бессмыслицу, принялся задирать вверх китель и рубашку, чтобы осмотреть, а затем и перевязать рану. Но полицейский судорожно задёргался, я, было, попытался его удержать, но он замер сам. Хриплое натужное дыхание прекратилось, и на чердаке – как и во всей ратуше – установилась удивительная тишина.

Первой моей мыслью было спуститься и таки добить толстощёкого нацика. Я даже дёрнулся в сторону лестницы,

однако остановился на полпути. Стрелять нельзя, звук привлечёт внимание и ощутимо ускорит появление непонятных солдат. А хладнокровно душить раненого парня или как-то сворачивать ему шею...

Четверть часа назад я был готов на подобное зверство, но теперь – нет. Густав и Ганс – не Саша, они пришли сюда драться, а не играть в ладушки. За них и без меня есть кому отомстить.

Засунув в карман мешающийся в руках «Браунинг», я закрыл и припёр винтовкой Густава дверь. Затем полез через слуховое окно на крышу – к небу, солнцу и морю разнофасонных, грязно-рыжих черепичных крыш. К свежему, не отравленному миазмами воздуху. К далёким, проглядывающих кое-где улицам, муравьиному шевелению зевак...

Чуть передохнул, дождался, пока глаза привыкнут к яркому свету и аккуратно, бочком, вдоль ограждения двинулся в дальнюю от площади сторону.

Ушёл недалеко – сразу за коробкой окна я наткнулся сразу на двух нацистов. К счастью – совершенно мёртвых, лежащих чуть ли не в обнимку на крутом скате у печной трубы. Судя по многочисленным дыркам в коричневых рубашках – кто-то профессионально и жестоко расстрелял их практически в упор из пистолета.

Кажется, на этом зрелище я окончательно перегорел – ни радости, ни сожаления, ни нового страха...

Главной и, пожалуй, единственной моей эмоцией стала досада: хлипкое ограждение было снесено, а без него двигаться по залитой кровью черепице слишком опасно.

Придётся искать обход, скорее всего – перебираться на противоположный скат. Логичнее всего это было сделать напрямую через чердак. Но я живо представил возвращение в пыль и вонь, поэтому развернулся и направился обратно к фасадной стене, вдоль которой – как я уже успел заметить – строители устроили специальную лестницу.

Без нового сюрприза не обошлось – на небольшой стальной платформе у самого конька, рядом с флагштоком навзничь лежал хорошо знакомый мне лейтенант. Голова – без шлема, ёжик волос залит кровью, пистолет – в прижатой к груди руке. Может, ещё жив?

– Как же тебя угораздило! – бросился я к нему...

И остановился – в застывших мёртвых глазах плескалось красное полотнище полуспущенного флага...

Жалость? Злость?

Желание отомстить?

Как бы не так!

Удовлетворение – вот наиболее точное название чувства, которое я испытал при виде убитого полицейского. Ведь именно его глупая неосторожность стала поводом для выстрела по Саше.

«Судьба закрыла ещё один контракт...», – подумал я.

И сразу же устыдился собственной неблагодарности – для выправления последствий собственной оплошности герр Клюгхейм сделал всё, что мог. Помог найти врача, помог отомстить нацистам. А вот самому лейтенанту – иначе как молитвой – помочь я уже не в силах. Разве что закончить дело, которое он начал...

Я шагнул к флагштоку и потянул за тросик. Поддался он не вдруг, пришлось навалиться всерьёз. Со скрипом, сопротивляясь, огромная тряпка поползла вниз.

Метр, второй, третий...

Вот он – край!

Сорвал зубами узел шнуровки, торопливо, ломая ногти, вытянул верёвку из заботливо обмётанных петель, выругался, не сдерживая голоса:

– Fahr zur Hölle!!![334]

Перевалил через фасадную стену мерзкий красно-бело-чёрный комок. Смачно плюнул в сердку тряпки, столкнул её вниз.

Невидимые из-за фасадной стены зеваки ответили криками. Вроде как радостными, но всё равно – желания сдаваться они мне не прибавили.

Осталось главное – вовремя смыться...

В поисках пути отступления я дёрнулся в одну сторону, метнулся в другую, обрадовался, разглядев доски, брошенные для удобного перехода через излом крыш между домами. Принялся прикидывать маршрут: как половчее до них пробраться – по коньку или по краю, вдоль ограждения, ниже

[334] *Отправляйся в ад! (нем.).*

мешающих труб и растяжек. Тут разглядел вывалившийся из ближайшего слухового окна клочок отливающей золотом материи.

Отбросив к чёрту осторожность, я быстро, наискосок по черепице сбежал, а вернее – съехал вниз, к окну.

Потянул...

Да это флаг! Старый добрый флаг Веймарской республики! «Лейтенант пошёл до конца...», – напомнил я сам себе.

И уже через несколько минут пожалел о сделанном выборе – непослушное полотнище рвалось из рук, обрямканный кончик шнура упорно не лез в петли, ржавый ролик блока клинил так, что временами мне приходилось наваливаться на тросик всем своим весом.

Однако результат того стоил – поднятый триколор широко развернулся над моей головой, загудел, затрепетал на ветру. Древняя, первобытная мощь, заключённая в самой сути знамени, прокатилась по телу жаркой волной, ударила в голову.

Ухватившись руками за флагшток, я вскарабкался на парапет фасадной стены. Выпрямился, расправил плечи, вскинул вверх сжатый кулак – совсем как парень на агитплакате «Железного фронта»[335] – и заорал в прозрачное закатное небо детское, глупое, и вместе с тем по-настоящему актуальное: – Гитлер капут!!!

* * *

Под ногами шуршат жёлтые листья – осень 1932 года выдалась ранней...

– Шестая, – устало говорит Саша.

Не знаю, откуда она взяла правило считать шаги дюжинами, меня волнует только прогресс. На прошлой неделе мы начинали прогулки всего лишь с двух дюжин. Теперь...

Теперь можно и больше, Саша – не против, да я не даю. После трёх месяцев в кровати, на тонкой грани между жизнью и смертью не стоит спешить.

[335] Да, такой символ-приветствие использовали не только коммунисты, но и эсдеки, в том числе – «Железный фронт», который выступал за республику против монархистов, коммунистов и фашистов.

Поэтому я подставляю стул и усаживаю супругу отдыхать: сколько дюжин – столько и минут.

Местные уже привыкли, улыбаются, многие здороваются, а сильно поредевшие за время беспорядков туристы косятся: ну что за куршлюз[336] – посередь тротуара сидит девушка на заимствованном из отеля венском стуле.

И правда несуразица, да что делать?

Безвылазно торчать в комнате уже нет сил, использовать же инвалидное кресло с колёсами на средневековой, мощёной булыжником мостовой – не слишком удачная затея.

– Устала? – интересуюсь я. – Пойдём обратно домой?

– В отель, – упрямо поправляет меня Саша.

Ей категорически не нравится, когда я называю отель домом – она видит в отеле прежде всего больничную палату, každодневную боль и массу неприятных процедур.

А я привык.

Даже хотел выкупить «London», но хозяйка воспротивилась. Чуть не со слезами на глазах расписала четыре века бесменного ведения семейного бизнеса так, что мне стало неудобно склонять её к продаже по-настоящему большими деньгами.

Ограничился арендой.

Поселил рядом врача и сиделок, выписал гору газет, поставил радио. Для себя, когда у Саши миновал острый кризис, оборудовал кабинет с прямыми телефонами и биржевым телеграфом. Перевёз из Берлина двух брокеров и секретаря. Хочешь, не хочешь – а компанию надолго бросить нельзя.

– Ты слышишь? – вдруг прервала повисшую паузу Саша. – Музыка!

Я покрутил по сторонам головой и действительно разобрал медные такты, доносящиеся откуда-то со стороны ратуши.

– Давай посмотрим? – нетерпеливо заёрзала по стулу Саша.

Ещё бы!

Она отчаянно скучает, да и мне, признаться, тоже интересно.

Месяц назад, на неожиданный в горном краю праздник рыбака местные устроили качественный перфоманс – что-то типа костюмированной монстрации с чучелами рыб на

[336] Здесь – белиберда, нелепость.

палках. Саша тогда была слишком слаба для выхода на улицу, поэтому её не взяли, и она две недели дулась на меня, врача и сиделок.

– Сейчас отдохнёшь – и пойдём, – легко согласился я.

– Ох, как же далеко мы сегодня забрались!

Я улыбнулся скрытому подтексту: последнее время жена полюбила кататься у меня на руках. А мне – не в тягость: сейчас в Саше весу – как в подростковом, немногим более двух пудов. Ношу прямо со стулом, лишний раз тревожить грудь всё ещё крайне не рекомендуется, тем более так проще, удобнее и, кажется, приличнее. А что прохожие оборачиваются – так это их личные проблемы, Дойчланд, во многом благодаря нашему «обратному палу», всё ещё совершенно свободная демократическая страна.

– Держись крепче, – предупредил я.

– Под ноги смотри! – ухватилась за край сиденья Саша.

– Поехали!

Добраться до ратуши быстрым шагом – совсем несложная задача. Можно сказать, что мы даже не опоздали, самое интересное ещё не началось.

Прямо в центре площади высилась примерно на два моих роста какая-то заботливо укрытая белым полотном штуковина. Вокруг неё, в парадном строе выстроились несколько десятков полицейских чинов, мэр, чиновники и почётные граждане. За их спинами – поблёскивали трубы местного оркестра, а вокруг, от края до края, густо толпились горожане. Чего-то ждут, а заодно – слушают речь про патриотизм, верность долгу, мужество, отвагу и прочие непреложные ценности развитого европейского государства.

– Памятник поставили, – донёс я до Саши обрывки услышанных фраз.

– Бисмарку?

– А кому же ещё?!

Не виноват я, что бронзовый, гранитный или гипсовый Бисмарк в Германском рейхе – примерно, как Ленин во времена СССР. Стоит, сидит, бежит, лежит – во всех мыслимых позах и перед каждым вторым сараем.

– Смотри, вроде покрывало снимать собрались!

И верно, под частый барабанный стук холстина поползла вниз...

– Безумие! – опередила меня Саша.

На бронзовом осколке стены стоял, чуть наклонившись вперед, бронзовый же полицейский. Широкоплечий, при полном параде, то есть в форме и шлеме, он одной рукой придерживался за стилизованный флагшток, вторую – выбросил кулаком вверх. Мужественное лицо как будто спрашивало: «А что ты сделал для разгрома нацизма?!».

– Лейтенант Клюгхейм! – узнал я лицо.

Надо же было мне три месяца назад, на крыше ратуши попасть под объектив фотоаппарата!

Да не простого обывателя, а самого Джонса Гаррета[337]. Фото, надо заметить, получилось весьма так себе – силуэт с минимумом деталей на фоне заходящего солнца – однако авторитет популярного журналиста сделал своё дело. Кадр просочился на страницы газет, а чуть позже – попался на глаза политиканам. Собирающим силы для отпора «походу на Берлин» Брюнингу и Гренеру позарез требовался символ – героически погибший «лейтенант под республиканским флагом» идеально подошёл на эту роль.

– Он был без шлема, – проворчал я.

– А ты откуда знаешь? – как-то очень подозрительно настожила Саша.

– Тут полгорода его без шлема на стене видело, – я кивнул головой в сторону ратуши. – Хотя я скульптора понимаю. Так-то – со шлемом – сразу понятно: полицейский подвиг совершил, а не какой-нибудь левый проходимец вылез.

– «Гитлер капут» тоже полицейский кричал?

– Наверное, – как можно более беззаботно пожал плечами я. – Хотя, мне кажется, лейтенант вопил про что-то совсем иное, да только зеваки неверно разобрали слова.

– И «Мерседес» наш сам собой в ратушу залетел?

– Лейтенант попросил прокатиться, – с лёгкой совестью

[337] Гаррет Джонс – с 1930 года внешнеполитический советник премьер-министра Ллойд-Джорджа. Неоднократно посетил Германию и СССР, сделал репортаж о Гитлере, написал серию статей о голоде в СССР. Погиб в 1935 году в Монголии, вероятно – убит сотрудниками НКВД.

повторил я вошедшую в полицейские протоколы историю. – Не мог же я отказать представителю законной власти в помощи?

– И чек на сотню тысяч ты вдове лейтенанта выписал за разбитую машину?

– Ты же сама всё знаешь... – в попытке сменить тему я склонился к Сашиним губам для коварного, совсем недружеского поцелуя. – История с подвигом лейтенанта сильно на меня подействовала. Настолько, что я тогда не удержался и всё же сделал предложение одному важному господину... Да-да, тому самому, который из Кёльна.

– Ох, Хорст, лучше признайся: сколько миллионов ты ему пожертвовал на создание новой партии!

– Если копить – кубышка треснет, – невинно пожал плечами я. – Последний нырок «Dow» вниз – впрочем, как и быстрый отскок – позволили нашему «Quantum Fund» заработать неприлично много. С таким капиталом без политической крыши работать уже нельзя, да и в рамках биржи нам стало тесно... А политику сокращения расходов Брюнинга – если смотреть на неё с позиции макроэкономики 21-го века – называть иначе как безумием язык не повернётся.

– Дурак! «Канцлер-голод»![338] Да его программа и без знаний будущего неадекватна, – возмутилась Саша. – Зарплаты срезал. Пенсии срезал. Пособия по безработице – и те срезал. Как специально[339] избирателей в объятья коммунистов да нацистов загнал!

– Герой, остановивший тремя ротами рейхсвера марш нацистов под Лейпцигом, политик, вынудивший Гитлера с дружками свалить в Швейцарию, – поддразнил я негодование жены. – Аскет, живущий исключительно ради счастья германского народа. Депутат, отдающий большую часть зарплаты бедным рабочим...

[338] Прозвище канцлер Брюнинга, данное за политику урезания социальных расходов.

[339] Есть подозрение, что на самом деле специально – в попытках отсрочить, а то и отменить совсем выплаты контрибуции. Причём в деле отсрочки платежей Брюнинг действительно преуспел (а это на 1930 год аж 47,5 % бюджета Германии), а вот внутривнутриполитическую ситуацию – безнадёжно упустил.

– Что же ты тогда в «Партию Центра» не вступил?!

Провокация с недружеским поцелуем повернулась неожиданной стороной. Да и тема ушла слишком далеко от шуток. Поэтому продолжил я серьёзно, тщательно подбирая слова:

– Когда у тебя миновал кризис, я всерьёз думал поддерживать «Партию Центра». Ведь кого ещё?! Коммунисты переобулись на лету в паенек и лучших друзей эсдеков[340], чума на оба этих дома. Народники подобрали в себя остатки наци. Остаются местечковые фермеры да баварцы, простые парни, у которых нет ни идей, ни перспектив. А Брюнинг... На первый взгляд – он всем хорош. Решительный антикоммунист и антифашист, по реальным полномочиям – теперь едва ли не диктатор. Однако рисков доиграться до нового фюрера с ним нет – фюреры, по крайней мере по началу, опираются на популярность в народе, а ты сама назвала Брюнинга «Канцлерголод». И это ещё одно из самых мягких его прозвищ!

– Рейхсвер... И Рейхстаг! – прервала меня Саша. – Вот его опора.

– Именно! – обрадовался я пониманию сути. – Брюнинг как мог старался тянуть эту ниточку, отложил выборы аж до самого декабря, но отменить совсем их не мог. А после выборов, без резкого изменения экономического курса он кресло ни за что не сохранит.

– Он за него и не держится, – заметила Саша.

– Не держится, – согласился я. – Куда хуже – он считает, что только один может спасти Германию. Фанатика нельзя убедить в необходимости перемен, особенно если он мыслит как твердолобый бухгалтер, исключительно двумя действиями арифметики в масштабе оборотно-сальдовой ведомости. Не получилось поднять государственные доходы – надо урезать социальные расходы и увеличить налоги. А то, что такие действия тут же отзовутся падением производства, дикой безработицей и ещё большим снижением этих самых госдоходов – понять не способен. Ещё и радуется, как дурак, что инфляция не растёт.

– Ох, опять! Ты мне уже все уши своим Кейнсом прожужжал!

[340] Данный процесс едва не произошёл в реальной истории (перед лицом угрозы со стороны НДСАП), помешали лишь энергичные действия Тельмана, подержанные с И. Сталиным.

Кейнсианство, инфляция, монетаризм, хартализм... Тошнит уже от этой милой и ненавязчивой терминологии...

– Да! Жаль только, до взрослого монетаризма местные экономисты ещё не доросли.[341]

– Одного поля ягоды, – поморщилась Саша. – Специалисты по заливу кризисов бюджетными деньгами.

– Но ведь это так просто и логично!

Продолжить возражения я не сумел, Саша притянула меня за шею к себе, быстро поцеловала в губы, чуть отстранила и ласково взъерошила рукой мне волосы.

– Может, хватит? Ты уже достаточно изменил историю.

– Сильно, да недостаточно!

– Вспомни, что ты мне обещал?

– Свалить за океан?!

– На Кубу! – в глазах Саши зажёгся огонёк мечты. – Белые пляжи, пальмы, бананы и пиратский ром, – она покачала в руке воображаемый стакан. – Будем нежиться в тёплом океане и смотреть на восток: не плывёт ли к нам белый пароход.

– Искусительница, – притворно шмыгнул носом я, однако тему экономики не оставил. – Ведь на самом деле нужно всего лишь вовремя залить кризис деньгами, а затем аккуратно собрать лишнюю ликвидность через налоги. Главное – не бояться инфляции, в разумных размерах она даже полезна, а гиперинфляция – при упоминании которой все местные приходят в мистический ужас – суть пустое пугало, точнее – банальная неспособность государства вытряхивать положенные налоги с трудящихся и капиталистов.[342]

– Можно подумать, историю экономики будущего я меньше тебя штудировала, – недовольно фыркнула Саша. – Залить получается хорошо, а вот собрать – как-то не очень. В результате – бесконечный и повсеместный рост госдолга. Мне

[341] Обратная зависимость между инфляцией и уровнем безработицы была предложена в 1958 году Уильямом Филлипсом и хорошо ложилась на идеи кейнсианства. Однако в 1970-х годах выяснилось, что данная связь несколько сложнее, чем казалось.

[342] В данном утверждении ГГ уже использует постулат Modern Monetary Theory, которая, впрочем, во много является развитием уже известного с начала 20-го века хартализма и идей Джана Кейнса.

кажется, это путь в тупик, и тебе совсем не обязательно толкать на него Новый мир.

– Пусть так! Всё равно – это очень, очень длинный путь!

– Как знаешь... Партнёра ты выбрал «достойного». Однопартиец Брюнинга чуть ли не с прошлого века, но при этом – его полный антагонист. Полубанкрот, биржевой игрок-неудачник, хитрый махинатор – нет такого банка, в который бы он не обратился за кредитом.

– Зато семьянин хороший! Настрогал семерых детей!

– И кстати... – не поддалась на мою новую уловку жена. – Не про его ли долг в сорок миллионов марок недавно писали в газетах?!

– Долги не личные, а муниципальные. Тем более – реально срочных там и десяти миллионов не набиралось, – как можно небрежнее отмахнулся я. – Если вылезет в рейхсканцлеры – погасит шутя.

– Если..

– А лучше варианты у тебя есть? – начал закипать я. – Кроме Кубы? Сама ведь знаешь, что мы – с точки зрения местного истеблишмента – никто, пустое место, только неподъёмные долги и заставили этого надутого сноба общаться хоть формально на равных.

– За деньги... Да ради них Конрад с самим дьяволом за стол переговоров сядет и не просто так, а в надежде обвести того вокруг пальца.

– И сед, с Гитлером в истории Старого мира. Не обхитрил.

– За тобой нет ни широких народных масс, ни СА, ни СС.

– Обманет – и ладно, – не стал упираться я. – Собственно, вернуть деньги я и не рассчитываю.

– Вот и прекрасно! – взорвалась Саша. – Пусть чёртовы боши сами решают свои проблемы, а с нас – хватит. Пусть не Куба с тёплым морем – пусть Майями, океан, рыбалка и крокодилы. Ты же сам мне тысячу раз говорил, что в Штатах с хорошими деньгами есть где развернуться.

Я посмотрел на бледную, всё ещё нездорово худую Александру...

Может, и в самом деле плюнуть на политические заморочки да махнуть на докастровскую Кубу?

Пока нельзя на выходные слетать в Таиланд или на

Мальдивы – это лучший и фактически единственный в мире тропический курорт. Янки не зря вливают в кубинские гостиницы, казино и бордели десятки и сотни миллионов долларов. Безопасность и роскошь в сочетании с прекрасным тёплым морем – чего ещё может пожелать уставший от жестокой деловой суеты миллионер?

– «Встречный пал» – твой план, и он сработал, – озвучил я свои мысли. – Ты права, нам больше незачем вмешиваться в историю.

Да, поездка на Кубу и обратно займёт три или четыре месяца. Да, она обойдётся в десятки тысяч долларов. Не страшно. Мы легко можем позволить себе такое путешествие.

– Спасибо таким парням, как лейтенант Ключейм, – Саша кивнула головой в сторону памятника. – Вирус нацизма, слава богу, Германия поборола. Без товарища Гитлера, фанатика и авантюриста, общеевропейская бойня крайне маловероятна.

– Зато в колониях великие державы будут сражаться до последнего туземца, – хмыкнул я в ответ.

– Фу!

– Слишком цинично?

– Нельзя так... Туземцы – тоже люди.

– Извини уж, как есть.

– Ладно, – Саша стёрла с лица недовольную гримасу. – Главное – чтобы в Европе не передрались.

– Вроде как не должны, это же просто невыгодно. Да и не успеют, совсем скоро яйцеголовые изобретут ядерное оружие[343], испытают и примут концепцию неприемлемых потерь. А без большой войны крах империализма затянется лет эдак на пятьдесят. Глобализма в стиле Pax Americana – американский мир – возможно, и вовсе не случится.

– Для мира в целом... Разве это так плохо?

– Технический прогресс очень уж сильно замедлится... Хотя ты права: для отставшего СССР – это скорее позитивный вариант. Да и в колониализме, если подумать, есть свои прелести. Вдруг у Сырцова и его дружков, в отличие от Сталина,

[343] Германский ядерный проект стартовал в 1939 году, через несколько месяцев после открытия деления ядер. Вскоре после этого начались работы в США. Первый ядерный реактор («Чикагская поленница») был запущен в 1942 году.

хватит мозгов помочь великим державам устроить на месте единого коммунистического Китая пять-шесть зон влияния...

– Вот именно! – с неожиданным воодушевлением развила мою мысль Саша. – СССР может хотя бы Манчжурию в свою пользу отделить, она того стоит.

– И ты туземцев не жалеешь, – укоризненно покачал головой я. – Хотя русская Маньчжурия действительно стоит свеч. Да вот незадача – у большевиков пупок развяжется оттуда японцев выгонять. Им бы Монголию с Синьцзяном за собой удержать,[344] и то ладно.

– Всё лучше, чем «Культурная революция» Мао, – для порядка попробовала поспорить Саша. – И ещё, не забывай, что Японию в Китае не хотят видеть ни американцы, ни британцы, ни французы. Глядишь, какой-нибудь интересный альянс и сложится.

– Вот и пусть меряются органами подальше от Европы, – закруглил тему я. – Чем ожесточённее воюют в колониях – тем больше у Советов времени на трансформацию.

– Надеюсь, что они не зависнут на транзите из феодализма в демократию!

– Ты имеешь в виду в фашизме? Почему нет? – усмехнулся я. – Фашизм здоровому колониализму – совсем не помеха. Но если говорить серьёзно, то при демократической Германии шансов так неудачно зависнуть – мало. Пусть большевики своими собственными идеями не блещут, а всё же им хватит ума не перенимать к себе проигравшую идеологию.

Саша задумалась, а я огляделся вокруг...

Праздник заканчивался: монумент открыт, речи сказаны. Горожане начинали потихоньку расходиться – вечернее пиво само себя не выпьет. Пора и нам возвращаться в «London».

– Может быть, пойдём домой... В отель? – резко сменил я тему.

– Пожалуй, – Саша поднялась со стула, придерживаясь за спинку. – Не надо меня нести, тут совсем недалеко.

Дорога, и правда, много времени у нас не отняла. А вот попасть в «London» оказалось непросто. Прямо рядом со входом красовался деревянный стенд, на котором висело несколько

[344] *Захватывать Синьцзян не надо, он в 1932 году и без того сателлит СССР.*

карикатурных карт звёздного неба и выведенная крупными готическими буквами реклама – «Астрология, хиромантия, предсказание будущего! Гороскоп за 50 пфеннигов!».

Рядом, на небольшом возвышении стоял старикан в пёстром тюрбане.

Вокруг, загораживая нам проход, выстроилась целая толпа. И в отличие от той, что на площади – совсем не праздничная. Молча, без привычных шуток или смеха люди смотрели на несущего околицу астролога. В потерянных взглядах светилось желание увидеть чудо.

– Хорст, – обратила моё внимание Саша. – Я знаю: что хотят эти люди. Им вовсе не нужна демократия. Им нужно что-то вместо религии.

Вместо ответа я фыркнул и принялся энергично проталкиваться к дверям отеля. Не слишком удачная идея – астролог, наконец-то приметив платёжеспособных клиентов, немедленно насел на нас с предложением.

– Угодно господам получить гороскоп? Или узнать будущее по линиям рук?

– *Verdamntes Räuberpack!*[345] – грубо оборвал я попрошайку.

Саша, однако, протянула астрологу руку.

Он склонился над ладонью и зачем-то поводил по линиям жёлтым от никотина ногтем.

– У вас – порок сердца, – заявил он категорически. – Однако линия жизни длинная, вы доживёте до восьмидесяти лет. Ваши чувства развиты сильно, линия разума очень коротка, зато вы музыкальны и любите помечтать. А ещё я вижу здесь троих детей.

– Так и есть, – с грустной улыбкой подтвердила эту несусветную чепуху Саша. – Спасибо вам.

Она отдала астрологу марку и потащила меня к дверям. Толпа, прежде злая и неподатливая, теперь расступалось перед ней, как перед мессией.

Я думал, что мы сразу пройдем внутрь, но у самого входа в отель Саша вдруг приостановилась.

– А знаешь: ведь твой разлюбленный и милый Конрад – ещё тот диктатор по натуре.

[345] *Чёртово грабительское отродье! (нем.).*

– Диктатор, но с сильным демократическим уклоном, – возразил я. – И это – хорошо, в нищей, озлобленной стране умеренного политика не выберут. А этот... У него есть шанс...

– А потом? – перебила меня Саша. – Что будет дальше?

– Он даст экономике минимум три-четыре года роста. Когда у избирателей появится работа и еда, то они перестанут слушать сказки Гитлера, Реммеле[346] или Штрассера.

– Ты правда в это веришь?! – Саша обернулась к толпе. – Недовзрослые любители астрологов и кликуш непременно посадят на свою шею нового «спасителя отечества».

– Пока общество здорово... – я проследил взгляд жены. – Оно не нуждается в шарлатанах, великих вождях и фюрерах.

– Твои любимые политики ничем не лучше!

– Настоящие политики – в отличие от идейных фюреров и генсеков – честно берут деньги у капиталистов, а уж эти-то циничные денежные мешки знают толк в конкуренции. Демократическая драка за места в Рейхстаге для них – не дешёвые тараканьи бега, а мощное кадровое сито, способ выбрать из толпы менеджеров сильнейшего. То есть, ставя сегодня на Конрада, они не забудут заодно, на будущее, поддержать его противника из эсдеков и коллегу-конкурента из центристов. И пусть побеждает тот, кто лучше справляется с управлением страной.

– Разделение владения и управления...[347] Ладно, раз ты считаешь этот метод правильным... – Саша вдруг развернулась ко мне, обняла, доверительно прижавшись головой к моей груди. – Собираешься в Кёльн? Езжай. Пусть эти люди больны, но даже больные не заслужили фюрера.

– Сердце моё полно жалости, – медленно повторил я старую, местами уже избитую цитату из «Трудно быть богом»

[346] Герман Реммеле – один из лидеров германского КПП, выступал за ослабление борьбы против социал-демократов и за тактический союз с ними против фашизма. В ноябре 1932 года был исключён из ЦК КПП по инициативе Э. Тельмана, расстрелян в 1939 году в СССР.

[347] В Конгресс США нет или очень мало людей, чьё состояние превышает \$500 миллионов. Для сравнения: в парламенте Китая заседает 31 долларовый миллиардер, почти 10% от общего числа супербогачей в стране.

Стругацких. – Не сомневайся. Дурь Руматы из меня вытрясли давно, ещё на Соловках.

– Знаю. И ты знай – я не спутаю кровь с соком земляники.

* * *

До открытия второго, особого предвыборного съезда Христианско-демократического союза Германии остались минуты, припозднившиеся участники торопятся занять места. А я всё мешкаю в проходе, пытаюсь определиться: искать ли свободное кресло или всё же плюнуть на особое приглашение, проведя пару-тройку часов с куда большим толком – в ближайшем биргартене[348].

Ради чего оставаться?

Партийные собрания всех конфессий похожи друг на друга как однойцевые близнецы – зайдя к нацистам, коммунистам или агрокультуристам – везде под тусклым, едва пробивающимся сквозь табачный смог светом ламп увидишь ровно одно и то же: увешанные лозунгами стены, сцену с очередным оратором у кафедры и скучающих чуть позади членов президиума.

В самом же зале – воняющих чесноком, табаком и пивом статистов-депутатов, большая часть которых знает друг друга хотя бы шапочно, а посему – не стесняется делиться мнением через десятки голов соседей, порождая тем самым гул, более всего напоминающий рёв идущего на взлёт реактивного лайнера.

Послушать, о чём говорят? Зачем?!

Прочитать стенограмму можно втрое быстрее...

Окончательно решившись на вариант с пивом и острыми колбасками, я развернулся к выходу и тут же расстроено выругался – сбегать поздно.

Навстречу уже спешит Конрад Аденауэр, собственной персоной. Ещё тот красавец – задранные к самым глазам скулы, неестественно худые, морщинистые, сползающие в узкий подбородок щеки, почти лысый череп. Похожая на оскал улыбка – следствие старой автомобильной аварии. Ходячая

[348] Пивной сад (нем. Biergarten) – особый тип пивного ресторана.

иллюстрация к расхожему ругательству – «Dein Gesicht auf einer Briefmarke und die Post geht Pleite» – твою рожу на марку – почта разорится.[349]

Летом, рассматривая фотографии Старого мира, я никак не мог понять – как человек с подобной внешностью сумел не только попасть на почтовые марки, но и превзойти по своей популярности Бисмарка. Теперь знаю секрет – у него удивительные глаза: детские, ясные и при этом – удивительно живые, они говорят за всё лицо.

– Рад, очень рад приветствовать вас в этом зале, – протянул мне руку герр Аденауэр.

– Удивительный успех, – отвечая на рукопожатие, я кивнул в сторону битком забитого зала. – Вашей партии нет и полугода, а уже есть полторы тысячи выбранных на местах депутатов. Полагаю, что вы без труда возьмёте сотню мест в Рейхстаге!

– Ох, будет хорошо – если выбьем половину от вашего прогноза, – попытался скорчить унылую мину Конрад. – Нас давят по всем фронтам. Однако пойдёмте, ваше место в президиуме!

– Зачем? – опешил я. – У меня нет никакого поста в ХДС!

– Есть, и он – самый важный, – отмёл мои возражения Конрад. – Пойдёмте же, мне давно пора выступить!

«Обдерёт как липку...», – тяжело вздохнул я.

Противиться, однако, не стал...

Герр Аденауэра можно понять – большая политика, как и война, требует всего лишь трёх вещей: денег, денег и ещё раз денег.

Вывести ради них за руку на сцену и посадить в президиум неприлично молодого и вдобавок скандального биржевого спекулянта?

Нет ничего проще. Толика лести – да ещё и бесплатной – никогда не вредила делу выпрашивания денег...

Свою речь герр Аденауэр начал раньше, чем я успел удобно устроиться на стуле.

– Возблагодарим от всего сердца Господа нашего

[349] В 1932 году Конраду Аденауэру – уже 56 лет, в реальной истории канцлером ФРГ он стал в 72 года.

всемогущего! Нам, как и всему народу Германии, нелегко дались прошлые годы. Мы страдали все вместе, мы пережили и вынесли всё это вместе. Так давайте поклянёмся, что сохраним это единство и в будущем, сохраним ту же верность нашей нации, ту же любовь к нашему отечеству! А теперь все вместе: «Германия, дорогая Германия! Ура! Ура! Ура!».[350]

Забившие зал депутаты в ответ на немудрёный призыв вскочили с мест и принялись раз за разом скандировать: «Германия! Ура!».

Поднял свои задницы со стульев и президиум, мне пришлось изображать энтузиазм вместе со всеми. Хоть и выкрикивал я вместо «Hurra!» куда более ребяческое «Bier!» – смысл действия менялся мало.[351]

Дождавшись, когда все в досталь наорутся, герр Аденауэр оборвал последние вскрики резким взмахом ладони и принялся обстоятельно перечислять достижения партии за прошедшее с прошлого съезда время.

Я заскучал, тяжёлый рейнский диалект Конрада мешал сосредоточиться на сути событий, должно быть, я даже задремал с открытыми на призрак острых колбасок глазами. Ровно до того момента, когда услышал знакомые по учебникам Старого мира слова:

– Капиталистическая система не соответствует жизненным политическим и социальным интересам немецкого народа. Новая структура немецкой экономики должна основываться на учёте того факта, что время безграничного господства капитализма ушло.[352]

Лукавство, громкое, рассчитанное на кричащие заголовки газет предвыборное лукавство...

Я точно знал, что предложенная Аденауэром альтернатива осталась всё той же, целиком и полностью капиталистической.

Однако сами слова!

Зал провалился в мёртвую тишину. Кажется, я услышал, как лопаются пузырьки в стакане минеральной воды.

[350] Немного изменённое начало одной из реальных речей К. Аденауэра середины 20-х годов.

[351] ГГ вместо слова «ура» произносит слово «пиво».

[352] Эти принципы были изложены Аденауэром в «Дюссельдорфских тезисах ХДС» в 1949 году.

– Мы считаем нужным социальное жилищное строительство за счёт бюджета, – ударил по залу следующим тяжёлым тезисом Аденауэр. – ХДС установит динамичную пенсию, которая будет зависеть не только от пенсионного вклада, а станет возрастать пропорционально увеличению государственных доходов. Следующим нашим шагом станут налоговые льготы на вклады в банках и специальные государственные премии на сбережения...

Дальше я не слушал...

Посеянные в Аденауэра зёрна «общей теории занятости, процента и денег»[353] дали отличные всходы. Меня захлестнул водоворот воспоминаний истории Старого мира: «Немецкое экономическое чудо»[354], «Итальянский расцвет», «Японский взлёт», «Азиатские тигры», «Феномен Сингапура» – все они, ранее перемешанные в малопонятную и несвязную кучу, вдруг начали выстраиваться в пронизанную стальной логикой картину. Послевоенный расцвет экономик Старого мира стоял на заложенном Конрадом Аденауэром социальном фундаменте!

– Кажется, наша поездка на Кубу откладывается, – прошептал я сам себе, подтягивая поближе карандаш и выданный организаторами съезда блокнот. – Причём – надолго, очень надолго.

Маркс и его самозванный апостол Ульянов с ордой ортодоксального коммунистического клира никак не могли учесть, что развитый капитализм – в отличие от случившегося в СССР отраслевого феодализма – общество принципиально договорное и полное свободно действующих социальных связей.

В его рамках можно договориться даже о такой сложной штуке, как межклассовый мир, достаточно лишь осознания жизненной необходимости в сотрудничестве.

Тем более что границы этих самых классов неприлично

[353] *Основополагающая работа Д. Кейнса, в реальной истории опубликована в 1936 году.*

[354] *За пять первых лет правления Аденауэра ВВП увеличился на 48%, реальная зарплата -- на 80%. К концу 1950 гг. Германия обладала самой мощной и динамичной экономикой в Западной Европе.*

быстро стираются, а на горизонте всерьёз маячит призрак резкого повышения уровня жизни и потребительского насыщения.

Что такого исключительного сможет позволить себе мультимиллионер через двадцать-тридцать лет?

Домик с десятком акров земли и тёплым сортиром? Гардероб, полный пиджаков, штанов и шляп? Автомобиль премиальной марки? Лишний кусок мяса за обедом? Отпуск на Кубе?

Так ведь это всё примерно то же самое, что будет доступно квалифицированному инженеру или дантисту.

Конечно, недобитая «аристократия» всё равно найдёт способы выделиться из «серой массы».

Напялить бриллиант в десять карат на палец любовницы, а себе на запястье подвесить часы, коллекционный «Роллекс», выстроить в заповедном лесу гламурный дворец на сотню или две дворовых слуг, заказать стометровую океанскую яхту или личный самолёт...

Ха!

Да только кому из действительно богатых людей моего Старого мира нужно всё перечисленное, иначе как в качестве экзотического хобби?

Брину? Цукенбергу? Ришару? Блумбергу? Мюррею? Дурову? Баффету?

Нет!

Богачи и аристократы – тащившие на своём кошельке искусства и ремёсла всё прошлое тысячелетие – более не локомотив экономики. Потребительский спрос эпохи массового производства придётся тащить...

Самим массам.

Более того – Великая Депрессия во многом есть следствие неготовности спроса к дешёвому фабричному производству. Высший и средний класс мгновенно «наелся», а у рабочих и фермеров нет ни денег, ни привычки потреблять в кредит. Технический прогресс обогнал финансовый.

Проще говоря: для массовой продажи телевизоров и автомобилей надо...

Дать возможность массам заработать стоимость этих самых телевизоров и автомобилей!

Аденауэр теперь – один из тех, кто понимает: каждый лишний пфенниг в кармане рабочего влечёт за собой рост спроса, а значит – и рост экономики в целом.

Так же опытный политик прекрасно осознаёт, что сами по себе капиталисты на повышение зарплат или социальных отчислений в обозримой перспективе не пойдут. И будут, кстати заметить, абсолютно правы: увеличить свои издержки по сравнению с соперниками – значит проиграть в конкурентной борьбе.

Поэтому Аденауэр и берётся – ради общего блага самих капиталистов – устанавливать новые правила игры сразу для всего рынка. Упирая при этом на масштабную раздачу необходимых для оживления производства финансов, проталкивание их мимо всех сословных и классовых барьеров до самых бедных, а затем изъятие налогами – с получивших свой профит бизнесменов и банкиров.

Избиратели, впрочем, услышат с высоких трибун совсем иное.

И слава Тесле!

Дотации на здравоохранение, пенсии старикам, льготы молодым, ипотеки семейным, пособия безработным, доступные всем и каждому потребкредиты – «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным...» [355].

Столько не обещают даже самые оголтелые коммунисты.

С таким мощным заходом в социальную тему товарищ Конрад станет рейхсканцлером не через пару-тройку лет – как мы с Сашей прикидывали – а гораздо раньше, как бы не сразу после выборов.

А значит – пришла пора в него инвестировать – отдаст сполна, не деньгами так покровительством.

Для начала – взять хотя бы полупроводники, телевидение и селекцию пшеницы [356].

Сколько удивительных и перспективных направлений нам открывает защита от вмешательства в бизнес докучливых

[355] Цитата из книги братьев Стругацких «Пикник на обочине».

[356] Начало «Зелёной революции» было положено в Мексике, в 1943 году сельскохозяйственной программой мексиканского правительства и «Фонда Рокфеллера».

государственных мужей!

Где сейчас Зворыкин?

Нельзя ли вернуть поближе к родине Юлиуса
Лилинфельда?

На кого работает Норман Борлоуг?

Где эти люди?[357]

В пустом зале уборщик задержал руку, прежде чем смахнуть со стола в корзину вырванный из блокнота лист. Его смутила крупная, много раз обведённая надпись – «Das Internet wird 1960 erscheinen. Ich werde es sehen!!!»[358].

Несколько секунд он пытался понять смысл странных слов, затем хмыкнул – и со спокойной совестью отправил непонятный кусок бумаги в мусор.

[357] Зворыкин – один из создателей современного телевидения, Лилинфельд – первым запатентовал транзисторный эффект и электролитический конденсатор, Борлоуг – отец «Зелёной революции».

[358] Интернет появится в 1960. Я его увижу. (нем.).

11. ЭПИЛОГ

Москва. 22 июня 1941 года
Одиннадцать лет с рождения Нового мира

Неспешная, человек в полтора ста, очередь подтащила нас к часовым, застывших у отделанного чёрным гранитом прохода.

– Пожалуйста, будьте добры... – зачестила переводчица. – В знак уважения к вождям революции, пожалуйста, выньте руки из карманов!

– Ja, Horst, – поддержала девушку Александра. – Unsere Kinder schauen zu! Bitte mach, was sie verlangt![359]

– Nein![360] – грубо отрезал я, демонстративно запихивая ладони поглубже в брючные карманы.

Кинул взгляд вверх, к высеченным в камне словам «Ленин – Сталин – Сырцов».

Нет у меня никакого почтения ни к этим людям, ни к уродующей Красную площадь пирамидке Мавзолея.

И приехал я в столицу СССР отнюдь не с поклоном призракам былого мира, а по очень настоятельной просьбе наркома образования.

Кому не нравится – стерпят, никуда не денутся. Я, к счастью, не гуманист – помнить всё хорошее собираюсь сто лет, но всё плохое – двести.

Зайти бы наконец внутрь, да плюнуть на «святые» мощи...

Хотя плевать – мелко и глупо. Ещё и при детях.

Они ведь не знают, что их родители имеют к двум третям надписей на граните самое что ни на есть прямое отношение. Вот придумать бы вместо плебейского плевок что-нибудь

[359] Да, Хорст, – Наши дети смотрят! Пожалуйста, сделай то, что она просит! (нем.).

[360] Нет! (нем.).

утончённо-аристократическое, достойное мультимиллионера и барона...

Пока я строил коварные планы, прямо к очереди подрулил лупоглазый сто семидесятый «Мерседес». В Триэсэрии его почему-то искренне считают своим – в отличие от наводнившего улицы североамериканского секонд-хенда.[361] Упирают при этом на красный овал с буквами «АМО» над радиатором. Быть может, в таком подходе есть своя сермяжная правда – в истории Старого мира, когда-то давным-давно «Жигули» тоже считались собственной, честно отвоёванной у капиталистов моделью.

Дверь машины широко распахнулась, выпуская на площадь невысокую девушку в строгом чёрном костюмчике. Несколько секунд она рассматривала очередь, а натолкнувшись на меня взглядом, улыбнулась и быстро застучала острыми каблучками навстречу:

– Герр Кирхмайер! Как же хорошо, что вы тут, я вас по всей Москве ищу!

В ответ я чуть приподнял шляпу, а девушка, осознав свою бестактность, смешалась, щёчки – бледные, напрочь лишённые загара – мило порозовели. В поисках помощи она оглянулась по сторонам так, что в стёклах изящных очков на мгновение отразились белёсые стены Кремля[362]. Не найдя поддержки, она смутилась ещё более и продолжила уже совсем по-простому:

– Меня Маша зовут...

– Очень приятно, – пришёл я ей на помощь. – Хорст. Для вас – просто Хорст. А вот... – я указал рукой на Сашу. – Моя супруга Марта.

Дети, повинувшись грозному движению Сашиных бровей, прекратили междусобойчик и представились:

– Пауль.

– Питер.

[361] В реальной истории «Дженерал Моторс» ещё в 1930 году предлагал СССР 150-200 тысяч (и более) восстановленных автомобилей (капремонт, новая резина) по цене \$200, да ещё в кредит на 10 лет.

[362] В красный цвет Кремль был покрашен только в 1947 году – к празднованию 800-летия Москвы.

– Я – по поручению товарища Лукашенко, – собралась с силами девушка Маша. – Я – его секретарь.

«Губа у её товарища – не дура...», – отметил я про себя.

Высокие, чудесно очерченные скулы, нежный подбородок, чувственные и пухлые тёмно-алые губы – хорошая девочка, и немецкий знает как родной.

Вот только хохлятская фамилия Лукашенко мне ни о чём не говорит.

– Что же вам поручил... Герр Лукашенко?

– Он – наш новый наркомпрос, – с придыханием, явно млея от высоты своей новой позиции, объяснила девушка. – Товарищ Рыков его вчера назначил!

– Ну наконец-то! – искреннее обрадовался я и подумал: «Как мы рады...».

Наш с Сашей приезд в СССР пришёлся в аккурат на момент реформирования местного, ответственного за образование начальства.

Яков Стэн[363], возглавлявший наркомат с 1933 года, был внезапно снят с должности и отправлен послом в Германию. Не сказать, что его постигло кошмарное карьерное фиаско, всё же Германия – не Новая Зеландия, однако любому советскому партаппаратчику было ясно: ещё один товарищ пал жертвой кадровой метлы Михаила Томского[364], нового первого секретаря ЦК, а ещё – лидера правого крыла ВКП(б).

[363] В 1919 году окончил учительскую семинарию, читал курс по основам философии в Сызранском рабочем университете. В 1927-1928 годах – замзав агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б), принадлежал к «бухаринской школе». В начале 1930-х годов вместе с В. В. Ломинадзе, Л. А. Шацкиным и философом Г. Е. Рохкиным образовал новый «лево-правый блок». Расстрелян 20 июня 1937 года.

[364] В 1921-ом году выступал за независимости профсоюзов от партии. В 1922-1929 годах – председатель ВЦСПС, вместе с Бухариным и Рыковым выступил против свёртывания НЭПа. В 1930 году выведен из состава Политбюро, хотя и остался членом ЦК ВКП(б). Спасая семью, застрелился в 1936 году. Не помогло: два старших сына – расстреляны, младший сын и жена – прошли лагеря.

Более двух лет прошло после загадочной смерти Сырцова, а процесс распахивания его друзей-леваков по ответственному, но далёким от столицы постам, никак не останавливается.

И чёрт бы с ними. Да только без первого лица наши с Сашей дела встали намертво. Три недели ни туда, ни сюда. Мы уже и все музеи обошли, и по «Золотому кольцу» на огромном арендованном «Кадиллаке» успели прокатиться, и в Ленинград на «Красной стреле» съездили – не торчать же без толка в душевной летней Москве. Замучили нетривиальными «хотелками» полдюжины гидов, однако самолично, собственными буржуйскими глазами убедились: теория господина Шульгина[365] – «всё как раньше, только хуже» – пала жертвой исторического прогресса.

Кстати сказать, сам «гигант мысли, отец русской демократии и особа, приближённая к императору» – живее всех живых. Недавно перебрался из Парижа обратно в Киев. Большевиков он по-прежнему ненавидит – в теории. На практике, как человек умный, прекрасно понимает, что сам по себе, в отрыве от «непримиримой» борьбы, никому уже дано не нужен. Поэтому балансирует на острой грани между коллаборационизмом и фрондой, которая в данный исторический период пролегает через идею русского фашизма. Не потому что идеология близкая, а просто ведомая гением Муссолини Италия – стратегический союзник СССР в Европе.

Что до уровня жизни обычных советских людей, то Германию или Францию Россия не догнала, а вот с Польшей или Румынией уже можно сравнивать. Особенно если осторожно, без фанатизма и далёких выездов из трёх столиц. Единственное, что однозначно плохо – сервис в гостиницах и ресторанах. Издержки пропаганды: буржуи непременно злые враги, таким мало нахамить – обязательно нужно ещё и в суп плюнуть.

При этом видимые с нетуристических маршрутов поля – ухожены, дороги местами – асфальтированы, в городах и деревнях кипит перманентная стройка. Карточек на продукты

[365] Василий Шульгин, депутат Второй, Третьей и Четвёртой Государственных дум, один из организаторов и идеологов Белого движения, автор «Трёх столиц». Он же – прототип Кисы Воробьянинова из «12 стульев».

нет и в помине, цены на основные позиции вполне доступны. На Москву и Ленинград хватает импорта – можно без проблем купить апельсины или даже бананы. Хотя последнее для меня – совсем не тайна, недавно СССР закупил на одной из фабрик нашего «Quantum Fund» большую партию камер для этиленовой газации[366].

С промтоварами дела обстоят существенно хуже. Необходимое для жизни продаётся свободно и повсеместно, но очень и очень дорого.

Придуманные ещё при Сталине «ножницы цен» в сочетании с транспортной монополией позволяют контролировать благосостояние села вообще без всяких налогов. Ответный шантаж исключён – процентов восемьдесят хлеба, картошки и овощей производят госхозы, эдакие здоровенные латифундии, напрямую приписанные к заводам, фабрикам или ведомствам. Работают там вольнонаёмные крестьяне-батраки, командуют парадом присланные с предприятий начальники-приказчики. Не слишком эффективно, зато – дёшево и сердито. Можно сказать, что крестьянам-частникам большевики оставили только одну системную функцию: размножаться, а затем – отправлять на заработки в города молодых парней и девчат...

– Пойдёмте пожалуйста! – вывела меня из задумчивости Маша.

– Мы уже до Баку билеты на поезд купили, – попробовал я набить себе цену. – Может быть, отложим нашу встречу на пару недель?

– Нет, нет! – не на шутку перепугалась Маша. – Вас срочно ждут!

– И где, позвольте узнать?

– Сегодня товарищ Лукашенко принимает от строителей новый главный корпус МЭИ!

«Свадебный генерал понадобился?», – чуть было не сошелся я да вовремя остановился.

Зачем ещё больше смущать ни в чём не повинную девушку?

Генерал не генерал – заканчивать вояж по СССР нужно

[366] Процесс контролируемого дозревания бананов в среде этилена и азота. Эффект открыт Д. Нелюбовым ещё в 1901 году, но реально начал использоваться только после ВМВ.

«ещё вчера». Время не ждёт. Завод коаксиального кабеля в Риге погнал брак, под угрозой контракт с «Telefunken». В селекционном хозяйстве, затеянном Брно, эффективные менеджеры разворовали бюджет. Руководитель транзисторной лаборатории в Берлине упёрся в дороговизну очистки от примесей и вместо вывода технологии на промышленный уровень решил искать паллиативы кремнию.

Везде что-нибудь да не так: яйцеголовые – напорчат, чиновники – палку в колесо сунут, управленцы – невозможное учудят.

А ещё...

А ещё надо наконец-то свозить Сашу на Кубу!

– Марта? – обратился я к жене. – Уважим товарищей?

– Езжай один, – с видимым облегчением отказалась Саша, видимо, прикидывала про себя, какую ещё дерзость я выкину рядом с мумиями вождей. – Я лучше погуляю с детьми в Нескучном саду, чем слушать болтовню всяких наркомов.

– Мы ненадолго, – неуклюже обнадёжила мою супругу Маша. – Будет торжественный митинг, экскурсия и пресс-конференция.

– Хорст, ты там смотри, много не пей, – перебила девушку Саша. – К восьми не придёшь...

– Да как можно! – поспешил заранее оправдаться я. – Разве что возместить потерю жидкости.

– Вы уж постарайтесь, барон!

– Баронесса, вы на что-то намекаете?

– Нет!

– А если...

– Вашей постелью, барон Пампа[367], станет попона боевого коня!

Маша, изрядно напуганная нашей семейной перебранкой, отпрянула на пару шагов назад, и снова, совсем как при нашем неудачном знакомстве, порозовела щёками. Однако, уловив в словах Саши шутовскую аллюзию на недавно опубликованный в СССР роман «Трудно быть богом», успокоилась. Настолько, что осмелилась намекнуть на быстротекущее время:

– Простите, но церемония начинается через сорок минут.

[367] Отсылка к персонажу книги братьев Стругацких «Трудно быть богом».

– Едем, – скомандовал я, скорее сам себе, чем кому-либо ещё.

Подчёркнуто формально, всего лишь в щёчку поцеловал Сашу и устремился к машине да так, что Маша на своих цокочущих каблучках едва успела меня догнать.

Умоститься на задний диван оказалось не так-то и просто – пришлось сдвинуть в сторону огромную кипу свежих, ещё пахнущих типографской краской журналов «Смена» с товарищем Тухачевским, радостно улыбающимся корреспонденту на фоне длинной колонны новейших, оснащённых ПТУРами танкеток. Наверное, с их помощью доблестная Монгольская народная армия где-то далеко-далеко за Байкалом сумела разгромить злобных и подлых маньчжурских захватчиков. Журналы, я полагаю – по-настоящему ценный подарок согнанным на новоселье студентам-электрикам.

Пока водитель рулил по забитым машинами улицам, Маша дала волю любопытству. Уж не знаю, сама ли она продумала тему, или помог кто-то умный, но мне в кость она попала первым же вопросом:

– Герр Кирхмайер! А зачем вы – такой известный антикоммунист – решили помогать советским школьникам?

– Хорст, – поправил я. – Мы же договаривались.

Самое смешное, что ни я, ни Александра никогда не планировали помогать юным строителям большевистского рая. Не из-за старой обиды или какой-то лютой злобы – просто сначала мы не хотели брать на себя лишний риск и заботу. Чуть позже, году к тридцать пятому текучка стремительно расширяющегося бизнеса и вовсе вытеснила новости из СССР на периферию нашего внимания.

Всё поменяла поистине булгаковская история...

Нежданно-негаданно, а вернее сказать, после публикации в «Vorwärts!» необыкновенно слезливого репортажа о трудной судьбе советских беспризорников, ко мне в кабинет с категорическим требованием помочь деньгами несчастным сиротам вломилась делегация собственных сотрудников. Сцена из булгаковского «Собачьего сердца», в которой домкомовская дама требует с профессора деньги для немецких детей, встала перед моими глазами как живая. И вместо того, чтобы отделаться о

просителей сотней-другой марок, я решил пошутить.

Снял со стены кабинета изрядно надоевшую картину, тот самый несостоявшийся подарок Бабелю, который мы с Сашей по случайности прихватили во время бегства из СССР. Затем, обливаясь крокодиловыми слезами, вручил полотно делегации со словами:

– Денег нет, а искусство полезно для здоровья молодёжи!

Нормальные бы люди обиделись да выбросили бесполезную живопись в ближайшую помойку. Те, что с хорошим чувством юмора – повесили бы подарок на стенку у себя дома, а долгими зимними вечерами рассказывали гостям за кружечкой пива: какой гадкий козёл их шеф.

Но озабоченные советскими беспризорниками тётки пошли к искусствоведам, и...

Там выяснилось, что пейзажик в стиле луминизма написан каким-то знаменитым «маляром». Активисты получили огромные деньги.

Огромные, разумеется, лишь в их понимании – на самом деле за «образчик луминизма» дали что-то около трёх тысяч марок.

И всё бы на этом благополучно закончилось, однако история попала к журналистам. По старой скандальной памяти они постарались и раздули из мухи шикарного белого слона. Меня, впрочем, не обидели, напротив – выставили эдаким щедрым спасителем сырых и убогих, не пожалевшим отдать на нужды несчастных детишек свою любимую картину. Задать вопрос: «Какого чёрта миллионер жертвует живопись, а не деньги?», – никто не удосужился.

Возможно, все они хотели сделать как лучше, но на самом деле лучше бы обвинили меня в поедании христианских младенцев...

Просители многочисленных конфессий, партий и союзов немедленно взяли меня в осаду по всем правилам стяжательской науки.

Послать их сразу и далеко – опасно, раздутый до неприличного размера пузырь хайпа[368] схлопнется в маленькую

[368] *Хайп (англ. hype) – агрессивная и навязчивая реклама, целью которой является формирование предпочтений потребителя.*

чёрную дыру, которая навсегда похоронит за горизонтом событий доброе имя «Quantum Fund».

Давать же деньги – не просто опасно, а ещё и глупо: у подобных товарищей, как правило, нет ни тормозов, ни совести. То есть требовать они будут всё больше и больше, а передавать по-настоящему нуждающимся – всё меньше и меньше.

Спасением стал собственный благотворительный фонд под прямым управлением Александры...

– Герр Хорст, – не слишком вежливо прервала мою задумчивость Маша. – Так зачем?

– Взрослые должны сами отвечать за свои поступки, – попробовал отшутиться я. – А дети... Советским детям можно помочь.

– Только советским?

– Им тяжелее всего.

– Почему? – нахмурилась Маша.

– Вашей стране нужен не коммунизм, а образование!

– Неправда! СССР вкладывает огромные средства в школы и университеты!

– Попы тоже церкви для прихожан строят, – пошёл на обострение я. – Так и большевики – сперва строят школы, а затем насаждают в юные доверчивые умы марксистскую лженауку. И этого ещё мало... – продолжил я перечислять популярные страшилки, не обращая внимания на выражение Машиного лица. – В ваших учебных заведениях слабая, не соответствующая современному развитию техники материальная база. Под прикрытием идеологических лозунгов проводится политика ограничения доступа к новейшим достижениям европейской и американской науки. А ещё – и это, пожалуй, самое страшное на сегодня – штаты преподавателей закрыты квалифицированными кадрами едва ли четверть!

– Да как... Как вы можете так говорить! – задохнулась от возмущения Маша. – Чтоб вы знали: счастье советской молодёжи состоит в том, что она, будучи избавлена от физического закабаления, не знает и закабаления духовного. Материалистическая наука фундаментирует её взгляды... [369]

[369] Незначительно изменённая цитата из передовицы журнала «Смена» 1936 года.

– Маша, вы же – очень умная девушка, зачем вы говорите не своими словами, а глупыми штампами газетных передовиц?

– Вы, вы...

В ответ я демонстративно отвернулся к окну.

На самом деле советское образование далеко не так ужасно, как я пытаюсь его представить. Пусть оно не самое лучшее в мире, однако сырцовский всеобуч, без сомнений, прочно сидит в первой мировой десятке.[370] С институтами и университетами дела обстоят заметно хуже, впрочем, и тут – не «кошмар-кошмар-кошмар». Единственный серьёзный недостаток системы – безжалостная трамбовка мозгов в духе марксизма-ленинизма. И то – назвать это страшной бедой прямо сейчас нельзя: матерям, отцам и большей части педагогов мозги промыть не успели, и дети – по крайней мере этого поколения – связь с реальностью не потеряют.

Есть лишь один неприятный нюанс: если всё так неплохо, то как объяснить моё стремление помогать именно советским, а не немецким, румынским или китайским детям?

Несмотря на все мои старания, молчание Маши не продлилось и пяти минут. Любопытство – или, что гораздо вернее, задание любимого наркома – пересилило обиду.

– За прошлые три года вы обеспечили великолепной техникой и учебными материалами двести сорок три школьных кабинета электротехники. Почему, почему именно электротехника?!

– «Quantum Fund» охотно бы профинансировал кружки изучения реальной истории ВКП(б), – брезгливо поморщился я. – Не двести сорок три, а двадцать три тысячи. Да разве такое позволят? Вот на что радиодело нужен советскому хозяйству предмет – и то запретили. Там... – я выразительно ткнул пальцем вверх, в металл крыши автомобиля, лишённый ради экономии кожаной мерседесовской обивки. – Прямо сказали: «Нечего поважать контру, ночи на пролёт слушающую «Российский национальный фронт» фашиста Ларионова!».

– Так вы действительно надеетесь внести сумятицу в мировоззрение школьников!

Молодец Маша!

[370] Семилетнее всеобщее обучение в СССР было осуществлено только в 1950-56 годах.

Сама – разве что с небольшой подсказкой – сумела вскрыть суть «мягкой силы», или второй слой маскировки, призванный скрыть необъяснимую симпатию немецкого мультимиллионера к России Нового мира.

– Люблю делать простые добрые гадости, – подтвердил я Машину догадку. – Истина познаётся в сравнении. Даже у самого твёрдого ленинца появятся неудобные вопросы, если подаренная буржуями техника, на которой учился в школе, на порядок лучше заводской.[371]

– Да вы – настоящий антикоммунист!

– Да, и горжусь этим. Наш фонд ненавидят в ЧК и Политбюро, нам регулярно срывают договора, то и дело отказывают в визах нашим инспекторам. Партактивисты на местах стыдливо сдирают зарубежные шильдики с оборудования, вымарывают из учебных пособий «вражеские» названия. Да вот беда: никак не находится иных дураков, готовых регулярно дарить вашей стране технику на суммы с квадратными нулями.

– Всего-то какая-то электротехника... – кажется, девушка сама удивилась истинности своей догадки. – Она что, действительно так опасна для дела социализма?

– Ещё как опасна! – согласно мотнул головой я. – Хотя, знаете, Маша, есть вещи, куда более страшные для большевиков. Например: дифференциальное исчисление или общая теория электромагнитного поля.

– Правда?! – Машины глаза широко распахнулись от моего признания, и лишь позже, через бесконечные несколько секунд в них сверкнула искра обидного понимания. – Ой!

Я скорчил ехидную буржуинскую рожицу, а она...

Она вдруг всхлипнула и совсем по-детски прикрыла ладонями полные слёз обиды глаза.

Водитель злобно зазыркал в зеркальце заднего вида, но всё равно утешать девушку я не собирался. Она, конечно, даже в плачущей форме более чем мила и очаровательна, да только здесь и сейчас она представитель капитально засевшего в моих

[371] Борис Черток в 1945 году писал, что обычные заводские немецкие лаборатории битком набиты измерительным оборудованием, о котором в СССР мечтал любой НИИ, а кафедры университетов и вовсе ни разу не видели.

печёнках наркомата. «Machen Sie sich erst einmal unbeliebt, dann werden Sie auch ernstgenommen...[372]», – как частенько любит повторять в тесном кругу друзей и соратников рейхсканцлер Аденауэр.

Пусть лучше Маша поскорее изольёт обиду своему наркому, глядишь, мы сразу и поймём: можно с новым начальником иметь дело в будущем, или на должность для вида поставили тупого выдвиженца из селяков, а реальную венчурную филантропию в СССР следует организовывать через кого-нибудь другого.

При виде нового здания МЭИ моё сердце пропустило удар...

Треугольный, украшенный массивной лепкой фронтон – мажорная стилизация под древнюю Грецию, высокий ряд выдвинутых вперёд колонн, под ними – вливающаяся в широко распахнутые порталы дверей толпа весёлых, нарядно одетых студентов.

Чёрт побери, когда-то, в навсегда потерянном 21-ом веке я был таким же, как они!

Стоял перед ГУКом УПИ, любовался на летних, открытых солнцу и взгляду девушек. Думал об он-лайн играх и мечтал о настоящей любви. Каких богов просить, что бы вернуться туда хоть на минутку?!

– Нас ждут, герр Кирхмайер, – поторопила меня Маша холодным, как руки чекиста, голосом.

Наваждение ушло, а вот мечта рассыпаться осколками реальности отказалась...

Наркомовская секретарша, сменившая гнев на роль экскурсовода, старалась зря.

В коридорах института меня не смогли тронуть за живое ни отделка стен живым мрамором, ни огромные хрустальные люстры, ни шикарный, навощённый до зеркального блеска паркет.

Тяжеловесные, подчас неуклюжие и старомодные «завоевания социализма» бессильно меркли на фоне радостных лиц местных парней и девочек.

[372] Сначала заслужите нелюбовь, тогда вас начнут воспринимать серьёзно. (нем.).

Я – не сегодняшний, а тот, что остался в далёком Старом мире – шёл рядом с ними по коридорам МЭИ, более всего я боялся «размазать» об тухлый официоз чувство тайной, пронесённой через пропасть времени сопричастности.

Если бы Маша просто привела меня в скучный актовый зал, я бы, наверное, сразу же развернулся и ушёл. Однако «праздничный митинг» оказался настоящим митингом – в изначальном, буквальном значении этого слова. Студенты толпились в огромном, обнесённом по периметру колоннами зале свободно, без всякого порядка. Переговаривались с друзьями, задорно шутили, с немалым уважением, но без малейшего подобострастия комментировали слова выступавшего с невысокой

трибуны невысокого, почти лысого старичка.

– Это – профессор Круг, – заочно представила докладчика Маша.

– Так вот он, оказывается, какой!

Маша недовольно покосилась на меня, пытаясь разыскать в восклицании уничижительный для социализма подтекст. Не найдя такового, небрежно отметила на всякий случай:

– Товарищ Лукашенко думает: не назначить ли товарища Круга директором МЭИ.

– Хех! – фыркнул я возмущённо. – Надо же, он ещё думает! [373]

Общение по вопросам оформления школьных электротехнических лабораторий с Карлом Адольфовичем я начал года два назад, первое время удивлялся – что мне напоминает стиль его писем. Начал искать и к собственному немалому удивлению обнаружил учебник «Основы электротехники» за авторством товарища Круга в спасённых со смартфона материалах. [374] Издание оказалось аж 1947 года, невообразимая древность, однако же...

Мой преподаватель ТОЭ рекомендовал своим студентам именно эту книгу, обзывая авторов многочисленных последующих версий курса «невежественными эпигонами».

Оставив вновь обидевшуюся девушку разбираться в оттенках собственных чувств, я устремился навстречу спустившемуся с трибуны профессору. Представился, выразил своё глубочайшее почтение, упомянул московскую жару, и мы как-то очень легко перескочили с вежливых тем на обсуждение моделей магнитных пускателей асинхронных двигателей средней мощности. Зафиксировав позиции, переключились на дроссели насыщения, затем – принялись сравнивать жидкостные реостаты и системы мотор-генератор в управлении шахтными подъёмниками.

[373] В реальной истории К. А. Круг высоких административных постов не занимал.

[374] Первое издание учебника К. А. Круга состоялось в 1916 году (!!!), этот курс широко использовался в вузах до конца 1970-х годов. К настоящему времени сильно устарел, но... Всё ещё популярен у некоторых преподавателей и студентов, ведь теория за сто лет измениться не успела.

Маша тусовалась рядом с обескураженным видом – её мощь, как переводчика, нам не потребовалась, товарищ Круг «шпрыхал» по-немецки едва ли не лучше меня самого.[375]

Митинг, между тем, всю катился к завершению...

Карл Адольфович всё настойчивее звал меня в индивидуальную экскурсию по лабораториям, да ещё с прозрачными намёками на припасённый для протирки коллекторных щёток коллекционный коньяк. Секретарша наркома пребывала в растерянности – оставить меня в покое ей не позволяло поручение начальника, навязываться же пить в компанию двух «немцев» – неполиткорректно и опасно для репутации.

Как видно, комсомольские боги слышали молитвы своего очаровательного адепта.

– Товарищ Лукашенко, товарищ Лукашенко, – вдруг обрадовано закричала Маша. – Мы тут!

Я неохотно обернулся – как ни интересна беседа с профессором, но совсем игнорировать приезд столь долгожданного наркома нельзя.

А нарком...

На меня в упор смотрел электрозаводской профорг Лукашенко!

За минувшее десятилетие он изрядно обрюзг и лишился чуба. На лице проступили мелкие склеротические жилочки, а под глазами набрякли мешки. Мелькнула мысль: «Неужели много пьёт?».

– Grüß gott! – без всякой заминки приветствовал я старого знакомого.

Подобных накладок я не опасался. Похожих друг на друга людей в мире хватает, однозначно признать во мне бывшего «белоподкладочника» Алексея – или тем более убитого пограничниками Алексея Обухова – не сможет никто!

Подозревать же можно сколько угодно – допросить или, не дай бог, арестовать мультимиллионера-филантропа из Германии без железобетонных доказательств чекисты ни за что не решатся. Да и с доказательствами – подумают десять раз.

Лукашенко, в отличие от меня, к встрече с призраками

[375] Не удивительно – докторскую диссертацию К. А. Круг защитил в 1911 году в Дармштадском техническом училище.

прошлого морально не готовился, поэтому с ответом задержался куда дольше допустимых приличий.

А когда пришёл в себя – ограничился притворной крокодиловой улыбкой, рукопожатием и парой формальных фраз. Наш с ним совместный выход «к широким народным массам», на который неоднократно ссылалась Маша, очевидно, сорвался – поздравительная речь наркомпроса, на радость студентов, оказалась предельно простой и краткой.

Я уже собирался вежливо отказать Карлу Адольфовичу в приватной экскурсии и отправиться в отель, к жене и детям, как услышал в спину тихое:

– Если ты – Алексей, то знай: я доносов на тебя не писал...

Внешне вида я не подал.

Зато про себя...

Едва тлевшая под бронёй цинизма вера в людей полыхнула ярким огнём!

Если советский нарком способен на столь честное признание, то дни большевиков сочтены. Скоро, очень скоро они окажутся на свалке истории Нового мира.

А вот стоящие в этом зале студенты – они останутся и – даст Фарадей и Максвелл! – вытащат, да не кровавый СССР, а великую Россию – в число ведущих мировых держав. И не по размеру суши и глубине Байкала, и не по количеству танков или ракет с ядерной начинкой, но по уровню открытий учёных, таланту писателей, мастерству специалистов, инженеров, столяров и станочников, а если взять шире – по уровню свободы и счастья всех, кто тут живёт.

Одним движением, отстранив какого-то «выпукляющего вузирование» замшелого завхоза, я взлетел на трибуну. Оглядел море радостных, улыбающихся или чем-то озадаченных лиц.

Каким-то чудом – а скорее въевшейся в кровь и плоть привычкой – удержался от перехода на русский.

– Добрый вечер, господа студенты! У электротехников есть хорошая традиция: раз в пятьдесят миллиардов лет они строят новую атомную электростанцию!

Вовремя среагировавший на мою инициативу и также успевший подняться на трибуну профессор Круг аж поперхнулся смехом, но перевёл всё точно.

Осторожные ответные смешки господ студентов по мере понимания шутки переросли в дружный хохот.

Зафиксировав взмахом руки внимание участников митинга, я продолжил экспромт:

– Меня зовут Хорст Кирхмайер, и я – учредитель «Quantum Fund».

– Нешто вправду?! – не удержался кто-то из студентов.

– Да-да, тот самый, – переждал я быстро угасшие смешки.

– Думаю, что многие из вас успели отучиться в наших школьных кабинетах электротехники. И мне кажется, что эту традицию необходимо продолжить! Прямо здесь, несколько минут назад, мы с товарищем наркомом Лукашенко договорились, что фонд поставит в ваш институт полный комплект оборудования для двух лабораторий – нерегулируемого электропривода постоянного и переменного тока!

Профессор Круг на несколько секунд прервал перевод, внимательно посмотрел на зависшего наркома, на мило хлопаящую ресницами Машу, на меня, недоумённо покачал головой и добавил от себя:

– Надеюсь, что это – не шутка![376]

– Кроме того... – я прервал радостные крики студентов. – В благодарность за вклад вашего уважаемого профессора и будущего директора в мировую науку и технику «Quantum Fund» сделает особый подарок – предоставит институту в безвозмездное пользование нашу технологию, патенты и все необходимые материалы для разработки и исследования тиристоров! Надеюсь, вы уже знаете, что это такое.[377]

Глаза профессора округлились до размера оправы очков.[378]

– Широотно-импульсное управление током силового

[376] В реальной истории современное оборудование МЭИ получил только в 1945 году – после вывоза из Вены стендов и приборов компании «AEG».

[377] В реальной истории промышленные тиристоры были разработаны в 1958 году фирмой «Westinghouse».

[378] Свою удовлетворительно надёжную тиристорно-импульсную систему управления для транспорта СССР смог создать только в конце 1980-ых годов. Для метро – к середине 1990-х годов, с использованием иностранных компонентов.

привода без тиратронов или игнитронов! Экономия до четверти электроэнергии в сравнении с реостатно-контакторной системой!

– Именно, профессор! – подтвердил я. – Именно! Под вашим руководством МЭИ встанет наравне с самыми передовыми университетами мира!

– Но... Почему?!

– Сегодня ко мне вернулась вера в будущее Нового мира, – просто и в тоже время загадочно ответил я. – Зря старик Хем писал, что один человек ни черта не может! [379]

Надеюсь, что до завтра журналисты подберут к моим словам какое-нибудь разумное толкование.

* * *

Я стоял недалеко от входа в МЭИ и смотрел вдоль Красноказарменной улицы – и хотя большевики умеют придумывать названия и похлеще, но название этой улицы действительно существовало ещё до революции! – узнавая и не узнавая окрестности...

Некоторые здания я видел памятью из Старого мира, некоторые – мне были незнакомы совсем. Всё-таки Москва лета 1941 года – это далеко не тот город, из 2014-го.

«Мерседес» с Машей – невзирая на её протесты и чуть ли не снова слёзы – я отпустил, сославшись на то, что хочу посмотреть на Москву, так сказать, изнутри – без помощников-гидов и прочего официоза.

Ну имеет право некий взбалмошный миллиардер на маленькую прихоть!

Окончательно Машу добились-убедили мои слегка издевательские слова о том, что неужели в столице страны победившего социализма я не смогу найти таксомотор, или что меня ограбят по дороге.

– У нас в Москве, в отличие от ваших Европ и Америк – не грабят! – зло фыркнула девушка и недовольно забралась на заднее сиденье автомобиля.

[379] *Несколько упрощённая цитата из Эрнеста Хемингуэя, роман «Иметь и не иметь», 1937 год.*

«Мерседес» тут же умчался куда-то по улице, тронувшись с места с визгом покрышек – видимо, шофёр, услышав наш разговор, тоже разделял негодование моего временного гида. Ну и чёрт с ними...

Почему я не поехал сразу после митинга в гостиницу, к Саше с детьми?

Да просто...

Просто мне захотелось побыть одному, вдохнуть запах московских улиц, и...

Подвести некие итоги...

Да что там говорить: всё-таки все плюсы от моего вмешательства в историю Нового мира явно перевешивают такие же минусы...

Да – ошибок я совершил намеренно, да – многое можно и нужно было делать по-другому, но...

Я – не Бог, и предвидеть дальнейшее развитие событий в том, теперь уже далёком 1926-м году в принципе не мог!

Мог бы сделать лучше?

Безусловно!

Но, что выросло – то выросло!

Хотя и «выросло» довольно-таки не мало...

Внедрение новых технологий, научных открытий и систем управления экономикой и бизнесом на много лет раньше, чем в Старом мире – я за серьёзный плюс даже не считаю. Это – приятное дополнение к моей деятельности, не более. Хотя дать серьёзный пинок под зад прогрессу – повод и для гордости, и для чувства «глубокого удовлетворения».

А вот главное...

Второй мировой войны в этом мире не случилось: десятки миллионов человеческих жизней – мой самый главный плюс!

Германия здесь – вполне адекватная страна, без загибов про «жизненное пространство на Востоке». Да и экономически развивается довольно успешно, а социальные преобразования Аденауэр проводит «со страшной силой», считая, что ведёт страну по пути социализма, но без коммунизма. Это он так считает – ну-ну...

В СССР, как я вижу, большевистский режим серьёзно «по-слабил вожжи». У «руля» в стране – более-менее нормальные

хозяйственники, а не оголтелые коммуняки с «мировым пожаром» в башке. Всё-таки экономика – на достаточно длительном отрезке времени – поглавной любой идеологии будет!

Репрессии и преследования «за идею» если и существуют, то протекают как-то вяло, не с той энергией, как при Сталине. Хотя народ в открытую ещё побаивается «шуметь и возмущаться» – страх ещё долго будет жить в головах людей.

Да и, собственно, идея коммунизма в СССР доживает, может быть, не последние годы, но десятилетия – точно! Вымрут «партийные динозавры», суперидейные большевики-коммунисты, не станет фанатиков лозунга «... разрушим до основания, а затем...» – и всё!

Размоется-рассосётся искусственная коммунистическая идея в нормальных человеческих ценностях, мысли о которых уже бродят в незашоренных мозгах молодого поколения, не изведавшего жуткого пресса оболванивания людей сразу после революции, не знавших страха Соловков, Лубянки и прочих ужасов раннего большевистского режима.

А ещё...

Перед моим мысленным взором стояла картина переполненного студентами зала на митинге. И в глазах этих молодых ребят – как это ни пафосно звучит – я видел будущее, будущее великой России.

Я потряс головой, словно прогоняя наваждение мыслей и воспоминаний...

«Чёрт побери! А ведь жизнь – продолжается! И в этом, Новом мире я уже привык жить. В этом мире, слава богу, у меня есть Саша и дети – что ещё нужно для счастья? Этот мир – мой, и другого у меня – не будет! Да и... Не надо!», – подумал я, а вслух сказал, почти прокричал:

– Эй, мир! Ты уже прогнулся под меня – прогнётся и ещё много раз! И хотя сделано много – но сколько ещё предстоит!

КОНЕЦ ТРИЛОГИИ

© Павел Дмитриев.

Екатеринбург – Рига. 2016 – 2020.

ГЛОССАРИЙ

Слова, термины и выражения, не нашедшие отображения в сносках

1. «Berliner Tageblatt» – ежедневная газета, выходившая в Берлине в 1872–1939 годах.

2. «Dow» – индекс Доу-Джонса, в основном рассчитывается как среднее арифметическое цен на акции охваченных компаний рынка.

3. «General Electric» – многопрофильная американская компания основана в 1878 году изобретателем Томасом Эдисоном. Существует по сегодняшний день.

4. «Pornotube» – интернет-ресурс, на который выкладывают видео-, фото- и другие материалы порнографического характера.

5. «Wertheim» – название магазина в Германии.

6. «Однорукий бандит» – это игровой автомат, который работает по принципу вращающегося барабана. Цель игры – это после брошенной ставки в монетоприёмник крутить барабан, нажимая на кнопку или дёргая рычаг, который и приводит в действие механизм игрового автомата. Чем лучше выпадет игровая комбинация – тем больше выигрыш получит игрок.

7. «Фейсбук» – самая популярная и большая социальная сеть в мире Интернета.

8. «Форекс» – рынок межбанковского обмена валюты по свободным ценам (котировка формируется без ограничений или фиксированных значений).

9. Bitte – пожалуйста. (нем.).

10. Guten Morgen – доброе утро. (нем.).

11. Noblesse oblige – французский фразеологизм, буквально означающий: «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл – «положение обязывает».

12. Reisepass – общегражданский заграничный паспорт Германии в 30-х годах.

13. Skijoring – скийоринг сейчас известен, как катание на лыжах за мотоциклом, но популярностью не пользуется. Однако в 1928 году этот вид спорта был включён в программу Олимпийских игр – как демонстрационная дисциплина.

14. Адмирал Шеер уже «разлил масло» – отсылка к роману Булгакова «Мастер и Маргарита». Там фраза «Аннушка уже разлила масло...» символизирует неизбежность наступления неких роковых и трагических событий.

15. Аллклюзив, оллклюзив – здесь: русизм английского выражения «all inclusive» – всё включено.

16. Анорексия – синдром, заключающийся в полном отсутствии аппетита при объективной потребности.

17. Бандерлоги – изначально бандерлогами называли вымышленный обезьяний народ из произведения английского писателя Редьярда Киплинга «Книга джунглей». Сейчас – нарицательное название.

18. Бармаглот – несуществующее в природе существо, выведенное Люисом Кэрроллом в одноимённом стихотворении из повести-сказки «Алиса в Зазеркалье».

19. Бартелби и Локи из «Догмы – два падших ангела из американского фильма режиссёра Кевина Смита.

20. Вайсбир – светлое пшеничное пиво родом из Германии.

21. Венчурная филантропия – это прямые инвестиции бизнеса в благотворительность.

22. Второе правило Кирхгофа – применяется для упрощения расчётов параметров сложных разветвлённых цепей постоянного тока. Уравнения Максвелла – система уравнений в дифференциальной или интегральной форме, описывающих электромагнитное поле и его связь с электрическими зарядами и токами в вакууме и сплошных средах.

23. Выпукляющего вузирование – некий набор букв, абра-кадабра, нелепица.

24. ГУК УПИ – это главный учебный корпус Уральского политехнического института.

25. Дайджест – информационный продукт, содержащий краткие положения статей, или в котором сжато передаётся содержание интересных публикаций за какой-то период.

26. Девайс – здесь: самостоятельный аппарат или прибор.
27. Демьянбедновская агитка – Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883-1945 гг.) – советский поэт, писатель, публицист и общественный деятель. Писал посредственные стихи на злобу дня, которые как бы агитировали за большевиков.
28. Джаз Уитерса – гастрольи этого американского негритянского джазового коллектива состоялись в начале 1926 года, в составе которого был нью-орлеанский саксофонист Сидней Беше.
29. Дредноут – Дредноуты – поколение военных кораблей класса линкор, появившееся в начале XX века. «Дредноут» – английский военный корабль. Спущен на воду в Великобритании в 1906 году.
30. ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество.
31. Интернет-трейдинг – способ доступа к торгам на валютной, фондовой или товарной бирже с использованием Интернета как средства связи.
32. Катана – это одна из разновидностей японских мечей, со слегка изогнутым лезвием и длиной более шестидесяти сантиметров.
33. КПК – Коммунистическая партия Китая.
34. Краском – сокращение: красный командир.
35. Латифундия – землевладение, занимающее большую площадь.
36. Лойер (от англ. Lawyer) юрист, совмещающий функции юриста-консультанта, адвоката и нотариуса.
37. Луминизм – одно из художественных направлений в живописи постимпрессионизма, в котором особое внимание уделяется отображению световых эффектов.
38. Мантра – религиозная мысль, молитва, священное высказывание.
39. Мессенджер – программа, мобильное приложение или веб-сервис для мгновенного обмена сообщениями в Интернете.
40. МЖМ-коммуна, мужчина-женщина-мужчина – здесь: коммуна, где практикуется вступление в половую связь трёх человек – двое мужчин и одна женщина.

41. Миссия в «Counter-Strike» – задание в одноимённой компьютерной игре, выполнив которое, персонаж игрока или его группа получает награду.

42. Мишка Гамми – «Приключения мишек Гамми». Американский мультсериал, который повествует о приключениях сказочных медведей Гамми, которые тайно от людей живут в лесу неподалёку от королевства Данвин.

43. Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения СССР.

44. Наркомзем – Народный Комиссариат Земледелия СССР организован 7 декабря 1929 года.

45. Невежественные эпигоны – малообразованные последователи какого-либо научного, политического или художественного направления в творчестве, лишённые самостоятельности и оригинальности.

46. НЭП – Новая Экономическая Политика.

47. Общество фронтовиков-галлиполийцев – русская воинская организация, созданная 22 ноября 1921 года чинами 1-го Армейского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля, расквартированными в турецком городе Галлиполи. Входило в состав Русского Обще-Воинского союза (РОВС).

48. Овал с буквами «АМО» – Автомобильное Московское Общество.

49. Отомстили Детройту за Мидуэй... – морское сражение Второй мировой войны у атолла Мидуэй на Тихом океане, произошедшее в июне 1942 года. Решительная победа флота США над Объединённым флотом Японии.

50. Перфоманс, перформанс – здесь: всевозможные публичные акции.

51. Пикейножилетные толковища – Пикейные жилеты – обыватели, любящие с видом знатоков рассуждать о глобальных проблемах. Выражение происходит из произведения Ильфа и Петрова «Золотой Телёнок».

52. Пиксел – это наименьшая единица растрового изображения, получаемого с помощью графических систем вывода информации (в основном – на мониторе компьютера).

53. Пиролизные газы – получают в процессе термохимических превращений твёрдого топлива при горении без доступа воздуха или в процессе горения при недостатке воздуха.

54. Подведём базис под надстройку... – Из основ исторического материализма К. Маркса. Базис – способ производства материальных благ и соответствующая ему структура классов, которые составляют экономическую основу общества. Надстройка – совокупность институтов общества (политических, правовых, религиозных), его идеологии (нравственных, эстетических, философских, теологических воззрений), служащих господствующему классу общества.

55. Преподаватель ТОЭ – преподаватель теоретических основ электротехники.

56. Принкипо – турецкий остров, на котором жил Л. Д. Троцкий.

57. ПТУР – Противотанковая Управляемая Ракета.

58. Рейтинги от «Big Three» – уровень популярности на бирже от тройки самых известных агентств – «Standard & Poor's», «Moody's» и «Fitch Group».

59. РОВС – Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) был основан в зарубежье в 1924 г. генералом П. Н. Врангелем из остатков белых армий.

60. Серпастая и молоткастая книжица – отсылка к стихотворению В. Маяковского «Стихи о советском паспорте» (1929 год). Там он так называет советский паспорт.

61. Скилл – умение или мастерство. (геймерский жаргон).

62. Совбур – сокращение: советский буржуа. Разговорное название предпринимателей в Советской России и СССР в период нэпа.

63. Стартап – новый коммерческий проект, который создаётся с целью получения прибыли от бизнеса после его успешного развития.

64. Сублимировать – вкладывать скопившуюся энергию в творчество, созидание, позитивную деятельность.

65. Триллер Хичкока – фильмы ужасов английского режиссёра Альфреда Джозефа Хичкока.

66. Трубоч Скоморовский – российский джазовый трубач, руководитель ленинградского джаз-оркестра 1930-х гг.

67. Турецкий крейсер «Гебен» – германский линейный крейсер типа «Мольтке» времён Первой мировой войны. Был формально включён в состав турецкого флота в 1914 году под именем «Yavuz Sultan Selim».

68. Тьма египетская – в Библии темнота, составлявшая одну из египетских казней и бывшая осязаемой.

69. Фейковый – ненастоящий, поддельный, фальшивый. (совр. жарг.).

70. Фейл – слово, которое в Интернете заменяет собственно слово «неудача». Так же данным словом можно описать какой-либо казус.

71. Франкенштейн – одно из главных действующих лиц романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818 год). Сейчас – нарицательное имя для монстра, чудовища.

72. Хайтек – здесь: высокие технологии.

73. Хостел – в Европе: комнаты для проживания на несколько человек с общим душем, туалетом и кухней.

74. Царь Леонид – Царь Спарты, правивший в 491-480 годах до н. э. Известен лаконичный ответ царя Леонида на предложение сложить оружие в обмен на жизнь: «Придите и возьмите».

75. Черепа Йорика – Йорик – персонаж пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет», королевский шут. Его череп находит могильщик в 5 акте трагедии. Видя останки Йорика, Гамлет произносит монолог, начинающийся со слов: «Бедный Йорик! Я знал его, Горацио...».

76. Чеширская гримаса – отсылка к Чеширскому коту из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Постоянно улыбающийся кот.

77. Ютландская попытка Hochseeflotte прорвать блокаду Grand Fleet – крупнейшее морское сражение Первой мировой войны, в котором сошлись германский и британский флоты. Произошло в Северном море близ датского полуострова Ютландия. Победителя явно не выявило.

78. Янки из Коннектикута – «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» – роман Марка Твена, впервые опубликованный в 1889 году. Это одно из первых описаний путешествий во времени в литературе.